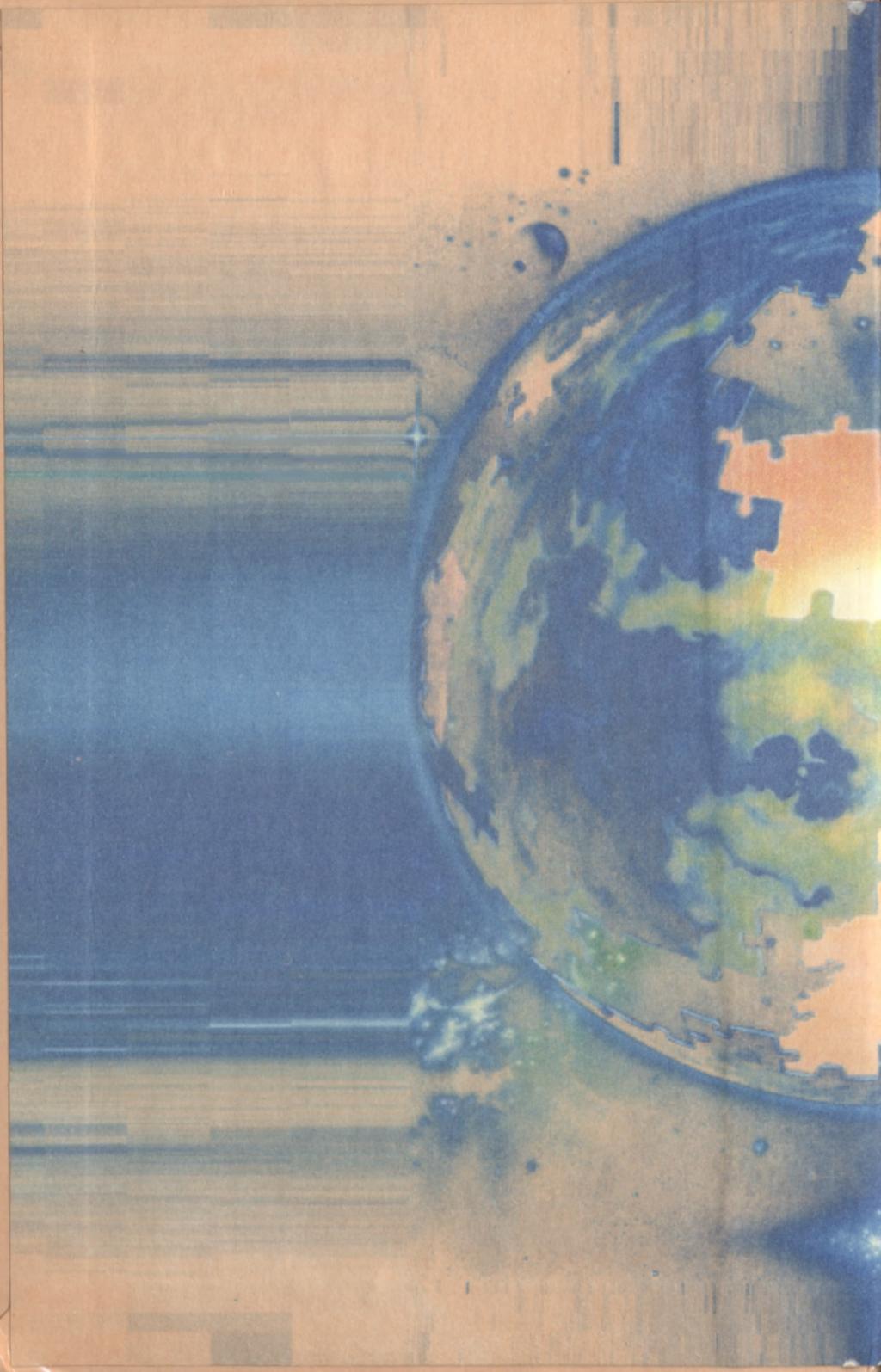
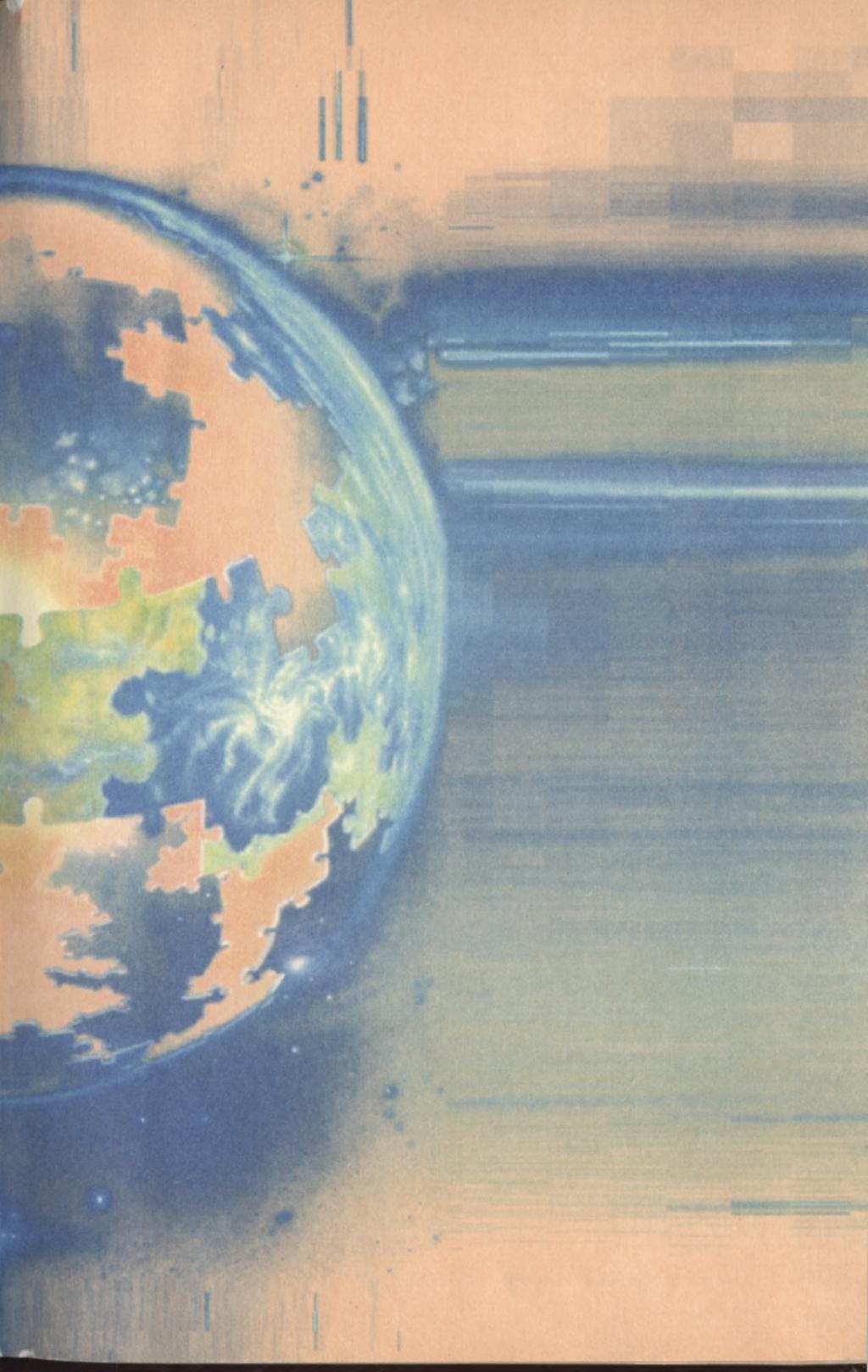

МИРЫ
ПОЛА
АНДЕРСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume eleven

**THE POLESOTECHNIC
LEAGUE**

SHORT STORIES

WAR OF THE WING-MEN

**«POLARIS» PUBLISHERS
1996**

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том одиннадцатый

**ТОРГОВО-ТЕХНИЧЕСКАЯ
ЛИГА**

**РАССКАЗЫ
ВОЙНА КРЫЛАТЫХ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996**

**Миры Пола Андерсона. Т 11 / Пер. с англ — Рига:
Полярис, 1996 — 366 с.**

Собранными в этом томе рассказами открывается самый грандиозный цикл в мировой научной фантастике, охватывающий пять тысячелетий истории будущего, — «Техническая цивилизация». Колонизированные эсмлянами миры объединяет Торгово-техническая Лига, историю взлата и падения которой прослуживает Пол Андерсон

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1996

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

ISBN 5-88132-169-3

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

• ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ •

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас за интерес к нашим книгам и поздравляет с удачным вложением денег.

В каждом томе «Миров Пола Андерсона» (кроме последнего)

вы найдете аналогичный призовой купон.

Мы рекомендуем сохранить эти купоны до окончания выхода в свет всего собрания фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что...

Внимание!!!

Потому что читатели, которые вышлют нам

29 разных купонов (по одному из каждого тома),

получат последний том «Миров Пола Андерсона»

БЕСПЛАТНО!

Каждому, кто соберет и вышлет

в адрес издательства 29 призовых купонов,

мы гарантируем получение по почте бесплатно

последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тай — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»	Терранская империя — 5 «Игра империи» «Камень в небесах»	18
4	«Челн на миллион лет»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
5	«Враждебные звезды» «После судного дня» «Ущелец»	«Звездные нивы»	20
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция "Хаос"» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в летнюю ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрольфе Жердинке» «Дети морского царя»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственница»	27
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести	«Аватара»	28
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Минман Флэндри»	Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	30

*В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.*

От издательства

С одиннадцатого тома собрания сочинений Пола Андерсона начинается самый известный сериал одного из классиков «жесткой» научной фантастики — «Техническая цивилизация», описывающий пять тысячелетий вымышленной «истории будущего».

По признанию самого Андерсона, цикл явно распадается на две части. Первая — «Торгово-техническая Лига» — описывает первые столетия освоения Галактики, общество стремительно расширяющееся, растущее, захватывающее все новые плацдармы. Вторая — «Терранская империя» — переходит к событиям, происходящим почти тысячу лет спустя, когда сфера вокруг Солнца радиусом в четыреста световых лет оказывается объединена под властью Империи, вынужденной бороться за существование с агрессивным соседом Мерсейей. И завершают цикл повести, описывающие мир после распада Империи, повлекшего за собой Долгую Ночь галактической цивилизации.

Составленная Сандрой Мизель, известным исследователем научной фантастики вообще и творчества Пола Андерсона — в особенности, хронология Технической цивилизации послужила основой составления посвященных сериалу томов собрания. Поэтому в данный том были включены рассказы, действие которых происходит с начала Века освоения по 2427 год (рассказ «Исав»).

Главными героями «Торгово-технической Лиги» являются Николас ван Рийн и Дэвид Фолкейн — звездные торговцы, один — хозяин компании «Солнечные пряности и напитки», второй — служащий этой компании. Задачи, которые им приходится решать (а, несмотря на атрибутику «космической оперы», «Торгово-техническая Лига» отнюдь не относится к этому чисто развлекательному направлению), и составляют сюжетную основу цикла. Большинство рассказов цикла — это фантастические детективы, в которых место запутанного убийства заменяет вполне практическая но, на первый взгляд, абсолютно неразрешимая задача — скажем, как «потодить» конкурента, решившего избавиться от своих проблем с помощью грубой силы, или как выжить на враждебной планете, оказавшись между двух воюющих групп аборигенов. Причем автор, скрупулезно следя канонам детективного жанра, прячет разгадку на самом виду, чтобы главный герой в finale мог с торжеством преподнести ее читателю. Объединяет эти произведения и еще одно — твердое убеждение автора в

конечном превосходстве свободного предпринимательства. Либертарианец Андерсон строит общество Торгово-технической Лиги согласно своим представлениям о светлом будущем, и хотя оно оказывается не всегда таким уж светлым, убежденность автора передается и нам. Видимо, в этом и кроется причина стойкой популярности сериала у поклонников фантастики, несмотря на то что многие детали созданного Полом Андерсоном тридцать лет назад мира кажутся устаревшими или невероятными. Но пока не перевелись люди, не боящиеся рисковать и думать, у Николаса ван Рийна и Дэвида Фолкейна всегда найдутся поклонники — и последователи...

ХРОНОЛОГИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Данная хронология описывает семь тысяч лет «истории будущего», произведения которой Пол Андерсон писал около тридцати лет, постепенно заполняя пробелы в повествовании. Весь цикл, в свою очередь, делится на две части: «Торгово-техническая Лига» (три тома в настоящем собрании сочинений) и «Терранская Империя» (шесть томов). Шестой том отнесен к «Терранской Империи» условно, поскольку входящие в него произведения описывают события уже после ее распада, но действие тем не менее происходит в той же «Вселенной будущего».

В хронологии приводятся наиболее распространенные названия оригинальных произведений, ссылка на первую оригинальную публикацию и (в квадратных скобках) русское название того же произведения, под которым оно будет опубликовано в данном собрании. Поскольку на момент подготовки этого тома к печати еще не все произведения цикла были переведены, русские названия в последних томах могут отличаться от приведенных ниже.

Дата	Событие и произведение
XXI в.	столетие возрождения
XXII в.	межзвездные экспедиции, Прорыв, формирование Содружества
2150	Wings of Victory: Analog Science Fiction (далее ASF), April 1972 [Крылья победы]
XXIII в.	основание Торгово-технической Лиги
XXIV в.	The Problem of Pain: Fantasy and Science Fiction (далее F&SF), February 1973 [Проблема боли]
2376	родился Николас ван Рийн
2400	совет на Гайавате
2406	родился Дэвид Фолкейн

Дата	Событие и произведение
2416	Margin of Profit: ASF, September 1956 [Маржа прибыли] How to be Ethnic in One Easy Lesson. в сб. Future Quest, ed by Roger Elwood. Avon Books, 1974 [Небольшой урок расового самосознания]
2426	Three-Cornered Wheel: ASF, October 1963 [Треугольное колесо] A Sun Invisible: ASF, April 1966 [Невидимое солнце] War of the Wing-Men. Ace Books, 1958. Под назв. The Man Who Counts: ASF, February—April 1958 [Война крылатых] Birthright: ASF, February 1970 [Исав]
2427	Hiding Place: ASF, March 1961 [Игра в прятки] Territory: ASF, June 1963 [Территория] The Trouble Twisters. Под назв. Trader Team: ASF, July—August 1965 [Возмутители спокойствия]
2433	Day of Burning. Под назв. Supernova: ASF, January 1967 [День гнева] The Master Key: ASF, July 1964 [Ключевое условие]
2437	Satan's World. Doubleday, 1969. То же: ASF, May—August 1968 [Сатанинские игры] A Little Knowledge: ASF, August 1971 [Мелкая подробность] The Season of Forgiveness: Boy's Life, December 1973 [Время прощать]
2446	Lodestar. В сб. Astounding: The John W Campbell Memorial Anthology. Ed. by Harry Harrison. Random House, 1973 [Путеводная звезда]
2456 конец XXV в.	Mirkheim. G.P. Putnam's Sons, 1977 [Обитель мрака] колонизация Авалона
XXVI в	Wingless on Avalon: Boy's Life, July 1973 [Бескрылый] Rescue on Avalon. В сб. Children of Infinity Ed. by Roger Elwood. Franklin Watts, 1973 [Спасение на Авалоне] Постепенный распад Торгово-технической Лиги
XXVII в.	Смутное Время

Дата	Событие и произведение
	The Star Plunderer: Planet Stories (далее PS), September 1952 [Героическая личность]
XXVIII в.	Основание Терранской Империи. Начало фазы Принципата
	Sargasso of Lost Starships: PS , January 1952
XXIX в.	The People of the Wind . New American Library, 1973. То же: ASF, February—April 1973 [Дети ветра]
XXX в.	Альфзарский договор
3000	родился Доминик-Флэндри
3019	Ensign Flandry . Chilton, 1966. Сокр.: Amazing (далее Amz), October 1966 [Мичман Флэндри]
3021	A Circus of Hell . New American Library, 1970 (включает The White King's War: Galaxy (далее Gal), October 1969) [Все круги ада]
3022	Джосип становится императором после Георгиоса
3025	The Rebel Worlds . New American Library, 1969 [Восставшие миры]
3027	Outpost of Empire: Gal , December 1967
3028	The Day of Their Return . Doubleday, 1973 [День, когда они возвратились]
3032	Tiger by the Tail: PS , January 1951 [К тигру в клетку]
3033	Honorable Enemies : Future Combined with Science Fiction Stories, May 1951 [Честные враги]
3035	The Game of Glory : Venture, March 1958 [Ловушка чести]
3037	A Message in Secret . Под назв. Mayday Orbit. Ace Books, 1961. Сокр.: A Message in Secret: Fantastic, December 1959 [По секрету всему свету]
3038	A Plague of Masters : Fantastic, December 1960—January 1961. Под назв.: Earthman, Go Home. Ace Books, 1961 [Бич властителей]
3040	A Handful of Stars . Сокр.: Amz, June 1959. Под назв.: We Claim These Stars! Ace Books, 1959 [Охотники из Небесной Пещеры]
3041	Молитор наследует императорский трон у Джосипа после краткой гражданской войны, хитростью свергнув законного наследника
3042	Warriors From Nowhere . Под назв.: Ambassadors of Flesh: PS, Summer 1954 [Воины из ниоткуда]

Дата	Событие и произведение
3047	A Knight of Ghosts and Shadows: IF, September—December 1974. То же: New American Library, 1975 [Рыцарь призраков и теней]
конец XXXI в.	The Game of Empire. Baen Books, 1985 [Игра Империи]
	A Stone in Heaven. Ace Books, 1979 [Камень в небесах]
начало 4-го тысяче- летия	Междударствие
	Фаза Домината. Падение Терранской Империи
сере- дина 4-го тысяче- летия	Долгая Ночь
3600	A Tragedy of Errors: Gal, February 1968
3900	The Night Face. Ace Books, 1978. Под назв.: Let the Spaceman Beware! Ace Books, 1963 (по сокр. версии A Twelvemonth and a Day: Fantastic Universe, January 1960 [Ночной лик])
4000	The Sharing of Flesh: Gal, December 1968 [Возмездие Эвэлит]
7100	Starfog: ASF, August 1967 [Звездный туман]

РАССКАЗЫ

КРЫЛЬЯ ПОБЕДЫ

Шла Великая Разведка; наш корабль — один из многих, в ней участвовавших, — исследовал окрестности двух огромных светил — альфы и беты Южного Креста. Если смотреть с Земли, мы находились в созвездии Волка, но какая там Земля? Солнце давно превратилось в крохотную, неприметную искорку, а теперь — на расстоянии в двести семьдесят восемь световых лет — и вовсе исчезло; сверкавшие в бездонной черноте космоса звезды располагались странными, непривычными узорами.

За эти три года мы очень устали, не обошлось и без потерь. Нет, мы не утратили способности удивляться — разве может она исчезнуть, когда перед тобой раз за разом открываются все новые и новейшие миры? Но нам встречалось их так много, иногда они были восхитительны, иногда — ужасны, а чаще всего — и то и другое одновременно (наша Земля — она ведь тоже такая), и не было среди них даже двух, похожих друг на друга, и все они были загадочны. Их образы расплывались, путались и смешивались.

И все же открытие новой, разумной расы обязательно вызывало радость, радость, по правде говоря, большую, чем при открытии новой планеты, пригодной для колонизации. К моменту, о котором я рассказываю, Али Хамид год уже как погиб от укуса ядовитой твари, а Мануэль Гонсалвес не успел еще залечить проломленный череп — на последней нашей стоянке некий излишне темпераментный абориген приласкал его дубиной. Так вот и вышло, что главным нашим ксенологом оказался Вон Уэннер, с которым и связаны все последующие неприятности.

Он их, конечно же, не хотел, да и кому же такого захочется? Вселенная сконструирована без особой заботы об удобствах человека, в ней быстро научаешься ходить на цыпочках — либо отправляешься в иной, лучший мир, третьего не дано. Мы

подошли к этой последней звезде потому, что нас буквально манил каждый карлик G-типа. Однако мы не вставали на орбиту вокруг планеты, наиболее похожей на Землю, пока нейтринный анализ не подтвердил, что эта система еще незнакома с атомной энергией. И, лишь исчерпав до дна все возможности своей аппаратуры, мы послали на посадку первый беспилотный зонд.

Звезда принадлежала к типу G9, имела золотистый оттенок и светимость примерно в половину солнечной. Планета, нас заинтересовавшая, располагалась достаточно близко к своему светилу и получала примерно столько же лучистой энергии, что и Земля. Она была чуть поменьше Земли, имела поверхностную силу тяжести в три четверти земной, а также более разреженную и сухую, чем у нас, атмосферу. Однако воздух этот был вполне пригоден для дыхания, а аэросъемка выявила водные бассейны, которые заслуживали — правда, с некоторой натяжкой — названия океанов. Очень красиво выглядел этот шар, вращавшийся на фоне усыпанной звездами черноты, — синий, желтовато-зеленый, ржаво-коричневый, окутанный белыми облаками. Вокруг него неустанно кружили две маленькие луны.

Биопробы показали, что химические основы здешней жизни такие же, как и у нас. Ни один из собранных и высеваемых микроорганизмов не представлял собой какой-либо необыкновенной угрозы, с которой не смогут совладать самые обычные предосторожности и имеющиеся у нас лекарства. На снимках с малой высоты виднелись леса, озера, широкие равнины, уходящие к подножиям гор. Мы прямо зудели желанием прогуляться по этому миру.

Только вот туземцы...

Не забывайте, насколько новая штука — гипердрайв и насколько огромна Вселенная. Организаторы Великой Разведки обладали достаточным количеством здравого смысла и не воображали, будто немногие близкие к Земле системы, кое-как наами изученные, дают материал, достаточный для формулировки серьезной доктрины. Наша служба имела один-единственный закон, заключавшийся в гордом лозунге: «Мы пришли, как друзья». В остальном каждая команда получала полное право разрабатывать собственную свою систему процедур. Ну а через пять лет выжившие встретятся и поделятся опытом.

Мы, на «Ольге», придерживались решения капитана Грея — не беспокоить софонтов* до времени видом нашей техники. На сколько это, конечно, возможно. Мы старались направлять свои зонды в необитаемые районы. После посадки мы не прятались, а

* От греческого «софос» — мудрый, умный, искусный — разумное существо. Фактически то же самое, что идущее от латыни «сапиент», но последнее слово очень уж вросло в сочетание «гомо сапиенс». (Здесь и далее примеч. пер.)

выходили к туземцам открыто. В конце концов, форма тела значит гораздо меньше, чем форма заключенного в этом теле разума. Такое вот было у нас кредо.

Само собой, мы учли все данные, полученные с орбиты, и при более близких, вплоть до верхних слоев атмосферы, обледеных планеты. Не слишком-то информативные из-за большой высоты, наши снимки все же показали наличие на двух континентах нескольких небольших городов — если можно назвать этим словом кучки зданий без всяких там оборонительных стен и даже без настоящих улиц, совершенно теряющиеся в беспредельных, почти ненаселенных просторах. И располагались эти города обязательно рядом с примитивными шахтами. По нашему впечатлению, здешние культуры варьировались очень широко — от каменного века до железного. И каждый раз кроме маленьких этих общин отмечались поселения из одного или очень немногих зданий, стоящие совершенно отдельно; никогда не ближе десятка километров друг от друга, а чаще всего — еще более уединенные.

— Скорее всего плотоядные, — сказал Уэбнер. — Примитивные экономики базируются на охоте, рыболовстве и собирательстве, сельское хозяйство — признак более высокого развития. Обширные пространства, выглядящие обработанными, скорее всего, просто обеспечивают кормом дичь, они не похожи на настоящие фермы. Должен признаться, — он задумчиво подергал себя за подбородок, — для меня остается загадкой, каким образом цивилизованные — ну, заменим это слово на «металлургические» — существа — каким образом они все это организовывают. Такой уровень технологии нуждается в торговле, связи, быстрым обмене идеями. А если я верно разобрался в этих снимках, дороги практически отсутствуют. Так, кое-какие грунтовые тропы между городами и шахтами, иногда — к немногочисленным гаваням, где стоят корабли и баржи. Ничего не понимаю, ведь водного транспорта явно недостаточно.

— А может, выночные животные? — предположил я.

— Медленно это все, — покачал головой Уэбнер. — Чересчур медленно. Откуда возьмется прогрессивная культура, если немногим индивидуумам, способным оригинально мыслить, нужны месяцы, чтобы хоть как-то пообщаться? Так они, скорее всего, никогда друг о друге не узнают.

На какой-то момент с ксенолога слетел весь обычный его педантизм.

— Ну что ж, — сказал он. — Поживем — увидим.

Величайшая сентенция, какую только можно придумать — вне зависимости от используемого языка.

На первоначальный контакт мы всегда высыпали трех человек, минимальную группу, способную справиться с такой работой. Чтобы — в случае чего — и потери были минимальные. На этот раз троица состояла из Уэбнера, ксенолога, Арама Турекяна, пилота, и Юкико Сачанской, стрелка. Приставлять к оружию женщину — это тоже одна из идей Грея. По его мнению, они превосходят мужчин в искусстве наблюдать и ждать, а также не столь охотно открывают пальбу при первом же опасении.

Место мы выбрали в металлургическом районе, хотя и не в городе — зачем усложнять себе все без особой к тому необходимости? Располагалось оно на неровной, изрезанной возвышенности, на многие километры поросшей непролазным лесом. К северу круто вздымался горный склон — снизу лес, затем, выше пояса растительности — голые скалы и, наконец — венчающий их ледник. На юге возвышенность спускалась к огромному плато, где на открытой местности стада животных щипали какие-то красноватые подобия травы и кустов. Домашние это животные или дикие — судить было трудно. И в том и в другом случае туземцам явно приходилось много заниматься охотой.

— А может, потому они и живут такими редкими поселениями, — предположила Юкико. — Для обеспечения питанием каждого индивидуума требуется очень большая площадь.

— Если так, они должны иметь очень ярко выраженный инстинкт защиты территории, — сказал Уэбнер. — Так что не отвлекайся от своих пушек.

Нам не запрещалось защищаться в случае нападения — даже спровоцированного нашими собственными промахами. Однако девушка поморщилась, что заметил оглянувшийся через плечо Турекян. Ее недовольство и беспалляционность тона Уэбнера заставили пилота вспыхнуть.

— А ты бы, Вон, стих малость, — прорычал он.

Костлявое, долговязое тело Уэбнера на мгновение закаменело. Затем он повернулся к Турекяну, блеснув проглядывающей сквозь редкие волосы кожей головы.

— Что ты сказал?

— Занимайся своими делами, если ты хоть на это способен.

— Попридержи язык. Возможно, я и действительно впервые возглавляю группу, но как бы там ни было, я...

— Это когда приземлимся. А пока что мы еще летим.

— Пожалуйста. — Юкико бросила свою турель и умоляющие потрогала обоих мужчин за плечи. — Пожалуйста, не надо ссориться... да еще в такой момент, когда мы на пороге встречи с целым новым миром.

Ну разве тут откажешь? Даже в тяжело нагруженном инструментами комбинезоне она, со своей евразийской миниатюрностью, оставалась самой привлекательной из девушек корабля — что не мешало, кстати, остальным нашим женщинам хорошо к ней относиться. Гонсалвес определял ее как *simpatico*.

Однако успокоились мужчины только внешне. Плохо сочетающаяся пара, они не были, конечно же, врагами — кто же зачислит в экипаж человека, позволяющего себе ненависть? — но и дружеских чувств друг к другу не испытывали никаких. Бывший профессор ксеноологии из университета Океании, Уэннер принадлежал к академическому типу. В молодости он прошел серию великолепных полевых работ, в особенности на Цинтии, по культурам, связанным с торговыми путями, и обычно — находясь под чьим-либо началом — вел себя вполнелично. Теоретик по всему своему складу, с годами он превратился в начетчика, догматика.

Турекян был полной его противоположностью: молодой, плецистый, чернобородый, шумный и безалаберный, он родился на Марсе, в герметическом куполе, и всю свою жизнь провел, шатаясь по самым отдаленным уголкам доступной человеку части Вселенной. Если поверить хоть половине рассказов этого безудержного хвастуна, он являлся самым отчаянным искателем приключений, какого видел свет, а также самым непобедимым драчуном и самым удачливым любовником; однако я выяснил — к немалой своей выгоде, — что в покер он играет далеко не так хорошо, как можно бы заключить из его слов. При всем при том этот способный, легкий в общении, всегда готовый прийти на помощь парень пользовался всеобщей любовью — что, скорее всего, разжигало в несчастном сухаре Уэннера зависть.

— О'кей, — рассмеялся Турекян. — Для тебя, Ю, чего не сделаешь. — Он послал девушке воздушный поцелуй.

Уэннер стих не сразу.

— А что ты имел в виду, говоря: «Занимайся своими делами, если способен хоть на это»? — спросил он с вызовом.

— Ничего он не имел в виду, — голос Юкико звучал почти умоляюще.

— Чуть-чуть побольше, чем ничего, — поправил ее Турекян. — Самую малость побольше. Просто мне хочется, чтобы ты утратил хоть часть уверенности, будто твоя наука непогрешима, разобралась во всех возможных вариантах. Я встречал такие вещи...

— Слышал я эти песенки, слышал, — издевательски ухмыльнулся Уэннер. — В джунглях какого-то там экзотического мира ты видел животных с колесами вместо лап.

— Никогда не говорил ничего подобного. Хотя... хм-м... а ведь здорово придумано, правда?

— Нет. Потому что это — бессмыслица. Ты спросил бы себя, а каким, собственно, образом клетки диска будут получать питание с оси? То же самое касается и...

— Да, да, не спорю. А теперь стихни, пожалуйста. Мне нужно заходить на посадку.

Изображение на носовом экране быстро росло; через броню фюзеляжа проникал рев рассекаемого воздуха, появилась вибрация, от которой по телу шли мурашки. Турекян не любил тратить время зря. Кроме того, медленный спуск давал автохтонам время, чтобы впасть в истерику, что приводит иногда к трагическим последствиям.

Блядевшись повнимательнее, люди рассмотрели дом, стоящий на краю каньона, в глубине которого несла свои серозеленые воды река. Массивное каменное здание с черепичной крышей. И еще три строения, совершенно не похожие на первое, — низкие, длинные, с деревянными стенами и крышами из дерна; все они расположены по сторонам прямоугольного, мощенного каменными плитами двора. Рядом с двором — загон с какими-то четвероногими животными, несколько в отдалении — ряд, по определению Турекяна, здоровенных птичьих клеток. Весь ансамбль стоит посреди небольшого луга, со всех сторон окруженного лесом.

И уйма птиц, или как уж там называть летающую живность, стаи которой заполняли все небо. Особенно крупная пара кружила прямо над — назовем это так — хутором. Увидев снижающийся катер, они резко свернули.

И тут дом словно взорвался. Из его окон вылетели крылатые существа — десятка два, если не больше — самых различных размеров, от крошечных, цеплявшихся за спины взрослых, до огромных, рядом с которыми показались бы маленькими даже давно исчезнувшие с лица Земли кондоры. В сверкании бронзовых перьев, с хлопаньем крыльев, слышным даже внутри катера, они взмыли вверх и унеслись прочь, исчезли за вершинами деревьев.

Люди приземлились в пустом, покинутом обитателями селении.

Сторожко оглядываясь, каждую секунду готовые выхватить оружие, Уэбнер и Турекян шли по новой планете, смыкались с ней, впитывали ее дух.

Первая встреча с незнакомым миром — всегда некоторое потрясение, ведь он отдален от твоего, с детства знакомого не только пространством, но и временем, миллиардами лет. Зачастую требуются минуты, чтобы разобраться в окружающих

тебя формах, настолько они чужды. Сперва их различают только глаза — но не мозг.

В этом мире все напоминало дом. Но и странности были неисчислимые.

Во-первых, тяготение: три четверти от поддерживавшегося на борту корабля. Отсюда — легкая, подпрыгивающая походка, с которой тоже нужно освоиться, причем привыкнуть должны не мышцы, а органы чувств, ими управляющие.

Воздух: вроде земного в горах, на высоте километров двух. (Здесь градиент тяготения был меньше, поэтому и плотность атмосферы меньше падала с высотой.) Хрустальная прозрачность, почти нереальная отчетливость самых далеких предметов, негромкое бормотание прохладного ветерка, шелест ветвей; снизу, из глубины каньона, — звон речного потока. И пахнет совершенно не так — нос не чувствует ни малейших признаков разогретой солнцем смолы и преоющихся на земле листьев, вместо того — непривычная смесь каких-то острых ароматов и гари.

Свет: густо-золотой, отчего все цветовые оттенки становятся богаче, а тени — глубже, чем то, к чему привык глаз; утреннее солнце — в два раза меньше, чем Солнце, на которое смотришь с Земли, — висит в темно-синем, с резкими, тонкими прядями облаков, небе.

Жизнь: птички (?) стаи, с криком кружасицяя высоко в небе, мычание и кудахтанье, доносящееся со стороны загона, бурый ковер, стелющийся под ногами, — упругий, напоминающий скорее мох, чем траву, но в общем-то не похожий ни на первое, ни на второе и украшенный великолепной красоты цветами. Деревья с зелеными, от серебристо-зеленых до темных, листьями и с самой разнообразной — и черной, и серой, и коричневой, и белой — корой (если только это — кора). Вряд ли более необычные, чем, скажем, сосны и гингко, когда их впервые видит уроженец страны дубов и буков, эти деревья были все же странными, неземными. Пролетел рой каких-то мошек, а следом за ними — большой, неторопливо заглатывавший эту мелочь бронзовокрылый «мотылек».

Общее впечатление от пейзажа: великолепное. Лес, за ним и выше — устремленные в небо горные вершины, ослепительный, переливающийся голубизной блеск ледника. Справа круто уходят куда-то вниз розовые, испещренные охряными полосами склоны каньона. Но все внимание приковывало то, что впереди.

Дом поражал своими размерами. «Ну прямо целый замок!» — воскликнул Турекян. Куб с ребром метров двадцать, чьи отвесные стены, сложенные из отлично обработанных гранитных

блоков, вздымались к островерхой крыше. Судя по окнам, в нем было шесть этажей. Сами эти окна — широкие проемы, снабженные деревянными ставнями и кованого железа балконами. Внизу — единственная дверь, огромная и тяжелая. По фасаду тянулся барельеф с изображениями черепов, чего-то, напоминающего охотничьи рожки, и самого разнообразного оружия — тут были и нож, и копье, и меч, и духовая трубка вроде тех, которыми пользовались когда-то примитивные племена на Земле, и лук со стрелами.

Не возникало сомнений, что остальные здания — амбары и сараи, они также были увешаны различными символами охоты. Животные, населявшие загон, смахивали на млекопитающих, хотя, вполне возможно, таковыми и не являлись. Два вида смутно напоминали быков и лошадей, третий — овец. Животные были немногочисленны и явно не могли полностью обеспечивать обитателей дома пищей. В «голубятнях» сидели какие-то орнитоиды размером с добрую индюшку. Незапертые, они находились под наблюдением трех ястребиного вида охранников.

— Сторожевые псы, — сказал Турекян. — А точнее — сторожевые соколы.

Встревоженные появлением людей, хищники нервно кружили над двором.

— А можно я тоже с вами? — прозвучал из рации, укрепленной за ухом Уэбнера, голос Юкико.

— Ты там сиди наготове, — ответил ксенолог. — Нам еще предстоит познакомиться с хозяевами.

— Чего? — недоуменно повернулся к нему Турекян. — Их же тут нет. Увидели нас и дали деру.

— Такие робкие? — с сомнением спросила Юкико. — Азартные охотники — и трусы, как-то не очень это вяжется.

— Ни в коем случае, — уверенно сказал Турекян. — Скорее уж эти ребята весьма драчливы. Вот и взяли себе в голову, что мы — враги, ведь сами-то они никогда не заявляются на чужую землю без приглашения, просто так — только с нехорошими намерениями. Не зная в точности наших сил, они вполне благоразумно удалились. Думаю, их мужчины-бойцы — или кто уж там у них занимается такими делами — вернутся в самое ближайшее время.

— О чём это ты? — спросил Уэбнер.

— Как о чём? — недоуменно моргнул Турекян. — О туземцах. Ты же и сам их видел.

— Эти гигантские орнитоиды? Чушь.

— Как это? Они же вылетели из этого дома прямо у нас под носом.

— Домашние животные. — Черты узкого, костлявого лица Уэбнера сошлись в пренебрежительную усмешку. — Хотя, не буду отрицать, здесь перед нами некоторая загадка.

— Перед нами всегда загадки, — негромко заметила Юкико.

— Верно, — кивнул Уэбнер. — Однако факты и логика помогают разрешить любую из них. Не надо только усложнять нашу задачу надуманными псевдопроблемами. Кем бы они ни были, крылатые существа, улетевшие из дома, не могут быть софонтами. На планете земного типа, вроде этой, разум и способность летать абсолютно несовместимы. — Уэбнер расправил плечи. — Подозреваю, что обитатели дома забаррикадировались, — добавил он. — Нужно подойти поближе и жестами продемонстрировать свое миролюбие.

— Каковые жесты могут быть неправильно истолкованы, — с сомнением сказал Турекян. — А стрела или дротик убивают ничуть не хуже, чем бластер.

— Прикрой нас, Юкико, — скомандовал Уэбнер. — А ты, Арам, иди следом за мной. Если не совсем еще перетрусил.

Сопровождаемый озабоченным взглядом девушки, он двинулся вперед. Турекян тихо выругался и поспешил следом.

Двое исследователей почти подошли уже к двери, когда их накрыла тень. Они резко развернулись и подняли головы; в наушниках отозвался судорожный вздох Юкико.

В небе парил один из орнитоидов. Пробиваясь через крайние перья огромных его крыльев, солнечные лучи окрашивали их золотом, в остальном силуэт был темным, как грозовая туча. Второй такой же гигант круто пикировал с надветренной стороны.

Зрелище было устрашающим, лишь значительно позже люди осознали его величественность. Размах крыльев этих существ — около шести метров, впереди — пасть, полная белых острых клыков. Две ноги — длиной, а пожалуй, и толщиной с мужскую руку — оканчивались изогнутыми когтями, когти росли и около сгибов крыльев, взмах за мощным взмахом бросавших эти существа вперед с буквально пушечной скоростью. Воздух наполнился свистом и громом.

В руках мужчин мгновенно оказалось оружие. «Не стреляйте!» — словно откуда-то очень издалека донесся крик Юкико.

Великолепное чудовище было уже совсем рядом; бластер Уэбнера плеснул огненным лучом. Почти в тот же самый момент существо затормозило — резкий поворот крыльев, хлопающий звук, в лица людей ударили порыв ветра — и бросилось назад, вверх, на какие-то два метра не достигнув цели.

В мозгу Турекяна с отчетливостью гравюры запечатлелась картина, которую он будет потом рассматривать снова и снова. Атакующий явно был теплокровным, но, несмотря на перья,

столь же явно не был птицей. Под мощной шеей выступала килевая кость, напоминающая форштевень корабля. Голова с тупым, коротким носом и без ушных раковин; наиболее фантастическим показался Турекяну рот этого хищника, рот с самыми настоящими губами. Язык и небо имели красноватый цвет. И два огромных золотых глаза, в которых стояла испепеляющая ненависть. По спине — гребень жестких, белых с черными кончиками перьев, — несомненно, управляющая плоскость, а за одно — защита объемистого, выпирающего назад черепа. Хвост — веерообразный, той же самой бело-черной расцветки. Темно-красное тело; голые кожистые ноги, и когти на них — желтые.

Выстрел Уэбнера угодил в маховые перья левого крыла, за яркой вспышкой последовало облачко дыма. Издав оглушительный визг, существо накренилось, развернулось и бросилось назад. Повреждение, похоже, не было особенно серьезным и не причинило боли, но теперь левое крыло могло работать лишь впол силы.

Турекян успел заметить три параллельные щели, тянувшиеся вдоль тела, он даже успел подумать, что на другом боку должны быть еще три такие же; все это странным образом напоминало жабры. Еще он увидел, как при взмахе крыльев щели широко распахнулись — словно три пасти зевнули одновременно — и снова захлопнулись, когда крылья пошли вниз.

Затем Турекян бросился на Уэбнера.

— Брось эту штуку, придурок, — заорал он, вцепившись в правую руку ксенолога; после недолгой борьбы пальцы, сжимавшие оружие, разжались. Тем временем раненый, потерявшую скорость орнитоид присоединился к своему товарищу, и они полетели прочь.

— Что ты делаешь? — Уэбнер попытался схватить Турекяна, но тут же упал от сильного, даже жестокого, толчка. Пилот вскинул свой увеличитель, однако орнитоиды уже скрылись за вершинами деревьев.

— Поздно, слишком поздно, — почти простонал он, выпускавший прибор из рук. — И все по твоей милости.

Поднявшийся на ноги Уэбнер буквально трясясь от ярости, его лицо побелело.

— Ты что, — выкрикнул он, задыхаясь, — совсем стейзенбергился*? Ведь я — твой командир!

* Придуманное автором слово, означающее «сошел с ума». Происходит от известного отзыва Нильса Бора на созданную Вернером Гейзенбергом (вместе с Вольфгангом Паули) нелинейную квантовую теорию: «Все мы согласны, что эта теория — безумна. Вопрос, который нас разделяет, состоит в том, достаточно ли она безумна, чтобы иметь шансы на успех».

— Пластиковыми утками тебе бы командовать, — с ненавистью сказал Турекян. — В тазике. Выстрелить в туземца — это надо же себе такое представить.

Уэбнер ошеломленно молчал.

— А в довершение ты не дал мне возможности присмотреться толком ко второму. Кажется, я заметил на нем ремни, придерживающие нечто вроде оружия, но уверенности нет.

— Арам, Вон, — взмолилась так и не выходившая из катера Юкико.

Еще несколько мгновений двое мужчин испепеляли друг друга взглядами. Затем Уэбнер глубоко вздохнул, выдохнул и пожал плечами.

— Думаю, — выдавил он, — на мне лежит обязанность привести ситуацию к какому-то разумному знаменателю, раз уж ты на такое не способен.

Ксенолог сделал долгую паузу.

— Веди себя подобающим образом, и тогда я прощу твои поступки, списав их на перевозбуждение. В противном случае придется подать рапорт с рекомендацией освободить тебя впредь от заданий, связанных с установлением первого контакта.

— Освободить? Меня?

Только большим усилием воли Турекяну удалось сдержать уже сжавшийся для удара кулак. Он громко, напряженно дышал.

— А может, вы обследуете лучше дом? — вмешалась Юкико.

Мысль о том, что нечто неизвестное — да вообще, что угодно — может таиться за этими каменными стенами, немного их охладила.

Хутор оказался полностью покинутым, на нем остались одни животные.

Дабы не восстанавливать туземцев против себя еще сильнее, исследователи не стали взламывать дверь, а вошли через окно с помощью личных антигравов. Каждый этаж состоял всего из одной-двух комнат — хозяева дома, судя по всему, ценили простор и высокие потолки значительно больше, чем уют. Этому странным образом противоречили узкие ступеньки винтовых лестниц, соединявших этажи. Украшения ограничивались аскетически строгими орнаментами. Мебель — почти исключительно столы и скамейки, нигде ничего, даже отдаленно напоминающего кровать. Спят ли вообще туземцы, а если спят, то как, стоя или сидя? Ничего такого уж невероятного, есть многое существ, способных по желанию намертво закреплять свои суставы.

Пищевые запасы свидетельствовали о плотоядности крылатых гигантов. Инструменты, оружие, предметы домашнего обихода, ткани — все это имелось в изобилии, было отлично спрятано, аккуратно сложено и ясно указывало на технологический уровень железного века, более-менее соответствующий земной классической цивилизации. Но наблюдались и исключения, например книги — немногочисленные и напечатанные, по всей видимости, с ручного набора. С какой лихорадочной жадностью перелистывали исследователи эти страницы! Однако иллюстрации почти отсутствовали — только в одной из книг встретилось нечто, напоминающее диаграммы из учебника по геометрии, а в другой — рисунки из руководства по строительным работам. Содержит эта культура табу на изображение своих членов, или катер просто сел рядом с домом, в котором не оказалось других книг?

Устройство и содержимое дома, а также сараев давали мало ключей к пониманию. Никто, собственно, другого и не ожидал. Представьте себя инопланетным ксенологом, оказавшимся на Земле до того, как человек вышел в космос. Ну и какие же, интересно знать, сделаете вы выводы на основании изучения жилища и кое-какой домашней утвари, принадлежащих европейцу, эскимосу, африканскому пигмею, японскому крестьянину? Вы серьезно задумаетесь, да относятся ли хозяева этих предметов к одному биологическому виду.

Со временем вы узнаете больше, только Турекян сильно сомневался, есть ли у них это время. Он довел Уэбнера до белого каления непрерывными уговорами закончить осмотр поскорее и вернуться на катер. В конце концов ксенолог сдался.

— Это совсем не значит, — сказал он, — что я не собираюсь провести детальное исследование, так и запомните. Можно, однако, сперва побеседовать, — в его голосе мелькнули прозрительные нотки, — чтобы хоть немного успокоить твои страхи.

После пребывания снаружи воздух внутри корабля казался затхлым, а изображения на экранах — тусклыми. Турекян извлек из кармана трубку.

— Нет, — резко сказал Уэбнер.
— Чего? — пилот был явно ошарашен.
— Я не потерплю табачной вони в закрытой кабине.
— Я лично не возражаю, — вмешалась Юкико.
— Зато возражаю я, — повернулся к ней Уэбнер. — А пока мы на земле, мой голос решающий.

Турекян побагровел, однако подчинился. В космосе стальная дисциплина — вопрос жизни и смерти, однако хороший командир старается действовать по возможности мягко, не пере-

гибая палку. Юкико с упреком посмотрела на Уэбнера, ее ладонь опустилась на руку пилота. Ксенолог это заметил, его лицо на мгновение перекосилось, но затем снова стало холодным.

— Мы наываемся на неприятности, — сказал Турекян. — Чем скорее мы смоемся отсюда, тем меньше вероятность, что придется звать на помощь.

— Чушь, — резко бросил Уэбнер. — Единственное наше спасение — а не слишком ли сильно испугали мы местных жителей? Может пройти много дней, пока они решатся хотя бы выслать разведчика.

— Они уже выслали, и даже двоих. Тебе пришлось от них отстреливаться.

— Я стрелял в опасное животное. Ты что, не видел эти когти, эти клыки? Простой удар такого крыла — даже без когтей — свернет тебе шею.

Уэбнер старался встретиться глазами с Юкико, он говорил в основном для нее.

— Конечно же, их можно приручить. Подозреваю, что их используют для охоты, примерно как ястребов, но только стаями. Вполне разумно предположить, что встреченнюю нами пару... как это называется... натравили на нас откуда-то издалека. Но они — софоны? Даже думать о таком смешно.

— Откуда у тебя такая уверенность? — негромко спросила Юкико.

Уэбнер откинулся на спинку сиденья и свел перед собой кончики пальцев.

— Необходимо твердо усвоить основной принцип. Все организмы биологически соответствуют своей окружающей среде — или гибнут.

Было видно, что привычное занятие — чтение лекции, — его успокаивает.

— Существа разумные также не являются исключением — более того, они ведь являются потомками существ неразумных, приспособившихся к среде, не подвергавшейся еще искусственной перестройке.

Разумные обитатели нетерроподобных миров могут быть *outre** — по нашим меркам. Ведь они эволюционировали при условиях, резко отличающихся от наших. Однако на планете, подобной Земле, эволюция тоже подобна земной, она просто не может проходить иначе. Что совсем не исключает широкого спектра возможностей вроде, скажем, гексаподобных позвоночных, превративших передние конечности в руки и ставших

* Слишком, чересчур (*фр.*).

кентавроидами, как это случилось на Водане*. Произошло это потому, что их отдаленные хордовые предки имели шесть конечностей. Но, как вы видели сами, на этой планете у высших животных те же четыре лапы, что и у наших.

Мозг, способный сконструировать виденные нами артефакты, бесполезен, если к нему не приложить что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее руки. Природа его не создаст — она не занимается глупыми штуками. Поэтому местные обитатели просто обязаны быть двуногими, хотя и могут отличаться от нас очень во многом. Нога, выполняющая по совместительству обязанности руки, или там наоборот, будет крайне неэффективна как в одной своей функции, так и во второй. Естественный отбор уничтожит мутантов с такой тенденцией задолго до прохождения разума.

— Ну и какие же органы этих орнитоидов претендуют на роль рук? — плотно сжатые губы сложились в ироническую улыбку.

— Когти на крыльях? — несмело предположила Юкико.

— Боюсь, нет, — покачал головой Турекян, — я присмотрелся довольно хорошо. Хватать ими еще можно, но о настоящем манипулировании нечего и говорить.

— Вы же видели, как детеныши держались ими за своих родителей, — сказал Уэбнер. — Вполне возможно, эти когти используются и для лазания по деревьям. На Земле есть птица с аналогичным органом, хоакцин, только у нее эти когти выпадают в раннем детстве. А здесь они сохраняются и у взрослых, возможно, как дополнительное оружие.

— Может, ноги? — нахмурился Турекян. — Три средних пальца у них прямые, а крайние — вроде наших больших. Вполне пригодны на роль рук.

— Ну и чем же будет заниматься такое существо, находясь на поверхности? — возразил Уэбнер. — Трудно все-таки изготавливать инструменты, порхая в воздухе, я уж не говорю о добыче руды и постройке каменных зданий. И еще один, даже более фундаментальный момент. — Он поучительно покачал пальцем. — Летающие существа ограничены по массе. Конечно же, гравитация здесь меньше, чем на Земле, но ведь и плотность воздуха тоже меньше, так что допустимые нагрузки на крыло приблизительно совпадают. Крупнейшие птицы, бороздившие когда-либо земное небо, весили около пятнадцати килограммов. Более тяжелое существо просто не может взлететь — никакой обмен веществ не обеспечит нужной для этого энергии.

* Название планеты происходит от имени германского бога, соответствующего скандинавскому Одину.

Еще на борту корабля мы установили, изучая взятые образцы, что здешняя биохимия очень близка к земной. Вывод: эти орнитоиды не могут превосходить по весу крупнейших наших стервятников. Да, они большие, большие и очень опасные, но весь их размер — это перья и трубчатые кости, хрупкие, как каркас воздушного змея! Скелет, на котором налеплен тонкий слой плоти.

Вспомни, Арам, ты ведь поднимал сегодня некоторые из их предметов, например тот каменный горшок. Или еще ведра, предназначенные, по всей видимости, для того, чтобы носить воду из речки. Как ты думаешь, какой там был наибольший вес?

Турекян поскреб свою курчавую бороду.

— Кило, пожалуй, двадцать, — неохотно ответил он.

— Видишь? Столько не поднять ни одному летающему существу. Все эти разговоры про орлов, утаскивающих детей и овец, — сказки и суеверия, птицы на это просто не способны. То же самое ограничение относится и к здешним орнитоидам. Ну а кто станет делать посуду, которую сам же не сможет поднять?

— М-м-м, — скорее прорычал, чем промычал Турекян.

— Масса любого обитателя терроподобной планеты, — продолжал добивать его Уэбнер, — недостаточна, чтобы содержать в себе по-настоящему разумный мозг, все эти граммы до последнего требуются для выполнения чисто животных функций. Наши птицы хоть немного облегчили себе задачу, заменив челюсти на клювы, в результате чего осталось хоть немного места для мозга. То же самое относится и к «сторожевым соколам», как ты их назвал. А вот большие орнитоиды этого не сделали. — Уэбнер немного помолчал. — Я даже сомневаюсь, — медленно добавил он, — что можно считать этих тварей такими уж сообразительными. Скорее всего они глупые... и злобные. Так что при новой атаке следует уничтожать их без малейших колебаний.

— Ты хотел его убить? — в ужасе прошептала Юкико. — А вдруг он — или она — это существо, хотело опуститься пониже, чтобы взглянуть на вас, рассмотреть получше — и без оружия, в знак мирных намерений?

— Будь оно разумным — да, такое было бы возможно, — твердо сказал Уэбнер. — Но я только что со всей определенностью доказал вам противное, поэтому — нет. Я спас себя и Арама от очень серьезных ранений. Вполне возможно, что я даже спас наши жизни.

— Туземцам может не понравиться, что мы стреляем в принадлежащих им животных, — заметил Турекян.

— А пусть отзовут своих, так сказать, собак, и ничего подобного не будет. Вообще-то говоря, не исключено, что нападение произошло без указаний туземцев и это реакция на панику, которая охватила стаю. — Уэбнер поднялся на ноги. — Ну как, вы удовлетворены? До заката мы проведем подробные исследования, а затем оставим подарки и удалимся в надежде на лучший прием в следующий раз, после возвращения туземцев. — Почти всегда в одном из таких подарков устанавливалась скрытая телевизионная камера.

Турекян упрямо покачал головой:

— К логике твоих рассуждений не придерешься. Только что-то здесь все же не так.

Уэбнер направился к шлюзу.

— А я? — попросила Юкико. — Можно и мне?

— Нет, — ответил вместо Уэбнера Турекян. — Очень не хочется, чтобы ты пострадала.

— Но ведь нам не угрожает никакая опасность, — возразила девушка. — Наше оружие справится с любыми летунами, у которых возникнут нехорошие намерения. А если расставить вокруг сенсоры, ни один туземец не сможет подкрасться к нам на расстояние выстрела из лука, мы сразу о нем узнаем. А так я словно в клетку заперта.

Юкико одарила Уэбнера очаровательной улыбкой.

— А почему бы и нет? — растаял ксенолог. — Мне очень пригодится разумная, спокойная помощница. А ты, — повернулся он к Турекяну, — можешь остаться на катере, у пушек.

— Ну конечно, — недовольно проворчал пилот, направляясь вслед за ними.

Дело свое Уэбнер знал, этого у него не отнимешь. Первоначальный беглый осмотр сменился тщательным, дотошным исследованием. Предмет за предметом осматривался, измерялся, фотографировался, все это сопровождалось непрерывным бормотанием — примечания записывались на магнитофон. Юкико помогала, каждый участник Разведки обязательно имел хоть минимальную квалификацию в работах, исполняемых всеми остальными членами экипажа. Но Уэбнер нуждался всего лишь в одном ассистенте.

— А мне что делать? — спросил Турекян.

— Помогай носить, когда попадется что-нибудь особенно тяжелое, — ответил, не оборачиваясь, ксенолог. — Приматывай за лесом. А главное — не путайся под ногами.

Увлеченная работой, Юкико никак не отзывалась на эту явную грусть. В горле Турекяна что-то заклокотало, но затем он вынул трубку, набил ее и начал без дела слоняться по двору, выпуская яростные клубы дыма.

Подойдя к загону, он взялся за перекладину ограждения и мрачно посмотрел на животных.

— Есть вы хотите, вот что.

Приняв решение, Турекян направился в сарай — здесь, в отличие от дома, дверь не была заперта — и обнаружил скирду сена с воткнутыми в нее вилами. При всей необычности обстановки это напомнило ему давнее посещение поселка, затерянного в глухи Гермеса; там тоже все было примитивным — на первое время, так как корабли, они не резиновые, все сразу туда не запихнешь, а у колонистов имелись более срочные надобности, чем тракторы-косилки. А у фермера была дочка... Вот такими-то воспоминаниями и утешал себя бравый пилот, вытаскивая на свет Божий охапку красной, пахнущей корицей сухой травы.

— Эй!

Из окна дома высовывалась голова Уэбнера.

— Что это ты там придумал?

— Эти твари проголодались, — буркнул Турекян. — Слышишь, как орут?

— А откуда ты знаешь, чем и как их кормят? К твоему сведению, мы здесь не затем, чтобы играть роль Господа Бога. Наша задача — узнать как можно больше, при возможности — помочь туземцам. Положи это хозяйство, где брал.

Турекян молча подавил свою ярость — мало того что его унизили, так еще и на глазах у Юкико — и подчинился. Ничего не попишешь, Уэбнер — командир. Пока катер не поднимется в Богом благословенное небо.

Небо... птицы... Он посмотрел на «голубятни». Над головой шныряли «псевдоястребы», встревоженные, возмущенные, но слишком мелкие, чтобы напасть на человека. А может, этих гигантских орнитоидов держат специально для защиты от крупных наземных хищников? Турекян присмотрелся к обитателям клеток. Они дремали, ковыляли с места на место, ковырялись в земле... жирные и невозмутимые, одомашненные. У них, как и у «ястребов», не было похожих на жабры щелей.

Мелькнула тень. Турекян поднял голову, хватаясь одновременно за свой увеличитель. Гиганты вернулись, теперь их было с полдюжины. Освещенные полуденным солнцем, перья горели золотым пламенем, но подробностей было не разглядеть — слишком высоко.

Щелкнув тумблером антиграва, он устремился к «замку»; Уэбнер и Юкико занимались обследованием пятого этажа. Описав широкую дугу, Турекян влетел в окно. Сейчас ему было не до восхищения спартанской строгостью огромного помещения.

— Они здесь, — выдохнул он. — Нужно возвращаться на катер, и побыстрее.

Уэбнер вышел на балкон.

— Нет никакой необходимости, — сказал он. — Вряд ли они нападут, а если даже и так, мы находимся в большей безопасности здесь, чем пересекая двор.

— А может, закрыть ставни? — предложила девушка.

— А заодно ё дверь этого помещения, — кивнул Уэбнер. — Это их остановит. Вскоре они потеряют терпение и куда-нибудь улетят — если они вообще что-то задумывали. Ну а если устроят осаду, мы можем пробиться с помощью оружия, в худшем случае — передать через катер просьбу о помощи, когда «Ольга» выйдет из-за горизонта.

Ксенолог вернулся в комнату. Турекян сменил его на балконе и, сощурив глаза, посмотрел в небо. К первым крылатым силуэтам присоединилось несколько других, с каждой секундой их становилось все больше и больше. Они парили, круто пикировали, кружили по ветру, который шумом прибоя отдавался в лесу.

По спине пилота пробежал холодок.

— Не нравится мне это, — он не отрывал глаз от все разрастающейся стаи. — Совсем не нравится. Животные так себя не ведут.

— Вполне возможно, — сказал Уэбнер, — что обитатели хутора решили использовать их для нападения. Если так, мы покажем этим обитателям, как дорого может стоить ничем не оправданная враждебность. — Однако вздрагивающий голос ксенолога сильно контрастировал с хладнокровием слов; его лоб покрылся крупными каплями пота.

Время от времени в поле зрения увеличителя что-то ослепительно сверкало.

— Зуб даю, — обернулся Турекян, — есть у них что-то металлическое. Послушайте, если они разумные и настроены агрессивно — ведь ты чуть не убил одного из них, — то этот дом самое для нас неподходящее место. Надо сматывать удочки, и поскорее, все начнется с минуты на минуту.

— Да, — поддержала его Юкико, — уйдем отсюда, Вон. Нельзя рисковать... ведь может возникнуть необходимость жечь разумные существа... да еще на их собственной территории.

— Сколько еще раз должен я объяснять, что нет такого риска, во всяком случае — пока? — В голосе Уэбнера звучало раздражение, которое вызывал у него Турекян. — То, что произойдет дальше, может дать нам совершенно неоценимые ключи к пониманию этноса аборигенов. Мы остаемся. А ты, — повернулся он к пилоту, — и думать забудь про померещившийся

тебе металл. В самом крайнем случае это — какие-нибудь защитные ошейники. Так что сними свое не в меру разгулявшееся воображение с форсажа.

И тут Турекян окаменел.

— Арам. — Юкико тревожно подергала его за рукав, но застывшие глаза пилота ее не видели. — Что с тобой, Арам?

Турекян с трудом сглотнул оцепенение.

— Форсаж, — невнятно пробормотал он. — Ну да, конечно. — И сразу же закричал во все горло: — Уходим! Сию же секунду уходим! Они и есть обитатели дома, это совершенно точно, и против нас собирается вся округа.

— Попридержи язык, — презрительно бросил Уэбнер. — Иначе я обвиню тебя в неподчинении приказам.

— Во-во, — громко расхохотался Турекян. — Бунт на борту.

Он присел и бросился вперед; негромкий вскрик Юкико слился с тупым ударом кулака — не в подбородок, это слишком опасно, а в солнечное сплетение. Из груди Уэбнера с шумом вырвался воздух, его глаза остекленели. Затем ксенолог согнулся пополам — сохранив отчасти сознание, он не мог стоять на ногах из-за судороги, сжавшей диафрагму.

— На катер! — крикнул Турекян, подхватив полуобесчувственное тело на руки. — Быстрее, девочка!

Антиграв не способен нести двойную нагрузку, прибор только замедлил падение спрыгнувшего с балкона пилота. Времени, чтобы включить антиграв Уэбнера, не было; таща на себе пострадавшего на боевом посту командира, Турекян крупными прыжками пересекал двор.

— Не жди меня, — крикнул он летевшей следом Юкико. — Забирайся, ради Бога, в укрытие.

— Только все вместе, — твердо ответила девушка. — Я тебя прикрою.

Переубедить ее было невозможно.

Бессчетные орды, собравшиеся теперь в небе, образовали огромную врачающуюся карусель, затем эта карусель накренилась. Первые орнитоиды, отделившиеся от строя, с ревом устремились вниз, за ними последовали и остальные.

Засвистели стрелы, раздался крик трубы. Бежавший теперь по лугу Турекян бросился в сторону и помчался дальше зигзагами. Негромко хлопнул бластер Юкико. Она стреляла мимо цели, в надежде, что вспышки испугают лучников — теперь к ним присоединились еще и метатели дротиков — и помешают им целиться. Зловещее пение стрел раздавалось со всех сторон, одна из них царапнула шею Уэбнера, и тот вскрикнул.

Юкико бросилась открывать шлюз; тем временем Турекян скинул ксенолога на землю, сел на него верхом и выхватил бластер. Передний из орнитоидов был уже совсем близко. Когти правой ноги — не ноги, конечно, а руки — крепко сжимали изогнутый, наподобие ятагана, меч. Какое-то мгновение Турекян глядел прямо в золотые глаза этого отважного мужчины, пришедшего — прилетевшего — защитить свой дом, а затем выстрелил. Выстрелил в сторону.

Туземец умчался, оглушительно хлопая крыльями, и в тот же момент шлюз открылся. Первой влетела Юкико, за ней за брался внутрь, волоча за собой Уэбнера, Турекян. Несколько секунд они стояли и ждали, пока входной люк снова захлопнется.

По фюзеляжу бессильно стучали стрелы и дротики. На мгновение Турекян и Уэбнер обнялись, обоих колотила дрожь; затем пилот прошел вперед, к Юкико. Нужно было взлетать.

Когда представляешь себе — хотя бы отчасти — положение вещей, можно строить планы. Следующий контакт с обитателями Ифри, так называется эта планета по имени самого передового своего народа, мы организовали в тысяче километров от места злополучной стычки, слухи о которой, конечно же, разнеслись по всему нагорью. Когда мы подошли к этим людям осторожно, терпеливо, используя привычную их психике символику, они встретили нас с восторгом. Улетели мы довольно скоро, но за это время ифрианцы успели сделать столько сблизительных коммерческих предложений, что у меня нет и тени сомнения — уже через несколько поколений эти летуны обзаведутся собственными космическими кораблями.

Но все же главный их инстинкт — территориальный, равно как у людей — половой, и лучше бы об этом никогда не забывать.

Причина в том, как проходила их эволюция. Собственно говоря, ходом эволюции объясняется любое побуждение любого живого существа из любого уголка Вселенной. Ифрианцы — существа плотоядные, хотя употребляют они и некоторые сладкие фрукты. Плотоядным требуется большая площадь для поддержания жизни одного индивидуума, чем травоядным или всеядным, несмотря на то что мясо калорийнее практически любой растительной пищи. Понять это легко — задумайтесь только, сколько места требуется для пропитания одной антилопы и сколько антилоп нужно для пропитания львиного прайда. Ксенологи извели уйму бумаги на трактаты о корреляциях между диетой и генотипически обусловленной психикой софонтов.

Только сомневаюсь я что-то в ценности этих трудов. Во всяком случае, в них была упущена сама возможность существования расы, подобной ифрианцам, у которых обостренный терри-

ториальный инстинкт и крайний индивидуализм — со всеми вытекающими отсюда последствиями — имеют причиной непомерный телесный аппетит. А последствия, о которых я упомянул, очень велики и касаются социальной организации, нравов, искусства, религиозных верований — да всего, чего угодно.

При собственной своей массе не больше тридцати килограммов они способны поднять такой же вес в воздух, а без нагрузки летают с дикой скоростью, буквально как черти. Потому они и смогли организовать цивилизацию, не скучиваясь в городах. В городах живут по большей части преступники (им подрезают крылья) и рабы. Местные мудрецы начинают уже задумываться, что появление роботов покончит с такой практикой.

Где у них руки? Те самые когти, развившиеся в процессе эволюции в манипулятивные органы. А ноги? Да, когти на сгибах крыльев — ювенильная особенность, которая сохранилась и развилась — подобно тому, как большая голова и малое количество волос у человека ведут свое происхождение от структуры зародыша человекообразной обезьяны. Передняя часть скелета крыла состоит у ифрианцев из плечевой кости, радиальной и локтевой, примерно как и у настоящих птиц. В полете все они закрепляются, а на земле, когда крылья сложены, образуют нечто вроде «коленного» сустава. Ниже этого сустава имеется костистый отросток, образующий ногу, а скорее — лапу. Три сросшихся и необыкновенно удлиненных когтя откидываются назад, образуя закрылок, придающий жесткость остальной части огромного крыла и способный при необходимости обеспечить дополнительную опору. Взлетая, ифрианцы обычно делают сначала — до первого взмаха крыльями — стойку на руках. Это занимает менее секунды.

Да, конечно, на земле они очень медлительны и неуклюжи. Но ничего, выходят как-то из положения. Крупные, имеющие оружие, в любой момент готовые оседлать ветер, они не страшатся никаких хищников.

Остается, конечно, вопрос, а откуда берется энергия, бросающая этих гигантов в небо? Из окисления пищи, откуда же еще. Именно поэтому каждая семья нуждается в обширных охотничьих угодьях и пастбищах. Ограничительным фактором является поступление кислорода. Молекула, играющая в их крови роль гемоглобина, способна переносить кислорода больше, чем гемоглобин, но кислород этот нужно еще подать. Первым понял, как это делается, Турекян. У ифрианцев имеются легкие, пассивная система, примерно такая же, как у нас. Но, кроме того, они снабжены чем-то вроде форсажной камеры, развившейся из жаберного аппарата далеких амфибийных предков.

Накачиваемые, подобно кузнецким мехам, летательными мышцами, эти воздуховсасывающие органы позволяют сжигать топливо — а точнее, пищу — с необходимой быстротой.

Интересно, что ощущаешь, когда в тебе так буйно клокочет жизнь?

Помню, как Арам Турекян полуобнял Юкико Сачанскую за плечи, и они стояли под закатным небом, наблюдая прощальный танец, устроенный ифрианцами в нашу честь. По лицу девушки катились слезы.

— И я хочу летать, — всхлипывала она. — Летать, как они.

ПРОБЛЕМА БОЛИ

Вполне возможно, что эту историю способен понять только христианин, в таком случае я берусь не за свое дело. Однако я, как психолог-любитель, интересуюсь религией и всегда вожу с собой Библию (на кассете) — хотя бы из-за величественности ее языка. Это — одна из причин, почему Питер Берг раскрыл мне свою душу. Питер отчаянно хотел разобраться в этих событиях, но ни один священник не сумел толком ответить на его вопросы, не сумел его успокоить. Оставалась последняя, слабенькая надежда, что человек со стороны — например, я — сумеет разглядеть нечто, незаметное настоящему верующему.

Другой причиной было одиночество. Мы работали на Люцифере в составе исследовательской группы. Удачно назвали этот мир. Здесь не решатся поселиться никакие существа, чьи предки эволюционировали в окружении травы и деревьев. Однако минеральные богатства Люцифера вполне заслуживали внимания — в том, конечно, случае, если на нем хоть как-нибудь можно выжить. Вот это мы и выясняли. Даже самая очаровательная, невинная на вид среда обитания всегда нафарширована тысячами ловушек — пока не усвоишь, в чем состоят опасности и как их избегать (Земля — тоже не исключение). Иногда обнаруживаются проблемы, которые нельзя разрешить достаточно экономичным способом, или даже — вообще нельзя. Тогда эту область, или всю планету, оставляют и идут искать дальше.

Мы подрядились провести на Люцифере три стандартных года. Платили щедро, однако очень скоро стало ясно, что никакой банковский счет не вернет нам даже одного дня, который можно было провести под более добрым солнцем. Мы старательно избегали этой темы в разговорах.

Примерно в середине второго года нам с Бергом поручили глубокое исследование уникального экологического цикла средних широт Северного полушария. Это значило — поселиться на несколько недель (которые превратились в месяцы) в исследуемом районе, на большом расстоянии от прочих разведывательных групп, чтобы минимизировать возмущения. Все наши контакты с людьми ограничивались редкими визитами катера, доставлявшего припасы, электроника — слабая замена, особенно когда над головой висит эта бешеная звезда, ежесекундно прерывающая радиосвязь.

В такой обстановке узнаешь своего напарника чуть ли не лучше, чем себя самого. Ладили мы с Питом отлично. Надежный, как каменная стена, этот высокий, светловолосый, веснушчатый парень обладал огромными запасами — настоящих, не показных — доброты, сердечности и достоинства. И очень вежливый. С юмором, правда, у него было слабовато, но во всех остальных отношениях лучшего однокамерника и не придумаешь. Питу было что рассказать — несмотря на молодость, он успел уже много по странствовать, — но и твои воспоминания и похвальбу он выслушивал не прерывая, с искренним интересом. К тому же он прочитал много книг, прилично готовил (когда наступала его очередь) и играл в шахматы самую чуточку лучше меня.

Я уже знал, что Пит не с Земли — и даже никогда на ней не был, — а с Энея, расположенного в двух сотнях световых лет от Колыбели Человечества и в трех сотнях от Люцифера. Вырос он в глухом захолустье, хотя и получил потом образование в маленьком, совсем недавно организованном университете Нового Рима. Впрочем, и этот город — всего лишь столица одной из дальних колоний. Все это вполне объясняет истовую преданность Пита вере в Бога, который сперва воплотился, а затем умер из любви и сострадания к людям. Только не подумайте, что я глумлюсь, ни в коем разе. Наш защитный купол имел всего одну комнату; каждое утро и каждый вечер Пит молился, молился с искренней серьезностью ребенка, но ни я не поддразнивал его, ни он не осуждал моего неверия. Как-то так вышло, что со временем мы стали все больше и больше обсуждать такие предметы.

А потом он рассказал мне, что его мучит.

Подходил к концу один из долгих, нестерпимо долгих люциферских дней, мы измотались, пропитались потом, все тело у нас чесалось, мы жутко воняли и валились с ног от усталости. В этот день мы едва не погибли — и в этот же день мы обнаружили растение, которое концентрировало в своих корнях соли урана и было основной причиной всех непонятных нам странно-

стей. Когда мы вернулись на базу, бешенство дня уже смирялось, переходя в обычный вечерний ураган; мы вымылись, поели и быстро уснули, убаюканные шуршанием пыли, швыряемой ветром на купол. Проснувшись часов через десять или двенадцать, мы увидели сквозь витриловые панели холодное колючее сверкание звезд, сполохи северного сияния, низко стелющийся туман и уродливо скрученные растения — «деревья», как мы их называли, — покрытые ослепительно белым инеем.

— До рассвета делать нечего, — сказал я, — а мы вполне заслужили праздник.

Мы закатили себе роскошный — в меру возможностей — пир, завтрак это был или ужин — трудно сказать, да и какая собственно, разница? За едой мы пили вино, а потом сидели в своих креслах, смотрели на созвездия, никогда не виданные ни на Земле, ни на Энне, и пили коньяк, много коньяку. И говорили. В конце концов разговор пошел о Боге.

— Может быть, ты сумеешь мне это объяснить, — сказал Пит. Даже в полумраке купола на его лице отчетливо читалась какая-то внутренняя борьба. Он сидел, крепко сжав кулаки и глядя прямо перед собой.

— М-м-м, не знаю, не знаю, — осторожно ответил я. — Честно говоря — только ты, пожалуйста, не обижайся, — теологические ребусы всегда казались мне до крайности глупыми.

— То есть, — спокойно, без нажима, сказал Пит, подняв на меня свои синие глаза, — тебе не кажется, что отказ от веры приводит к противоречиям, парадоксам?

— Да, не кажется. Я уважаю твою веру, Пит, но никак не могу ее разделить. И если даже предположить, что в основе Вселенной, — я указал на высокое, устрашающе-прекрасное небо, — лежит некий духовный принцип, либо что-то подобное, каким, подумай сам, образом можем мы понять эту первосущность, вложить ее в узкие рамки догматов?

— Не можем. Согласен. Конечный разум не способен понять бесконечное. Однако мы можем видеть и познавать его части, открытые нам. — Он перевел дыхание. — Давно, еще до начала полетов в космос, церковь решила, что Христос пришел только на Землю, только к людям. Если другие разумные расы тоже нуждаются в спасении — а в этом трудно сомневаться! — Господь Бог что-нибудь для них придумает. Такие вот дела. Но из этого, конечно же, еще не следует ошибочность христианства или, наоборот, истинность каких-либо других верований.

— Вроде, скажем, политеизма, что бы это слово ни значило?

— Пожалуй, да. К тому же религии развиваются. Примитивные культы видят в Боге силу, более развитые — справедливость, самые совершенные — любовь. — Пит резко смолк, сжал кулаки, затем схватил свою рюмку, осушил ее и наполнил снова — все это практически одним движением. — Я должен верить, — прошептал он.

Несколько секунд тишина нарушалась только доносящимся снаружи холодным хрустом.

— Что-то заставило тебя усомниться? — спросил я наконец.

— Усомниться?.. Нет. Но лишило спокойствия. Ты не возражаешь, если я расскажу?

— Конечно, нет. — Было видно, что он готов раскрыть свою душу, а я все-таки знаком с понятием «святое», для этого не обязательно быть верующим.

— Все случилось пять лет тому назад. Для меня это была первая настоящая работа, для меня и, — он чуть заметно запнулся, — для моей жены. Мы с ней только что закончили университет и прошли стажировку, только что поженились. — Пит говорил спокойно, но это явно стоило ему больших усилий. — Наши работодатели не были людьми. Ифрианцы, слышал о таких?

Я задумался. Миры, живые существа, разумные расы — всего этого невообразимо много даже в том крохотном уголке крохотной галактики, который мы успели чуть-чуть исследовать.

— Ифрианцы... ифрианцы... подожди. Это которые летают?

— Да. Одно из самых потрясающих зрелищ, какие есть в Божьем мире. Ифрианцы, само собой, значительно легче людей, в зрелом возрасте они весят килограммов двадцать пять—тридцать, но размах их крыльев достигает шести метров, и, когда такой гигант взмывает к небу, весь золотой в сиянии солнца, или со свистом и грохотом обрушивается вниз...

— Подожди, — перебил его я. — Насколько я помню, Ифри — террестриодная* планета?

— Да, в значительной степени. Поменьше Земли и посуще, плотность атмосферы тоже чуть поменьше — примерно как на нашем Энее, они и расположены, кстати, не очень далеко друг от друга — по космическим меркам. Жить там можно без всякой особой защиты, биохимия тоже вполне аналогична нашей.

— Какого же черта тогда эти существа такие здоровенные? Невероятная нагрузка, если мощность обеспечивается исклю-

* Подобная Земле. (Примеч. пер.)

чительно окислением клеточной ткани. Не понимаю, как они могут летать?

— У них есть дополнительные органы дыхания. — Пит улыбнулся, но как-то безрадостно, одними губами. — Внешне они выглядят как жаберные щели, по три штуки на каждом боку, под крыльями, а по принципу действия — нечто вроде кузнечных мехов, накачиваемых летательными мышцами. Во время полета дополнительный кислород поступает прямо в кровь. Биологическая форсажная система.

— Ну, чтоб меня... ладно, замнем для ясности. — Я слегка задумался, восхищаясь необыкновенной — по ее обыкновению — изобретательностью природы. — М-м-м... но если эти летуны с такой скоростью расходуют энергию, то и аппетиты их должны быть соответствующими.

— Правильно. Ифрианцы — плотоядные. Многие из них все еще живут охотой, а развитые культуры основываются на скотоводстве. И в том и в другом случае для поддержания жизни одного ифрианца нужна уйма мяса, уйма квадратных километров. В результате у них очень развит территориальный инстинкт. Живут они мелкими общинами — отдельными семьями, либо родами — и без лишнего раздумья атакуют, причем самым серьезным образом, любого незваного гостя, если он не покинет их землю по первому же требованию.

— И при всем этом настолько цивилизованы, что даже нанимают людей для помощи в исследовании космоса?

— Угу. Не забывай, что они летают и потому легко связываются друг с другом, им не нужно для этого тесниться в городах. У них есть несколько городов, по большей части это горнодобывающие и промышленные центры, но живут там исключительно рабы с подрезанными крыльями. Рад сказать, что эти учреждения уже отмирают — с появлением современной техники.

— Которую они покупают? — наугад предположил я.

— Да, — кивнул Пит. — Во времена первой Великой Революции, когда обнаружили Ифри, наиболее развитую культуру планеты можно было сравнить с уровнем железного века, промышленная революция еще не наступила, однако у ифрианцев было достаточное количество тонких мыслителей, они обладали высокоразвитой философией. — Он помолчал. — Это очень важно для моего рассказа, что ифрианцы, во всяком случае — чоты, говорящие на языке планха, совсем не варвары, они вышли из этой стадии много веков назад. У них были свои Сократы и Аристотели, Конфуции и Галилеи, у них были свои пророки и духовные вожди. — Он опять смолк. — Они сразу поняли, как много значит визит земных гостей, и постарались привлечь

на свою планету торговцев и учителей. Накопив определенные капиталы, они начали посыпать наиболее способных своих детей на чужие планеты. В нашем университете тоже училось несколько ифрианцев, почему мне и предложили эту работу. К тому времени у них уже было несколько кораблей со своими экипажами. Однако ифрианцы с технической подготовкой оставались еще большой редкостью, а в некоторых областях знания у них вообще не было специалистов. Поэтому они нанимали людей.

Потом Пит начал описывать мне типичного ифрианца: оперение (за исключением хохолка на голове), как у золотого орла, ну, может, чуть посложнее, и в то же время — не птица. Вместо клюва — тупая морда с острыми клыками, выше — два огромных глаза. Женщины рожают живое потомство. Чемлибо, подобное кормлению грудью, отсутствует, однако девушки все равно имеют губы, с помощью которых они высасывают сок из мяса и фруктов. Губы сохраняются и во взрослом возрасте, поэтому речь ифрианцев не так уж отлична от человеческой. Процесс эволюции превратил их ноги в некое подобие рук, на каждой из которых по пяти когтистых пальцев, причем «больших», способных вставать перпендикулярно кисти, — два, по краям. По земле ифрианцы передвигаются на лапах, растущих из «локтей» сложенных крыльев. Тут они и медлительны, и неуклюжи, но в полете...

— В полете они живут с интенсивностью, на которую мы просто не способны, — вздохнул Пит. Его глаза блуждали по дрожащим над головой полотнищам северного сияния. — А как же иначе? Скорость обмена веществ, беспредельные просторы вокруг, стремительный полет, сотни ветров, обдувающих их со всех сторон... Именно поэтому я и решил, что они — а в частности, Энэрриан — верят с остротой, страстью, о которых мне нет смысла и мечтать. Я увидел, как он и все остальные танцуют высоко в небе — кружатся, скользят, парят; как солнце расплавленным золотом горит на их перьях. Я спросил, что это они делают, и мне сказали — славят Господа.

— Во всяком случае, — снова вздохнул он, — именно так перевел я слова, сказанные ифрианцем, не знаю уж, точно или нет. Мы с Ольгой прошли ускоренный курс планха, а наши ифрианские сотрудники знали английский, но ни их, ни наше владение чужим языком не было идеальным. Да и не могло быть. Миллиарды лет раздельного существования, развития, истории — чудо, что мы вообще могли друг друга понимать. Как бы там ни было, Энэрриана можно смело назвать религиозным — ничуть не в меньшей степени, чем, например, меня. А вообще, их религиозность примерно такая же, как и у людей. У одних

вера глубокая, у других — нет, есть среди них и свои агностики, и свои атеисты. В нашей группе было даже двое язычников, отправлявших кровавые ритуалы Старой Веры. А если говорить о людях, то Ольга, например... — пальцы, сжимавшие рюмку с коньяком, напряглись, — пыталась, ради меня, поверить так же, как я, но не сумела.

Ладно. Новая Вера интересовала меня гораздо больше. Но новой эта вера являлась только по названию, она была только в два раза младше христианства, даже меньше, чем в два. Я надеялся получить возможность изучить ее, задать вопросы, сравнить основные идеи. Я не знал об этой вере практически ничего — только что она монотеистична, имеет таинства и теологию, что в ней нет института священнослужителей и что она поддерживает высокие этические и моральные нормы — по ифрианским, разумеется, понятиям. Трудно ожидать, чтобы раса сугубо плотоядная, имеющая цикл течки, не способная не то что создать нации и правительства, но даже и понять, что это такое, трудно ожидать, чтобы такая раса сильно напоминала христиан. Господь дал им иную благую весть. Вот я и хотел знать — какую, что-то могло оказаться полезным и для нас.

Он снова сделал паузу.

— В конце концов... вера, вера с давней традицией... и не статическая, а ищущая, имеющая своих пророков и святых... я думал, они знают, что Господь — это любовь. Только вот какую форму принимает любовь Господа в представлении ифрианцев?

Пит выпил. Я последовал его примеру и только потом осторожно спросил:

— Э-э... а где работала эта экспедиция?

— Да есть одна система в восьмидесяти световых годах от Ифри. Поисковая команда обнаружила там террестриодную планету. Никакого названия придумывать не стали — оставили это занятие будущим колонистам, может, людям, может, ифрианцам, а может, и тем и другим сразу, если природные условия окажутся подходящими.

К слову, мир этот — наша группа называла его между собой Грей, в честь старого капитана — мир этот казался очень перспективным. Размер — что-то среднее между Землей и Ифри, тяготение — ноль восемь земного, лучистой энергии получает чуть побольше, чем Земля, от центрального светила, которое чуть поярче, чем Солнце, в результате климат немного теплее. Наклон оси — а с ним и сезонные вариации — несколько меньше, чем у Земли, год — около трех четвертей земного, сутки раза в два короче; есть одна маленькая, но яркая — из-за низкой орбиты — луна; биохимия в точности как

наша, мы могли есть местные продукты, хотя для сбалансированности рациона нужно было добавлять и привозные. Одним словом — идеал.

— Только малость далековато, — заметил я, — чтобы привлечь в те дни землян. Да и ифрианцы, судя по твоим словам, вряд ли были способны быстро там поселиться.

— Мыслят с перспективой, — пожал плечами Пит. — Кроме того — научное любопытство. И авантюрный дух у них значительно сильнее, чем у землян, в частности у тех землян, которых они наняли. Ты и представить себе не можешь, что это за счастье — быть молодым и работать в такой команде!

Ему не было еще и тридцати, но шутить на эту тему почему-то не хотелось.

— Так вот, — Пит стряхнул с себя секундное оцепенение. — Мы хотели удостовериться. Планетология, экология, химия, океанография, метеорология — все это прекрасно, но только всегда возникают миллионы самых неожиданных загадок и проблем, и во всех них надо разобраться. Нужно было выявить возможные ловушки этой планеты — каковы бы они ни были.

Сначала все представлялось ясным и безоблачным, как улыбка Девы Марии в первое Рождественское утро. Мы высадились — нельзя было задерживать корабль на околопланетной орбите, у него имелись другие дела — и организовали базу на самом обширном из континентов. В самом скором времени вся наша сотня с лишком разбрелась по шарику, исследуя, кому что поручено. Мы с Ольгой попали в группу, работавшую на южном побережье, рядом с заливом, который буквально кишел всякой живностью. Там проходило мощное морское течение, от залива оно шло на восток, дальше натыкалось на архипелаг, который отклонял его к северу. Делая облеты океана, мы обнаружили огромные, в полном смысле слова огромные скопления — да что там, настоящие плавучие острова — тую переплетенной растительности, на которых паслись чудовищные морские твари. Не возникало сомнений, что имеются там и животные помельче.

Нужно было посмотреть поближе. Флиттер, единственный наш летательный аппарат, плохо подходил для этой цели, да к тому же он был нарасхват. Но у нас были морские катера, вот мы и отправились на одном из них. В команду вошли Энэрриан, его жена Вхэл, их взрослые дети Руса и Аппах, моя красавица Ольга и я. Мы собирались достичь ближайшей травяной Атлантиды — так назвала эти острова Ольга — за три-четыре дня, поработать там с неделю и — назад. Каникулы, отдых, пикник.

Он опрокинул содержимое рюмки в рот и потянулся за бутылкой.

— И нарвались на неприятности, — предположил я.

— Нет. — Плотно сжатые губы скривило что-то вроде улыбки. — Скорее неприятность нарвалась на нас. Ураган. Совершенно неожиданный — мы почти не знали этого мира. Высокая солнечная радиация и в особенности быстрое вращение планеты делали тамошний шторм страшнее любого земного. Нам оставалось только уходить от него — и молиться. Я, во всяком случае, молился, думаю, что Энэрриан — тоже.

Ветер выл, кричал, завывал, сбивал с ног, десятками ледяных ножей рвал тело. Грохотали волны — черные, зеленые, усеянные белыми клочьями пены, затем облачная муть скрыла солнце, и все цвета потускнели. Иногда вздымался и крепостной стеной нависал над крошечным корабликом особенно чудовищный вал — вроде земного девятого. Катер соскальзывал в провал между волнами, затем взлетал на гребень, снова падал вниз. Взбитые бешеным ветром брызги воды — обжигающие холодные, горькие — густым туманом окутывали палубу.

— Уцелеем, если удержимся носом к волне, — сказал Энэрриан, когда налетел первый шквал. — Катер крепкий, аккумуляторы заряжены достаточно. Не подставлять борт под волну — и все будет в порядке.

Но теперь их несло течение, они попали как раз в то место, где могучий океанский поток достигал крайнего острова архипелага; он бурлил, пенился, закручивался десятками водоворотов. Бешенство сталкивающихся потоков воды усиливалось с каждой секундой, они сбивали катер с курса, разворачивали его и в конце концов поставили боком. Теперь ревущие волны перекатывались через палубу; словно огромный колокол, гудел под их ударами корпус.

Свободные от вахты, Пит, Ольга и Вхэл находились в кабине, тщетно пытаясь отдохнуть. Ифрианка вцепилась всеми четырьмя конечностями в свое спальное место — обтянутую сеткой раму, — крепко держалась и не произносила ни слова. В тусклом свете единственной флюоресцентной лампы, вделанной в потолок каюты, огромными топазами мерцали ее глаза. Они словно не видели окружающую тесноту; на что они смотрели — Бог знает.

Люди привязались линем к одной из нижних коеок, они обнялись, помогая друг другу противостоять качке и броскам корабля, грозившим разбить их о переборки. Белокурые волосы Ольги, лежавшие на плече Пита, были последним светлым пятном во всей его Вселенной.

— Я люблю тебя, — снова и снова повторяла она среди громовых ударов волн и завывания бури. — Что бы ни случилось дальше, я люблю тебя, Пит, и благодарна за все, что ты мне дал.

— И я тебя люблю, — отвечал он.

«И Тебя я люблю, — думал он, — но ведь Ты не возьмешь ее к себе, не возьмешь прямо сейчас, правда? Меня — бери, если будет на то Твоя воля. Но не Ольгу, без нее в Твоем творении останется слишком мало света».

Дверь каюты распахнулась.

— Все наверх! — Высокий, свистящий голос ифрианца был еле различим сквозь грохот бури.

Вхэл выбралась на палубу сразу, Берги — как только надели спасательные жилеты. Антигравы остались на базе, а вместе с ними и способность лететь — не дай Бог свалиться за борт. Ревущий ветер сбивал с ног. Едва различимые во мраке Руса и Аррак пытались справиться с румпелем. Перед Питом выросла фигура Энэрриана.

— Смотри, — сказал капитан, указывая куда-то вдаль.

Пит, не обладавший, в отличие от ифрианцев, третьим ве-ком, прикрыл глаза рукой и взгляделся. Впереди виднелась белая пенная стена, за ней вздымалось что-то, черное даже на фоне ночных неба. Уши различали шум прибоя.

— Нас несет, — крикнул Энэрриан, пытаясь перекрыть грохот и вой. — И ветер, и течение, а нам не хватает мощности. Похоже, разобьемся. Будьте готовы.

Рука Ольги испуганно метнулась ко рту. Она прижалась к Питу и что-то прошептала, скорее всего — «Нет, нет!» Затем Ольга выпрямилась, бросилась в каюту и начала собирать, держась за переборку, самые нужные из сложенных там вещей. Пит почувствовал, что сейчас он любит ее даже сильнее, чем когда-либо прежде.

Его охватило полное спокойствие, такое же, как и всех остальных. Ни у кого просто не было времени, чтобы бояться. Он тоже взялся за дело. Ифрианцы могут унести сколько-то оборудования и припасов, но совсем немного, особенно в таких условиях. Основной груз пришелся на долю людей — их удержат на воде спасательные жилеты. Все отобранное Пит и Ольга накрепко привязали к себе.

Когда они снова вышли на палубу, катер был уже на мелководье. Энэрриан послал людей к рулю; его жена, сын и дочь раскинули крылья и стали вокруг, стараясь организовать хоть какую защиту от ветра. Стояли они на руках, намертво вцепившись ими в поручни. Сам капитан выбрал своим наблюдатель-

ным пунктом крышу каюты; Берги едва разбирали обрывки выкрикиваемых им команд:

— Право на борт! Еще правее!

Слева в воздух взлетали фонтаны брызг — волны разбивались о невидимые в темноте камни. Пенные столбы скользнули мимо, исчезли во мгле.

— Два румба на штирборт — так держать!

Нос катера проскользнул между двух скал. И вдруг впереди мелькнул узкий проход, рассекавший крутой, высокий берег. Путь в лагуну, к безопасности? По обеим сторонам этих врат спасения бесился прибой.

Пройти не удалось. Кораблик ударился о камни, Ольга и Аррак свалились на палубу. Попытка дать полный назад ни к чему не привела, палуба накренилась, одна за другой через нее перекатывались ревущие волны.

Пит оказался в воде. Она подхватила его, потащила вниз, к усеянному острыми камнями дну. «*В руки Твои отдаю себя, Господи,* — думал он, — *но только пощади Ольгу, пожалуйста, пожалуйста,*» — и море выкинуло его на поверхность, позволило сделать один отчаянный глоток воздуха.

Барактаясь в непроясненной темноте, Пит пытался сообразить, как двигаются валы прибоя, что нужно сейчас делать. Если удастся удержаться на гребне, можно и спастись... трудно, но можно. И вот он на плечах несущегося гиганта; плечи эти вздывают все выше и выше, увлекают его вперед с неимоверной скоростью... Пит увидел впереди риф и понял, что сейчас в него врежется, и понял, что погиб.

В его спасательный жилет вцепились когти. Оглушительно хлопали крылья. Ифрианец не мог поднять человека, однако сумел оттащить его в сторону — совсем не далеко, но и этого хватило, чтобы Пит миновал скалу, о которую должны были раздробиться его кости, проскользнул в царивший за ней бешеный, удушающий, но — спасительный хаос прибоя. Ифрианец не успел отпустить его вовремя. Пита резко потянуло ко дну, но он успел увидеть, как золотые крылья тоже уходят под воду. Больше они не появились.

А Пит плыл и плыл, вперед и вперед, плыл бесконечно, как ему казалось, долго.

Теперь вода вокруг была беспокойной — но не более того; слева и справа темнели кручи, впереди виднелся пологий берег. Пит взгляделся назад, в гремящую мглу, но не увидел ничего.

— Ольга, — прохрипел он. — Ольга, Ольга.

Мелькнули крылья, угольно-черные на фоне темного ночных неба.

— Выбирайся на берег, а то унесет придонным течением, — крикнул Энэрриан и полетел дальше, видимо, на поиски.

Пит выбрался на жесткий, шершавый песок, упал и наконец разрешил себе потерять сознание.

Очнувшись — очень не скоро, — он увидел рядом с собой Русу и Вхэл, Энэрриан стоял чуть поодаль. Капитан выбирал пропущенный вокруг древесного ствола линь. Ольга была жива, но двигаться самостоятельно уже не могла, завязанная под мышками петля подтягивала ее к берегу.

Наступил хмурый рассвет; теперь дикая ночная буря чуть стихла, превратилась в некое подобие обычного урагана. Ветер продолжал угрожающе выть, пущечные выстрелы прибоя продолжали сотрясать островок до самого основания, однако над лагуной и полоской пляжа стояло относительное затишье — помогали окружавшие их высокие скалы. Пит и Ольга сидели, тесно прижавшись друг к другу и закутавшись одним на двоих плащом. Энэрриан разбирал спасенные припасы. Вхэл «приселла» на задние выступы своих крыльев и неотрывно смотрела в морскую даль. Влага, поблескивающая на ее седеющих перьях, напоминала слезы.

Приземлился вернувшийся со стороны прибрежных рифов Руза.

— Никаких признаков, — голос звучал устало и безжизненно. — Ни катера, ни Аппах.

Плохо соображавший, какой-то окостеневший мозг Пита все-таки отметил последовательность этих слов. И все же... Он повернулся к родителям и брату Аппах, веселой, очаровательной девушки, которая так любила петь при лунном свете.

— Не знаю, как и передать... — начал он и тут же осознал, что действительно не знает подходящих слов на планхе; пришлось перейти на английский. — Не знаю, как и передать наше сочувствие вашему горю.

— В этом нет необходимости, — сказал Руза.

— Она погибла, спасая меня!

— И то, что вы несли, то, в чем мы отчаянно нуждаемся. — К Рузе вернулось какое-то подобие энергии. — Да, у нашей девочки была смертная гордость.

Потом Пит захочет понять слова Рузы и познакомиться с этим новым для себя ифрианским понятием. «Отвага» — перевод слишком слабый и примитивный. У древних японцев были более подходящие слова, но и они не передавали всей глубины выражения «смертная гордость».

— Вы не видели, что она делала, оказавшись в воде? — спросила Вхэл, глядя на него своими желтыми ястребиными глазами. Слишком слабо знакомый с этим народом, Пит не смог

понять, что звучало в ее голосе; он подумал, что любовь. Сексуальная мотивация у ифрианцев слабее, чем у людей, — они подвержены сезонным течкам; это Пит знал, но вполне возможно, что этот народ дорожит своими детьми даже больше, чем люди. Ведь дети — сильнейшая из связей, скрепляющих мужчину и женщину, в них вся жизнь.

— Н-нет, я... Боюсь, что нет, — ответил он, запинаясь.

— Она сражалась хорошо, не сомневайся. — Рука Энэрриана на мгновение коснулась спины Вхэл. — Она воздала Господу честь. (Славу? Хвалу? Почитание? Должное?)

«Неужели он хочет сказать, что, утопая, *Apprah* молилась, исповедовалась?» Вопрос, возникший в осоловелой голове Пита, заставил его пробормотать:

— Теперь она на небесах.

И снова пришлось обращаться к английскому языку.

— Что вы говорите? — пораженно взглянул на него Энэрриан. — Она умерла.

— Да, но ее... дух...

— Мы будем гордиться, вспоминая ее дух. — Энэрриан вернулся к прерванной работе.

— Так, значит, вы не верите, — пришла на помощь Питу Ольга, — что после телесной смерти дух остается жить?

— Каким образом? — резко спросил Энэрриан. — И чего бы ради?

Его поза, движения, даже положение перьев словно говорили: «*И оставьте меня в покое*».

«Ну что ж, — думал Пит, — очень многие религии, в том числе и весьма высокие, даже некоторые секты, называющие себя христианскими, отрицают бессмертие души. Как жаль мне тех моих друзей, которые не знают, что вновь встречаются с утраченными близкими.

Не знают — и все равно встречаются. Разве может быть, чтобы Бог, из беспредельной своей доброты, из желания поделиться своим бытием сотворивший все сущее, лепил души для того только, чтобы затем разбивать их и выбрасывать?

Ладно. Сейчас главное — сохранить Ольгу в живых, удержать ее душу в этом любимом мной теле».

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Да, — сказал Энэрриан. — Проверьте нашу аптечку.

Благодаря герметичной упаковке аптечка осталась неповрежденной. Лекарств для людей — стимуляторов, транквилизаторов, антитоксинов, коагулянтов, обезболивающих, средств, ускоряющих заживление ран, и анестезирующих средств — было в нем гораздо больше, чем лекарств для ифрианцев, и это естественно. Для недавно открытой расы просто не успели еще

разработать обширную, научно обоснованную фармакопею. Правда, некоторые препараты, а также хирургическое и часть лабораторного оборудования годились как для тех, так и для других. Пит раздал всем таблетки, снимавшие боль от ушибов и ссадин, а также облегчавшие деревянную усталость перетруженных мышц. Тем временем Руся собирали дрова, Вхэл разжигала костер, а Ольга занялась приготовлением завтрака. У них было значительное количество продуктов, в основном — сущенных, а также посуда для готовки, орудия, вроде топорика и ножей, веревка, ткань, фонарики, два бластера и к ним — уйма запасных аккумуляторов. Одним словом — все для выживания.

— Но нет главного, — сказал Энэрриан. — Переносной передатчик утонул вместе с Аппах. Во время бури в эфире было не пробиться, а теперь катер на дне, вместе с ним и главный передатчик. А с воздуха нас почти и не заметишь — металла очень мало, детекторы не среагируют.

— Нас обязательно будут искать, — убежденно сказала Ольга. — Как только немного стихнет. — Пит почувствовал на своей руке тепло ее ладони.

— Это — если флиттер уцелел, в чем я сильно сомневаясь, — покачал головой Энэрриан. — Лагерь должен был попасть под ураган. Укрытие для флиттера еще не построили, а когда поднялся ветер, населению лагеря некогда было заниматься машиной, — самим бы спастись. Так что, скорее всего, эта скорлупка перевернулась и разбилась вдребезги. Если я прав, им придется посыпать запрос на новый летательный аппарат, и кто знает — как быстро удастся его доставить. Кроме того, мы находимся в неизвестной точке огромного пространства, а у экспедиции нет ни времени, ни людей для бесконечных поисков. Да, они будут нас искать, но если не найдут к какой-то там установленной заранее дате... — по перьям, покрывавшим его лицо и шею, пробежала морщина, нечто вроде волны. Человек в таком случае пожал бы плечами.

— Ну и... ну и что же нам делать? — спросила Ольга.

— Устроим какой-либо крупный, явнонского происхождения знак, либо соберем кучи топлива для сигнальных костров — все это на случай, если флиттер пролетит достаточно близко; нужно подумать, какой из вариантов практичнее. Если из этого ничего не получится — будем строить плот.

— Либо переделаем спасательный жилет, чтобы он подходил мне, — предложил Руся. — Тогда я попробую долететь до материка.

— Да, — кивнул Энэрриан, — нужно обдумать все возможности. Но сперва — отдохнем, по-настоящему.

Ифрианцы уснули быстро; идолы какого-то неведомого народа — вот что напоминали эти неподвижные фигуры, сидевшие на отростках сложенных крыльев. Несмотря на усталость, Пит с Ольгой чувствовали какое-то возбуждение и решили перед сном прогуляться.

За скалами, окружавшими пляж, земля постепенно поднималась к вершине, удаленной от места высадки километра на три. Совсем крохотный, подумал об острове Пит. Если вершина расположена в центре. И ничего похожего на приличное укрытие. Упругий ковер каких-то ярко-зеленых, похожих на мох растений; ветер гнет и швыряет из стороны в сторону сучья немногих, растущих поодиночке деревьев. Пит обратил внимание на одно из них, стоявшее неподалеку, посреди обширной каменной осыпи. Стройный коричневый ствол, бешено мечутся на ветру тонкие ветки с плотными, словно жестяными, листьями и роскошными цветами. Цветы — это, конечно, мило, очень мило, но вот кормиться здесь будет нечем; Пит не возлагал особых надежд и на океан — кто его знает, что за твари водятся на этой планете, на Грее, вместо рыб и как их ловить.

— Странно все-таки, — пробормотала Ольга.

— А? — очнулся Пит.

— Я про них. — Ольга указала через плечо на неподвижные фигуры ифрианцев. — Как они восприняли смерть бедной Аппах.

— Знаешь, нельзя все-таки подходить к ним с нашими мерками. Возможно, они вообще ощущают горе не так остро, как мы, а возможно, их обычай требуют сдержанности. — Пит взглянул на нее и больше не отвел глаз. — Правду говоря, я и сам не способен сейчас толком скорбеть. Я так боялся тебя потерять.

— А я тебя... Пит, Пит, единственный мой...

Они нашли укромное место и занялись любовью; Пит не видел в этом ничего дурного — разве есть в этой жизни лучший способ приблизиться к Богу, к этому вечному чуду?

Потом Пит и Ольга вернулись к своим товарищам и уснули, чтобы проснуться через несколько часов от хлопанья крыльев; поднявшись на ноги, они увидели взлетающих ифрианцев.

Ветер выл по-прежнему громко, но теперь он дул ровнее, без резких порывов и вихрей. По безмятежно-синему небу неслись немногие последние облака, золотые и оранжевые, в лучах закатного солнца. Лагуна отливалась пурпуром, трава словно горела ярким зеленым огнем. За день она прогрелась, и теперь к солнечному дыханию океана примешивались густые пряные ароматы растительности, цветов.

Но прекраснее всего был небесный танец. Энэрриан, Вхэл и Руса кружили, парили, бросались вниз и вновь взмывали, огромные крылья горели расплавленным золотом. Они пели, и ветер доносил до людей смятые обрывки слов: «Высоко парил твой дух, на многих ветрах... вечная память...»

— Что это? — еле слышно выдохнула Ольга.

— Ну, наверное, они... — и тут Пит понял. — Это панихида по Аппах.

Он опустился на колени и вознес молитву за упокой души крылатой девушки, не переставая сомневаться, нужен ли ей этот покой — ей, дочери неба. И, не отводя глаз от ее сородичей.

Энэрриан издал громкий боевой клич и бросился вниз. С ошеломляющей скоростью он проскользнул над той самой каменной осыпью. У Пита перехватило дыхание, на мгновение ему показалось, что ифрианец неминуемо разобьется, но тот успел затормозить и победно устремился в небо.

Но тут его хлестнула подхваченная порывом ветра ветка стоявшего на осыпи дерева, бритвенно-острые листья начисто срезали левое крыло. Хлынула кровь — у ифрианцев она ярко-алая; каким-то чудом сумевший развернуться Энэрриан приземлился на вершине осыпи, в месте, до которого чуть-чуть не доставали страшные ветки ланцетного — так назвали его потом — дерева.

Аптечка была под рукой; через мгновение Пит уже несся по каменистому склону вверх. Ольга коротко вскрикнула и бросилась следом. Добравшись до Энэрриана, они застали рядом с ним Вхэл и Русу, те вырывали у себя перья, стараясь прикрыть ими рану.

Вечер, ночь, день, вечер, ночь.

Энэрриан сидел у костра. В слабом, неверном свете его фигура то вырисовывалась на фоне непроглядной тьмы, то совсем — за исключением огромных, немигающих топазовых глаз — исчезала. Жена и сын не оставляли его ни на минуту. Стимуляторы, антикоагулянты и кровезаменитель сделали свое дело, искалеченный ифрианец мог уже говорить, правда — тихо, хрипло. Повязка на ране буквально сверкала белизной.

Импровизированный лагерь расположился на дальнем краю острова, в лощине, густо поросшей низким красновато-коричневым кустарником. От кустов шел отвратительный запах, особенно нестерпимый в субтропической духоте, колючие ветки цеплялись за ноги, рвали одежду, однако другого, столь же укрытого от ветра места на острове не было, а на открытом пляже Энэрриан (его принесли в лощину на самодельных носилках) вряд ли пережил бы новую бурю.

Берги сидели по другую сторону костра, тесно прижаввшись друг к другу. Желтые, отсвечивающие в темноте глаза нашли их сквозь пелену дыма.

— Я читал, что ваш народ умеет заново выращивать утраченные части тела.

Слова Энэрриана прозвучали в почти полной тишине, нарушаемой только еле слышным шорохом прибоя.

Пит молчал. Он пытался ответить, но не мог, не хватало смелости. На помощь пришла Ольга.

— Мы умеем, но только у себя. Ни у кого другого. — Она уронила голову Питу на грудь и заплакала.

Да, что ж тут поделаешь, расшифровка генетического кода — дело долгое и кропотливое, к тому же нужно очень много работы, чтобы заставить молекулы наследственности повторить работу, уже сделанную ими однажды. У науки еще не было времени на другие расы. А на все — и никогда не будет, слишком уж их много.

— Так я и думал, — кивнул Энэрриан. — А хорошие протезы — их тоже нескоро научатся делать. Так что мне осталось жить год-другой; ифрианец, лишенный возможности летать, быстро заболевает.

— Антигравы... — неуверенно начал Пит. И почти физически, как удар, ощущил презрение, мелькнувшее в желтых немигающих глазах. Крылатому — летать с помощью мертвого бездушного металла?

За всю историю высокомерных, яростно-свободолюбивых ифрианцев не было ни одного восстания рабов — и неудивительно, ведь рабы эти почти лишены жизненных сил. Если вы — мужчина, представьте себя кастрированным. Энэрриан может махать единственным своим крылом и культай второго, насыщать свою кровь кислородом, но куда ему деть избыточную энергию? Подобно кислоте, она будет разъедать тело, затем доберется и до мозга.

Рука Вхэл коротко, всего на какое-то мгновение тронула его спину.

— Завтра придумайте сигнал, — сказал Энэрриан. — И начинайте работу. Слишком много времени ушло впустую.

Перед сном Пит отвел Вхэл в сторону.

— Знаете, — прошептал он в душной, оглушительной тишине, — ему необходим постоянный присмотр. Лекарства помогли преодолеть шок, но дальше принимать их нельзя, а он очень слаб.

— Знаю, — сказала ифрианка скорее шорохом перьев, чем голосом, и добавила, уже громко: — Им займется Ольга. Она не

может передвигаться так свободно, как мы с Русой, и у нее нет вашей физической силы. Заодно она будет на всех готовить.

— М-м... М-м... — Пит не знал, с чего начать, он уже боялся этого разговора. — Как вы думаете... ну, я имею в виду вашу этику, этику Новой Веры, — Энэрриан не может покончить с собой?

«Неужели, — подумал он, — Господь осудил бы капитана за такой поступок?»

Глаза Вхэл вспыхнули негодованием, крылья и хвост расправились, хохолок встопорщился.

— И вы смеете такое о нем? — почти взвизнула она, но, увидав испуганное недоумение Пита, стихла и даже издала звук *k-rrr*, примерно соответствующий ироническому смешку. — Нет, нет, у него достанет смертной гордости. Он не может не воздать Господу честь.

После обследования острова и нескольких экспериментов решили вырезать на дерне гигантский крест. В сыром виде здешняя растительность не горела, а валежника едва хватало на маленький костер, о большом, маячном, и разговор не шел.

Лопат не было, растительный ковер оказался толстым и плотным, работа буквально выматывала. Возвращаясь в лагерь, Пит, Вхэл и Руса буквально падали от изнеможения и сразу засыпали. Вставал Пит только после восхода солнца, проглатывал, не чувствуя вкуса, какую-то пищу и плелся на работу. Он отошел, оброс бородой, весь пропитался потом и грязью. Мысли ворочались в голове тупо, устало, каждая клетка перетруженного тела болезненно ныла.

Поэтому он не замечал, как потускнела и осунулась Ольга. Порученный ее заботам, Энэрриан поправлялся. Она занималась своими — относительно легкими — делами и стеснялась жаловаться на головную боль, головокружение, понос и тошноту, считая, что во всем виноват перенесенный шок, плюс недостаточное и плохо сбалансированное питание, плюс жара и духота, плюс... Она считала, что выдержит.

Дни были слишком коротки для работы, ночи — слишком коротки для отдыха. Пита постоянно одолевало одно и то же ужасное видение — флиппер появляется и исчезает за горизонтом, прежде чем ифрианцы успевают привлечь к себе внимание. Тогда придется посыпать за помощью Русу. Но такой полет — дело долгое, опасное и ненадежное, к тому же лагерь на берегу залива был временным, в любой момент его могли свернуть.

Другая мысль, часто посещавшая Пита, — что бы делали они с Ольгой, оставшись на Грее вдвоем? Даже в теперешнем своем отупелом состоянии он понимал безнадежность такого

варианта. Взять хотя бы элементарнейший факт — здесь отсутствовали некоторые из витаминов...

Примерно через земную неделю после памятного урагана Пит услышал ночью свое имя; он медленно, мучительно выплыл из пучин сна. Ольга лежала рядом. В небе стояла почти полная луна, более яркая и быстрая в своем движении, чем Луна земная. Ее сияние затмевало почти все звезды, призрачным инем падало на кусты. И безжалостно вырисовывало запавшие щеки его жены, полные боли глаза. Ольгу била дрожь, Пит услышал, как стучат ее зубы.

— Мне холодно, родной, — прохрипел в душной тишине субтропической ночи с трудом узнаваемый голос. — Мне холодно.

Затем Ольгу вытошило, прямо Питу на грудь, и она впала в горячечный бред.

Ифрианцы помогали чем могли, Пит давал жене какие-то лекарства из немногих, имевшихся в аптечке. К восходу (нестерпимое в своем великолепии зрелище, мешавшее золотые, розовые и серебристо-голубые тона) стало ясно, что Ольга умирает.

Пит — а точнее, какой-то механизм, в который превратился его мозг, — обследовал свое собственное состояние. Да, его изможденность объясняется не только тяжелой работой, теперь это стало совершенно ясно. У него тоже случались желудочные неурядицы, иногда его бил озноб. Никакого сравнения с полным распадом Ольги, однако явления того же плана. Ифрианцев болезнь не затронула. Возможно, на людей набросился какой-нибудь местный микроб, считающий крылатую расу несъедобной?

Ответ знали спасатели, появившиеся на острове через два (локальных) дня. Кусты, окружавшие лагерь, широко распространены по всей планете. Одна из исследовательских групп заболела в полном составе, после чего они надели изолирующие костюмы и провели анализ выделенных этим растением испарений. В них содержалось некое вещество, практически безвредное для ифрианцев, но при этом — кумулятивный яд* для людей. Первооткрыватели назвали эти кусты «адская колючка». К несчастью, это сообщение поступило только после отплытия катера. Пит выжил по случайности — он целый день работал на открытой местности, в то время как Ольга постоянно находилась в лощине, среди кустов.

* Яд, действие которого зависит не от разовой, а общей, накапливающейся, кумулятивной дозы.

Хмурые, помрачневшие Вхэл и Руса вернулись к работе, но Пит пошел не с ними, а в другую сторону. Сам не совсем понимая почему, он нуждался в одиночестве. Только в одиночестве мог он бросить в небо немой, отчаянный вопль: «Почему Ты сделал с ней это? Почему Ты это сделал?» Присмотреть за Ольгой сможет Энэрриан — Энэрриан, которого Ольга вернула к ненужной ей жизни. Пит сделал жене успокаивающий укол, быстро прекративший ее мучительные судороги, невнятное бормотание, скрип зубами. Теперь она будет спать мирным сном, который плавно перейдет в смерть, неизбежную — об этом говорили результаты всех анализов — при отсутствии серьезной медицинской помощи.

Спотыкаясь, он вскарабкался на центральный холм. Со всех сторон лежало огромное спокойствие лазурью и голубизной отсвечающего моря, над головой нависал такой же безмятежный купол неба. Пит преклонил колени и задал свой вопрос.

Через час он смог сказать: «Да пребудет воля Твоя» — и вернуться в лагерь.

Ольга не спала.

— Пит! — закричала она. — Пит! — Мука исказила голос Ольги до полной неузнаваемости; Пит вообще не узнавал ее в этом скелете, обтянутом пожелтевшей, покрытой испариной кожей, не узнавал длинные слипшиеся пряди белесых волос, его пугали нестерпимый запах и ногти, больно, до крови, вцепившиеся в его руку.

— Где ты был, прижми меня покрепче, как мне больно, Господи, как мне больно...

Пит сделал ей еще один укол, но почти без всякого эффекта.

И он снова опустился на колени рядом с ней. Пит не стал рассказывать мне, что он говорил, как все это было. Через некоторое время она успокоилась, крепко взяла мужа за руку и стала ждать конца своих мучений.

Пит сказал только, что, когда Ольга умерла, это было, словно кто-то задул огонек свечи.

Он уложил ее, закрыл ей глаза, подвязал челюсть, сложил руки на груди. Механически передвигая непослушные ноги, он подошел к сооруженному для Энэрриана шалашу. Однокрылый ифрианец ждал его.

— Она пала? — спокойным голосом спросил он.

Пит молча кивнул.

— Это хорошо, — сказал Энэрриан.

— Нет. — Пит сам не узнал свой, словно издалека доносящийся, хриплый голос. — Ей не нужно было просыпаться. Наркотик должен был... Вы что, сделали ей стимулирующий укол? Вы вернули ее к этим страданиям?

— А как же еще? — спросил Энэрриан, спросил совершенно спокойно, хотя был без оружия, а его бластер валялся на земле, у самых ног Пита. «Только не это, — пронеслось в измученном мозгу, — это только облегчит ему его судьбу».

— Я увидел, что вы ошиблись в дозировке, — видимо, от усталости. Вы ушли, а я был не способен вас догнать. Она могла умереть до вашего возвращения.

Питу казалось, что он находится в необъятной пустоте, что перед ним нет ничего, кроме этих сверкающих глаз.

— Вы хотите сказать, — спотыкаясь, спросил чей-то чужой, дребезжащий голос, — …хотите сказать… что она… не должна была?..

Энэрриан подполз ближе — лишившись одного крыла, он мог только ползать — и взял Пита за руки.

— Мой друг. — В его голосе звучало безмерное сострадание. — Я слишком чтил вас обоих, чтобы лишить ее возможности показать свою смертную гордость.

Пит не ощущал, не осознавал ничего, кроме жесткого холода этих острых когтей.

— Неужели я ошибся? — обеспокоенно спросил Энэрриан. — Разве вы не хотели, чтобы она вступила в битву с Богом?

Любая ночь когда-нибудь кончается, даже долгая ночь Люцифера. К тому времени как Пит завершил свое повествование, вершины утесов уже зажглись светом начинавшегося дня.

Смерив взглядом остатки коньяка, я располовинил их по нашим рюмкам. Придется устроить сегодня выходной.

— Да, — умудренно кивнул я. — Межкультурная семантика. Движимые наилучшими намерениями, двое существ с разных планет — да что там планет, зачастую из соседних стран — считают само собой разумеющимся, что они думают одинаково. Последствия бывают весьма трагичными.

— Это-то я понял сразу, — сказал Пит. — Мне не потребовалось прощать Энэрриана — откуда ему знать? Кстати, он был крайне озадачен, когда я похоронил свою любимую. У себя на Ифри они сбрасывают их над дикими, ненаселенными местами с большой высоты. Однако ни одна, ни другая раса не хочет смотреть, как гниет и разлагается тот, кого знали и любили раньше, поэтому он сделал все, чтобы мне помочь, все, что было в его охромевших возможностях.

Он глотком опустошил рюмку, а затем прищурился на злое ослепительно синее солнце и пробормотал:

— А вот Господа — Его я простить не мог.

— Проблема зла, — с прежней умудренностью поддержал его я.

— Нет, нет. Последние годы я старательно изучал эти вопросы — читал теологическую литературу, беседовал со священниками. Почему Бог, если Он — Бог личный и любящий, допускает существование зла? На такой вопрос христианство дает вполне разумный, убедительный ответ. Человек — и вообще любое разумное существо — должен обладать свободой воли. Иначе мы превратимся в марионеток, и существование наше утратит всякий смысл. Свобода воли необходимо включает в себя способность творить зло. Мы проводим свою жизнь здесь, в этом мире, чтобы научиться быть благими по собственному выбору, без принуждения.

— Да, — смутился я, — ляпнул я, конечно, по неграмотности своей. А все этот коньк. Нет, твоя логика, конечно же, безупречна — вне зависимости от того, согласен я с изначальными предпосылками или нет. Я хотел сказать другое: проблема боли. Почему всемилостивый Бог допускает ничем не заслуженные страдания? Если он действительно всемогущ, ничто его к этому не вынуждает.

Конечно же, я не имею в виду ощущение, заставляющее отдергивать руку от огня, или что-либо еще в этом роде, полезное и осмысленное. Но несчастные случайности, уносящие жизни... либо лишающие разума... — Я тоже допил. — То, что произошло с Аррак, и с Энэррианом, и с Ольгой, да с Вхэл и с тобой. То, что происходит, когда начинается эпидемия, или катастрофы, про которые говорят — на то была воля Божья. Или медленный распад, пожирающий нас в старости. Все такие ужасы. И неважно, что наука совладала со многими из них, — осталось более чем достаточно, а к тому же предки наши должны были терпеть их все.

Зачем? Почему? Какой цели может это служить? И нет никакого смысла в заявлениях, что после смерти мы получим бесценную награду, так что какая разница — приятно здешнее наше бытие или мучительно. Это ничего не объясняет. Так что, Пит, именно эта проблема тебя и мучит?

— В некотором роде. — Он кивнул так устало, что могло показаться — передо мной глубокий старец. — Во всяком случае, тут начало моей проблемы.

Понимаешь, после этого я почти все время был один, в окружении ифрианцев. Другие люди мне сочувствовали, но все, что они могли сказать, я знал и без них. В то же самое время Новая Вера... ты только не подумай, что я хотел в нее перейти. Я просто надеялся увидеть вещи с новой стороны, надеялся, что такой взгляд поможет мне достичь христианского понимания наших

утрат. А Энэрриан был настолько убежден в своих верованиях, настолько образован...

Мы говорили с ним и говорили, говорили все то время, пока я восстанавливал силы. И оказалось — он понимает не больше моего. Нет, он вполне мог найти нашим бедам соответствующее им место в миропорядке, это было совсем просто. Но тут вдруг выяснилось, что Новая Вера не имеет удовлетворительного решения проблемы зла. С ее точки зрения Бог позволяет злодейство для того, чтобы мы могли с честью бороться на стороне добра. Довод слабый, если хоть немного над ним задуматься, особенно когда он формулируется в системе понятий плотоядных ифрианцев. Ты согласен?

— Тебе лучше их знать, — вздохнул я. — Судя по всему, ты намерен сказать, что их религия имеет лучшее решение проблемы боли, чем наша.

— Так оно, во всяком случае, выглядит. — В его запинающихся словах мелькнуло что-то вроде отчаяния. — Они — охотники, точнее — были охотниками до самого последнего времени. Поэтому и Бог в их представлении — тоже Охотник. Ты только уясни себе с самого начала, что именно Охотник, а никак не Мучитель. Он радуется нашему счастью — примерно как нас радует вид какого-нибудь оленя, резвящегося на травке. Но в конечном итоге Он обязательно приходит за каждым из нас. Вот тут и наступает самый гордый момент нашей жизни — когда мы, зная Его всесилие, вступаем с Ним в борьбу, даем Ему еще раз подтвердить честь хорошего Охотника.

Он зарабатывает эту честь. Это служит некой высшей цели. (Той же самой, ради которой мы возносим хвалу Господу? Откуда мне знать?) А затем мы мертвы, сбиты наземь, от нас остаются лишь недолговременные воспоминания в мозгу тех, кто избежал на этот раз смерти. Для этого Бог и создал Вселенную.

— И это — древнее верование, — сказал я, — не какое-нибудь там измысление нескольких психов. Верование, которого столетиями придерживались миллионы разумных, культурных существ. С этой верой можно жить, с этой верой можно умирать. И если она и не разрешает всех парадоксов, она разрешает некоторые из них — те, на убедительное решение которых не способно христианство. Вот это и есть твоя дилемма, так?

Он снова кивнул:

— Священники говорят, что я должен отринуть ложную веру и признать возможность непостижимого. Ни тот, ни

другой совет не кажется мне верным. А может, я хочу слишкомного?

— Извини, Пит, — сказал я с полной искренностью, понимая, что могу сделать ему больно. — Только откуда мне знать? Я тоже заглядывал в эту бездну, но не увидел там ничего. И больше не смотрел. Ты продолжаешь в нее смотреть. Кто из нас смелее?

— Не знаю, может, ты найдешь какой-либо подходящий стих в Книге Иова. Не знаю, ничего я не знаю.

Пылающее солнце все выше поднималось над горизонтом.

МАРЖА* ПРИБЫЛИ

В этой приемной, на фоне искрящегося пластика стен, среди высоких нефритовых колонн, уходивших в сводчатый полумрак потолка, в компании переговаривающихся и перемигивающихся машин живая секретарша была, конечно же, анахронизмом. Иначе говоря, за письменным столом сидел совершенно сногсшибательный, рыжий и длинноногий анахронизм. Капитан Торрес лихо щелкнул каблуками и представился. Скользнувший по соблазнительным кривым взгляду неприятно зацепился за висевший на талии нидлер.

— Добрый день, сэр, — улыбнулась секретарша. — Сейчас посмотрю, освободился ли уже мастер ван Рийн. — Из включенного интеркома громыхнули трехмегатонные ругательства. — Нет, видеосовещание еще не окончилось. Посидите, пожалуйста.

Прежде чем интерком замолчал, Торрес успел разобрать несколько фраз:

— ...он предоставит нам исключительные привилегии, иначе мы объявили эмбарго, Ja, а может, даже организуем блокаду. Все эти императоры занюханных планеток — кем они, мать вашу, себя считают? Хоккей, есть у него миллион солдат под ружьем. Так вот, пусть он возьмет всех этих солдат, с их кованными сапогами и фузеями, и засунет их себе в... — Щелк.

Торрес завернулся в плащ и сел, закинув до блеска начищенный сапог на обтянутое короткими белыми панталонами колено. Странное дело, он чувствовал себя одновременно и чересчур одетым и голым. Официальное одеяние Мастера Ложи Объединенного Братства Космоторговцев не походило ни на привычный комбинезон, ни на легкий спортивный костюм,

Margin of Profit
Copyright © 1956 by Poul Anderson

* Разность продажной цены и себестоимости товара либо минимальный доход, необходимый для поддержания деятельности предприятия. (Примеч. пер.)

который он надевал на Земле. В довершение всего еще там, километром бесконечных этажей ниже, стоявшие у входа охранники не только проверили его документы и рисунок ретины, но и заставили сдать оружие.

«Черти бы драли этого Николаса ван Рийна и всю Торгово-техническую Лигу! Самого бы его сбросить на Плутон без подштанников».

С другой стороны, торговый князь имел полное основание опасаться наемных убийц и похитителей — при всей своей славе отличного стрелка. Но даже если и так, не очень-то вежливо вооружать секретаршу.

«Интересно, — с легким сожалением подумал Торрес, — она что — тоже одна из любовниц старого хрена? Возможно, и нет. Все равно ничего не выйдет, принимая во внимание напряженность отношений Братства с компанией, а заодно и со всей Лигой; ее контракт, несомненно, включал обычную для таких случаев клятву вассальной верности». За спиной рыжей секретарши красовалась эмблема Лиги — золотой, украшенный драгоценными камнями диск солнца, в центре — старинный ракетный корабль, а по краю девиз: «Все, что выдержит транспорт». «“Выдержит”, — кисло усмехнулся капитан. — Это в каком же смысле — “выдержит”?» Под эмблемой Лиги висел фирменный знак этой конторы, Галактической Компании специй и спиртных напитков.

При вторичном включении из интеркома снова посыпались непристойности, но прежнего накала в них не было, аппарат словно бормотал ругательства себе под нос.

— Проходите, пожалуйста, — сказала девушка Торресу, а затем добавила, уже в микрофон: — Сэр, Мастер Ложи капитан Торрес, по предварительной договоренности.

Астронавт встал и направился к двери кабинета, его худощавое, обветренное лицо напряглось. Встреча с такой шишкой — редкое событие, да и вообще, он добрых десять лет не употреблял слова «сэр» и «мадам».

Одна из стен обширного кабинета оказалась прозрачной, где-то далеко внизу теснились отнюдь не низенькие здания Джакарты, а дальше — зелень, расцвеченная яркими пятнами тропических садов, расплавленный блеск Яванского моря. По трем остальным стенам огромный (Торрес таких даже не видал) компьютер, полки, уставленные внеземными раритетами, а также, что удивительно, тысячами старинных печатных книг в роскошных кожаных переплетах, заметно потертых — хозяин явно держал их не для декорации. Беспорядок на необъятных размерах столе близок к максимальной энтропии; среди канцелярского хлама выделяется небольшая, вырезанная из марсианского

песчаного корня статуэтка святого Дисмаса. Несмотря на отчаянные усилия вентиляторов, воздух заполнен густым, вонючим табачным дымом.

Посетитель четко отдал честь.

— Мастер Ложи капитан Рафаэль Торрес, по поручению Братства. Добрый день, сэр.

Огромный, двухметрового роста и с более чем соответствующей ширины плечами, ван Рийн буркнул что-то неразборчивое. Несмотря на тройной подбородок и обширное брюхо, он совсем не выглядел мягкотелым. На волосатых пальцах сверкали многочисленные кольца, на широких запястьях, под желтыми от табака кружевными манжетами — браслеты. Маленькие черные глазки, близко посаженные к внушительному крюковатому носу, сверлили посетителя прямо-таки с лазерной интенсивностью. Живописный хозяин кабинета набивал трубку и не произнес ни слова, пока не покончил с этим занятием.

— Так, значит, — прорычал он утробным басом, — все ваши слова исходят от имени этого, слова доброго не стоящего союза. — Говорил ван Рийн с густым, как окутывавший его голову табачный дым, акцентом. — И от женщин тоже? Никогда не понимал, они-то как не стесняются своего в нем членства.

Нафабренные усы и длинная козлиная бородка нависали над золотым шитьем жилета; под жилетом не было ничего, кроме саронга, из-под которого высовывались слоновые лодыжки и широченные босые ступни.

— Да, сэр. — Сделав над собой усилие, Торрес говорил совершенно спокойно. — Хотя, конечно, разговор наш не будет официальным... пока. Я имею честь представлять все местные, расположенные на территории Содружества, отделения, а ложи, находящиеся за пределами Солнечной, выразили свою солидарность. Насколько мы понимаем, именно вы будете представителем торговцев Лиги.

— В некотором роде. А ваши требования я отфутболю сотрудникам — тем из них, которые не успеют вовремя попрятаться в своих кабинетах и гаремах. Садитесь.

Не желая попадать в мягкие объятия кресла, капитан пристроился на краешке сиденья.

— Ситуация предельно проста, — резко сказал он. — Голоса уже подсчитаны, и результаты вряд ли вас удивят. Как вы понимаете, мы не объявляем забастовку, однако, есть там контракты или нет, пока с этой опасностью не будет покончено, мы не проведем ни одного корабля через Коссалут Борфу. А если кто-либо из владельцев попытается принуждать нас в судебном порядке, ему объявит бойкот. Мы попросили о сегодняшней

встрече, мастер ван Рийн, чтобы внести в этот вопрос полную ясность и получить одобрение Лиги — без излишнего шума, который может привести к настоящей сваре.

— Кой черт, да вы же сами себе тупым ножом глотку перепиливаете. — Негоциант говорил до неожиданности спокойно. — И дело не только в оплате да комиссионных. Если прекратить регулярное снабжение сектора Антарес, там могут утратить привычку к лондонскому сухому джину и корице. Другие компании также не обрадуются потере доходов. Если, например, Технические Службы Джо-Бой перестанут посыпать туда инженеров и ученых, колонии быстро обзаведутся своими собственными. Да кой хрен — через несколько лет мы полностью потеряем весь тамошний рынок! Ну и что тогда? Вы в проигрыше, я в проигрыше, все мы в проигрыше.

— Ответ очевиден, сэр. Нужно проложить маршрут в обход Коссалута. Знаю, тогда он пройдет через области, опасные в астрономическом смысле, или крюк будет очень большим. Наша братья и сестры согласны на любой из этих вариантов.

— Что? — невероятным образом мастер ван Рийн сумел басисто взвизгнуть. — Вы бы еще придумали обход из задницы в рот! Это же удвоит, утверит расстояние! Оплата рабочей силы, амортизационные расходы, компенсации пострадавшим в авариях, страхование — все взлетит до небес. Годовые поставки уменьшатся в два, в четыре раза! Да мы же в трубу вылетим, тогда уж лучше совсем забыть про Антарес!

Маршрут оказывался действительно дорогим, и Торрес это знал; а вот сумеет компания выдержать такие расходы или нет — дело темное, все их гроссбухи хранятся в тайне. Он терпеливо выждал, пока стихнет поток ругательств, а затем продолжил:

— Вы сами знаете, что борфудианские банды орудуют уже два года. Все попытки остановить их провалились. Не нужно думать, что мы вдруг ударились в панику, рядовые братья и сестры давным-давно проголосовали бы за обход этого пропавшего места. Мастера Лож сдерживали их сколько могли, в надежде на какой-нибудь выход. Больше ждать невозможно.

— Послушайте, — в басе ван Рийна появились чуть не просящие нотки. — Мне все это нравится не больше, чем вам. Возможно, даже меньше. От убытков одной моей собственной компании я готов заплакать навзрыд. Но пока мы держимся — на самом краю, но держимся. Вы вот подсчитайте. За все про все они захватывают пятнадцать процентов кораблей, в Гамма-Мгле или на Каменных Полях мы потеряем больше. И команды пропавших кораблей не просто попадут в плен, откуда их можно, постаравшись, выцарапать, они погибнут. А еще больший крюк через мирный прозрачный вакуум — это, конечно, впол-

не безопасно, но только от каждого такого рейса мы будем терпеть чистые убытки. Даже если ваше Братство снизит свои ни с чем не сообразные ставки, на таких далеких полетах придется поставить крест. У нас есть и другие рынки.

— Засуньте свои меркантильные подсчеты знаете куда? Вы бы хоть раз подумали о людях! Метеоритные потоки, инфра-звезды, бродячие планеты, черные дыры, радиационные бури, враждебные туземцы — к этому мы привыкли, только вот встречали вы кого-нибудь из этих оболваненных людей? А вот я встречал. Именно тогда я и решил призвать Братство к действиям. Я не хочу, чтобы подобное случилось со мной, или с кем-нибудь из моих братьев и сестер. Почему бы вам и вашим богатеньким дружкам не повести корабли самостоятельно?

— Хо-хо, — пробормотал ван Рийн. Не выказывая ни малейшей обиды, он подался вперед. — Может, поделитесь впечатлениями?

— Я встретил его на Аркане-третьем, это — вы, наверное, помните — самостоятельная планета на окраине Коссалута. Мы пришли туда с грузом чая. Там же стоял и их корабль, так что мы ходили только вооруженными группами, всегда готовые стрелять в любого подозрительного борфудианца — да, даже в любого борфудианца, но они к нам не приближались. Зато я увидел его, человека, которого они поймали; он шел по какому-то поручению. Я с ним заговорил, а потом мы попытались поймать его, чтобы отвезти на Землю, исправить то, что сделала с ним эта адская электронная машина... Он бешено сопротивлялся, вырвался и убежал. Господи, даже в кандалах этот человек был бы свободнее! И я чувствовал, что он хочет отсюда выбраться, что внутри он криком кричит — но не может преодолеть внушение. *И даже не может сойти с ума...*

Только сейчас Торрес заметил, что ван Рийн обогнул стол и сует ему в руку бутылку.

— Вот, глотните немного, — сказал торговец. Огненная струя обожгла пищевод, разлилась по желудку. — Я тоже видел внушенного — давно, когда еще ходил в рейсы. Парень работал там техническим экспертом, собрался домой, а местный князек не захотел его отпускать — вот и устроил такую гадость. Мы тогда отловили все-таки бедолагу и доставили домой. — Толстяк вернулся на свое место и раскурил погасшую трубку. — Только сперва поколдовали немного с главным механиком, состряпали маленькую такую хлопушку и хлопнули ее в королевском дворце. — Он слегка усмехнулся. — Килотонн так на пять хлопушка.

— Если вы желаете организовать карательную экспедицию, сэр, — хрипло сказал Торрес, — то я гарантирую вам полные корабельные команды.

— Нет. — Ван Рийн энергично встряхнул головой; черными змеями мелькнули слипшиеся пряди длинных, до плечей достающих волос. — Вы же знаете, у Лиги почти нет боевого флота. У больших кораблей есть большой недостаток — они омертвляют большой капитал. Использовать малую силу, чтобы привести в сознание какого-нибудь не в меру зарвавшегося планетного князька, — это одно дело, но даже не воевать с Борфу, а только готовиться к такой войне — тут многие из наших компаний станут на грань банкротства.

— Но какой это будет прецедент, если вот так все им спускать? Найдутся ведь и другие любители поживиться.

— Да, есть и такой момент. Но ведь есть и правительство Содружества. Только попробуй мы, торговцы, организовать крупномасштабные действия на таком расстоянии от Солнечной системы, сразу пойдут вопли о нашем «империализме». И у нас будет уйма неприятностей прямо здесь, в центре цивилизации. Нас могут даже назвать пиратами — ведь все эти политики и чинодралы считают, что распоряжаться людьми — их суверенное право. Солнце может даже выступить против нас — под тем предлогом, что Коссалут всего лишь «осуществляет суверенные права в законной сфере своего влияния». Вы же знаете, что земные дипломаты фактически палец о палец не ударили, чтобы прекратить этот разбой. Более того, очень многие политики посмеиваются в ладошку, наблюдая, как мы, гнусные спекулянты, получаем трепку.

— Да, конечно, — охотно согласился Торрес, — я не меньше вашего негодую, наблюдая официальную реакцию, а точнее — полное ее отсутствие. Но как же Лига? Я хочу сказать, ведь ее руководители наверняка перепробовали все возможные меры. Так что же, ничего не выходит?

— Хочешь сказать, мальчик, ну и говори, мне самому об этом и говорить паскудно. *Ja*. Верно. Угрозы, в ответ на которые борфудианцы только улыбаются от уха до уха, зная, в каком мы стесненном положении. Не сработали ни соблазнительные коммерческие предложения, ни экономические санкции — торговля с нами их просто не интересует. Наоборот, они надеются, что мы вскоре уберемся с их территории — как ты сегодня и предложил. Это вполне устраивает тамошних заправил, они опасаются инопланетного влияния... Подкуп? Ну каким, скажи мне, образом можно подкупить существо, имеющее высочайшее положение в совершенно чуждой тебе цивилизации? Убийство? Увы, мы потеряли нескольких весьма способных убийц, и без

какого-либо благоприятного результата. — После чего ван Рийн ругался, ни разу не повторяясь, две минуты кряду. — Вот так и сидят эти грабители своими жирными задницами на маршруте, ведущем к Антаресу и всем звездам, которые за ним! Этого нельзя терпеть, давить их надо!

— А ваш ультиматум, — закончил он уже спокойнее, — ставит вопрос ребром. Кстати, насчет «ставить». Самое, пожалуй, время выпить по стакану пива. Мы тут с несколькими ребятами наметили небольшой мозговой штурм, может, что и придумаем. А ты скажи своим, чтобы подержались еще немножко, хорошо? Ну так что, сопроводишь меня в бар? Нет? Тогда всего вам хорошего, капитан, хотя ничего хорошего пока не видно.

У всех давно на зубах навязло, что структура общества связана с его технологией. Связана не однозначно — совершенно различные культуры могут пользоваться одними и теми же орудиями — но эти орудия определяют спектр возможностей; откуда возьмется межпланетная торговля, если нет космических кораблей? Раса, прикованная к одной-единственной планете, обладающая высокими научными познаниями, а также промышленной и военной техникой, требующими больших капиталовложений, неизбежно склоняется к колLECTивизму — как бы его ни называть. Для свободного предпринимательства нужен простор.

Автоматизация и собственные минеральные богатства Солнечной системы предельно удешевили производство большинства товаров. Затем, с появлением миниатюрных, чистых и простых термоядерных энергетических установок, резко упала и стоимость энергии. Исследования в области гравитации привели к созданию гипердрайва, который, в свою очередь, открыл путь в Галактику, а заодно и создал нечто вроде предохранительного клапана. Любой гражданин, недовольный правительством, мог эмигрировать в какое-либо иное место, начался исход — впоследствии этот период окрестили Развалом, — посевший смена свободы во многих мирах. Взросление колоний ослабляло их связь с родной планетой.

Между различными разумными расами не возникало политического союза — слишком мало родственного было в их культурах, слишком велики межзвездные расстояния. Не возникало между ними и вооруженных конфликтов; не говоря уж об опасности уничтожения, им было нечего, собственно, делить. Нельзя сказать, чтобы царили такие уж тиши да гладь да Божья благодать, ведь крайне редко встречается разумная раса, не обладающая врожденной безжалостностью, неразборчивостью в средствах. Однако, как бы там ни было, возникавшие балансы

сил поддерживали определенную стабильность. Тем временем резко возрастили грузовые перевозки. Колонии нуждались в предметах роскоши, метрополия — в колониальных продуктах, кроме того, у более древних цивилизаций было много вещей, необходимых более молодым, вещей, которые дешевле импортировать, чем производить самостоятельно.

При таких условиях неизбежно возникал самый радикальный капитализм. В равной степени неизбежными становились поиски общих интересов, образование союзов, раздел сфер влияния. Мощные компании, конечно же, конкурировали, однако у их руководителей хватало ума видеть, что, несмотря на это, им необходимо и сотрудничать, причем в очень многих областях, необходимо как-то разрешать возникающие споры и выступать общим фронтом против требований государства — любого государства.

Сфера влияния каждого государства ограничивалась одной, в крайнем случае — несколькими планетными системами; возможности для контроля за торговцами, оперировавшими по всей обозримой Вселенной, почти у них отсутствовали. Взятки, шантаж, простое осознание собственного бессилия — все это делало свое дело; мало-помалу прекратились последние попытки такого контроля.

Эгоизм — огромная сила. Правительства, официально приверженные альтруизму, оставались разделенными, а тем временем Торгово-техническая Лига сделалась чем-то вроде сверхправительства, раскинувшего сферу своего влияния от Канопуса до Денеба, вербовавшего своих членов и наемных работников из тысяч разумных рас. Это было горизонтальное общество, независимое от политических и культурных границ. Лига вела собственную политику, заключала свои собственные договоры, организовала свои базы, сражалась в собственных битвах... и какое-то время, выдаивая Млечный Путь, делала для распространения воистину универсальной цивилизации и для укрепления воистину прочного мира больше, чем все дипломаты за всю известную историю мира, вместе взятые.

Но и у нее не всегда и не все шло гладко.

Особняк — один из многих, принадлежавших Николасу ван Рийну, — стоял на вершине Килиманджаро, среди вечных снегов. Хорошее место для организации обороны и, соответственно, для проведения совещаний.

Колючие звезды в иллюминаторе поползли вверх, машина пошла на посадку, скользнула к высоким, ярко освещенным башням. Бросив взгляд на небо, ван Рийн различил Скорпиона с рубиновым, тревожно мерцающим огоньком Антареса и погро-

зил кулаком слабеньким, без телескопа не различимым звездам.

— Вот как, значит, — пробормотал он. — Шутки с ван Рийном шутить изволите. Нужно прокладывать маршрут к Стрельцу, а вы, значит, под ногами путаетесь. Ну, сволочи, дорого это обойдется.

И вдруг вспомнились дни, когда он водил корабли в дальний космос, скупал в чужих, странных городах сокровища, неслыханные еще на Земле. На мгновение сдавило сердце — Луна, вот теперь самый дальний его космос. Несчастный толстый старик, как каторжник к ядру, прикованный к одной-единственной планете, всеми проклинаемый каждый раз, когда удается честным трудом заработать кредит-другой. Антаресский маршрут значил для ван Рийна больше, чем он решался признать вслух. С утратой этого маршрута терялся и последний шанс стать первопроходцем, организовать компанию с центром по другую сторону Коссалута. Ты или растешь, или сходишь на нет, и никакое высокое положение в Лиге тебе не поможет. Можно, конечно, отойти от дел, но куда тогда девать всю свою энергию?

Машина приземлилась, навстречу ей выскочили слуги в ливреях и при оружии. Разреженный морозный воздух обжег дочерна прокуренные легкие; ван Рийн плотнее завернулся в плащ из фосфоресцирующей шкуры онтара и направился к дому. Под ногами сухо поскрипывал гравий садовой дорожки. У дверей новая служанка, хорошенькая и востроглазая; ван Рийн приветствовал ее, подняв украшенную плюмажем шляпу, в голове мелькнула мысль — а не сделать ли ей предложение, но тут дворецкий сообщил, что все приглашенные уже прибыли. Усевшись — скорее для картинности — в кресло, он скомандовал ему: «зал заседаний» и покатился вдоль коридоров, оббитых деревом доброй дюжины различных миров. Воздух заполняли сладкий аромат розового масла и негромкие звуки моцартовского квинтета.

Четверо коллег уже расположились вокруг стола, перед каждым из них — компьютерный терминал. Желтые глаза Краакнаха из Марсианской Транспортной изучали висевшего на стene Франса Гальса. Фермадж из «Норт Америкен Инджиниринг» нетерпеливо попыхивал сигарой. Мдженбо, Глава Технических Служб Джо-Бой, говорил по наручной радиции, но при появлении хозяина дома сразу смолк. Случайно оказавшийся на Земле Горнас-Кью имел полномочия говорить от имени всего центаврианского конгломерата, «он» сидел в своей раковине совершенно неподвижно — шевелились лишь длинные тонкие усики.

Громоздкое тело голландца тяжело опустилось в председательское кресло. Тут же появились лакеи с подносами напитков,

закусок и курительных принадлежностей, подобранных в соответствии с индивидуальными склонностями каждого из гостей. Ван Рийн откусил солидный кусок сандвича с лимбуржским сыром и луком, прожевал, а затем вопросительно посмотрел на собравшихся.

— Насколько я понимаю, причиной нашей сегодняшней встречи является этот борфудианский *хрокна*, — просвистел и прокрякал Краакнах. Герметический шлем делал его лицо еще более совиным. — Так, значит, астронавты уже выдвинули ожидавшиеся требования?

— *Ja.* — Ван Рийн выбрал наконец сигару и теперь задумчиво катал ее между пальцами. — Ситуация, бывшая прежде отчаянной, стала очень серьезной. Пока продолжаются эти налеты, они не поведут корабли через Коссалут — разве что для военных действий.

— Лично меня, — сказал Мдженбо, — не очень привлекает идея сбросить на главную борфудианскую планету несколько гигатонн боеголовок.

— Кой черт! — воскликнул ван Рийн, раздраженно дернув свою бородку, и тут же взял себя в руки. В конце концов, эти конкретные софоны потому и приглашены сюда, что прежде они никогда не задумывались над стоящей проблемой. Да, конечно, их тоже волновали связанные с Борфу неприятности, но не в той степени, как другие, более неотложные дела. Крохотный, захолустный уголок Галактики, который успела слегка осмотреть наша техническая цивилизация, необозримо огромен и многообразен. Ван Рийн хотел услышать свежие, непредвзятые мнения.

Повторив доводы, которые ранее излагал Торресу, он добавил:

— И я должен признать, что, будь это даже возможным, убивать несколько миллиардов разумных существ по той лишь причине, что их вожаки доставляют нам беспокойство, — не очень-то порядочный поступок. С такой виной на своей совести Лига долго не проживет. К тому же это — бессмысленное расточительство, лучше сделать их нашими покупателями.

— А может, ограниченные действия? — спросил Фермадж. — Подтачивать борфудианский военный флот, пока до них не дойдет, что к чему.

— Мой компьютер обработал больше подобных программ, чем черти в аду — политиков. — Последнее слово ван Рийн словно выплюнул. — И всегда один и тот же крайне неутешительный ответ. Если учесть хотя бы минимальные потери, компенсации, зарплату, премии за риск, постройку, ремонт, замену, боеприпасы, амортизацию, плюс потерю, из-за недостаточ-

ного внимания, других рынков, плюс судебное преследование со стороны Солнечного Содружества, а возможно — и со стороны других правительств, взятки, потерю дохода, который был бы получен, вложи мы все эти средства в нужные предприятия, и так, мать его, далее... короче говоря, Лиге это не по зубам.

Последнее слово подало ван Рийну мысль, и он повернулся к дворецкому:

— А ты, Симмонс, отклей подметки от пола и принеси сюда плошку орехов. Разных, понимаешь?

— Прошу извинить мое невежество, уважаемые сэры, — включился вокализёр Горнаса-Кью, — но я крайне поверхностно знаком со всеми этими неприятными обстоятельствами. Для чего борфудианцы кодируют захваченных людей?

Фермадж и Мданбо удивленно переглянулись. Всем известно, что центаврианцы несколько наивны, но чтобы настолько? Ван Рийн щелкнул зубами бразильский орех, вызвав благоговейное восхищение всех присутствующих, за исключением Горнаса-Кью, и взял рюмку коньяку.

— Этим наземным крысам не хватает своих корабельных команд.

— Возможно, вы позволите мне внести в вопрос некоторую ясность, — вмешался марсианин. Подобно многим своим со-племенникам из Сирраховой Орды — последней волны эмигрантов на пустынную когда-то планету, — Краакнах был прирожденным лектором. Он провел когтистой лапой по седеющим перьям, сунул в сфинктер своего шлема ринновую трубку и закурил.

— Борфу — захолустная планета, террестриальная по восьми показателям, ее автохтонов вполне можно назвать гуманоидами, — начал он. — К моменту первого контакта с земными исследователями они находились на раннепромышленной стадии развития, только-только познакомились с ядерной энергией, и реакция их на появление высшей культуры была параноидной. Во всяком случае, реакция самой многочисленной из местных наций, которая вскоре покорила все остальные. Технологическую модернизацию они провели на удивление быстро, отчасти — с помощью некоторых безответственных представителей нашей с вами цивилизации, соблазнившихся высокими заработками. Объединившись, борфудианцы взялись за организацию межзвездной империи. К настоящему моменту их сфера влияния имеет поперечник около сорока световых лет, хотя фактически во всей этой области заняты всего несколько планетных систем типа Солнечной. По большей части они не желают иметь никаких дел с остальной Вселенной — из-за страха правителей, что подобные контакты могут оказаться опасными

для стабильности их режима. И они вполне способны удовлетворить все свои потребности внутренними средствами, за одним единственным исключением — у них нет хороших космонавтов. Если даже мы, со всеми своими достижениями в области роботики, до сих пор не сумели создать надежных, полностью автоматизированных кораблей, насколько хуже чувствуют себя борфудианцы, не имеющие вдобавок достаточного количества персонала.

— Хм-м, — воспользовался паузой Фермадж. — Я тут начинаю подумывать насчет подрывной деятельности. Вряд ли все их население так уж обожает режим. Если бы мы смогли организовать регулярные полеты хотя бы нескольких кораблей, тогда... двойные агенты... переворот изнутри, все это грязное правительство полетело бы к чертовой бабушке.

— Мы прорабатывали такой вариант и применим его при первой же возможности, — перебил его ван Рийн. — Только вряд ли это будет скоро, а тем временем весь сектор Стрельца окажется в руках конкурентов. Необходим именно *быстрый* способ возобновить движение.

— Продолжая вышесказанное, — невозмутимо сказал Краакнах, выпустив клуб смолистого дыма, — борфудианцы могут построить столько кораблей, сколько им заблагорассудится, быстро растущая экономика вполне им это позволяет. Рост экономики, кстати сказать, жизненно им необходим, иначе вся эта империя может рухнуть в одночасье. Не надо забывать, что, руководствуясь расовыми соображениями, тамошние правители поощряют демографический взрыв. Но вот подготовить нужное количество хороших астронавтов они не могут. Гордость и не такая уж неоправданная боязнь чуждого идеологического влияния мешают им посыпать молодежь в учебные заведения технических планет, либо нанимать инопланетный персонал, а собственная астронавигационная академия там всего одна, да и та страдает от нехватки преподавателей.

— Вот это я знаю, — заметил Мдjanbo. — Отличный был бы рынок, только как заставить их изменить политику?

— Поэтому, — продолжал Краакнах, — два года назад борфудианцы начали подстерегать и захватывать наши корабли. Ясное дело, долго так продолжаться не может, в конце концов никто не станет там летать — за что и проголосовало недавно Братство. Но они могут позволить себе обречь большинство населения на голодную смерть — снабжая в то же самое время остальных при помощи имеющихся кораблей с командами. А затем борфудианские заправили «перестроят» свое общество — спокойно, не торопясь, не опасаясь никакого чуждого

влияния. Схема, насколько я понимаю, знакомая и по земной истории.

Теперешние их действия самым очевидным образом нарушают космические обычаи и законы; из всех правительств одно Содружество способно что-нибудь с этим сделать, но сама мысль о войне вызывает на Земле такое неприятие, что оно ограничилось несколькими жалкими, неуверенными протестами. Более того, существует весьма влиятельная фракция, с тайным удовлетворением наблюдающая, как наглую Торгово-техническую Лигу загоняют в угол. Кое-кто даже отстаивает точку зрения, что принцип территориального суверенитета нужно распространить на межзвездное пространство. Трудно даже представить себе более гнусную идею, *hru?*

Он извлек ринновую трубку, бросил ее в пепельницу и заключил:

— Как бы там ни было, они захватывают людей, промывают им мозги и посылают служить на своих кораблях. Обучение астронавта занимает многие годы, уже на одном этом мы несем огромные убытки.

— Неужели нельзя как-нибудь проскользнуть? — спросил Фермадж. — Ведь астрономические расстояния — они жутко огромные. Почему мы не можем обходить борфудианские патрули?

— Именно так и делают восемьдесят пять процентов кораблей, — напомнил ему ван Рийн. — Но этого совершенно недостаточно. Остальные пятнадцать процентов...

— ...выдают себя псевдогравитационными импульсами гипердрайва — хороший прибор засекает эти импульсы на расстояниях до светового года. Имея превосходство в скорости и маневренности, военные корабли борфудианцев мгновенно бросаются...

— Да. И таких неудачников было уже слишком много. Братство больше этого не потерпит. Между нами говоря, и я тоже. Ну и — *ja*, мы пробовали самые различные способы уклоняться, в том числе и полное отключение двигателей, чтобы тебя было не видно и не слышно. Ничего особо толкового не получается.

— Ну а что, если давать нашим кораблям сопровождение? — не успокаивался Фермадж.

— А сколько это будет стоить? Я же представил вам цифры. Рейсы на Антарес станут убыточными, даже если не учитывать стоимость постройки дополнительных боевых кораблей. При таких условиях не стоит даже и заикаться о торговле с сектором Стрельца.

— А может, вооружить самих купцов?

— Да вы что, не слушали мастера Краакнаха? Современная роботика не может заменить живые мозги, разве что — мозги чиновников.

Притворяясь до крайности раздраженным — чтобы расшевелить присутствующих — ван Рийн добавил то, что все и без него знали:

— Боевой корабль класса фрегата нуждается для обслуживания оружия и приборов в команде из двадцати человек. Безоружному грузовику нужны только четверо. Вы хоть подумайте, на сколько взлетит зарплата, мы же по миру пойдем! Кроме того, посадить на каждый корабль по два десятка астронавтов можно только ценой отказа от каких-то других операций — у нас тоже обученные люди на дороге не валяются. Я уж не говорю, во сколько обойдется переоборудование грузовиков. Деньги будут лететь, как вода из дырявой посудины; не по карману нам такие убытки. Хуже того, Коссалу прекрасно понимает ситуацию, ему нужно будет только сидеть какое-то время спокойно, не высываясь, и ждать, пока мы вылетим в трубу. А затем они снова займутся своими делишками.

— Думаем мы тут, думаем, — нервно постучал по столу Фермадж, — и ничего что-то не придумывается. Есть у кого какие предложения?

Под светящимся потолком воцарилось неловкое молчание, нарушенное в конце концов Горнасом-Кью.

— А как, собственно, осуществляются захваты? Ведь под гипердрайвом невозможна перестреливаться.

— Почти невозможно, — уточнил Краакнах. — Энергетические пучки отпадают полностью, а материальные снаряды должны быть и сами оборудованы гипердрайвом, иначе, покинув ведущее поле корабля, они вернутся к субсветовой скорости и мгновенно отстанут. Более того, чтобы попасть в цель, они должны находиться с ней точно в фазе. Хороший пилот может сфазироваться с другим кораблем, но эта операция завязана на такое количество различных переменных, что далеко превосходит возможности любого кибера.

— Как осуществляются захваты? — прорычал ван Рийн. — Пожалуйста, могу рассказать. Эти сволочные борфудианцы улавливают вибрационный след корабля. Затем они рассчитывают курс перехвата. Сблизившись, они фазируются и врубают тракторный луч. Затем — подтягиваются к грузовику вплотную, прожигают дыру в корпусе или шлюзе и идут на абордаж.

— Не понимаю тогда, в чем тут трудности? — удивился Мджанбо. — Оборудуйте все корабли генераторами прессорных лучей, пусть отталкивают борфудианцев, не дают подойти.

— Уважаемый коллега забывает, — заметил Краакнах, — что как положительные, так и отрицательные пучки питаются от силовой установки, которая у военного корабля значительно мощнее, чем у мирного транспортника.

— Раздать членам команды оружие; что они, не сумеют отбиться от лезущих на борт бандитов?

— У этих сучьих ублюдков борфудианцев тоже есть и оружие, и руки, — с ненавистью прохрипел ван Рийн. — Через пять крестов и семь гробов в Бога душу центра мирового равновесия! Ну как четверо могут выстоять против двадцати?

— М-м-м... да, конечно, — кивнул Фермадж. — Но послушайте, хоть так, хоть сяк, все равно придется пожертвовать какими-то деньгами, если мы хотим выбраться из этого затыка. Не знаю точно, какая там средняя прибыль...

— Если усреднить все рейсы на Антарес, — не задумываясь, ответил ван Рийн, — навар получится процентов тридцать.

— Какого черта, — взвился Мдjanбо. — А моя компания, откуда у вас цифры по ней?

Ван Рийн ухмыльнулся и выпустил очередной клуб дыма.

— Значит, у нас есть определенная маржа, — задумчиво сказал Горнас-Кью. — Мы можем произвести инвестиции в военную технику, снизив на какое-то время норму прибыли, но не доводя, конечно же, дело до прямых убытков.

— Оно того стоит, — кивнул Мдjanбо. — Правду говоря, я пошел бы даже на ощутимые убытки, лишь бы дать этим сволочам хороший урок.

— Нет, ни в коем случае. — Ван Рийн поднял руку, которая даже после стольких лет кабинетной жизни оставалась широкой, мускулистой лапой привычного к любой работе астронавта. — Мысли о мести и разрушении не достойны христианина. Кроме того, как я уже говорил, трупы — плохие покупатели. Нужно найти в пределах наших финансовых возможностей какой-либо способ сделать эти налеты невыгодными для борфудианцев. Они же не дураки, быстро поймут, что к чему, а тогда можно будет поговорить с ними и о коммерции.

— Ну и хладнокровие же у вас, — позавидовал Мдjanбо.

— Когда как, — пожал плечами ван Рийн. — Будучи разумным человеком, я регулирую свой термостат в соответствии с ситуацией. Сейчас нам необходим научный подход с полным математическим анализом...

Он резко смолк, опустил глаза и, чтобы скрыть свое волнение, налил очередную рюмку. Появлялась интересная идея.

— Послушайте, — предложил ван Рийн после еще одного часа бесплодных споров. — Все это ни к чему не ведет, *nie*? Возможно, для большей ясности мышления нам нужен какой-нибудь стимул.

— Ну и что же вы предложите? — вздохнул Мджанбо.

— Ну... некое соглашение. Совместный фонд, который станет призом за решение этой проблемы. Например, десять процентов антаресских прибылей каждого из здесь присутствующих на период ближайших десяти лет.

— Послушайте, — воскликнул Фермадж. — Если я хоть немного вас, старого разбойника, знаю, вы что-то уже придумали.

— Нет, нет, клянусь честью. Ну, может, и есть у меня какие-то зачаточные рассуждения, но ведь я — всего лишь старый неотесанный бродяга космоса, не имеющий вашего хорошего образования. Я очень могу и ошибиться.

— Так в чем конкретно ваша идея?

— Я бы не хотел говорить о ней сейчас, пусть немного созреет. Но вы отметьте, пожалуйста, что тот, кто предпримет какие-либо активные действия, возьмет на себя и риск, и дополнительные расходы. А будет исход удачным — выиграют все. Так неужели крохотное возмездие его вложений кажется вам несправедливым?

Больше никто не спорил. Ван Рийн благодушно улыбнулся; в конце концов удалось добиться соглашения о совместном фонде; основные принципы записаны на пленку, а подробности будут рассчитаны компьютером.

— Уважаемые мастера! — возгласил он, хлопнув в ладони. — Сегодня мы много поработали, а в ближайшее время предстоит еще более сложная работа. Кой черт, мы заслужили небольшой отдых. Симмонс, приготовь оргию.

Рафаэль Торрес считал себя достаточно закаленным человеком, которого ничем не удивишь. И ошибался.

— Вы это что, всерьез? — пораженно выдохнул он.

— Все, конечно, строго конфиденциально, — продолжил ван Рийн. — Команда должна состоять из надежных людей, вроде вас самого. Вы сумеете таких подобрать?

— Но...

— И не беспокойтесь насчет вознаграждения, мы не будем жмотиться.

— Совершенно невозможно, сэр, — убежденно помотал головой Торрес. — Братство приняло четкое решение — если и приближаться к Коссалуту, то только для карательной акции, а вы предлагаете нечто совсем иное. Снять запрет можно только общим голосованием — а тогда все всё узнают.

— Голосование можно провести потом, проверив сперва, как работает эта идея, — продолжал настаивать ван Рийн. — Первый поход нужно совершить втайне.

— В таком случае первый поход нужно совершить без команды.

— В луковку и в маковку! — кулак ван Рийна с грохотом обрушился на стол. Голландец вскочил на ноги. — Неужели я имею дело с трусливыми хлюпиками? В мое время астронавты были мужчинами! И у нас имелись идеалы. За хорошие деньги мы прорвались бы хоть сквозь адские врата.

Торрес глубоко затянулся сигаретой.

— Запрет нарушать нельзя. Никто, кроме Мастера Ложи, не имеет права... Хорошо, я скажу все, что думаю. — Его начинала охватывать холодная ярость. — Вы хотите подобрать людей, которые поведут во вражеское небо ни разу не опробованный корабль и вызовут огонь на себя. Проиграв, они обрекут себя на такое существование, что будут ежедневно молить Бога — если сохранят достаточно свободы воли хоть на это — о скорейшей смерти. Выиграв, они получат по нескольку вшивых килокредитов. А вы так и так будете сидеть здесь, в тепле и уюте. Так вот, хрина вам, конечно же, нет!

Некоторое время ван Рийн стоял молча. Возникало совершенно непредвиденное затруднение.

За прозрачной стеной, далеко внизу, по морской глади скользили белые паруса игрушечной с такого расстояния яхты. Красиво. Надо все-таки больше отдыхать. Не настолько уж важны все эти деньги. Не настолько? И эта Земля — совсем неплохой мир, даже когда ты — толстый старик. Здесь уйма цветов и бургундского, свежих ветров и красивых женщин, Моцарта и книг. А воспоминания о молодости в космосе — это просто ностальгия делает их такими яркими...

Прийдя к окончательному решению, он снова повернулся к Торресу:

— Мастер Ложи может отправиться в поход, никого о том не оповещая и ни с кем не консультируясь. Это позволяет законами союза. Как, сможете вы подобрать еще двоих, таких же, как вы?

— Я уже говорил, уважаемый мастер, что не хочу даже задумываться об этой проблеме.

— Да? Даже если шкипером буду я?

Внешне «Меркурий» совершенно не изменился, да и груз его был вполне обычным — корица, имбирь, перец, гвоздика, чай, виски, джин. Если корабль все равно идет к Антаресу — зачем пропадать рейсу? Никаких вин ван Рийн не взял — рейс предстоял неспокойный, вряд ли букет выдержит тряску.

Все изменения таились внутри — дополнительное укрепление корпуса и чудовищно мощная силовая установка. Бухгалтерский компьютер подсчитал, что стоимость такого переоборудования в три раза превысит доход, который мог бы принести этот корабль за весь свой срок службы. Ван Рийн болезненно сморщился, однако дал указания приступить к работам.

Правду говоря, маржа была совсем узкой, убытки совсем рядом и ставка — больше, чем можно позволить себе проиграть. Однако, если Коссалу Борфудианский имеет своих статистиков и, конечно же, если идея окажется плодотворной...

Ну а если нет, Николас ван Рийн погибнет в битве либо его ликвидируют как слишком старого и потому бесполезного, а то — превратят в раба с промытыми мозгами, будут удерживать в плену, требуя за освобождение чудовищный выкуп. Все варианты почти одинаково малопривлекательны.

Он обосновался в капитанской каюте вместе с пышнотелой темноволосой Доркас Жерардини, а также основательным запасом коньяка, табака и самых вонючих сортов сыра. Если уж пропадать, то хоть с удобствами. Торрес пошел в полет помощником, капитаны Петрович и Сейнчи — механиками. «Меркурий» тихо, в общем порядке, стартовал из космопорта Кито, так же тихо подождал на промежуточной орбите, пока дадут разрешение на отлет, а затем двинулся на отрицательной гравитации от Солнца. Достигнув необходимого удаления, он перешел на гипердрайв и сразу обогнал свет.

Удобно расположившись на мостице, ван Рийн закурил свою глиняную, с длинным чубуком трубку.

— До Антареса целый месяц пути, — сказал он и благополучиво добавил: — Храни нас святой Дисмас.

— Я лично больше полагаюсь на святого Николая, защитника путешествующих, — заметил Торрес. — Хоть он и ваш тезка.

— Кой черт, — откровенно обиделся ван Рийн. — Вы что, имеете что-нибудь против меня?

— Ну, — пожал плечами Торрес, — храбрость ваша меня восхищает, уж слабаком-то вас не назовешь. Ведь это надо же — отправиться в космос пиратствовать, чтобы поймать пиратов. Если у кого такое и выйдет, так только у вас.

— А у вас, у молодежи, много нахальства и мало вежливости. — Торговец окутался облаком вонючего дыма. — В наши дни капитану говорили «сэр» — даже поднимая бунт на борту.

— Меня беспокоит один момент, — откровенно признался Торрес. Прежде он никогда не утруждал себя разработкой каких-то там стратегий, для его ума и тела всегда находились

более приятные занятия. — Вполне можно считать, что враги не просыпали еще о решении Братства, однако полное прекращение полетов должно заставить их задуматься. Кроме того, курс проложен настолько близко к известной борфудианской базе, что нас обязательно обнаружат. А что, если они заподозрят неладное и вышлют пoldюжины кораблей?

— Вряд ли, ведь эти, в пуп их и в гроб, патрульные корабли крейсируют на большом расстоянии друг от друга, чтобы прикрывать максимальную площадь. Если нас заподозрят, то просто не станут трогать, хотя и в этом я сильно сомневаюсь, больно уж ценен для них каждый улов.

Ван Рийн поднял свою тушу из кресла. Хорошо все-таки в космосе, можно установить искусственную гравитацию поменьше и чувствовать себя чуть ли не таким же шустрым, как в молодости.

— В вашем, друг мой, сосунковом возрасте люди с трудом понимают, что в жизни почти нет понятия «наверняка», одни вероятности. Надо просто стараться, чтобы шансы были в твою пользу, тогда при долгой игре обязательно выиграешь. Сейчас ваша вахта, и я посоветовал бы вам вывести на проектор какой-нибудь учебник теории вероятностей, в компьютере отличная библиотека, и делать все равно больше нечего. А я удаляюсь на небольшое совещание с Доркас Жерардини.

— Хотел бы я управляться со своими командами, как вы с этой своей, — скорбно посетовал Торрес.

— А почему бы и нет, мальчик? — экспансивно взмахнул рукой ван Рийн. — Что тебе мешает? Пока ты приносишь компании выгоду и не доставляешь ей беспокойств, компания не станет заглядывать тебе через плечо и дышать в затылок. Чего вам, молодым окламонам, не хватает, так это инициативы. Вот доживете до моих лет, станете старыми и толстыми, тогда-то и оглянетесь назад, и пожалеете об упущеных возможностях.

Несмотря на низкое тяготение, палуба едва не прогибалась под грузными шагами торговца.

Волшебные огни в черноте неба — на эту картину можно смотреть бесконечно. Видеоэкраны обрамили серебряную россыпь Млечного Пути, рубиновый огонек Антареса, завиток туманности, украшенный отдельной яркой звездочкой. Ярче всех выделялся золотисто-желтый Борфу.

Вторую неделю напряженный, как струна, «Меркурий» глотал миллиарды миль, тысячу раз в секунду ныряя в гиперпространство и снова из него выходя.

Сидевшая в кают-компании Доркас не могла оторвать глаз от экрана.

— Как красиво, — чуть слышно выговорила она. — Только мне от этого еще страшнее.

— Что же тут страшного, малышка? — лениво поинтересовался ван Рийн. Он лежал на диване, уставив свой величественный нос в потолок.

— Они... они же в любую секунду могут на нас броситься. Господи, и зачем только я полетела?

— Сколько я помню, был какой-то разговор насчет тиароновой шубы, а также сережек из огневика.

— Ну а если они все-таки нас захватят? — Пальцы, вцепившиеся в руку ван Рийна, дрожали. — Что тогда будет?

— Я же говорил тебе, что оставил деньги специально на твой выкуп. А еще говорил, что деньги могут их и не заинтересовать. Или нас попросту разнесет в клочья, так что и выкупать будет некого. Сто чертей в кресло и в масло! Ты можешь на секунду стихнуть?

Из динамика интеркома послышался встревоженный голос Торреса:

— Обнаружена волна скоростного корабля, сближается курсом на перехват.

— Все по местам! — взревел ван Рийн.

Доркас взвизгнула. Он схватил ее под мышку, отнес — получив в процессе несколько царапин — по коридору в свою кабину, кинул на кровать, посоветовал привязаться покрепче и побежал, тяжело отдуваясь, на мостик. Экран внутренней сети показывал машинное отделение; надевшие уже броню Петрович и Сейнчи стояли наготове, их лица блестели от пота. Торрес сидел, нервно покусывая губу, и дрожащими от волнения пальцами настраивал приборы.

— Хоккей, — сказал ван Рийн. — Вот наконец и то, для чего мы сюда прилетели. Надеюсь, вы не забудете, что и как надо делать, — сейчас не репетиция, и я не смогу стоять у вас за спиной, поправляя каждую дурацкую ошибку.

Он грузно плюхнулся в кресло перед главным пультом, туда затянул привязные ремни и забегал пальцами по клавиатуре управления, отдавая приказания компьютерам и управляющим цепям, всем телом ощущая чуткую отзывчивость огромного, сложного организма — корабля. Двигатели «Меркурия» все еще работали почти на холостом ходу; дикая мощь, спрятанная в них и готовая в любой момент рвануться наружу, приятно успокаивала.

Чужак подошел на дистанцию связи, при которой два движущихся поля заметно наложились. Как и принято в таких случаях, пилоты начали выравнивать частоту и фазу колебаний своих кораблей, чтобы между ними могли проходить радиовол-

ны. Наконец аппарат внешней связи загудел; Торрес нажал кнопку «прием».

На ожившем экране появилось изображение по-кошачьему гибкого борфудианского офицера, затянутого в угольно-черный мундир. Несмотря на узкий лоб, полное отсутствие волос и голубоватый оттенок кожи, его лицо отдалено напоминало человеческое, глубоко посаженные глаза горели желтым огнем. В углу экрана виднелся второй офицер, сидевший у оружейного пульта, а также непременный борфудианский шестириукий базальтовый божок.

— Эй, на земном корабле! — по-английски голубой красавец говорил вполне бегло, хотя и с сильным акцентом, сказывались устройство рта и гортани. — С вами говорит Рентарик, капитан принадлежащего Коссалу фрегата «Ганток». Вторгнувшись во владения Его Могущества, вы нарушили священнейшие законы Коссалута Борфудианского. Готовьтесь принять на борт группу захвата.

— Да в гробу я видел таких склизких пучеглазых тварей! — Ван Рийн нарочно распялял себя, его лицо налилось кровью. — Мало того что вы захватываете моих людей и мои корабли с дорогими товарами, так ты еще набрался наглости говорить о каких-то законах!

Пальцы Рентарика тронули висевший у него на шее миниатюрный церемониальный кинжал.

— Да будет тебе, старик, известно, что законы Коссалу — единственные законы всей этой области пространства. Вы можете уберечь себя от дополнительного наказания — импульсной активации нервов — если сдадитесь без сопротивления.

— Согласно обычаям цивилизованных рас, межзвездное пространство открыто для любого мирного корабля.

— А мы, капитан, — широко улыбнулся Рентарик, оскалив ярко-зеленые, непривычной формы зубы, — руководствуемся исключительно своими собственными законами.

— *Ja*, только на этот раз вы, сучьи дети, вознамерились применить силу против ван Рийна. На этом навозном шарике, который вы называете своей планетой, вскоре получат неприятные известия.

Рентарик произнес несколько слов на своем языке, а затем снова перешел на английский.

— Я только что записал рекомендацию поставить вас лично после кондиционирования на ильянские рейсы. Органические компоненты, содержащиеся в атмосфере этой планеты, вызывают у вашего вида аллергические реакции, крайне болезненные, но не настолько опасные, чтобы выдавать по этому случаю

герметические скафандры. А остальные члены вашей команды пусть примут это во внимание.

Глаза ван Рийна радостно вспыхнули.

— Слушай, если вы перестанете захватывать астронавтов и будете их попросту нанимать, тогда я могу вас снабжать антиаллергенами и лекарствами — за вполне умеренные комиссионные.

— Кончайте болтовню. Сейчас мы пристыкуемся к вашему кораблю и произведем высадку. Захваченный персонал будет подвергнут импульсной нервной активации — пропорционально оказанному сопротивлению.

Лицо Рентарика исчезло с экрана.

Торрес облизнул серые пересохшие губы. Он прибавил увеличение, теперь на экране появилось четкое изображение борфудианского фрегата. Темный, по-акулы узкий, он имел тоннаж раза в два меньше, чем у грузного транспортника, что с лихвой возмешалось вырисовывающимися на фоне далеких звезд орудийными башнями. Описав изящную кривую, зловещий корабль с привычной, видимо, легкостью уравнял свою гиперскорость с гиперскоростью жертвы и летел теперь параллельным с ней курсом на расстоянии нескольких километров.

Из интеркома раздался оглушительный визг. Взглянув на экран, ван Рийн увидел Доркас. Так и не пристегнувшаяся к кровати, девица истерически металась по каюте. Да ведь так она перебьет все оставшиеся бутылки, а до Антареса еще целых одиннадцать дней!

На какую-то долю секунды корабль охватила резкая, до костей пронизывающая дрожь — «Ганток» нащупал его тракторным лучом.

— Торрес, — сказал ван Рийн, — будь наготове, мальчик, а если со мной что случится — принимай командование. Да и так твоя помощь может пригодиться, если наша дичь поведет себя слишком уж дико. Петрович, Сейнчи, занимайтесь своими лучами и держите этих сучьих детей покрепче, что бы там ни случилось. Хоккей? Поехали!

«Ганток» подтягивался все ближе и ближе. Петрович врубил полную мощность. На какое-то мгновение из дуговых предохранителей ослепительно сверкнуло синее пламя, воздух наполнился грозовым запахом озона, содрогнулся от рева — и наступило равновесие, теперь работу немыслимых сил выдавало только низкое, глухое гудение.

А затем эти силы рванулись наружу — туго сжатые в пресорный луч, пятикратно превосходивший по мощности трактор борфудианцев. Ван Рийн услышал, как все ребра «Меркурия»

застонали; словно от удара невидимой кувалды, «Ганток» полетел, беспомощно кувыркаясь, прочь и быстро исчез из виду.

— Ха-ха-ха! — проревел ван Рийн. — Обидели мы этих ребят, испортили игру, верно? Ничего, настоящее веселье еще впереди!

И снова появился борфудианский фрегат; на этот раз он не стал церемониться, а сразу включил максимальную мощность пучка. Несмотря на прессор «Меркурия», корабли медленно, неотвратимо сближались. Негромко выругавшись, Сейнчи ударил прессором в полную силу.

Какое-то мгновение ван Рийну казалось, что его собственный корабль разломится пополам. Палуба под ногами вспутилась, откуда-то послышался леденящий душу скрежет рвущегося металла, но зато «Ганток» снова улетел прочь, словно получив мощный пинок под зад.

— Осторожнее! Не с такой дурацкой силой, дуболом ты несчастный! Пусти, я сам займусь лучами.

Руки ван Рийна заплясали над пультом.

— Не забывай, мы хотим взять его себе на память.

Увеличив на мгновение тягу двигателей, старый торговец доднгал противника; его левая рука управляла «Меркурием», а правая старалась нащупать нужный баланс тракторного и прессорного лучей. Мерный рокот силовой установки превратился в оглушительный вой, внутрикорабельное искусственное тяготение не могло больше побороть дикие ускорения, привязные ремни трещали, с трудом удерживая в кресле массивную тушу ван Рийна. Торрес, Петрович и Сейнчи словно стали деталями оборудования, придатками компьютерной системы, выполнявшей приказы толстых прокуренных пальцев.

Изображение борфудианца снова исчезло с экранов, это ван Рийн перевел «Меркурий» в другую фазу. При обычных обстоятельствах корабли должны были полностью утратить контакт, но сейчас их соединяли гравитационные силы, не обращавшие ни малейшего внимания на осцилляции между релятивистским и нерелятивистским квантовыми состояниями, — массы кораблей оставались неизменными. Однако появилось новое обстоятельство, теперь оружие фрегата стало фактически бесполезным — разве что его пилот сумеет угадать характер движения земного корабля. Чтобы избежать этого, ван Рийн запрограммировал случайные изменения частоты и фазы — в допустимых пределах. Если бы вражеский пилот имел достаточно времени, чтобы собрать побольше данных, провести стохастический анализ, а затем воспользоваться интуицией живого, хорошо тренированного мозга, он имел бы все-таки шанс сформироваться с «Меркурием», никакая «случайная» программа не может быть

абсолютно случайной. Вот только ван Рийн не намеревался давать ему этого времени.

Как оказалось, борфудианцы и не помышляли о стрельбе: совершенно, видимо, перепуганные, они включили максимальную тягу двигателей и попытались оторваться. В ответ ван Рийн заставил силовые лучи пульсировать в противофазе, уравняв их амплитуды, теперь корабли были соединены намертво. Громко расхохотавшись, он перевел свои сверхмощные двигатели на задний ход. Вздрогнув, как от удара, «Ганток» замер, а затем послушно двинулся вслед за земным транспортником. И снова послышался чудовищный скрежет — корпус «Меркурия» еле выдерживал никакими инструкциями не предусмотренные напряжения. Жесткая связь грозила развалить корабль на куски, нужно было то ослаблять ее, то усиливать — и при этом постепенно сокращать расстояние до противника.

— Ха, мы водим его на леске, словно рыбку. Славный рыбарь, апостол Петр, не позволь ему сорваться с крючка!

Что-то громко — громко даже на фоне остального адского грохота — щелкнуло, и сразу же послышался свист ускользающего в межзвездный вакуум воздуха.

— Лопнула обшивка, четвертый отсек, — крикнул, сложив руки рупором, Петрович. — Если не заварить, будет еще хуже.

— Подержи щупальца! — наклонился торговец к Торресу. — Мне нужно отдохнуть, а то голова работает все медленнее и медленнее. Вот ремонт — совсем другое дело, этим и мы занимались на своих допотопных посудинах.

Торрес молча кивнул.

— Чего ты такой кислый? — укоризненно спросил ван Рийн, отстегивая ремни. — Работка в общем-то веселая.

Поднявшись, он пересек палубу, дыбившуюся под ногами так, словно «Меркурий» был обычным морским судном. «Ганток» продолжал то включать, то выключать двигатели, пытаясь разломать корпус противника. Угроза была нешуточной, пробоина в борту автоматически загерметизировалась, однако оставалась слабой точкой, с которой может начаться дальнейшее разрушение.

Ван Рийн неуклюже забрался в свой устрашающих размеров скафандр. Он столько лет не носил броню, что совсем забыл, как быстро она пропитывается запахом пота. Все необходимые инструменты лежали рядом. Теперь взвалить их на спину, а затем — через шлюз наружу, под черное небо, усыпанное бесчисленными алмазами звезд.

Корабль сотрясался, любой из этих толчков мог стать для ван Рийна последним. Если магнитные подошвы оторвутся от

общивки... выброшенный за пределы поля гипердрайва, он мгновенно перейдет в нормальное состояние. Корабль унесется со сверхсветовой гиперскоростью, а он навсегда затеряется в безмерности пространства.

Ван Райна окружало голубое сияние электрических разрядов. Время от времени в том месте, где невидимо находился «Ганток», сверкали ослепительные вспышки — это случайно совпадала фазировка кораблей. Судя по всему, борфудианцы непрерывно стреляли — в отчаянной, невозможной надежде, что один из снарядов окажется в необходимом состоянии, когда будет проходить через «Меркурий»... либо через желудок ван Райна... нет, сквозь объемы пространства, в которых с некоторой частотой существуют упомянутые объекты — нужно все-таки выражаться корректно.

А вот и эта чертова плита обшивки. Закрепить домкрат, теперь согнуть, придать ей хоть какое подобие правильной формы... ну, взялись, нажали... гидравлика, силовой привод, все это мило, но и без мускулов здесь не обойтись. Посмотрим, осталось ли еще что-нибудь подо всем этим жиром... уложить брусья, временно их закрепить, включить горелку... не забыть опустить маску... ну а теперь — держать дугу и вспоминать собственную свою бурную молодость... черт! Чуть-чуть посильнее — и полетел бы я прямо в этот межзвездный холодильник. А вообще-то следующие корабли нужно будет укрепить еще сильнее.

Наконец плита встала на место; изо всех сил стараясь не замечать боли, охватившей буквально каждую клетку отвыкшего от физической работы тела, он поплелся к шлюзу. Не успел ван Райн выйти из камеры, как дикие толчки прекратились и грохот стих; на какое-то мгновение он даже решил, что оглох.

С экрана смотрело лицо Торреса, мокре от пота и осунувшееся.

— Угомонились. Поняли, очевидно, что их собственная посудина разлетится прежде нашей.

— Отлично! — буквально завопил ван Райн, с трудом разгибая покрытую синяками и ссадинами спину. — А теперь стягивай корабли, действуй по плану, у тебя что — мозги размягчились?

И тут знакомая, скручивающая все тело судорога сказала ему, что корабль перешел в нормальное состояние; ровный гул гипердрайва смолк. Какая-то сила рванула «Меркурий» вбок, и ван Райн едва удержался на ногах.

Рентарик сделал последний, отчаянный ход — он выключил свой гипердрайв и вернулся в обычное пространство, где не

бывает скоростей больших, чем скорость света. Не сделай его противник того же самого, напряжение силовых лучей мгновенно разрушило бы оба корабля. Борфудианец хотел отомстить — пусть даже ценой собственной жизни. Однако, планируя поход «Меркурия», учли и такую ситуацию — установленный на нем детектор мгновенно отключил двигатели.

Торрес с трудом избежал столкновения и сразу же расположил свой корабль на расстоянии в несколько метров от «Ганто-ка», удерживаемого непреодолимой силой тракторного и прессорного лучей; оружие борфудианцев снова стало бесполезным. А если те сдуреют вконец и попытаются, одевшись в скафандры, преодолеть это малое расстояние, чтобы взрезать обшивку «Меркурия» — будет совсем нетрудно сбросить их в пространство маленьким вспомогательным прессором.

Злорадно расхохотавшись, ван Рийн снял скафандр и не торопясь пошел на мостик, чтобы побеседовать с Рентариком по душам.

— ...как только мы включим свое гиперполе, вы тоже окажетесь в нем, а у нас достаточно мощности, чтобы тащить и вас, что бы вы там ни выделяли со своими двигателями, ясно вам это? Мы в несколько раз сильнее, так что расслабьтесь лучше, отдохните и летите, куда вас ведут. Если мы хоть что заподозрим — сразу разберем ваш корабль по винтику. Знаете, есть у нас такая пословица: «Ехать, так ехать», сказал попугай, когда кошка потащила его за хвост»... А вот так выражаться совсем некрасиво, мой коммуникатор краснеет. Хоккей, — обернулся ван Рийн к своей команде. — Полный вперед, и берем с собой эту плотвичку, мнившую себя акулой зубастой.

На окраине системы Антареса их встретил крейсер Лиги, вызванный по лазерной связи, — колония считалась заслуживающей защиты от бандитов, политических агитаторов и прочих злоумышленников. Когда-то эта огромная, умирающая звезда имела больше планет, но в процессе расширения она поглотила внутренние из них. Ни на одной из оставшихся не оказалось жизни, но зато здесь нашли столько минеральных богатств, что их — вкупе с удобным для организации торгового центра положением системы — хватало на прокорм населения не меньшего, чем на Луне. Ван Рийн передал пленный корабль военным, управление — Торресу и почти устранился от дел. Он много спал — с таким храпом и криками, что Доркас затыкала уши. Сказывалось напряжение — хотя борфудианцы сиделитише воды, ниже травы, все последние дни приходилось бдительно следить, не придумают ли они какую гадость.

Торрес хотел поговорить с пленниками, но ван Рийн не позволил.

— Нет, мальчик, нет. Отказывая этим героям в праве предстать пред наши ясные очи, мы издергаем их больше, чем любой руготней. Я хочу, чтобы к следующей беседе славный капитан Рентарик обкусал себе ногти до самых локтей.

После приземления старый сибарит бесстыдно навязался в гости к губернатору, с правом свободного пользования губернаторскими винами и губернаторскими наложницами. В промежутках между банкетами он каким-то образом нашел время изучить местные магазины и поднял цену грамма своего перца на целый милликредит. Колонисты, конечно же, будут ворчать, но ничего, выдержат. Да и вообще — если бы не он, глотать бы этим ребятам преснятину, либо стряпать синтетические пряности в десять раз хуже и в два раза дороже. Так неужели же нельзя получить с них вполне заслуженный навар?

После трех суток таких развлечений ван Рийн решил, что Рентарик уже дошел до кондиции. Местом для беседы был избран парадный колонный зал. Выглядел развалившийся на губернаторском троне торговец весьма живописно: в правом кулаке — глиняная трубка, в левом — бутылка, в рассыпанные по плечам волосы вплетены миниатюрные колокольчики, грязный купальный халат едва прикрывает необъятное брюхо. Картина удачно дополняли три девушки, одна из которых играла на арфе, другая обмахивала этого римлянина времен упадка империи опахалом из павлиньих перьев, а третья, устроившаяся на подлокотнике трона, звонко хихикала, закидывая в его раскрытый рот охлажденные виноградины. Сейчас Вселенная казалась ван Рийну вполне пристойным заведением.

Почерневший и осунувшийся Рентарик появился в сопровождении двоих гвардейцев Лиги, он пересек сверкающий пол необъятного зала и замер, глядя на своего победителя горящими от ненависти глазами.

— Да кто это нас удостоил? — радостно взревел ван Рийн. — Приветики-салютики-ромашечки! Жильем, надеюсь, довольны? Говорят, в здешних тюрьмах великолепные условия.

— Для вашей расы — возможно. — Борфудианец кипел плохо сдерживаемой яростью. — С моей командой обращаются самым возмутительным образом.

— Не может быть! У меня прямо сердце кровью обливается. И нос.

— Пират! — буквально выплюнул пленник. — Кровь еще прольется, можешь быть уверен. Его Могущество примет меры.

— Меры, говоришь? Твой вонючий король будет мерить, как глубоко он провалился в дермо, — вот и все его меры, —

презрительно бросил ван Рийн. — Если уж цивилизованные планеты не решались начать войну, когда вы занимались флибустьерством, он не решится тем более, хотя роли теперь и поменялись. Не-ет, он просто смирится перед неизбежным и побудет научиться жить в новой обстановке.

— Что вы намерены делать? — холодно спросил Рентарик.

— Нам, пожалуй, стоит получить небольшой выкуп, как вы думаете? — ван Рийн погладил свою козлиную бородку. — А если не удастся — что ж, на местных шахтах уйма вакансий. Условия там, понимаете ли, не очень хорошие, вот и посылают туда преступников. Однако, из врожденной своей доброты и благожелательности, я позволю вам выбрать одного члена команды — не себя, конечно же, — который отправится домой и расскажет там о происшедшем. Я даже сам обеспечу его проезд. Ну а потом начнем торговаться, с учетом стоимости этого проезда.

— Послушайте, — зло прищурился Рентарик. — Я прекрасно осведомлен о нравах вашего подлого, меркантильного общества. Вы органически не способны сделать что-нибудь, не обещающее прибыли. А переоборудование вашего грузовика, чтобы он мог захватить в плен военный корабль, должно стоить гораздо больше, чем этот грузовик способен заработать.

— Вот тут вы абсолютно правы. В три раза больше. Ну конечно же, часть этих денег мы вернем, если выставим свою добычу на аукцион, но только товар-то слишком специфический, чтобы за него много дали.

— Вот именно. Значит, мы все равно задушим ваш антаресский маршрут. И не думайте, что мы прекратим патрулировать зону своего суверенитета. А в борьбе на измор вы сдадитесь первыми, слишком большими будут убытки.

— А вот тут-то вы, мой друг, и ошибаетесь. — Ван Рийн экспансивно взмахнул трубкой. — Наша прибыль заметно уменьшится, но свести ее к нулю — это у вас не выйдет. Поэтому мы будем торговать так долго, как нам благорассудится. Дело в том, что каждый рейс приносит тридцать процентов прибыли.

— Но переоборудование корабля стоит триста процентов этой прибыли, так что...

— Верно. Но ведь мы установили специальное оборудование только на каждый четвертый корабль. Маржа будет очень маленькой, однако, если заняться арифметикой, станет ясно, что убытков мы кое-как избежим.

— Четвертый? — Ничего не понимающий Рентарик удивленно потряс головой. — А какой тут смысл? Мы победим в трех из каждого четырех стычек.

— Тоже верно. В результате трех этих побед вы захватите двенадцать рабов. А в четвертой схватке победим мы и повинтим двадцать борфудицких астронавтов. Потерю кораблей мы как-нибудь уж выдержим — эта заварушка быстро кончится, и тогда вы нам за все заплатите. Дело, видите ли, в том, что вы никогда не будете знать, способен данный конкретный корабль сопротивляться или нет. Так что придется вам распустить свои пиратские команды, иначе от них быстро ничего не останется. Ясно? — Ван Рийн приложился к бутылке. — У нас подтасованная колода: чем дольше вы будете играть, тем больше проиграете, так что лучше уж бросайте это дело побыстрее.

Рентарик пригнулся, словно для прыжка.

— Уже здесь, на этой планете, я узнал, что ваши астронавты отказались летать через Коссалут, — прошипел он. — И вы думаете изменить это решение, уменьшив количество попадающих в плен на четверть?

— Само собой. — Ван Рийн продемонстрировал отличный образец «сытой, самодовольной улыбки». — Во всяком случае, насколько я знаю наших ребят. Продолжая свои набеги, вы потеряете большую часть своих команд и станете совершенно беззащитными. А тогда вам уже придется договариваться с нами, иначе Лига попросту свергнет вашу придурочную изоляционистскую монархию. Операция будет такой быстрой и легкой, что ни один из политиков просто не успеет вмешаться.

Наши условия будут включать освобождение всех рабов и весьма солидные компенсации. Весьма, весьма солидные компенсации. Эти условия непреложны, так что чем больше пленников вы захватите, тем дороже вам это обойдется. А любой человек, в котором есть хоть немного пороха, может выдержать пару лет службы на одной из ваших ржавых вонючих посудин, если будет знать, что потом получит за это достаточно, чтобы бросить работу и жить в роскоши. Да нам придется отбиваться от добровольцев!

Ван Рийн откашлялся и продолжал, теперь уже более мягко:

— Разве не разумнее будет заключить соглашение сразу? Мы проявим всю возможную снисходительность. Вам, конечно же, не будет хватать астронавтов — ничего, пошлете своих ребят в наши академии, мы возьмем за их обучение всего немногим больше обычной платы. Ну и — несколько небольших концессий...

— А через сотню лет мы будем принадлежать вам со всеми своими потрохами, — не то прорычал, не то простонал Рентарик.

— А не согласитесь — вся ваша проклятая империя будет принадлежать нам гораздо раньше. Ну, захватите вы еще сколько-нибудь там наших людей, доведете себя до синюшного состояния, после чего придем мы, освободим их, а заодно прихватим все, что там у вас еще останется. Вы, конечно, можете оставить наши корабли в покое — только об этом сразу узнают подчиненные вам системы, и вся эта хлипкая империя мгновенно развалится — ведь кто же помешает нам завозить по пути агитаторов и оружие для мятежников? Третий выход — незамедлительно освободить всех рабов и заключить то самое соглашение, о котором я битый час уже долдоню. В таком случае ваш правящий класс потеряет власть не сразу, а постепенно и сохранит свои жизни. Так что выбирайте. Меня, собственно, устраивает любой из вариантов.

Торговец безразлично пожал плечами.

— Значит, решили, — продолжил он. — Вы подбираете кого-нибудь из своих, и мы его отпускаем, чтобы доложился главному вашему борову. Может заодно передать, что Николас ван Райн из Торгово-технической Лиги никогда не совершает необдуманных поступков и никогда не говорит необдуманных слов. Господи, да вас должно было насторожить одно уже название моего корабля.

Рентарик сгорбился и словно усох.

— Почему? — прошептал он.

— Меркурий, — толстый торговец в грязном халате поучительно поднял палец, — это древнеримский бог торговли, азартных игр и... *ja*, воровства.

НЕБОЛЬШОЙ УРОК РАСОВОГО САМОСОЗНАНИЯ

Адзель любит разглагольствовать насчет подарков судьбы, которые имеют обыкновение скрываться под личиной напасти. На этот раз такой вот подарочек скрывался как-то особенно уж ловко. Правду говоря, Саймон Снайдер ошарашил меня, как дубиной по балде.

Я упорно грыз провербияльный гранит, никого не трогал, а тут вдруг заверещал телефон. Неожиданный звук буквально выдернул меня из кресла — я ведь велел аппарату пропускать звонки человек десяти, не больше, а всем этим избранным подробно объяснил, что не надо беспокоить меня по поводам менее срочным, чем, скажем, невеста откуда взявшись астероид, идущий в лобовую атаку на Землю.

Дело в том, что вскоре мне предстояли предварительные экзамены в Академию. Нет, не вступительные экзамены, до тех еще целый год, а экзамены, по результатам которых решат, стоит допускать меня до экзаменов или не стоит. И не приходится обижаться на Братство — жизнь такая. Свободных коек в космосе всегда очень мало, и на каждую из них — добрая сотня претендентов, полных юного энтузиазма. Те девяносто девять, которых отсеивают... ну что ж, по большей части они пристраиваются в какую-нибудь компанию, которая, может быть, когда-нибудь пошлет их работать куда-нибудь за пределы нашей системы. А если нет — преисполняются мрачной решимости и начинают копить деньги на развлекательный космический круиз.

Иногда — чаще всего это бывает ночью, когда летишь над океаном, вдали от городского сияния — посмотришь вверх на

звезды, и сердце прямо готово разорваться. А уж на Луне... последний раз я летал туда несколько месяцев назад — это был мне такой подарок на шестнадцатый день рождения — так у меня слезы даже потекли, какое *там* небо.

А сейчас я тормозил на тензорном анализе. Представляю себе, в какую тоску впал бы компьютер Образовательного Центра, раз за разом выдавая мне на экран одно и то же, обладай он человеческими эмоциями. Может, потому их в него и не заложили, эмоции эти самые?

— Мастер Снайдер, — возгласил телефон.

Отказываться от разговора со своим куратором как-то не принято: его — или ее — мнение может оказаться решающим, когда тебя будут оценивать, как потенциального студента Академии — да и любого серьезного заведения.

— Принимаю, — торопливо выпалил я и добавил, когда на экране появилось худое лицо: — Здравствуйте, сэр.

— Здравствуй, Джим, — сказал Снайдер. — Как дела?

— Вот, очень занят, — тонко намекнул я.

— Да уж. Такой ты, значит, настойчивый и трудолюбивый, что ли? Все показатели показывают, что такой работой ты себя и в гроб загнать можешь. Сменить занятие, сбавить темп — вот что тебе нужно. Даже необходимо.

Ну откуда, спрашивается, взялись по нашу душу специалисты, берущие на себя смелость распоряжаться твоей жизнью на основании твоего психопрофиля и своихшибко умственных теорий? Будь я подмастерьем кого-нибудь из торговцев Торгово-технической Лиги, плевал бы он с высокой колокольни на «оптимальную стратегию» моего развития. Он просто сказал бы мне: «Чинг, сделай то», или «Чинг, выучи се», а не получится у меня, так сразу я никакой не подмастерье, а свободный праздношатающийся гражданин, либо даже труп — ведь говорили бы мы с ним в далеком, незнакомом мире, среди чужих звезд. Звезд, понимаете?

Только к чему зря мечтать? Подмастерьев у Лиги меньше, чем волос у нейтрона, и почти все вакансии заполняются родственниками (это не столько грубая, примитивная семейственность, сколько глубокая вера, что родственник человека, умеющего выживать, имеет больше шансов выжить, чем случайно выбранный наземный малец). Так что я — самый заурядный студент, старающийся получить место в Академии, а буде такое удастся — окончить ее, поступить на службу и, может быть, дорасти в конце концов до капитана.

— Говоря откровенно, — продолжал Саймон Снайдер, — меня крайне беспокоит твое безразличие ко внеучебным занятиям. Такое безразличие очень опасно для растущей личности.

Вот я и придумал некое мероприятие, вполне для тебя подходящее. К тому же это не просто забава, а настоящее дело, выполнение которого принесет честь и славу... — тут он улыбнулся, притворяясь, что притворяется, — всему образовательному комплексу мегаполиса Сан-Франциско.

— Времени нету! — взвыл я.

— Есть, и сколько угодно. Нельзя же учиться двадцать четыре часа в сутки, даже если врач разрешит глотать стимулянты. Мозги от такого киснут. Делу, конечно, время, потехе час, только где же у тебя хоть час-то этот? Кроме того, Джим, здесь есть очень серьезное обстоятельство. Мне бы хотелось при обсуждении кандидатур с чистым сердцем упомянуть о твоем альтруизме, а не только о технических способностях.

Я обреченно расслабился, позволил креслу тоже расслабиться вокруг моего тела, и произнес радостным — во всяком случае, я на это надеялся — голосом:

— Расскажите, пожалуйста, поподробнее, мастер Снайдер.

— Я знал, что могу на тебя рассчитывать. — Он расплылся в улыбке. — Слышал о предстоящем Фестивале Человека?

— Об этом?.. Конечно, слышал! — с преувеличеным энтузиазмом завопил я, вовремя сообразив, насколько кисло прозвучал вопрос.

— Не вижу что-то особой радости, — подозрительно сощурился мой куратор.

— О, я обязательно посмотрю церемонию открытия, ну и музыку там, и театр, и всякое — когда будет случай. Только мне нужно разобраться в этих преобразованиях из теории гипердрайва, а то...

— Боюсь, Джим, ты не совсем понимаешь значение Фестиваля. Он — не просто куча каких-то там представлений, он — утверждение.

Да слышал я это, слышал. Слышал так часто, что скулы уже от тоски сводило. Вы и сами, наверное, помните аргументацию устроителей: «Завоевывая звезды, человечество рискует потерять свою душу. Внеземные колонии раскалываются на новые нации, для которых Земля — даже не воспоминание, а нечто совсем смутное. Наши первоходцы, наши торговцы рвутся все дальше и дальше, но ими движет не миссионерский дух, а тяга к приключениям и страсть к наживе. А тем временем Солнечное Содружество буквально захлестнули чужие — нечеловеческие — веяния, их источник — не только дипломаты, дельцы, студенты и туристы, но и фальшивый блеск ложных идей, зародившихся вдали от колыбели и родного очага человечества. Да, согласны, в культурах этих чужаков много ценного, полезного, но гораздо больше там совершенно для нас

неприемлемого и даже вредоносного, разрушительного, особенно в области искусства. Кроме того, они берут от нас гораздо больше, чем мы от них. Так давайте же гордо подтвердим этот непреложный факт. Давайте взовем к нашим истокам, к нашей исходной многоликости. Посадим новые корни в почву, взрастившую наших предков.

Сильно все это липой попахивало, но все-таки рассчитанная на целый год демонстрация прошлого Земли — картинки должны быть колоритными. Только какое же там серьезное значение? Будущее (думал я, благоразумно помалкивая в тряпочку) принадлежит космосу. Во всяком случае, личное мое — хотелось бы надеяться — будущее. Ну что мне до каких-то иссохших костей, во что их ни обряжай? Не подумайте только, что я презирал прошлое, не был я таким идиотом, даже в том возрасте. Просто я считал — все, что стоило бы сохранить, и само сумеет сохраниться, а остальное — пусть себе угасает потихоньку. Ну вроде как брюхо — хорошее не лопнет, плохого не жалко.

Вот я и попытался объяснить куратору.

— Конечно же, я слышал про «культурный псевдоморфизм» и всякое в этом роде. Но не кажется ли вам, мастер Снайдер, что проблемой является как раз обратное? Вот, скажем, Адзель, это мой товарищ с Водана, который занимается здесь планетологией. Так ведь это — наша, земная наука, а его народ — первобытные охотники, совсем недавно нами открытые. Адзель говорит на многих человеческих языках — они у него как-то очень быстро идут — а недавно обратился, ко всему прочему, в буддизм. Ведь это воданитам пора бить тревогу — как бы им не превратиться в этакое подобие землян. — Пример мой малость хромал — четырех-с-половиной-метрового дракона не так-то легко превратить в «этакое подобие землянина». Знал Снайдер это или не знал (кто же упомнит все расы, все миры, найденные уже в нашем крохотном уголке великого и прекрасного космоса?), только впечатления я на него не произвел.

— Многообразие внеземного влияния — даже оно одно нас деморализует, — отрезал он не терпящим возражения тоном. — Так вот, мне хочется, чтобы наш комплекс выступил на празднике достойно. Участвовать будут все организации, предприятия, клубы, церкви нашего мегаполиса, и я хочу, чтобы лидирующая роль принадлежала учебным заведениям.

— Но ведь так оно, кажется, и решено? Я хотел сказать, сэр, разве не идет уже подготовка мероприятий?

— Да, да, конечно, — нетерпеливо отмахнулся он. — В некоторой степени. В степени значительно меньшей, чем я ожидал от нашей молодежи. Слишком уж много среди вас космо-

чокну... — он осекся, снова нацепил свою улыбку и так наклонился вперед, что еще чуть-чуть — и его изображение вывалилось бы из экрана. — Я тут думал, а что бы могли сделать мои собственные студенты. Относительно тебя есть просто первоклассная идея. Ты будешь представлять китайскую общину Сан-Франциско.

— Ч-е-е-го? — удивленно проблеял я. — Н-н... н-н-но...

— Весьма древняя, почти уникальная традиция, — продолжал он, словно не заметив моего испуга. — Твой народ живет в этих местах уже пять или шесть сотен лет.

— *Мой народ?* — Вся комната вокруг меня как-то перекосилась и закачалась. — То есть я хочу сказать... ну да, конечно, моя фамилия Чинь, и я ей горжусь. Ну и, может быть, какие-то комбинации хромосом делают меня немного похожим на предков. Но... ведь это же, сэр, полтысячи лет! Если во мне нет крови каждой человеческой породы, когда-либо существовавшей, то я — чудовищная статистическая флюктуация!

— Верно. Однако случайность, придавшая тебе внешность твоих монголоидных пращуро, очень нам на руку. Весьма немногие мои студенты могут похвастаться хоть сколько-нибудь различимыми расовыми признаками. Я пытаюсь подобрать им роли, исходя из фамилий, но даже это непросто.

«Да, — думал я с горечью, — конечно. По вашей логике любой по имени Марк-Антонио должен завернуться на празднике в тогу, а каждый Смит — выкраситься в синий цвет»*.

— Специально для этого случая, — продолжал Снайдер, — создан местный комитет американцев китайского происхождения. Я бы рекомендовал тебе связаться с ними, может, там есть какие-нибудь мысли, информация. Не посоветуют ли они, в какой роли выступить тебе от имени нашей образовательной системы? Ну и, конечно же, Центральная библиотека, там столько исторического материала, что и за всю жизнь не прочитать. Тебе совсем не вредно познакомиться хоть с чем-нибудь, выходящим за пределы математики, физики и ксенологии... — По костяльному лицу куратора скользнула гримаса, и я в уме поставил ему «хорошо» за искренность. — Возможно, ты придумаешь передвижную платформу для шествия или еще что в подобном роде, для чего нужны технические знания и изобретательность. Это тоже будет плюсом при подаче заявления в Академию.

«Как же, плюсом, — подумал я, — особенно если я завалю из-за этой дури предварительные экзамены».

* Древние обитатели Британских островов предпочитали для боевой раскраски синий цвет. (Примеч. пер.)

— И не забывай, — подытожил Снайдер, — что до начала Фестиваля осталось всего три месяца. О ходе своей работы докладывай прямо мне. И не стесняйся советоваться, просить о помощи — пожалуйста, в любое время. Ведь в этом и состоит моя главная обязанность — помогать вам развиваться целостными, многогранными личностями. Ну и все такое прочее.

Больше писать не буду, а то еще вытошнит.

Я позвонил Бетти Райфеншталь, но только затем, чтобы узнать, можно ли зайти. Головидео — оно, конечно, вещь хорошая, но только с голограммой нельзя держаться за руки, и запаха тоже не чувствуешь — ни запаха духов, ни запаха самой девушки.

Телефон отрапортовал, что Бетти будет только вечером. В результате у меня было более чем достаточно времени, чтобы основательно потрепать себе нервы. Не мог я прямо так вот взять и отказаться от участия в Снайдеровских игрищах. Право-то у меня было, конечно, и самое полное, и он не стал бы иметь на меня за это зуб — сознательно. Но и хвалить меня за энергию и командный дух он станет не так горячо, как мог бы, а ведь это очень важно при обсуждении кандидатур. С другой стороны, ну что я знаю про ориентальные цивилизации? Видел стандартные картинки, читал книгу-другую, когда проходили по литературе китайскую классику, ну, пожалуй, и все. Все мои знакомые и незнакомые имели такую же ориентацию (не каламбурю я, упаси Господь), как и я. А что до этих китайских американцев, американских китайцев...

Припомнив, что вроде бы в Сан-Франциско были когда-то особые этнические округа, я запросил Центральную библиотеку, за что и был вознагражден чертовой уймой материала по Чайнатауну — так именовался в прошлом этот район. Вполне возможно, что современникам это местечко представлялось живописным. (О дороги Цинтии, скользящие над верхушками самых высоких деревьев, освещенные лучами багряно-золотого солнца! Четверорукие барабанщики, громкой дробью возвещающие о совокуплении двух лун Горзуны! Дикие, свободные крылья под небом Ифри!) Тамошние обитатели встречали лунный новый год с фейерверками и шествием. Деталей было не разобрать — к тому времени, как информацию переписали в компьютер, все фотографии успели сильно выцвести, а рыться в сопроводительном тексте не хотелось.

Для меня обед — просто необходимая заправка топливом. Пробормотав нечто неопределенное родителям, которые никак не могут понять, почему это я стараюсь вырваться из такого приятного, безопасного мирка Солнечной системы, я полетел к Райфенштальям.

Полет немного меня успокоил, еще раз напомнив, что для чужаков вроде Адзеля самое настоящее чудо именно здесь, у нас. Куда ни посмотри — и на холмах, и по всему зеленому зеркалу Залива, и дальше, в океанских просторах, — везде искаются и переливаются миллионы опущенных на землю звезд. Кое-где свет резко взмывает вверх, вырисовывает многорукую башню, в других местах он отступает, давая место влажной тьме парка или экоцентра. В прохладном, чуть затуманенном воздухе стоит несмолкаемый гул машин. Автоматическая система управления движением подвела меня настолько близко к аэробусу, что я смог заглянуть внутрь и увидел, что его пассажиры собирались со всего нашего земного шара и из многих мест за его пределами. Вот этот, пижонистый, наверняка с Луны, а там — приземистый синекожий альфазанец, астронавт, это видно по нашивке Братства. А вот бродячему купцу из Торгово-технической Лиги никаких нашивок не надо, хватает обгоревшей под чужими солнцами кожи и выражения полной независимости на лице. Лицо это словно говорило: «а в гробу я вас всех видел» и преисполняло меня самой черной завистью.

Квартира Райфенштадей выходила на Голден Гейт. Я увидел вспышки и мерцание каких-то огоньков, до ушей донеслось отдаленное звяканье и шипение — шла круглосуточная работа по созданию копии этого древнего, обветшавшего моста. Бетти встретила меня у порога. Сегодня эта тоненькая, белокурая и, как правило, жизнерадостная девочка выглядела устало и озабоченно; пораженный, я даже не уделил подобающего внимания предельной — ну, скажем, минимальности — ее платья.

— Тсс, — предупредила она. — С папой здороваться не надо. Он в кабинете и очень злой.

Я знал, что мамы ее нет дома, она где-то там участвовала в работе над записью какой-то там современной музыки. А отец ее — дирижер Сан-Францисской Оперы.

Бетти провела меня в гостиную, усадила и заказала машине кофе. За прозрачной стеной комнаты бриллиантовой россыпью мерцали и переливались огни города, в небе — узенький серп Луны с крохотными светлячками селений на темном ее боку, несколько самых ярких звезд.

— Хорошо, что ты пришел. — Тоненькая фигурка четко вырисовывалась на этом драгоценном фоне. — Мне нужна жилетка, куда поплакать.

— Вот и мне тоже, — кивнул я. — Начинай уж ты первая.

— Папу очень жалко. Он совсем не в себе. Этот дурацкий Фестиваль...

— А? — Я пошарил в своем мозгу, но не нашел там ничего, кроме самого очевидного. — Он ведь, кажется, ставит для Фестиваля какую-то там Земную пьесу?

— Должен. Он работает каждый день, до не знаю, какого часа, смотреть жалко. Я помогала ему прослушивать старые пленки — не часы, а сотни лет музыки — и делать из них выборку, чтобы представить ее пред светлые уши управляющих. Кончили только вчера, и мне было необходимо хоть немного поспать. Потому-то я и не разрешила тебе прийти раньше.

— Ну а в чем, собственно, проблема? — удивился я. — Ну ладно, вам пришлось попотеть, перебирая эти записи, но теперь-то, когда выбор сделан, остается только склеить все — и можно проигрывать. В крайнем случае — заменить кое-где древний язык на современный, но ведь у вас есть еще и мама, она сможет все перепрограммировать.

— Если бы так, — вздохнула Бетти. — А то ведь они — совет управляющих Оперы, а заодно и чиновники, заведующие Сан-Францисской частью Фестиваля — все они хотят, чтобы была не запись, а живое исполнение.

Краем уха я уже слышал что-то такое, но теперь Бетти объяснила мне подробнее. Мастер Райфеншталь первым возродил настоящие, живые постановки опер. Да, сказал он, у нас есть голограммические записи игры величайших артистов, да, с помощью компьютеров мы можем создавать новые произведения и постановки, создавать их с точностью и совершенством, недоступным живому исполнителю. Только ни то ни другое не рождает новых художников с новыми артистическими концепциями, ни тот ни другой подход не оставляет места для индивидуального творчества — и это в наше время, когда Землю захлестывает поток новых идей, порожденных во всех уголках Галактики. Люди одаренные должны творить — иначе они бунтуют.

— Технические трюки хороши на своем месте, например при создании специальных эффектов, — говорил Райфеншталь. — Но не следует забывать, что придать жизнь музыке может только живой исполнитель.

Не считая себя особым эстетом, я, однако, при каждой возможности слушал его постановки. В них было что-то такое, чего нет ни в записях, ни в запрограммированных, смонтированных шоу.

— Папина страсть похожа на твою, — сказала Бетти в самом начале нашего знакомства. — Можно бы посыпать в космос одних роботов, но люди летят сами, невзирая на риск. — А ведь до того разговора я считал ее чуть ли не дурочкой.

Сегодня она была как в воду опущенная.

— Слишком уж хорошо все получалось. Папа ставил современные вещи, а вся архаика шла в записях. Теперь им захотелось, чтобы он поставил что-нибудь историческое, это, значит, будет вклад Оперы в Фестиваль, а иначе, говорят, не будет проявлено достаточно уважения к человеческому этносу; а ведь мы — нё сами по себе, а представители всего Сан-Франциско.

— А что, разве он не может? — немного удивился я. — Ясно, времени мало, как и у меня, но с учетом современной подготовки его труппа...

— Конечно, конечно, — раздраженно отмахнулась Бетти. — Только неужели ты не понимаешь, что и рутинный спектакль тоже не годится? Люди теперь привыкли к ярким зрелищам, во всяком случае, так говорят управляющие. Кроме того... понимаешь, Джимми, Фестиваль важен не только сам по себе. Если папин спектакль провалится, под угрозой будет его контракт. А не возобновят контракт — пойдут наスマрку все его усилия приучить публику к настоящей живой музыке. И ему... — она опустила голову и договорила совсем уже тихо, — ...ему будет очень больно.

Бетти глубоко вздохнула и выпрямилась.

— Ну что ж, мы изложили свои предложения, теперь подождем, что скажет совет управляющих. Но ждать еще много дней, так что у тебя есть время поведать мне свои печали, — вымученно улыбнулась она, садясь напротив. — Валяй.

Что я сделал.

— Смешно, правда? — криво ухмыльнулся я под конец своего повествования. — С одной стороны, твой отец должен поставить какой-нибудь ультраэтнический спектакль — зуб даю, они плясать будут от радости, если спектакль окажется германским, под стать вашей фамилии — но ему почти нельзя пользоваться техникой, разве что по мелочам. А с другой стороны — я, мне тоже нужно состряпать нечто этакое, китайское, и чем аляповатее, тем лучше, только у меня просто нет времени на техническое оформление фейерверков и всего прочего. Может, нам объединить усилия?

— Как?

— Не знаю. — Я нетерпеливо поерзal на стуле. — Попшли-ка мы куда-нибудь, где можно развеяться, забыть про всю эту муть.

Я-то, собственно, думал полетать над океаном либо двинуть к мексиканской Калифорнии, где вода потеплее и можно купаться, а потом, может, зайти в какой-нибудь ресторан с инопланетной кухней, но не тут-то было.

— Да, — охотно согласилась Бетти, — мне тоже хочется побывать в спокойной, серьезной обстановке. Как ты думаешь, Адзель дома?

Стипендия, которую он всеми правдами и неправдами выбрал на своей планете, на Земле оказалась более чем скромной — надо учесть, что на стипендию эту приходилось кормить тепло-кровное тело весом в добрую тонну. Он не мог позволить себе ни специального, для таких, как он, предназначенного помещения, ни вообще какой-либо квартиры в районе Клементского планетологического института. Вместо этого Адзель платил совершенно несуразные деньги за развалюху на окраине района Сан-Хосе. Единственным видом общественного транспорта, в который он мог втиснуться, был старый, дребезжащий монорельсовый поезд, ходивший один раз рано утром и один раз поздно вечером, в результате чего Адзель тратил уйму времени на проезд и еще больше — на пустое ожидание до и после занятий. Кроме того, я сильно подозревал, что он недоедает. Познакомились мы с ним на лекции по микрометрике, и я сразу начал о нем беспокоиться.

Адзель только отмахивался, он не разделял моих страхов.

— Шныряющего по степи охотника, каким я был когда-то, все это, Джимми, пожалуй, и разозлило бы. Но теперь, получив хотя бы самое малое просветление, я вижу, что все плотские невзгоды значат ровно столько, сколько мы сами им позволяем. Можно даже использовать их себе во благо. Лишения очень ценные. А что касается долгих ожиданий, так ведь это — удобнейший случай для углубления знаний или — что еще лучше — для медитации. Я научился даже не обращать внимания на зевак и очень рад, что укрепил в процессе свою внутреннюю дисциплину.

В наши дни пора бы и привыкнуть к инопланетям, но Адзель был единственным воданитом на всей Земле. Так вот, возьмите такое вот существо: четыре ноги с копытами поддерживают хвостатую тушу, сверху туша эта покрыта зеленой чешуей и увенчана колючим гребнем, а снизу, со стороны брюха, она мягкая и золотистая; двухметровый торс с соответствующего размера руками поднимается к типично крокодильской физиономии, огромные клыки, толстые губы, костиистые уши, печальные карие глаза... Возьмите такое существо, усадите его в некое подобие позы лотоса, заставьте сотни раз повторять «Ом-мани-падме-хум» густым, раскатистым басом профундо, и тогда посмотрим, сбежится на этакое зрелище толпа или нет.

При всей серьезности Адзеля в нем не было ни капли ханжества. Он любил хорошо поесть и выпить — когда было что, — особо предпочитая ржаное виски, каковой напиток он употреб-

лял пивными кружками. В шахматы и покер с ним было лучше не садиться. Он очень хорошо пел — все, от родных своих на-певов до человеческих народных баллад и самых последних по-пулярных песенок. Адзель наотрез отказывался исполнять кое-что из своего репертуара, например «Эскимоску Нелл», в присутствии Бетти. Усердное изучение истории человечества привило ему до смешного анахроничную скромность. Шутки у него такие тонкие, что я не все их понимаю, а скорее всего не все и замечаю.

За все про все я очень любил Адзеля, страдал от его бедности и так и не сумел придумать никакого способа ему помочь.

Я посадил машину перед его домом. Рассыпающаяся халупа смутно чернела в густом тумане, освещенном лихорадочными отблесками каких-то далеких огней. От неумолчного, ничем не приглушенного шума грузового транспорта закладывало уши. Прежде чем выйти с Бетти из кабины, я прихватил парализующий пистолет.

Звонок у Адзеля давно сломался, но он быстро открыл на наш стук.

— Заходите, пожалуйста, заходите.

В лучах флюоресцентных ламп зеленые чешуйки сверкали, как изумруды. На нас пахнуло благовониями.

— А почему ты с оружием, Джимми? — Он недоуменно уставился на мой пистолет.

— Так ведь ночь, темно, — объяснил я. — В таком хулиганском районе...

— Да? — удивился мой тысячетонногий друг. — А меня вот никто еще ни разу не тронул.

Мы вошли. Взмахом руки он указал нам на циновки. Вся мебель комнаты состояла из этих циновок, пары дешевых столов и полок, лично сколоченных им из подобранных в мусоре досок и забитых книгами и кассетами. Старинная японская ширма — копия, конечно же, — закрывала дальний конец комнаты, где находились небольшая плита и хитроумное, специально для него предназначенное канализационное устройство. На стенах — два свитка, горный пейзаж и сострадательный Будда.

Адзель засуетился, заваривая для нас чай. Он до сих пор не сумел привыкнуть к тесноте своей комнаты, дважды мне пришлось проявить чудеса ловкости, уворачиваясь от его хвоста (я ничего не сказал, иначе Адзель убил бы добрые полчаса на извинения).

— Я очень рад вас видеть, — прогудел он. — Однако из беседы по телефону я понял, что вы находитесь сейчас не в самых хороших обстоятельствах.

— Мы надеялись, что ты поможешь нам успокоиться, — сказала Бетти. Я лично чувствовал некоторое недовольство. Спору нет, Адзель — прекрасный товарищ, но неужели нам с Бетти не хватило бы для успокоения компании друг друга? Последние недели я и так почти ее не видел.

Адзель подал чай. Чайник у него был пятилитровый, но — благодаря, возможно, этим занятиям микрометрикой — мой далеко не миниатюрный друг прекрасно обращается с самыми крошечными и нежными чашками и способен провести чайную церемонию по полной программе. Чем он и занялся в приличествующей такому случаю тишине. Я внутренне кипел, как тот чайник. Прелестный, возможно, обычай, но разговор со Снайдером как-то не прибавил мне любви ко всем восточным традициям, вместе взятым.

В конце концов Адзель поставил флейтовую музыку, присел перед нами — то есть опустил на циновку заднюю часть туловища и привстал на передние колени — и торжественно произнес:

— Прошу вас, друзья, поделитесь со мной своими бедами.

— Да мы их столько раз уже пережевывали, — сказала Бетти. — Я пришла сюда, чтобы мирно посидеть.

— Конечно, — с той же торжественностью ответил Адзель. — С величайшей охотой вас поддерживаю. Не хотели бы вы вместе со мной провести краткую трансцендентальную медитацию?

Вот тут уже я не выдержал.

— Нет!

Адзель и Бетти удивленно обернулись на этот истошный вопль, и я тут же начал оправдываться:

— Простите, пожалуйста... но... путаница все какая-то, и все идет наперекосяк и...

Огромная четырехпалая лапа опустилась на мое плечо и сжала его — мягко, чуть-чуть, совсем как мамина рука.

— Расскажи мне все, Джимми.

И тогда меня словно прорвало, я начал торопливо, взахлеб описывать свое нелепое, дурацкое положение.

— Снайдер просто не понимает, — закончил я. — Ему кажется, что все эти уравнения, факты можно освоить за несколько дней.

— А разве нельзя? Например, гипнотерапия...

— Ну что ты говоришь, разве сам не понимаешь? Ну да, могу вырубить все, как попка, но только знания эти не проникнут в меня до мозга костей — где им и следует быть. А потом на экзамене мне подкинут задачку, требующую оригинального мышления. И ведь обязательно подкинут — иначе как опреде-

лить, сумею ли я справиться, если в космосе возникнет чрезвычайная ситуация.

— Или на незнакомой планете. — Длинная голова понимающе кивнула. — Да-а.

— Это не про меня — купцы, их приключения, — с горечью сказал я. — Но ведь и на регулярных транспортниках всякое бывает.

Некоторое время он смотрел на меня в упор, а затем прокотал:

— Один знакомый говорит пару слов другому — так действует ваша техническая цивилизация, или я ошибаюсь? Зоту. Есть у тебя хоть какая возможность быстро справиться с этой задачей и вернуться к своей настоящей работе?

— Нет. Мастер Снайдер говорил о демонстрационном стенде или передвижной платформе для шествия. Для этого придется изучить культурную атмосферу, разработать общую схему, согласовать ее с местным комитетом, сконструировать эту штуковину — и упаси Бог, если она окажется малозрелищной либо малоэтнической, — затем построить ее, испытать, найти промахи конфигурации, исправить их и... А к тому же — какой из меня художник? Какую бы хитрую механизму я ни сделал, вряд ли она окажется шибко впечатляющей.

— Адзель! — неожиданно вмешалась Бетти. — Ты же знаешь о Древнем Востоке гораздо больше нас. Может, у тебя есть какие предложения?

— Возможно, возможно. — Раздался звук, вроде как при работе рашпилем. Воданит задумчиво потер свой подбородок. — Мотивы... дайте-ка я посмотрю.

Он снял с полки какую-то книгу и начал ее перелистывать.

— В буддийском искусстве они имеют по преимуществу языческое происхождение — так же, кстати, как и в христианском... Гр-рр'м... Бетти, дорогая, пока я тут копаюсь, не хотела бы и ты облегчить свою душу?

Бетти сидела, стиснув пальцы и молча уставившись в пол. Решив, что лучше ей не мешать, я осторожно поднялся с циновки, подошел к Адзелю и заглянул ему через плечо — нет, конечно, через локоть.

— Вообще-то это не моя проблема, а папина, — нерешительно начала она. — Может быть, ее и нет вовсе, если один из выбранных нами вариантов будет принят. Но если нет... сколько еще можем мы исследовать материал и выдавливать из себя мысли? Времени не осталось, а ему нужно много времени, чтобы подобрать состав, провести репетиции, позаботиться об оформлении... Извините, — вымученно улыбнулась она, заметив непонимание Адзеля. — Я забегаю вперед. Мы...

— Стойте! — прервал ее я, хлопнув ладонью по странице книги. — Что это такое?.. Прости, Бетти.

Она мгновенно вскочила на ноги.

— Ты что-нибудь нашел?

— Н-не знаю. — От волнения я начал заикаться. — Н-но... Адзель, ведь это почти что ты. Что это?

— Лун. — Он прищурился, чтобы прочитать (умеет же!) мелкие иероглифы.

— Дракон?

— Так — и неправильно — назвали его европейцы. — Адзелю явно нравилось читать нам лекцию. — Настоящий дракон, порождение мифологии Ближнего Востока и Европы, он злое чудовище, символ разрушительных сил. В китайской и родственных ей традициях эти рептилиеобразные существа — представители сил добрых, благожелательных. Лун обитает в небе, ли в океане, а цяо — в горах и болотах. Но это — только основные, есть и другие, имеющие иные названия. Главный из них — лун, именно его изображали при различных церемониях...

Затрещал телефон.

— Подойди, пожалуйста, Бетти, — попросил Адзель, не желая прерывать свое повествование. — Наверное, хотят сообщить мне об изменении расписания занятий. Так вот, Джимми, обрати внимание на когти передних и задних лап. Их количество — важная классификационная характеристика...

— Папа! — вскрикнула Бетти. Скосив глаза, я увидел на экране Джона Райфенштадя, такого же печального, как и его дочь.

— Я очень надеялся тебя найти, — устало сказал он. Бетти говорила мне, что последние дни, уходя из дома, обязательно оставляет список телефонов, по которым ее искать. — Я только что окончил трехчасовую беседу с председателем совета, — продолжал Райфеншталь. — Они отклонили все наши предложения.

— Уже? — прошептала она. — Но почему, почему?

— По разным причинам. «Кармен» кажется им слишком местной, слишком привязанной к своему пространству и эпохе. В наше время почти никто не поймет, что движет ее персонажами. «Альфа Центавра» посвящена космическим путешествиям, а именно это и нежелательно. «Травиата» лишена зрелищности. Да, соглашаются они, «Гибель богов» заряжена мистическим смыслом, как им того и хочется, но вот она уже слишком картинна. Современная аудитория ее не примет, если только мы не придадим театральным эффектам правдоподобие, но тогда эти эффекты уведут внимание зрителей от живых исполните-

телей, которые должны быть в центре внимания, ведь мы прославляем человека. И так далее, и так далее.

— Да у них в головах сплошная каша!

— Но в их руках — сила. Ладно. Ну как, выдержишь ты еще несколько сот километров пленки?

— А куда же деться?

— Извините, пожалуйста, за непрошеное вмешательство, мастер Райфеншталь. — Все головы повернулись к Адзелю. — Мы незнакомы, но я давно восхищаюсь вашими работами. Скажите, пожалуйста, а вы не думали о китайской опере?

— Этим займутся сами китайцы, мастер... э-э... — дирижер смущенно замялся.

— Адзель. — Мой чешуйчатый друг вошел в поле зрения камеры, его клыки, обнажившиеся в дружелюбной улыбке, поблескивали — должен признать — весьма зловеще. — Считаю большой для себя честью познакомиться, сэр... э-э... сэр?

От ужаса Джон Райфеншталь задохнулся и побелел как полотно.

— П-п-прост-ти-т-те, п-пожалуйста, — прозаикался он, обретя наконец дар речи и стирая со лба обильный пот. — Мне и в голову не приходило, что вы... Понимаете, я тут все время думаю о Вагнере, а потом вдруг вижу перед собой Фафнира собственной персоной...

Я не знал ни Вагнера, ни всех этих имен, однако сразу все понял. Быстро переглянувшись, мы с Бетти издали торжествующий вопль.

Предвидя реакцию Саймона Снайдера, я настоял на личной встрече. Куратор восседал за письменным столом в окружении компьютеров, коммуникаторов и информационных систем.

— В чем дело, Джим? — на узких, плотно сжатых губах появилось некое подобие улыбки. — Вдохновение посетило? Тебе не кажется, что один день — это очень мало, когда стоит такой серьезный вопрос?

— Хватило, — нагло ответил я. — Мы уже говорили с председателем китайско-американского комитета, сам он в восторге, но хотел бы заручиться вашим одобрением — ведь все будет происходить от имени учебных заведений.

— Мы? — нахмурился куратор. — У тебя что, появился напарник?

— Более того, сэр, он и есть основа проекта, даже — весь проект. Какое может быть китайское шествие без дракона? А какой бутафорский дракон может сравниться с настоящим? Мы возьмем этого водяниста, наденем ему парик и фальшивые усы, на ноги — когти, чешую покроем лаком...

— Инопланетянин? — теперь Снайдер уже не хмурился, он презрительно усмехался. — Ты огорчаешь меня, Джим. Очень огорчаешь. Я ожидал от тебя совсем иного — что ты почувствуешь важность поручения, сумеешь приложить свои способности. Весь смысл Фестиваля в прославлении рода человеческого, а ты хочешь использовать чуждое нам существо. Нет. Боюсь, я никак не смогу...

— Подождите, пожалуйста, сэр, вы ведь не успели даже познакомиться с Адзелем. — Я вскочил со стула, распахнул дверь в прихожую и позвал: — Заходи.

Адзель начал заходить, он заходил метр за метром, пока в кабинете не стало тесно от чешуйчатого хвостатого тела, от шипов и клыков.

— Вы не представляете, сэр, как я рад этой возможности, — прогремел он, сжимая руку Снайдера своей огромной лапой и приветливо улыбаясь ему прямо в лицо. — Какой прекрасный случай выразить мое восхищение земной культурой и тем самым помочь прославлению вашей замечательной расы:

— М-мм, ну да, конечно, — обессиленно промямлил Снайдер.

Я заранее предупредил Адзеля, что ему нет нужды особо афишировать свой пацифизм и благоприобретенное на Земле вегетарианство.

— Я ни на мгновение не сомневался, сэр, — продолжил дракон, — что вы одобрите блестящую идею Джимми. Не хотелось бы скрывать от вас, что лично я имею еще один побудительный мотив — местная ассоциация владельцев ресторанов обещала кормить всех участников репетиций. Имея крайне скучную стипендию, — язык, которым он облизнулся, промелькнул в двух сантиметрах от хрящеватого носа Снайдера, — я сильно недоедаю.

И ведь чистейшая правда, хотя, может быть, и не вся. Иначе Адзель просто не мог. Не сдерживаемый подобными условностями и предрассудками, я наклонился к уху куратора.

— Не бойтесь, сэр, он, конечно, легко возбудим, но вполне безопасен, если никто его не расстраивает.

— Ну что ж, — Снайдер откашлялся, отодвинулся назад, тут же уперся в компьютер и снова откашлялся. — Ну что ж, э-э-э... да. Да, Джим, твоей идеи нельзя отказать в оригинальности. В ней есть нечто такое, — он болезненно сморщился, но сумел наконец выдавить из себя, — ...нечто, показывающее мне, что ты... — он опять на мгновение смолк и закончил, глядя на меня с нескрываемой уже ненавистью: — Что далеко ты пойдешь.

— Очевидно, вы зафиксируете свое мнение? — невинно поинтересовался Адзель. — Вы прямо сейчас и занесете его в личное дело Джимми?

Я с трудом дождался конца этой — крайне, конечно, необходимой — процедуры. У Бетти, ее отца и моего приятеля была назначена сегодня беседа с председателем совета управляющих Сан-Францискской Оперы.

Шествие прошло «на ура». Вне себя от восторга, местные торговцы решили возобновить древнюю традицию встречи лунного Нового года. Адзель будет непременным участником этих праздников — до своего, конечно, отъезда. В вознаграждение мой товарищ получил неограниченную возможность кормиться в китайском ресторане «Серебряный дракон» — на туристах торговцы заработают гораздо больше.

Постановка вагнеровского «Зигфрида» имела гораздо большее значение — во всяком случае, губернатор Сан-Франциско сказал, что она имеет очень большое значение.

— Не говоря уж о возвращении к жизни музыкального шедевра, столетиями пребывавшего в забвении, — провозгласил он в своей речи перед последним представлением оперы, — гений Джона Райфенштала проявился и в подборе исполнителей, чем придал Фестивалю Человека новую, неожиданную глубину. Райфеншталь напоминает нам, что поиски корней и гордость своим прошлым несовместимы с шовинизмом. Мы должны всегда протягивать руку дружбы всем нашим братьям по разуму изо всех уголков великого Божьего мира.

А то, договорил я за него, они еще потеряют охоту прилетать на Землю и тратить здесь свои деньги.

Шутки шутками, но что-то в его словах было. Кроме того, опера и сама по себе стала сенсацией; думаю, в ближайшие годы последуют постановки всего Кольца Нibelунгов и у нас, и по всему Содружеству, причем мастеру Райфеншталью в любой момент обеспечено место режиссера-постановщика, а Адзелю — исполнителя роли Фафнира. С оплатой, конечно же, по высшему разряду.

Но я всего этого не увижу. Не будет меня здесь. После благополучного завершения всех хлопот мы с Бетти и Адзелем устроили грандиозную гульбу в его новой квартире. Приняв пятый магnum шампанского, он посмотрел на меня слегка разъезжавшими глазами и изрек:

— Джимми, при всех моих стараниях я никак не мог найти подходящий способ выразить свою к тебе любовь, хотя бы частично отблагодарить твою участливость и доброту.

— Ну о чём ты там, — смущенно пробормотал я, воспользовавшись паузой — если можно так назвать время, пока он громоподобно икал.

— Дело в том, — Адзель поучающе покачал огромным своим пальцем, — что только плохой друг может преподнести опасный подарок. — Он выстрелил очередной пробкой, а затем наполнил наши бокалы и свою пивную кружку. — Я хочу сказать, Джимми, что знал, конечно же, о твоем желании отправиться в глубокий космос, и не в роли извозчика по наезженным маршрутам, но открывателем, пионером. Однако все время оставался вопрос — справишься ли ты с неожиданными обстоятельствами?

Я разинул рот, но не смог произнести ни слова, только глядел на Адзеля и пытался справиться с бешеным сердцебиением. Бетти крепко сжала мою руку.

— Но ты убедил меня, что справишься, — продолжил не совсем трезвый дракон. — Вряд ли мастер Снайдер даст тебе наилучшую характеристику для Академии, но это неважно. Изобретательность и, я вполне могу сказать, твердость, проявленные тобой при разрешении этой проблемы, убедили меня, что ты, Джимми, из тех, кто умеет выжить в любых условиях. — Он опрокинул еще пол-литра пузырящейся жидкости и только тогда завязал на своем подарке бантик. — Я здесь по стипендии, предоставленной Лигой, и, конечно же, имею в Лиге знакомства. Переписываюсь кое с кем. Некий Мастер-Купец, с которым у меня прекраснейшие отношения, будет в самое ближайшее время подыскивать себе подмастерье. Моей рекомендации ему вполне достаточно. Тебя интересует такая возможность?

Я буквально рухнул на руки Бетти. Она говорит, что обязательно полетит вместе со мной, — как-нибудь уж исхитримся.

ТРЕУГОЛЬНОЕ КОЛЕСО

Некоторые замечания о лейтмотиве

Любой, кто хоть что-то смыслил в науке, знал, что получение энергии из атомного ядра невозможно. Тут и была открыта цепная реакция.

Как легко можно доказать, излучатели энергии — «лучей смерти» в популярной фантастике — неизбежно будут раскаляться сами, а не сжигать мишень, что сделает их неприменимыми на практике. Тут кто-то изобрел лазер.

Общеизвестно, что для создания ускорения космический корабль должен выбрасывать вещество, а его команда будет страдать от перегрузки все время, кроме периодов свободного падения, не говоря уже о том, что нечего и мечтать о маневрировании в космосе. Но нашлись иконоборцы, которые придумали способ использовать положительные и отрицательные гравитационные поля.

При скорости корабля меньшей, чем скорость света, путешествие к звездам требует столетий. Поэтому другие солнца и их планеты недостижимы для человечества. Уравнения Эйнштейна доказывают это со всей очевидностью. Но был открыт квантовый надпрыжок, и тут же сверхсветовые корабли заполонили Галактику.

Одно за другим рушились непреодолимые препятствия: самые основополагающие законы природы, как выяснилось, имели набранные мелким шрифтом примечания, и непочтительные исследователи перепиливали одну за другой решетки, препятствующие выходу человечества на свободу. Теперь уже требовалась изрядная неосторожность, чтобы утверждать,

будто существует абсолютно незыблемая истина или принципиально недостижимая цель.

Я как раз такой чудак. Поэтому я утверждаю, прямо и недвусмысленно, что существуют некоторые вечные жизненные ценности. Это, конечно, человеческие ценности. *Mutatis mutandis*^{*}, возможно, они также являются ценностями и для любого мыслящего вида на любой обитаемой планете Вселенной, но я не настаиваю на этом утверждении. На чем я настаиваю — это что человек, дитя Земли, живет по определенным неизменным законам.

К ним относятся:

Первый закон Паркинсона: объем любой работы увеличивается, пока не окажутся заняты все имеющиеся в наличии сотрудники.

Второй закон Паркинсона: траты растут вместе с доходом.

Откровение Стардженя: девяносто процентов всего — дрянь.

Закон Мэрфи: все, что может испортиться, испортится.

Четвертый закон термодинамики: на любое дело нужно больше времени и денег, чем планировалось.

Мое утверждение не столь безответственно, как может показаться: приведенные характеристики образуют часть моего определения человека.

Вэнс Холл

Комментарии к «Философии» Ноя Аркрайта

1

— Нет!

Рибо, отпрыск Легнора, Гилригорский Страж Границы, отпрянул от рисунка, как если бы тот внезапно ожил.

— О чём ты только думаешь? — выдохнул он. — Сожги это! Сожги немедленно! — Его дрожащая рука указала на большую жаровню: выбивавшиеся из неё язычки пламени слегка разгоняли сумрак, сгустившийся в приемном зале. — Кинь его в огонь! И я ничего не видел, а ты мне ничего не показывал. Ты понял?

Дэвид Фолкейн выпустил из рук листок бумаги с наброском. Тот медленно спланировал на стол — все-таки атмосферное давление на этой планете было на четверть больше земного.

* *Mutatis mutandis* (лат.) — изменив то, что требуется. (Здесь и далее примеч. пер.)

— Да что... — его голос по-дуряцки сорвался. Злость на себя вытеснила страх. Дэвид расправил плечи и решительно посмотрел в глаза айвенгца. — В чем дело? Это же просто рисунок!

— Ты нарисовал *малкино*! — Рибо содрогнулся. — А ведь ты не Посвященный и даже не принадлежишь к нашему виду.

Фолкейн во все глаза смотрел на инопланетянина — как будто потомок землян мог что-нибудь прочесть на этом нечеловеческом лице. В тусклом красном солнечном свете, косо падавшем из узких окон, Рибо больше походил на льва, чем на *Homo sapiens*, да и это сходство было отдаленным. Его тело лишь в общих чертах напоминало человеческое: две руки, две ноги, короткое и широкое туловище. Конечности были мощными и длинными, ходил Рибо, наклонившись вперед, так что, несмотря на его более чем двухметровый рост, Дэвид мог смотреть ему в лицо, не задирая головы. Каждый из трех оканчивавшихся острыми черными когтями пальцев на руке айвенгца имел на один сустав больше, чем у человека, а большие пальцы смотрели наружу. Покрывавший все тело инопланетянина рыжий мех походил на жесткие перья — каждый волосок имел несколько мохнатых отростков. Лицо было плоским, нос отсутствовал вовсе — дыхательные отверстия располагались по бокам мощных челюстей. Но если и можно было что-то прочесть в огромных зеленых глазах и в выражении неожиданно подвижного, почти женственного рта, этому препятствовала затеняющая лицо косматая каштановая грива — начинаясь на массивной круглоухой голове, она спускалась до середины мускулистой спины. Оканчивающийся кисточкой хвост нервно подергивался. Пара коротких кольчужных штанов и кожаная перевязь с тяжелым боевым топором подчеркивали экзотическую внешность хозяина замка.

Тем не менее, как было известно Фолкейну, мозг инопланетянина был развит ничуть не меньше, чем его собственный. Беда была только в том, что развивался он не на Земле. К тому же, в дополнение ко всем эволюционным различиям, разум айвенгца сформировала культура, до конца не понятная ни одному человеку... Так в какой же мере можно рассчитывать найти общий язык?

Юноша облизал затрескавшиеся в сухом холодном воздухе Айвengo губы. Его рука не коснулась бластера, но он внезапно осознал, как приятно ощущать на бедре солидную тяжесть оружия. Преодолевая растерянность, Дэвид выдавил из себя:

— Я приношу извинения, если мои действия оказались оскорбительны. Ты должен понять, что чужестранец может нарушить обычай по неведению. Не объяснишь ли ты мне, в чем дело?

Напряжение немного отпустило Рибо. Его глаза, более чувствительные к низкочастотной части спектра, обшарили углы зала, скрытые тенями от не столь острого взгляда гостя. Но никто не прятался за покрытыми причудливой резьбой каменными колоннами. Кроме языков пламени в жаровне и струйки едкого дыма, в просторном помещении все было недвижимо. Снаружи — Фолкейн неожиданно ощущил, как далеки от него эти свободные просторы, — бесконечный ветер завывал в горах вокруг Гилригора.

— Да, — ответил Страж Границы, — я понимаю, что ты действовал по незнанию. Ты можешь не сомневаться в моем дружеском к тебе расположении — не только потому, что ты в настоящий момент мой гость, но и ради того глотка свежего воздуха, которым ты и твои спутники оказались в нашей затхлой стране.

— Которым мы могли бы оказаться, — поправил его Фолкейн. — Будущее зависит от того, останемся ли мы в живых, не забудь. А это, в свою очередь, зависит от твоей помощи. «Хорошо сказано, — поздравил себя юноша — Вот слышал бы это Шустер. Может быть, тогда он перестал бы бубнить, что из меня никогда не получится торговец, если я не научусь как следует управляться со словами».

— Я не смогу помочь вам, если с меня живьем сдерут кожу, — резко ответил Рибо. — Сожги это, говорю.

Фолкейн, прищурившись, всматривался в свой рисунок. На нем была изображена большая платформа на колесах, в которую можно было бы запрячь двадцать фастиг. Всю дорогу от космического корабля до замка он предвкушал, как потрясен и обрадован будет его благородный хозяин. Он уже видел себя не Дэви-на-побегушках, не Дэви-прислугой-за все, подмастерьем и бесплатным слугой господина торгового агента Мартина Шустера, а Фолкейном с Гермеса, Прометеем, даровавшим благодарным жителям Ларсума великую идею колеса. «Что же здесь не так?» — растерянно подумал он. Эта мысль тут же, с характерным для его семнадцати лет максимализмом, приобрела обобщенную форму: «Почему все всегда выходит не так?»

Дэвид по инкрустированному раковинами полу подошел к жаровне и бросил рисунок в огонь. Листок вспыхнул, съежился, превратился в пепел. Обернувшись к Рибо, Фолкейн заметил, что тот окончательно успокоился. Страж Границы налил в кубок вина из графина на столе и выпил его одним глотком.

— Хорошее вино, — пророкотал он. — Хотел бы я, чтобы ты составил мне компанию. Так печально, когда не можешь предложить гостю угощение.

— Ты же знаешь, ваша еда — для нас яд, — ответил Фолкейн. — Кстати, это одна из причин, почему нам необходимо перевезти работопроизводитель из Гилригора на наш корабль, и не откладывая. Но все же объясни мне, что плохого в устройстве, которое я нарисовал? Его легко построить. Такие устройства — мы называем их повозками — одно из самых важных изобретений моего народа. Во многом благодаря им мы стали больше чем просто...

Фолкейн оборвал себя прежде, чем слово «дикари» или «варвары» сорвалось с его языка. Ведь наследственная должность Рибо — Стражи Границы — как раз и обязывала его следить за тем, чтобы племена дикарей оставались по свою сторону гор Касун. Ларсум — цивилизованная страна, с развитым сельским хозяйством, металургией, городами, дорогами, торговлей, грамотным населением.

Со всеми достижениями цивилизации. — кроме колеса. Жители переносили грузы на спине или перевозили их на выночных животных, на лодках, на волокушах, зимой на санях — только не на колесных повозках. Задумавшись обо всем этом, Дэвид припомнил, что даже и катки никогда не использовались.

— Идея заключается в том, что круглые предметы катятся, — рискнул он продолжить тему.

Рибо начертил в воздухе магический знак, отвращающий зло.

— Лучше не будем говорить об этом. — Но тут же с солдатской расторопностью передумал. — Однако я должен тебе объяснить, ничего не поделаешь. Видишь ли, малкино — слишком священный предмет, чтобы употреблять его для низких житейских надобностей. Наказание за нарушение закона — смерть, с провинившегося сдирают кожу: иначе гнев Бога падет на всю страну.

Фолкейн вступил в очередное сражение с чужим языком. Ознакомительные ленты на борту «Что за веселье» позволили ему освоить разговорную речь, но не могли передать семантических тонкостей — первая экспедиция на Айвengo пробыла на планете недостаточно долго для этого. Произнесенное Рибо слово, которое Дэвид мысленно перевел как «священный», подразумевало больше, чем просто принадлежность к религиозным понятиям: в нем звучали обертоны могущества, маны*, еще чего-то невыразимого. Ладно, Бог с ним.

— Что такое *малкино*?

* Мана — в верованиях народов Меланезии и Полинезии сверхъестественная сила, присущая некоторым людям, животным, предметам.

— Это... это круглое. Я не могу его тебе нарисовать — это позволено только Посвященным. Это нечто абсолютно круглое.

— А, понятно. Мы называем это «круг» или, если речь идет об объемном предмете, «сфера». Колесо тоже круглое. Ну, я думаю, можно бы сделать колесо и слегка неправильной формы.

— Нет. — Рибо встягнул гривой. — Если только форма не станет столь неправильной, что колесо уже не сможет катиться. *Даже* если бы Посвященные и позволили — а я совершенно уверен, что они не позволят и из-за своей вражды к вам, и из-за приверженности догме, — крестьяне так перепугаются, что разорвут вас на части. — Взгляд светящихся в полу-мраке глаз Рибо переместился на бластер Фолкейна. — Да, конечно, у вас могучее оружие, выбрасывающее огонь. Но вас всего четверо. Что вы сможете против тысяч воинов, стреляющих в вас, прячась за холмами и деревьями?

Фолкейн припомнил увиденное — сначала в Эске, потом во время своей поездки на запад вдоль Дороги Солнца и теперь в замке. Все архитектурные формы состояли из резко очерченных многоугольников. Мебель и утварь были или квадратными, или вытянутыми. Даже самые изысканные драгоценности, вроде золотого кубка Рибо, включали в свои орнаменты лишь вытянутые эллипсы или небольшие дуги.

Дэвид почувствовал растерянность.

— Почему? — хрипло спросил он. — Что делает эту... эту форму... столь священной?

— Ну... — Рибо тяжело опустился в кресло, обвив хвостом его ножку. Его рука поглаживала восьмигранную рукоять топора, и он не смотрел на Фолкейна. — Ну... древние обычай. Я, конечно, грамотен, но все же не ученый. Посвященные могли бы рассказать тебе больше. Дело в том, что... Круг и шар — знаки Бога. В каком-то смысле они и есть Бог. Ты видишь их на небе. Солнце и луны — шары. Наш мир тоже круглый, хотя и не вполне, и Посвященные говорят, что другие планеты имеют такую же форму, а звезды размещаются в огромной сфере — Вселенной. Все небесные тела движутся по окружностям. Наконец, круг и сфера — совершенные формы. Не так ли? А все, что совершенно, — прямое проявление Бога.

Фолкейну были понятны эти рассуждения — он немного был знаком с классической греческой философией. Несмотря на то что колония на Гермесе давно отделилась от Земли и образовала независимое герцогство, там гордились древним наследием и обучали космогонии в школах. Дэвида так и подымало выпасть: «Ты ошибаешься! Ни одна планета или звезда не имеют правильной сферической формы; их орбиты — эллипсы, да и

вообще, ваше солнце — паршивый красный карлик — вовсе не центр Вселенной. Я был в космосе, и я знаю!» — но бесконечные наставления Шустера научили его осторожности, и он сдержался. Он ничего бы не добился своими разоблачениями, только усугубил бы вражду жрецов, а может быть, и превратил во врага Рибо, который пока что был настроен дружелюбно.

Как можно доказать что-то, если это идет вразрез с традицией, которой три или четыре тысячи лет? Ларсум — изолированная страна, отделенная горами, пустыней, океаном и воинственными дикарями от остального мира. Сюда доходят лишь смутные слухи о том, что происходит за ее пределами. С точки зрения Рибо, единственное разумное объяснение появления лишенных меха чужаков с клювами, торчащими надо ртами, — это что они прилетели с какого-то отдаленного континента. Памятая отчеты первой экспедиции о том, как встревожены и возмущены были Посвященные в Эске сообщением, что корабль прилетел со звезд, как яростно они отрицали самую возможность этого, Шустер настойчиво предостерегал своих спутников от обсуждения данной темы. Да и вообще, единственное, что сейчас имеет значение, — успеть убраться с планеты прежде, чем все они умрут с голода.

Плечи Фолкейна ссутулились.

— В своих странствиях мой народ давно постиг, что бесполезно оспаривать религиозные верования других, — сказал он. — Ну что же, раз колеса запрещены — так тому и быть. Но тогда что же нам делать?

Рибо ответил Дэвиду на редкость проницательным взглядом. Он не был тупоголовым средневековым бароном, понял землянин. Древняя цивилизация этой страны придала определенный лоск сословию воинов и даже крестьянам, ремесленникам и купцам, не говоря уже о Посвященных — жрецах, летописцах, поэтах, художниках, инженерах и ученых. Рибо, отпрыска Легнора, можно было бы сравнить с древним самураем, если бы параллели с земной историей были уместны. Он сразу же уловил принцип колеса, и все же...

— Пойми, и я, и многие другие из моего народа более чем просто расположены к вам, — тихо произнес Рибо. — Когда несколько лет назад прилетел первый корабль, вся наша земля словно осветилась. Многие из нас надеялись, что это будет означать конец... некоторых ненавистных ограничений. Цивилизованные пришельцы могли бы дать нам новое знание, новое могущество, открыть новые перспективы — здесь, в нашем мире, где ничего не менялось более двух тысячелетий. Я искренне хочу помочь вам — не только в ваших интересах, но и в своих собственных.

Помимо необходимости соблюдать такт, Фолкейн испытывал отвращение при мысли о том, что он должен сказать своему хозяину: Торгово-техническая Лига не заинтересована в торговле с Ларсумом, да и вообще с Айвенго. Здесь нет ничего, что другие миры не производили бы лучше и дешевле. Первая экспедиция оказалась здесь просто в поисках места для ремонтной станции: планета всего лишь имеет наиболее здоровый климат в этом уголке Галактики. Участники первой экспедиции обнаружили с орбиты район, показавшийся наиболее цивилизованным, — Ларсум, приземлившись, вступили в контакт с населением, выучили язык и немного изучили обычай, затем попросили разрешения на строительство здания, куда никто, кроме таких же путешественников, как они сами, не сможет проникнуть.

Такое позвolenie с неохотой, но все же было дано: не столько ради металлов, предложенных в уплату, сколько из-за боязни Посвященных, что отказ вызовет восстание подданных. Все же Посвященные настояли на возможно большем удалении строительства от столицы — чтобы свести к минимуму число жителей Ларсума, оскверненных соприкосновением с чужими идеями. Закончив работы и произвольно присвоив планете имя, первая экспедиция отбыла. Собранные ею данные, вкупе с образовательными лентами, были переданы на все корабли, летавшие в направлении Плеяд. Команды звездолетов надеялись, что эти знания им никогда не понадобятся, но одному из них — «Что за веселье» — не повезло.

Фолкейн ограничился тем, что сказал:

— Не вижу, чем ты можешь нам помочь. На чем эту штуку можно переправить, кроме как на платформе?

— А нельзя ли ее разобрать, перевезти по частям, а потом собрать на корабле? Работников для этого я бы нашел.

— Нет. — Проклятье! Как можно объяснить конструкцию термоядерного генератора существу, никогда в жизни не видевшему даже мельничного колеса? Тупик, из которого нет выхода. — Кроме небольших внешних приспособлений, отсоединить ничего нельзя — по крайней мере, без сложных инструментов, которых у нас нет.

— Ты уверен, что вес слишком велик для волокушки?

— Боюсь, это так — уж очень плохи дороги в здешних местах. Если бы еще сейчас была зима, можно было бы попробовать использовать сани. Но мы умрем от голода гораздо раньше, чем выпадет снег. Подошла бы и баржа, но поблизости нет судоходных рек, а если строить канал, мы не доживем до окончания строительства.

Уже не в первый раз Фолкейн проклинал строителей ремонтной станции — что стоило им оставить, вместе с другим обору-

дованием, антиграв? Но ведь на каждом корабле есть собственный, а то и несколько. Кто мог предположить отсутствие у «Что за веселье» действующего оборудования или то, что корабль не сможет приземлиться рядом с ремонтной станцией? Даже если бы все это и пришло кому-нибудь в голову, никто не усомнился бы в возможности, если нужно, построить платформу для перевозки груза. Хотя ксенологи и заметили, что местные жители не используют колес, они не поинтересовались причиной этого... Станция была оснащена всем необходимым, включая портативный кран для погрузки и разгрузки тяжестей. Она была настолько хорошо оснащена, что строители не сочли нужным оставить запасы продовольствия — ведь любой звездолетчик, добравшись до ремонтной станции, в считанные дни мог привести в порядок все механизмы жизнеобеспечения своего корабля.

— И, как я понимаю, ни один корабль твоего народа не появится здесь вовремя, чтобы спасти вас, — продолжал Рибо.

— Нет. Расстояния, на которые мы путешествуем, превосходят всякое воображение. Мы направлялись в далекий пограничный мир — страну, по-вашему. Чтобы сбить с толку конкурентов, мы отбыли втайне. Никто не ожидает нашего появления там, куда мы летели, а наши начальники дома не рассчитывают, что мы вернемся раньше чем через несколько месяцев. К тому времени когда они забеспокоятся и начнут нас искать — а на то, чтобы навести справки всюду, где мы могли бы приземлиться, уйдут еще многие недели, — еда у нас давно кончится. Наши запасы продовольствия невелики — нам ведь нужно было загрузить как можно больше ценных товаров для... э-э...

— Для подкупа. — Звук, который сопровождал эти слова, мог бы сойти за смешок. — Понятно. Ну что ж, нужно придумать что-нибудь еще. Повторяю, я сделаю все, чтобы помочь вам. Здание было построено здесь, а не в другом пограничном районе, потому что я настоял на этом — и сделал я так именно потому, что надеялся получше узнать вас, путешественников. — Рука Рибо снова легла на рукоятку топора. Фолкейн еще раньше заметил, что все лезвия у местных орудий насыжены на рукояти после нагрева, — остывая, металл сжимался и плотно охватывал древко. Теперь он понял почему: использование круглых заклепок было бы святотатством. Рибо хриплым голосом продолжал: — Я достаточно благочестив, но я не могу поверить, будто Бог хотел, чтобы Посвященные навеки сделали жизнь Ларсума неизменной. Когда-то в нашей стране был век героев — еще до того, как Урато объединил горцев и жителей равнин под своей властью. Такой век может наступить вновь, если нам удастся сбросить оковы.

Поняв, что сказал лишнее, Рибо поспешил добавил:

— Впрочем, давай лучше не будем касаться столы высоких материй. Важно другое: как доставить этот ваш работопроизводитель к кораблю. Раз уж мы с тобой не можем придумать, как сделать это, не нарушив закона, может быть, это удастся твоим спутникам? Передай им, что Гилригорский Страж Границы не может разрешить сооружение... плат... платформы, хотя и остается их искренним доброжелателем.

— Спасибо, — пробормотал Фолкейн. Внезапно ему показалось, что в сумрачной комнате нечем дышать. — Я завтра же и отправлюсь.

— Так скоро? Твой путь сюда был труден, а переговоры не принесли успеха. До Эски далеко, и если ты отдохнешь здесь день или два, разницы это не составит.

Фолкейн покачал головой:

— Чем скорее я вернусь, тем лучше. У нас совсем мало времени, ты же знаешь.

2

Отдохнувшая верховая фастига — чуть побольше лошади, длинноухая, длинномордая, с похожей на перья шерстью, громким голосом и своеобразным смолистым запахом — ждала Фолкейна на крестообразном дворе. К седлу были привязаны поводья сменного верхового и вьючного животных. Воин в кожаном с металлическими заклепками нагруднике и таком же подобии шлема на могучей гриве, вооруженный копьем с широким наконечником, держал узду. Вокруг толпились любопытные: привратник в черно-желтой ливрее, одетые в лохмотья крестьяне, растрепанная служанка. Двор окружали приземистые каменные строения, служившие внешними укреплениями замка, соединенные крепостной стеной с воротами в ней. На каждом углу большого квадрата вздымались вверх сторожевые башни, четко вырисовываясь на фоне глубокого зеленоватого неба.

— Так ты определенно не хочешь взять с собой охрану? — спросил Рибо.

— Но ведь ехать одному достаточно безопасно?

— Гр... Думаю, что безопасно. Я слежу за тем, чтобы воины присматривали за порядком на дорогах. Да пошлет тебе Бог быстрое и благополучное путешествие.

Фолкейн, в соответствии с ларсианским обычаем, пожал хозяину руку. Непривычно расположенный большой палец айвенгца делал рукопожатие нелегким для человеческой руки. Еще мгновение Дэвид и Рибо пристально смотрели друг на друга.

Мороз заставил Фолкейна надеть на себя толстое негнущееся одеяние, скрывавшее его по-юношески тонкую фигуру. Дэвид был светловолос и голубоглаз, с курносым веснушчатым носом на круглом лице. Собственная внешность служила для него постоянным источником тайных мучений: сын барона с Гермеса должен быть тощим и стремительным. Правда, он всего лишь младший сын, к тому же умудрившийся оказаться выгнанным из военно-технической Академии. Провинность его была ерундовой, да и выплыло все наружу по чистой случайности, но все же отец Дэвида решил, что ему лучше поискать другое занятие. Так Дэвид отправился на Землю и стал подмастерьем Мартина Шустера из Торгово-технической Лиги — и теперь вместо приключений и славы, положенных космическому торговцу, на его долю приходился тяжелый труд и еще более трудное обучение. Поэтому-то он так обрадовался, когда начальник поручил ему в одиночку добраться до ремонтной станции и организовать с помощью местных жителей доставку генератора! Какая жалость, что он не может задержаться здесь еще на недолго!

— Спасибо тебе за все, — сказал Фолкейн. Он вскочил в седло — с меньшей грацией, чем ему бы хотелось, поскольку тяготение на Айвенго на 15% превосходило земное. Воин отпустил поводья, и Дэвид выехал из замка через восточные ворота.

К стенам крепости жалась деревушка из дощатых домиков под деревьевыми крышами. За селением тропа, гордо именовавшаяся Дорогой Солнца, круто шла вниз, к лежащей вдалеке долине Траммины. Рытвины, заросли сорняков и камни, год за годом приносимые с верхних склонов тающими снегами, делали путешествие нелегким. Спуск сменился подъемом, и, обогнув скалистую вершину холма, дорога пошла вверх к перевалу.

Фолкейн посмотрел на юг. Белевшее вдали здание ремонтной станции казалось представшими взгляду изгнанного Люцифера вратами рая. Других признаков присутствия человека, кроме, конечно, самого Дэвида, видно не было: кругом только жесткая серая трава и покрытые колючками деревья, редкие стада на склонах холмов, охраняемые верховыми-пастухами. Позади поднимались неприступные снежные пики гор Касун, стеной отгораживая Ларсум от остального мира. Над ними призрачным светом сияла единственная огромная луна. Солнце только что поднялось над горизонтом, окрасив небо в янтарный цвет.

Тоскливыи вой ветра, бившего в лицо Дэвида, заставил того поежиться. Климат на Айвенго не такой уж суровый, весна ощущалась даже в этих северных широтах, а плотная атмосфера давала заметный парниковый эффект. И все же кровавый свет красного солнца оставлял ощущение вечного холода. Стук

копыт фастиги по камням только подчеркивал окружающее безлюдье.

Забыв о благородной сдержанности, которая пристала Фолкейну Гермесскому, благородному торговцу, Дэвид вытащил из кармана рацию и включил ее. В сотнях километрах от него загудел сигнал вызова.

— Алло, — тонким голосом сказал Дэвид, — алло, «Что за веселье». Есть там кто-нибудь?

— *Si*, — донесся голос инженера Ромуло Паскуаля, — это ты, Дэви *muchacho**?

Фолкейн был так рад даже такой компании, что не обратил внимания на покровительственный тон.

— Да, это я. Как дела?

— Как всегда. Криш не в духе. Мартин опять отправился в храм. Он говорит, что скорее всего бесполезно уговаривать жрецов снять запрет с использования колес, о котором ты сообщил вчера вечером. Ну а я, — Фолкейн живо представил себе характерное латинское пожатие плеч, — я сижу тут и пытаюсь придумать, как нам без колес перевезти двухтонный генератор. Может быть, что-то вроде большой волокушки, а?

— Нет. Я тоже думал об этом и даже обсудил с Рибо — мы ведь с ним всю ночь ломали голову над этой проблемой. Здесь такие дороги, что ничего из этого не выйдет.

— Ты уверен? Если у нас будет достаточно тяговых животных, а окрестные крестьяне помогут...

— Мы не сможем их собрать. Даже Рибо не сможет — не забудь, сейчас время сева, от которого зависит их будущий урожай, не говоря уже о том, что Рибо нужно выставить охрану против дикарей. Вот он и сомневается, удастся ли преодолеть самые крутые подъемы.

— Ты говорил, что многие *кабальеро* недовольны правлением жрецов. Если удастся их расшевелить...

— На это нужно много времени — слишком много. Кроме того, Рибо думает, что немногие будут готовы рисковать так же, как и он, только чтобы помочь нам. Аристократы могут быть недовольны правлением жрецов, которое связывает их по рукам и ногам, когда целый мир к их услугам, но, помимо боязни совершив святотатство, они испытывают и другой страх — ведь они зависят от Посвященных во всем, что касается техники и административного управления... К тому же жрецы могут поднять против Стражей простолюдинов, если уж дело дойдет до открытого столкновения каст.

* Да (исп.); мальчуган (исп.).

— Вот оно что. Да, похоже, что и Мартин думает так же. Мы тоже прошлой ночью ломали тут головы... Но, Дэви, ведь если Рибо соберет несколько десятков жителей и найдет сотню-другую фастиг, как это записано в том проклятом договоре, клянусь, можно преодолеть любой подъем. Можно подложить катки...

— Катки — это разновидность колеса, — напомнил Фолкейн.

— О Боже мой, да, конечно. Ну, тогда рычаги и насыпи. Ведь построили же майя свои большие пирамиды, не зная колеса. А это все же полегче — переправить генератор из Гилригопа в Эску.

— Да, правда, это можно сделать. Только сколько времени понадобится? Ты бы посмотрел на эту дорогу. Мы умрем задолго до того, как работа будет закончена. — Фолкейн с трудом слогнулся. — На сколько дней хватит еды, если мы введем нормирование? Дней на сто?

— Около того. Конечно, можно месяц или два продержаться без еды, мне кажется.

— Даже и этого времени не хватит, чтобы протащить волокушу по здешним дорогам, клянусь тебе.

— Да... Конечно, ты прав. Ты лучше знаешь местность. Мне просто так хотелось надеяться...

— Даже и с платформой это было бы нелегко, — сказал Фолкейн. — Не думаю, что удавалось бы проходить больше двадцати километров в день — в пересчете на земные дни. По равнине, конечно, можно двигаться быстрее, но все равно меньше чем за месяц было бы не управиться.

— Так медленно? Да, ты, наверное, прав. Даже верхом нужно ехать больше недели. Это, кстати, еще ухудшает наше положение. Мартин опасается, что, если мы и сможем найти какой-то выход, не запрещенный их законами, за это время жрецы успеют придумать новую отговорку, только чтобы остановить нас.

Рот Фолкейна сжался в тонкую линию.

— Я бы не удивился. — Страх заставил его выкрикнуть: — Почему они так нас ненавидят?

— Тебе следовало бы знать. Мартин ведь часто говорил с тобой, пока ты ехал на запад.

— Да. Н-но я же отправился дня через два после того, как мы приземлились. Вы трое остались в гуще событий, имели шанс поговорить с местными жителями, понаблюдать... — Фолкейн едва не заплакал от жалости к себе, но удержался.

— Причина проста. Посвященные — правящий класс в этой окаменевшей цивилизации. Любая перемена ослабит их, даже если и пойдет на пользу другим кастам. Помимо эгоистических

интересов ими движет прирожденный консерватизм. Мартин говорит, что теократическое правление всегда им отличается. Посвященные достаточно сообразительны, чтобы понять: мы, пришельцы, — угроза для них. Наши мысли, наши товары нарушают шаткое равновесие в обществе. Так что Посвященные сделают все, что могут, лишь бы отвадить других космических путешественников.

— А разве нельзя припугнуть их возмездием? Сказать им, что военный корабль разнесет все здесь в клочья, если только они дадут нам умереть?

— Боюсь, участники первой экспедиции слишком много рассказали им об истинном положении дел. Правда, Мартин собирался сегодня попробовать сблефовать. Не знаю точно, что он задумал. Но ему удалось... ну, более или менее подружиться с некоторыми молодыми жрецами с тех пор, как ты уехал. Он тебе не рассказывал, как он читает им лекции? Так что не вешай пока нос, мучачо.

Дэвид вспыхнул.

— Я и не вешаю, — отрезал он. — Ты тоже не вешай.

Паскуаль засмеялся, что совсем испортило дело. Фолкейн выключил радио.

Гнев скоро уступил место чувству одиночества. Совсем по-другому Фолкейн чувствовал себя, когда ехал в Гилригорский замок. Тогда он был полон надежд, и поездка верхом на купленных за золото у богатого жителя Эски фастигах по восхитительно экзотической местности была именно тем захватывающим дух приключением, которые и положены космическому торговцу. Но Рибо разбил надежды, и теперь окрестности выглядели просто унылыми и зловещими. В уме Фолкейна прокручивались все новые и новые планы, один фантастичнее другого: зарядить аккумуляторы вручную, перевезти атомный генератор на воздушном шаре, вооружиться так, чтобы противостоять миллиону воинов... Каждый раз, как он отвергал очередную схему, перед его внутренним взором вставали замок его отца и лицо матери, глаза начинало щипать, и Дэвид отчаянно хватался за новую идею.

Должен же существовать способ передвигать тяжести без помощи колеса? Ради чего, спрашивается, он учился в школе: физика, химия, биология, математика, социотехника... будь оно все проклято, вот он здесь, дитя цивилизации, постигшей расщепление атомного ядра и межзвездные путешествия, — и может погибнуть из-за какого-то дурацкого табу! Но это же невозможно. Он же Дэвид Фолкейн, и перед ним еще вся жизнь. Смерть просто не имеет отношения к Дэвиду Фолкейну.

Красное солнце медленно ползло по небу: период обращения Айвенго — около шестидесяти часов. Когда по местному времени наступил полдень, Фолкейн сделал привал, чтобы подкрепиться и немного поспать, и еще один — незадолго до заката. Пейзаж стал совсем унылым: кругом не было ничего, кроме холмов и оврагов с бегущими по ним говорливыми ручьями, лугов с редкими купами деревьев — нигде ни следа жилья.

Проснувшись после нескольких часов беспокойного сна, Фолкейн вылез из спального мешка, раздул огонь и вскрыл пакет с едой. Едкий дым костра щипал глаза. Чтобы устраниТЬ последствия даже столь малого контакта с местной органикой, которую миллионолетняя, не похожая на земную эволюция сделала смертельно ядовитой для человека, приходилось принимать антиаллергены. Пить местную воду было все-таки можно. Но ничто не спасло бы того, кто вздумал бы попробовать здешнюю еду. Съев несколько драгоценных галет из своего запаса, Дэвид оседлал фастигу. Он все никак не мог согреться и, держа в руке повод, снова присел к огню.

Дэвид поднял глаза к небу. Там, более чем в четырехстах световых годах отсюда, были Земля и Гермес.

На востоке над склонами гор поднимался неровный бронзовый диск второй луны. Ночью дорогу было бы видно и без помо-щи этого светила: небо было усеяно сверкающими звездами, девять огромных Сестер так сияли сквозь дымку, что в их свете предметы отбрасывали тени; их меньшие собратья по звездному скоплению и более удаленные солнца блестели, как кристаллы льда. Серый сумеречный свет лежал на всем вокруг. Далеко на западе снег на вершинах гор Касун казался фосфоресцирующим.

Трудно поверить, что в этой красоте может таиться опасность. Однако, хотя и редко, такие ситуации возникают: когда межзвездный корабль попадает в район, где концентрация материи больше обычной, существует малая, но вполне определенная вероятность того, что один из его прыжков через гиперпространство приведет его в точку, уже занятую каким-либо космическим телом. Если различия в скоростях окажутся велики, любой камешек может причинить большой ущерб. Если к тому же он врежется в атомный генератор... как раз это и случилось с «Что за веселье».

«Можно считать, что мне еще повезло, — подумал Фолкейн с невольной дрожью. — Камешек ведь мог попасть и точно в меня». Правда, у остальных в этом случае не возникло бы особых проблем — только заделать пробоину в корпусе. Но такая возможность не показалась Фолкейну предпочтительной.

Можно только восхищаться тем, как капитан Мукерджи вытащил их из этой переделки. Используя все имеющиеся на борту аккумуляторы, он заставил двигатели работать достаточно долго, чтобы добраться до Айвенго. Посадка на последних крохах энергии, с помощью интуиции, Бога и аэродинамики, была чудом мастерства. Естественно, они постарались оказаться поближе к Эске, столице, а не к Гилригору. Не полагалось пренебрегать местными правителями — они могли обидеться и начать чинить препятствия. Кто мог знать, что препятствия как раз там их и ожидали?

И теперь корабль прикован к поверхности планеты, не имея энергии для того, чтобы привести в действие свой антиграв. Аккумуляторы на аварийной станции слишком маломощны для этого, да, кроме того, они нужны для работы ремонтных механизмов. Запасной атомный генератор нельзя запустить, пока он не установлен на звездолете, — он работает только по командам корабельного компьютера. А между ремонтной станцией и кораблем — сотни непреодолимых без колес километров...

В кустах что-то зашевелилось. Одна из фастиг заржала. Сердце Фолкейна подпрыгнуло, застряло где-то в горле и чуть не задушило его. Дэвид вскочил, хватаясь за бластер.

В отбрасываемый костром круг света вошел местный житель. Мех на его спине распушился, спасая от ночного холода, из-под челюстей шел пар от дыхания. Фолкейн заметил, что пришелец вооружен мечом, а на его нагруднике — о святой Патрик! — выгравирован круг. Отблески костра зажигали в огромных глазах айвенгца красные огоньки.

— Что тебе нужно? — прохрипел Фолкейн и тут же обругал себя — безоружные руки пришельца были протянуты к нему в традиционном жесте миролюбия.

— Да пошлет тебе Бог добрый вечер, — ответил глубокий голос. — Я увидел твой лагерь издалека. Не ожидал найти здесь чужестранца.

— К-как и я — стража храма.

— Мы заходим далеко по воле Посвященных. Я — благородный Ведоло, отприск Парио.

— Я... Я — Дэвид... э-э... Дэвид, отприск Фолкейна.

— Ты был у Стража Границы, не так ли?

— Да. Как будто ты не знаешь! — рявкнул Фолкейн. «Эй, помягче, — одернул он себя, — может, еще есть надежда уговорить Посвященных дать нам специальную лицензию на применение колес». — Не присядешь ли ты к огню?

Ведоло опустился на корточки, обвив ноги хвостом. Хотя теперь они оба сидели, айвенгец возвышался над Дэвидом,

его грива на фоне Млечного Пути казалась покрытой лесом горой.

— Да, — согласился он, — все в Эске знают — ты отправился сюда, чтобы проверить сохранность того, что твои со-племенники оставили в этом закрытом здании. Надеюсь, все в целости?

Фолкейн кивнул. Как мог бы представитель раннежелезного века проникнуть в склад с инерционным замком Накамуры...

— Страж Границы Рибо был очень любезен.

— Это неудивительно, судя по тому, что нам о нем известно. Как я понимаю, тебе нужно доставить некоторые запасные части со склада для ремонта твоего корабля. Поможет ли тебе Рибо перевезти их в Эску?

— Он бы помог, будь это возможно. Но самый главный механизм, который нам нужен, слишком тяжел для имеющегося в распоряжении Рибо транспорта.

— Мои господа — Посвященные — так и предположили, — отозвался Ведоло. — Они попросили показать им корабль, и поврежденное устройство действительно выглядит очень большим.

«Наверное, это случилось уже после моего отъезда, — подумал Фолкейн. — Может, Шустер рассчитывал их задобрить, показав корабль. Держу пари, когда они увидели круглые детали — вроде циферблатов приборов, — они стали еще более враждебны к нам, хотя могли ничего и не сказать Мартину.

Но откуда этому типу может быть все известно — ведь он, наверное, последовал сюда за мной? И зачем он задает мне вопросы? Какое может быть у него задание?»

— Твои спутники говорили, что у вас есть средства передвижения, — продолжал Ведоло. — Вот я и удивляюсь: почему ты возвращаешься так быстро — и один.

— Ну... Мы действительно имели в виду кое-что, но возникли определенные затруднения...

Ведоло пожал плечами.

— Не сомневаюсь, что столь изобретательные умы, как ваши, найдут решение любой проблемы. Ведь в вашей власти силы, которые, как мы полагали, послушны лишь ангелам — или дьяволу... — Он умолк и протянул руку. — Ваше огненное оружие, например. Меня не было в Эске, когда твои соплеменники его демонстрировали, а это так интересно. Это оно у тебя на поясе? Могу я взглянуть?

Фолкейн насторожился. Ему были недоступны нюансы в речи айвенгца, такой монотонной из-за отсутствия носовых пазух, но все же...

— Нет! — оборвал он Ведоло.

Тонкие губы растянулись, обнажив ряд острых зубов.

— Ты не особенно любезен со служой Бога.

— Я... Эта штука опасна. Ты мог бы поранить себя.

Ведоло поднял и опустил руку.

— Смотри на меня и слушай внимательно. Есть много такого, чего вы, самоуверенные пришельцы, не понимаете. Хочу тебе сказать...

В плотной атмосфере Айвенго слух человека необыкновенно обостряется. Впрочем, может быть, роль сыграло и то напряжение, в котором пребывал Фолкейн: его то охватывал озноб, то кидало в жар от ощущения полного одиночества перед лицом беспощадной ненависти. Дэвид услышал шорох в кустах и метнулся в сторону в тот самый момент, когда раздался свист стрелы. Восьмигранное древко задрожало, вонзившись в землю там, где только что находился Фолкейн.

Ведоло вскочил, выхватывая меч. Фолкейн откатился от костра, ветка колючего куста ободрала ему щеку.

— Смерть тебе! — рявкнул Ведоло, кидаясь на человека.

Фолкейн вскочил на ноги. Острие меча рассекло его плащ, но он увернулся от удара. Выхватив бластер, Дэвид в упор выстрелил в айвенгца.

На мгновение все вокруг озарилось адским пламенем. Окутавшийся дымом Ведоло упал с ужасным воплем. Яркие круги поплыли перед глазами Фолкейна. Спотыкаясь, он бросился к своим фастигам, в панике рвавшимся с привязи. Из темноты донесся крик:

— Я ничего не вижу! Ничего не вижу! Меня ослепило!

Вспышка света была еще более яркой для чувствительных глаз айвенгцев, чем для Дэвида. Но через минуту они придут в себя, а в темноте они видят гораздо лучше человека.

— Убейте его фастиг! — раздался другой голос.

Фолкейн несколько раз выстрелил. Это еще ненадолго задержит их, решил он. Выночная фастига пятилась и брыкалась, ее выкаченные глаза горели красным огнем в отсветах костра. Увернувшись от мелькающих в воздухе копыт, Фолкейн скватали за узду верховое животное и стукнули его по носу рукоятью бластера.

— Стой смирино, скотина! — с рыданием вырвалось у него. — Ведь и тебя тоже убьют!

Из кустов донесся топот. В свете костра мелькнула львиная грива. Увидев человека, воин завопил и метнул в него копье: плоское древко с железным наконечником пролетело мимо. Фолкейн был слишком занят своим скакуном, чтобы отстреливаться.

Каким-то чудом он оказался в седле. Запасная верховая фастига взвизгнула, когда две стрелы вонзились ей в брюхо. Выстрелом из бластера Фолкейн прекратил ее мучения.

— Пошел! — заорал он и ударил каблуками своего скакуна. Животное рвануло с места неровным галопом, увлекая за собой привязанную к седлу выночную фастигу.

Мимо головы Фолкейна прошелестел брошенный сильной рукой топор, стрела пропела над его плечом. Но тут он оказался вне досягаемости нападавших и поскакал по Дороге Солнца на запад.

«Сколько их? — пронеслось у него в голове. — Погдюжинь? Наверное, они оставили собственных фастиг где-то за деревьями, чтобы подкрасться ко мне незаметно. Сейчас я их опережаю, но у меня больше нет запасной верховой, а у них наверняка есть.

Они были посланы в засаду, это ясно, чтобы, пока мои спутники гадают, куда я делясь, и занимаются поисками, не осталось времени для доставки генератора. Они не знают о моем радиопередатчике. Да и мне теперь от него мало пользы. Они поймают меня, прежде чем я доберусь до замка Рибо.

А может, мне удастся их опередить?

«Как бы то ни было, — подумал он с горькой издевкой над собой, — мысль о специальной лицензии жрецов на использование колес можно оставить».

3

«Что за веселье» приземлился на поле в километре от Эски. Местные жители успели уже протоптать тропинку к кораблю: любопытны они были ничуть не меньше людей. Но капитан Кришна Мукерджи, когда ему случалось отправляться в город, всегда ехал верхом по дороге.

— Послушай, Мартин, тебе тоже не следовало бы ходить пешком, — с беспокойством сказал он Шустеру. — Особенно теперь, когда ситуация стала такой напряженной. Здесь не принято, чтобы высокопоставленные лица роняли свое достоинство, приходя в... э-э... в храм на своих двоих.

— Достоинство-шмостоинство, — проворчал достопочтенный член Торгово-технической Лиги. — Стану я зарабатывать себе инфаркт и мозоли на заднице, разъезжая на этом зловредном подъемном кране. Однажды на Земле я поехал верхом. Я никогда не повторяю своих ошибок. — Он небрежно махнул рукой. — Кроме того, я уже объяснил Посвященным, да и всем прочим, кто интересовался, что я хожу всюду пешком, ни с кем не церемонюсь и дружелюбен с чернью потому, что слишком

цивилизован для всяких пустых формальностей. Для местных жителей эта идея — простота как проявление высшей добродетели — нова, и молодые Посвященные очень сю увлечены.

— Несомненно, местная культура уязвима для новых идей, — согласился Мукерджи. — Они не появлялись здесь столь давно, что у айвенгцев, так сказать, не вырабатываются на них антитела, и болезнь сразу принимает тяжелую форму... Но, похоже, начальство Посвященных понимает это. Если твои разговоры начнут вызывать слишком сильное возбуждение среди аборигенов, жрецы не станут дожидаться, пока мы умрем с голоду. Они махнут рукой на потери и грядущее возмездие и просто прикажут нас вырезать.

— Не беспокойся, — ответил Шустер. Другой на его месте обиделся бы: каждый желтогорый стажер Лиги знает, что нельзя идти напролом в том, что касается основ местной культуры, а Мартин, как-никак, уже два десятилетия носил звание мастера. Но на его широком лице с орлиным носом по-прежнему сияла благодушная улыбка. — Хоть я разговариваю с айвенгцами и прощупываю их, я никогда не ставлю под сомнение их верования. Мои семинары в храме продолжаются, как будто ничего на свете не омрачает наших отношений. Ясное дело, если удается направлять разговор в желательном направлении... — Он собрал свои записи и вышел из каюты — низенький коротконогий человечек в кружевной рубашке, жилете, штанах до колен и чулках, столь же элегантный, как если бы он отправлялся на светский прием на Земле.

Выйдя из воздушного шлюза и спустившись по трапу, Шустер поежился и запахнул плащ. Чтобы избежать декомпрессии, давление в корабле поддерживалось на том же уровне, что и снаружи, но на температуру это не распространялось. «*Ну и холода*, — подумал Мартин. — *Не мое дело критиковать Господа Бога, но почему, создавая звезды, он отдавал предпочтение классу M*?*»

Открывшийся ему вид на долину, освещенную вечерним светом, был унылым. Вспаханные поля стали голубоватыми от первых появившихся всходов. Крестьяне семьями трудились на них, окучивая бесконечные ряды растений. Квадратные глинобитные хижины, служившие им жилищами, располагались поблизости одна от другой: местные фермы были до абсурда маленькими. Тем не менее крошечные поля обрабатывались не особенно прилежно — болезни и голодные годы ограничивали рост населения. «*К черту весь этот сентиментальный треп на-*

* Согласно шкале звездных температур, звезды делятся на классы в соответствии со спектральными и температурными характеристиками.

счет культурной автономии, — подумал Шустер. — Это тот самый случай, когда местное общество нуждается в хорошей встряске».

Шустер, направляясь к городу, вышел на дорогу. Движение на ней было оживленным: в одну сторону везли продовольствие и сырье, навстречу — ремесленные изделия. Местные носильщики тащили такие огромные тюки, что Мартин почувствовал себя усталым от одного взгляда на них. Фастиги тянули подпрыгивающие на ухабах и громыхающие волокушки. Какой-то Страж Границы со своей свитой проскакал мимо, трубя в рог и распугивая простолюдинов. Шустер помахал солдатам столь же дружелюбно, как и всем прочим, кто его приветствовал. Нет смысла соблюдать церемонии. За две недели, прошедшие со времени приземления «Что за веселье», жители Эски перестали испытывать трепет перед чужеземцами. Люди теперь казались им не более сверхъестественными существами, чем многочисленные ангелы и гоблины местных поверьй, и к тому же, как выяснилось, были смертны. Правда, они обладали необыкновенным могуществом, но ведь и любой деревенский колдун умеет делать чудеса, а уж Посвященные — те могут обращаться прямо к Богу.

Город не был стеснен крепостными стенами — с незапамятных времен ему не угрожали враги. Но территория его тем не менее была ограничена — лавки, дома, дворцы богачей теснились друг к другу вдоль извилистых улиц. Базарные площади были заполнены толпами, жены лавочников громкими голосами расхваливали товары, которые продавали их мужья. Всевозможная одежда, меха переливались яркими красками в косых лучах красного солнца; впрочем, окна лавок были почти непрозрачны для зрения землян. Монотонные низкие голоса айвентцев, шарканье ног, стук копыт, перезвон молотков из кузницы раздавались вокруг Шустера, подобно шуму прибоя. Едкие запахи терзали его обоняние.

Мартин испытал облегчение, дойдя до одного из Трех Мостов. Стражи храма пропустили его, и дальше он шел уже в одиночестве. Сюда попадали только те, у кого было дело к Посвященным.

Русло Траммины делило Эску надвое; вода местами была покрыта маслянистой пленкой — домохозяйки стотысячного города считали реку самым подходящим местом для помоев. Арки каменных мостов (Фолкейн сообщил, что, по словам Рибо, ради достижения важных целей разрешалось использовать дуги, если их размер не превосходил трети окружности) соединяли берега с расположенным посередине реки островом, целиком занятым огромной ступенчатой пирамидой храма. На

нижних террасах находились изящные белые здания с колоннами — там жили и работали Посвященные. На верхних террасах не было ничего — только лестницы, ведущие к вершине: там пылал Вечный Огонь, его ярко-желтые языки взвивались ввысь на фоне мутно-зеленого неба. Природный газ, питавший Вечный Огонь, по трубам шел из расположенного неподалеку от города месторождения. Храм-крепость был совершенен и впечатляющ.

«Да, впечатляющ, — подумал Шустер, — особенно если учесть, какого каторжного труда и разорительных налогов он стоил несчастным крестьянам и какой ценой — ценой свободы — оплачивается его совершенство». Тот факт, что на планете существуют сотни варварских культур, доказывал — айвенгцы так же не склонны покоряться государству жрецов, как в свое время жители Земли — фараонам.

Одетые в белое Посвященные, по большей части в преклонном возрасте и с сединой в гравах, и послушники в положенных им синих одеяниях гордо расхаживали по террасам пирамиды. Ответом на жизнерадостные приветствия Шустера были лишь ледяные взгляды. Не обращая внимания на холодный прием, тот поспешил ко входу в Дом Астрологов.

В просторной комнате собралось десятка два молодых жрецов.

— Добрый день, добрый день, — приветствовал их Шустер. — Надеюсь, я не опоздал?

— Нет, — откликнулся Херктаскор, поджарый и энергичный айвенгец, сохранивший повадки воина, недаром он был сыном Стражи Границы. — Но мы с нетерпением ждем от тебя раскрытия тайн, которое ты обещал нам, когда прочтешь «Книгу Звезд».

— Хорошо, давайте начнем. — Шустер сел во главе стола и разложил свои записи. — Надеюсь, все вы усвоили те математические принципы, о которых я говорил вам раньше?

Некоторые из Посвященных замялись, но другие энергично закивали.

— Конечно, — ответил Херктаскор, хотя его голос дрогнул. — То, что ты рассказал, очень интересно и много нам дает.

Шустер вынул сигару и занялся ее раскуриванием, искоса поглядывая на собравшихся. Хотелось бы надеяться, что они и вправду поняли то, о чем он им рассказывал. Занятия с молодыми Посвященными, которые он начал, чтобы чем-то заполнить времена вынужденного ожидания, в смутной надежде подружиться с ними и внести какие-то новые понятия в их застывшее общество, теперь приобретали жизненную важность. Прошлым

вечером Дэви Фолкейн сообщил эту обескуражающую новость о табу на использование колес, так что теперь...

Мартин полагал, впрочем, что Херктаскор говорит правду и не переоценивает свои возможности: у этого Посвященного — первоклассный интеллект, да и уровень знаний, достигнутый на Ларсуме, — хороший фундамент для дальнейшего строительства. Математика и астрономические наблюдения переживали здесь период своего расцвета — иначе и не могло быть в обществе, религия которого видела в астрологии средство познания воли Бога. В результате алгебра и геометрия оказались хорошо разработанными. Переход от них к дифференциальному и интегральному исчислению был уже нетруден. Даже хмурый Скетуло, верховный жрец, не возражал, когда Шустер предложил свой курс лекций — лишь бы тот не противоречил догме. Помимо того, что чужестранец удовлетворит интеллектуальный голод молодых жрецов, совсем не лишнее, если они — будущие правители — освоят вычисление объемов и площадей поверхности различных тел: это укрепит их власть над экономикой Ларсума.

— Я намеревался говорить о дальнейшем развитии этих принципов, но потом подумал — не интереснее ли вам будет узнать о некоторых их приложениях к астрологии, — сказал Шустер. — Дело в том, что с помощью описанных мною методов можно предсказывать положения лун и планет гораздо более точно, чем это делалось до сих пор.

Ответом ему был судорожный вздох. Даже свободные одеяния жрецов не могли скрыть, как напряглись их тела.

— «Книга Звезд» содержит данные астрономических наблюдений за многие столетия, — продолжал Мартин. — После полуденные часы я посвятил размышлениям над ними. — На самом деле он просто ввел данные в корабельный компьютер. — И вот каковы результаты моих вычислений.

Шустер глубоко затянулся дымом сигары. Его собственные мускулы тоже были напряжены. Теперь каждое его слово должно быть взвешено тщательнейшим образом — один неверный шаг, и он заработает удар кинжалом.

— Я колебался, показывать ли их вам, — произнес он, — поскольку на первый взгляд кажется, что они противоречат Божественной Истине, которую вы мне открыли. Тем не менее, поразмыслив и вопросив звезды, я почувствовал уверенность, что ваш разум позволит вам увидеть ту глубокую правду, которую скрывает эта обманчивая видимость.

Шустер умолк.

— Продолжай, — поторопил его Херктаскор.

— Позвольте мне подойти к предмету издалека. Для решения практических задач мысль часто нуждается в допущениях, заведомо не соответствующих действительности. Например, Правосвященные владеют большими поместьями, мануфактурами и другим имуществом. Все это принадлежит храму. Вам прекрасно известно, что храм — это не личность и не семья. Но в целях управления собственностью вы ведете себя так, как если бы он был ими. Точно так же для измерения участка земли вы пользуетесь плоскостной тригонометрией, хотя и знаете, что планета в действительности круглая.

Мартин продолжал приводить примеры, пока не почувствовал уверенность в том, что все его слушатели усвоили концепцию легального или математического допущения.

— Но какое отношение сказанное тобой имеет к астрологии? — нетерпеливо спросил кто-то.

— Я подхожу к этому, — ответил Шустер. — Какова истинная цель ваших вычислений? Разве она не двояка? Во-первых, вы стремитесь предсказать положение небесных тел по отношению друг к другу в какой-то определенный момент, поскольку в этом — указание Бога на то, чего он хочет от своих служителей. Во-вторых, вы стараетесь понять устройство Вселенной, в надежде больше узнать о сущности Бога, изучая его творение.

При этом по мере того как накапливались данные наблюдений, ваши предки обнаружили недостаточность знаний о том, что все планеты, включая вашу, движутся по окружностям вокруг Солнца, луны — вокруг планет, а Вселенная вращается вокруг Солнечной системы. Чтобы объяснить их движение, вам пришлось к этим окружностям добавить эпициклы*, к ним — свои эпициклы и так далее. В результате уже в течение столетий вы имеете картину столь запутанную, что астрологи усомнились в возможности дальнейшего прогресса.

— Это правда, — откликнулся один из жрецов. — Сто лет назад как раз поэтому Курро Мудрый предположил: Бог не желает, чтобы мы поняли его замысел мироздания во всей полноте.

— Может быть, и так, — сказал Шустер. — С другой стороны, его воля может заключаться в том, чтобы вы использовали другой подход. Дикарь, не в силах поднять тяжелый камень, может заключить, что таково божественное предопределение. Но вы поднимете этот камень с помощью рычага. Подобным же

* Эпицикл — вспомогательная окружность, по которой движется планета в геоцентрической системе мира. Эпицикл был необходим для объяснения наблюдавшегося движения планет.

образом мой народ открыл существование интеллектуального рычага, благодаря которому можно глубже проникнуть в законы движения небесных тел, чем просто выводя окружности, снова окружности и еще окружности. Однако использование нового метода требует принятия допущения, и именно поэтому я хочу, чтобы вы не были смущены, когда я это допущение вам изложу. Безусловно, все движения небесных тел совершаются по окружности, поскольку окружность — символ Бога. Однако не позволительно ли допустить, в целях упрощения вычислений, что орбиты — не круговые... и посмотреть, что даст нам такое допущение?

Мартин собрался было выпустить кольцо сигарного дыма, но вовремя одумался.

— На свой вопрос я хочу получить ясный ответ, — заключил он. — Если такой подход непозволителен, тогда, конечно, я умолкаю.

Конечно, подход был признан позволительным. После некоторых споров и казуистики Херктаскор огласил решение: не противоречит закону использовать в рассуждениях ложные гипотезы. И Шустер ознакомил своих слушателей с законами Кеплера и ньютоновским учением о тяготении.

На это потребовались многие часы. Раз или два Херктаскор был вынужден прикрикнуть на одного из Посвященных, который счел обсуждаемые теории богохульством, но в целом жрецы сосредоточенно впитывали новые знания и задавали в высшей степени осмысленные вопросы. Айвенгцы — одаренный вид, решил Шустер; может быть, от природы даже более одаренный, чем люди. По крайней мере, какая аудитория на протяжении всей истории человечества была бы способна воспринять столь революционные новшества так быстро?

Наконец, устало опершись на стол и собрав записи, Шустер сказал охрипшим голосом:

— Позвольте мне подвести итоги. Я развел перед вами гипотезу о том, что небесные тела движутся по эллиптическим орбитам, подчиняясь закону тяготения. При помощи своих вычислений я продемонстрировал, что эллиптическая форма орбиты — прямое следствие этого закона. Здесь, в моих записях, рассчитанные при помощи этого метода на основании данных «Книги Звезд» реальные перемещения небесных тел. Если вы посмотрите вычисления, то увидите, что для получения результата вовсе не требуется использование эпизиков.

Помните: я никогда не утверждал, что орбиты в действительности не являются окружностями. Я только сказал, что мы можем *предположить* их эллиптическую форму, поскольку это допущение упрощает астрологические расчеты — настолько,

что предсказания обретают невиданную точность. Вы, несомненно, захотите проверить мои вычисления и обсудить с жрецами высших степеней их теологическое значение. Ничто не может быть дальше от моих намерений, чем стремление совершить святотатство.

— У меня хватает неприятностей и без этого, — добавил Мартин на английском.

В полной тишине Шустер двинулся к выходу. Его слушатели устали не меньше, чем он сам. Но потом, когда все значение услышанного начнет доходить до них...

Мартин вернулся на корабль. В кают-компании его дожидался Паскуаль.

— Где ты пропадал? — спросил инженер. — Я уже стал беспокоиться.

— В храме. — Шустер со вздохом облегчения опустился в кресло. — О-ох! До чего же тяжелая работа саботаж!

— Да, вот что... Я спал, когда ты пришел из храма в полдень, поэтому не рассказал тебе. Пока ты отсутствовал утром, со мной связался Дэви. Он возвращается.

— Ну что ж, пусть возвращается. Все равно мы ничего не можем сделать, пока не получим разрешение от властей, а на это требуется время.

— Слишком долгое время, похоже.

— Может быть, и нет, — пожал плечами Шустер. — Не будь противным стариком на корабле.

— Э-э... не понял?

— Ну как же:

*На корабль сел противный старик,
«Ах, утонем мы!» — поднял он крик.
Шкипер начал рыдать,
Небеса проклинать,
Но хихикал в каюте старик.*

Будь славным мальчиком, налей мне выпить, а потом я отведу себя в постельку.

— Как, без ужина?

— Обойдусь бутербродом. Нам нужно начинать экономить еду — ты не забыл?

Шустера разбудил сигнал сканера. Он со стоном выбрался из койки и ощупью нашел дорогу к обзорному экрану. То, что он увидел, сразу прогнало все остатки сонливости.

Дюжина стражей храма верхом на фастигах окружила трап, свет лун и сияние Плеяд отражались от наконечников копий. Двое послушников помогали спешиться высокому согбенному старцу. Шустер ни с чем не спутал бы эту белоснежную гриву и увенчанный диском посох во всей Галактике по эту сторону туманности Угольный Мешок.

— Ой-ой-ой, — пробормотал он. — Ребятишки, одевайтесь. К нам пожаловал местный святейший папа.

— Кто-кто? — зевая, переспросил Мукерджи.

— Скетуло, босс Посвященных, собственной персоной. Уж не устроил ли я больший фейерверк, чем ожидал? — Шустер схватил свою одежду и начал быстро одеваться.

Он был уже готов принять гостя, когда тот поднялся по трапу к воздушному шлюзу.

— Мой господин, ты оказываешь нам великую честь, — произнес Мартин елейно. — Если бы мы знали, мы бы приготовили подобающую...

— Не будем тратить время на лицемерие, — оборвал его айвенгец. — Я прибыл сюда, чтобы мы могли поговорить наедине, не опасаясь быть подслушанными низшими или глупцами. — Он жестом велел Паскуалю закрыть внутреннюю дверь. — Притушите свои проклятые огни.

Мукерджи выполнил его распоряжение. Огромные глаза Скетуло широко раскрылись и яростно уставились на Шустера.

— Ты здесь главный, — сказал он, — я буду говорить с тобой одним.

Торговец пожал плечами и бросил на своих товарищей смущенный взгляд, но послушно проводил гостя — в соответствии с обычаями Ларсума, где парадные помещения находились в глубине дома, — в каюту, которая в спокойные времена служила ему кабинетом. Когда дверь за ними закрылась, Шустер повернулся лицом к Скетуло.

Жрец неловко сел на край кресла, специально приспособленного для айвенгцев. В руке он по-прежнему сжимал свой посох, золотой диск на рукояти которого тепло блестел в рассеянном свете. Шустер тоже сел, скрестил ноги и стал ждать дальнейшего развития событий.

Наконец старческий голос проскрежетал:

— Когда я давал тебе позволение учить молодых астрологов, я не думал, что ты осмелишься сеять среди них ересь.

— Но, господин! — запротестовал Шустер, надеясь, что его голос звучит достаточно оскорбленно. — Ничего подобного я не делал!

— О, ты хорошо замел следы своими разглагольствованиями о допущении. Но мне редко приходилось видеть жрецов такими возбужденными, как после твоей лекции.

— Естественно, идея, с которой я их ознакомил, не могла не взволновать...

— Скажи мне вот что, — Скетуло выпятил морщинистые губы, — мы, конечно, проверим твои вычисления, но действительно ли твоя гипотеза работает так хорошо, как ты говоришь?

— Да. Не стану же я позорить себя беспочвенным хвастовством, когда все так легко проверить.

— Так я и думал. Умно придумано, умно... — стариk удрученно покачал головой. — Дьявол знает много уловок для сорвания душ с пути истинного.

— Но, мой господин, я же ясно сказал, что сделанное мной допущение не соответствует истине.

— Да, конечно. Как мне доложили, ты говорил, что твоя гипотеза в лучшем случае верна математически, что не делает ее справедливой и с философской точки зрения. — Скетуло наклонился вперед и яростно прорычал: — И, однако, ты знал, что очень скоро твои слушатели зададут тебе вопрос: а могут ли существовать два вида истины? Перед лицом такого противоречия Посвященные, вся жизнь которых отдана астрономическим наблюдениям и числам, в конце концов решат, что математическая истина — единственная.

«*Так оно и есть*, — подумал Шустер. — *Именно это и привело Галилея в руки инквизиции — в те древние времена на Земле.* — Мартина охватила дрожь. — *Никак не рассчитывал, что ты так быстро все поймешь, старый черт*».

— То, как ты хитро подрываешь веру, укрепляет мое подозрение: ты и твой народ — дети сатаны, — заявил Скетуло. — Вам не место здесь.

В Шустере затеплилась надежда.

— Поверь мне, господин, мы не имеем намерения задерживаться в Ларсуме. Чем скорее мы получим со склада то, что нам нужно для ремонта, тем скорее мы отбудем ко всеобщему удовлетворению.

— Ах так. Но другие? Ведь последует третий визит, четвертый, флот за флотом?

— Боже упаси. Вам ведь говорили — те, кто побывал у вас первыми, — мы не заинтересованы в торговле...

— Да, так они говорили. И тем не менее прошло совсем немного времени — и прибыл твой корабль. Откуда ты знаешь, что не будет и других?

«Разве можно что-нибудь доказать фанатику», — подумал Шустер и промолчал. К его удивлению, Скетуло вдруг переменил тему и спросил почти нормальным тоном:

— Как вы собираетесь доставить сюда этот свой громоздкий механизм?

— Вот в том-то и дело, мой господин. — Пот заливал лицо Шустера, он вытер его рукавом. — Мы знаем способ, но... э-э... мы не решаемся его предложить.

— Я потому и потребовал разговора наедине, чтобы мы оба могли говорить откровенно.

Шустер глубоко вздохнул и потянулся за блокнотом и карандашом. Рисунок поможет ему объяснить верховному жрецу, что такое платформа.

Ни один мускул не дрогнул в лице Скетуло. Когда через некоторое время он нарушил молчание, его слова были:

— При самых священных и тайных обрядах, в сокровенных глубинах храма, мы передвигаем такое сооружение из зала в зал.

— Нет надобности смущать население, — заметил Шустер. — Можно ведь сделать боковые стенки или занавеси так, что они скроют колеса.

Скетуло покачал головой:

— Нет. Кто не играл в неразумном детстве с круглой палочкой или камешком? Дикари по ту сторону гор Касун используют катки. Я не сомневаюсь, что и некоторые из наших крестьян делают это тайком, когда нужно переместить тяжелый груз. Вам не удастся скрыть от сколько-нибудь сообразительного наблюдателя, что же находится под теми покровами, о которых ты говоришь. А уж слух распространится быстро.

— Но если мы получим официальное разрешение...

— Вы не получите его. Закон Бога ясен. Даже если бы Повсвященные разрешили вам такое, простолюдины побоялись бы, что на них падет проклятие. Они сотрут вас в порошок, что бы ни говорили жрецы.

Поскольку, как сообщил Фолкейн, то же самое говорил и Рибо, Шустер подумал: «Скетуло, пожалуй, прав. Впрочем, прав он или нет, значения не имеет — ясно, что разрешения он все равно не даст».

Торговец вздохнул:

— Что поделаешь, мой господин. Но, может быть, у тебя есть какое-нибудь другое предложение? Если, например, ты сможешь прислать достаточно работников из поместий храма, можно было бы просто перетащить работопроизводитель сюда.

— Сейчас время сева. Мы не можем забрать с полей так много работников, иначе нам будет грозить голод.

— Но ведь, господин, у нас общая цель: дать возможность моему кораблю улететь. Моя страна готова прислать вам плату — металлами, тканями, наконец, продовольствием, — изготовленным так, чтобы оно годилось для представителей вашего вида.

Жрец стукнул посохом с такой силой, что металлический пол загудел. Оскалив зубы, он прорычал:

— Нам *не нужны* ваши товары! Вы сами тоже не нужны здесь! Ты заварил такую кашу сегодня, что мое терпение лопнуло! Если вы погибнете, несмотря на вашу проклятую ремонтную станцию, то, может быть, Бог внушил твоим соплеменникам: не такое уж это подходящее место для станции вообще! По крайней мере, что бы ни случилось потом, мы в Ларсуме не нарушим волю Бога... оказав хоть какую-то помощь слугам сатаны!

Он встал. Его взволнованное дыхание громко отдавалось от металлических стен. Шустер тоже поднялся и, глядя на Посвященного с удивившим его самого спокойствием, тихо спросил:

— Правильно ли я понял тебя, мой господин: ты хочешь нашей смерти?

Негнущаяся фигура инопланетянина возвышалась над человеком.

— Да.

— Прикажешь ли ты стражам храма напасть на нас или предпочтешь натравить толпы черни?

Скетуло некоторое время хранил молчание.

— Ни то и ни другое, — наконец неохотно ответил он, — если ты не вынудишь меня. Положение не такое уж простое. Ты знаешь, что некоторые из Стражей Границы, да и купцы тоже, поддались искушению и относятся к вам с симпатией. Кроме того, хотя мы и можем победить вас благодаря численному превосходству, я прекрасно понимаю, что ваше оружие нанесет нам тяжелые потери, а дики, узнав об этом, могут воспользоваться нашей слабостью. Так что я предпочту оставить вас в покое.

— Пока не придумаешь безопасного способа прикончить?

— Или пока вы не умрете с голоду. И учти: с этого момента вам запрещено появляться в Эске.

— Да ну? Не напрасно ли ты отказываешься от такой возможности — ведь лучникам так удобно было бы стрелять с крыш домов. Что ж... — Шустер умолк. В охватившей его панике он подумал: не его ли вина во всем случившемся, не слишком ли прямолинейно он действовал, фатально ошибившись в оценке ситуации?.. Нет. Он не предвидел конкретных проявлений гнева Скетуло, но все же лучше иметь полную ясность. Единственно, зная он все заранее, он не отпустил бы Дэви

одного. Нужно предупредить паренька, чтобы нападение не за-
стало его врасплох... Шустер криво улыбнулся. — По крайней
мере, мы понимаем друг друга. Спасибо и за это.

На мгновение у Шустера возникла мысль захватить верхов-
ного жреца в плен, держать его заложником. Но он тут же отка-
зался от нее. Это наверняка спровоцировало бы немедленное
нападение. Скетуло был бы только рад умереть за свою веру.
Хотя Шустер был бы рад такому исходу ничуть не менее, он
совсем не хотел разделить его участь. Как-никак, на Земле его
ждут жена и детишки.

Он проводил старика к воздушному шлюзу и смотрел ему
вслед, пока процессия не скрылась из виду. Гулкое эхо от стука
копыт по освещенной ярким светом луны и звезд дороге разно-
сились вокруг.

5

Фолкейну начало казаться, что скачка продолжается всю его
жизнь. Если что-то и было до нее, ему это только снилось, было
мимоходом, отражавшимся на клубах тумана, заполнившего его
череп; все было нереальным... действительность же ограничи-
валась болью в каждой клеточке, натертными седлом мозолями,
голодом, одеревенелым от жажды языком и резью в слипа-
ющихся глазах. Усталость вытеснила страх, и единственное, что
осталось, была тупая животная решимость добраться до замка
Гилригор, хотя Фолкейн и не всегда помнил, зачем ему это
нужно.

В течение ночи ему все-таки пришлось делать остановки.
Фастига оказалась животным более выносливым, чем мул, и
более резвым, чем лошадь, но все же и ей отдых был необходим.
Однако сам Фолкейн не решался спать и снова седлал своего
скакуна, как только было можно. К рассвету обе его фастиги
шатались, как пьяные.

Дэвид повернул голову — позвоночник при этом, казалось,
заскрипел — и бросил взгляд назад. Его преследователи по-
явились в пределах видимости, как только слабый свет зари на
побледневшем предрассветном небе дал возможность различать
хоть что-нибудь. Когда же это случилось — столетие назад? Нет,
должно быть, даже и часа не прошло: солнце еще не показалось
из-за горизонта, небо только-только обрело глубокий лиловый
оттенок, а Сестры скрылись за хребтом Касун. Преследователей
было четверо или пятеро — в сумеречном освещении разобрать
точнее было трудно. Теперь их отделяло от Фолкейна только
километра два, и разрыв быстро сокращался. В скрывавшей

дорогу тени искрами вспыхивали отблески на наконечниках копий.

— Так близко?

Сознание опасности подхлестнуло Дэвида. Энергия из каких-то неведомых последних запасов прояснила его ум и обострила чувства. Он ощутил на лице дуновение предрассветного ветерка, услышал его вздохи в колючем придорожном кустарнике, заглушаемые неровным стуком копыт фастиги, увидел, как розовеют снежные пики в первых лучах солнца. Выхватив из кармана рацию, он нажал на кнопку.

— Алло!

— Дэви! — закричал в ответ голос Шустера. — Что случилось? С тобой все в порядке?

— П-пока да, — заикаясь, ответил Фолкейн, — н-но боюсь, что ненадолго.

— Мы уже Бог знает сколько времени пытаемся связаться с тобой.

Фолкейн вспомнил, что несколько раз за ночь хотел вызвать корабль и сообщить о случившемся...

— Похоже, я так устал, что включил передатчик и забыл о нем... Мои фастиги окончательно выдохлись. И... ребята из храмовой стражи вот-вот меня перехватят.

— Никакого шанса добраться до замка, прежде чем они начнут стрелять?

Фолкейн закусил губу.

— Похоже, никакого. Наверное, теперь до замка уже недалеко, всего несколько километров, но... как мне быть? Добираться туда пешком?

— Нет, они затопчут тебя или застрелят в спину. Советую тебе обороняться.

— Эти их луки... Боже, они ведь стреляют почти на такое же расстояние, как и мой бластер, и нападение начнется сразу со всех сторон. Здесь негде укрыться. Нет даже ни единого дерева поблизости.

— Есть старый трюк. Застрели своих животных и отстреливайся из-за них, как из-за баррикады.

— Это не защитит меня надолго.

— Может быть, надолго и не понадобится. Если ты действительно так близко от замка, стража увидит вспышки твоих выстрелов. Так или иначе, это единственное, что я могу придумать.

— Х-х... — Дэвид стиснул зубы и секунду собирался с силами. — Хорошо.

Голос Шустера утратил твердость.

— Видит Бог, хотел бы я оказаться с тобой вместе, Дэви.

— Я бы тоже не возражал, — к своему удивлению, довольно спокойно ответил Дэвид. Вот именно так и должен разговаривать настоящий мужчина в минуту опасности! — Я спрячу передатчик в карман, но не буду его выключать, так что вы сможете все слышать. Подбадривайте меня, ладно?

Он натянул поводья и спрыгнул на землю. Его фастиги стояли повесив головы, в полном изнеможении. Чувствуя себя предателем, Фолкейн поставил их рядом и, быстро переключив бластер на стрельбу в упор, прострелил им лбы.

Они неуклюже повалились, как игрушечные ослики на веревочках; вьючная фастига вздохнула, как будто радуясь долгожданному отдыху; глаза животных остались открытыми и быстро стекленели. Фолкейн начал возиться с ногами и шеями, пытаясь соорудить прикрытие со всех сторон, но без особого успеха. Запыхавшись, он глянул в восточном направлении. Преследователи явно поняли цель его действий и, подгоняя своих фастигов, разделились, обходя его справа и слева. Вскоре все они остановились и стали привязывать животных к кустам. Действительно, их оказалось пятеро.

Солнечный диск показался из-за гор. «*Надо поторопиться: пока еще окончательно не рассвело, вспышки будут более заметны*», — подумал Фолкейн и несколько раз выстрелил вверх.

В тело фастиги, служившее Дэвиду бруствером, вонзилась стрела. Юноша, лежа на животе, сделал ответный выстрел, но промахнулся. Прячась за прикрытием, он осмотрелся вокруг. Еще один айвенгец натягивал тетиву: их разделяло менее полукилометра. Фолкейн тщательно прицелился и нажал на спуск. От бластера протянулся длинный сверкающий бело-голубой палец, раздался треск, и айвенгец выронил лук, схватившись за бок. Две стрелы просвистели в опасной близости от Фолкейна; тот выстрелил в ответ не целясь — это заставило воинов отступить, и на некоторое время Дэвид оказался вне досягаемости их луков: хоть небольшая, но победа.

Впрочем, заряда бластера хватит не так уж надолго. Если наемники Посвященных будут придерживаться прежней тактики, вынуждая его тратить заряды... Но ведь им неизвестно, как ограничены его ресурсы. Правда, похоже, они все равно не собираются отступать. Если только ему не повезет и не удастся вывести из строя их всех, его песенка спета. Фолкейн обнаружил, что он размышляет об этом спокойно, трезво взвешивая обе возможности: при худшем исходе, он надеялся, он сможет захватить с собой в ад нескольких врагов. «*Бедные мама и папа*, — подумал он. — *Бедный Марти Шустер — ему ведь придется сообщить им печальную весть, если сам он, конечно, выживет*».

Два всадника ринулись по травянистому откосу на Дэвида; их гривы разевались в воздухе. Они разделились, прежде чем оказались на расстоянии выстрела, и тот, в кого прицелился Фолкейн, в последний момент пригнулся так низко, что луч прошел над ним. Второй в это время пустил стрелу и, развернувшись, поскакал обратно — выстрел Дэвида его не достал. Стрела вонзилась в землю в сантиметре от ноги Фолкейна.

«Хороший прием, — бесстрастно подумал Дэвид. — Интересно, им уже приходилось иметь дело с такой тактикой защиты, или это просто быстрая реакция на новое? Не удивлюсь, если последнее. Они сообразительные ребята, эти айвенгцы. А вот мы, со своей гордостью за достижения нашей цивилизации, не можем найти решения такой простой проблемы, как местное табу на использование колеса. Ерунда, решение мы, конечно, найдем...»

Еще два противника скакали на него справа. Фолкейн отрегулировал бластер на самый узкий луч, чтобы как можно больше увеличить дальность, и тщательно прицелился. Он задел сначала одну фастигу, потом другую: просто царапины, конечно, но болезненные. Оба животных взвились на дыбы. Всадники справились со скакунами, но убрались подальше. Фолкейн повернулся как раз вовремя, чтобы отразить нападение второй пары, но не успел помешать айвенгцам выстрелить из луков. Впрочем, промахнулись обе стороны.

«...нужно только в точности понять, что именно делает колесо, и потом придумать какое-то другое приспособление, которое делало бы то же самое.

А где же пятый айвенгец, тот, которого ранило? Вон стоит его фастига, а всадника не видно... где же он? Эти крутые парни не из тех, кто сходит со сцены от одной царапины.

У меня же были хорошие отметки по математике и аналитике. И в дискуссиях я обычно побеждал... Так почему же я не могу выкопать из памяти нужное и использовать его? Я ведь смог бы решить такую задачу на экзамене, разве нет?

Скорее всего этот пятый крадется, прячась за кустами, чтобы подобраться поближе, кинуться на меня и заколоть.

Конечно, здесь не учебная аудитория, и аналитическое мышление — не естественное состояние рассудка, особенно когда твоя жизнь в опасности; как странно, что я начал думать об этом именно теперь. Может быть, мое подсознание нашло ответ?»

Четверо всадников съехались вместе на склоне холма, тянувшегося параллельно дороге и отлого спускавшегося к ней, и устроили совет. На таком расстоянии они выглядели как игрушечные фигурки. Было тихо. Фолкейн не слышал ничего, кро-

ме шороха ветра. Поднявшееся над горами солнце постепенно укорачивало колеблющиеся лиловые тени на серой траве. В воздухе еще сохранялся холод ночи, и дыхание Фолкейна вырывалось облачками пара.

«Нужно рассмотреть все по порядку. По сути своей колесо — это рычаг. Но мы уже решили, что другие формы рычага не применимы. Минуточку! А винт? Нет, его не приспособишь. Если бы что-то подобное можно было использовать, Ромуло Паскуаль давно бы сообразил.»

А как насчет того, чтобы разрезать колесо на сегменты и насадить их на оси по отдельности? Нет, я ведь предлагал это Рибо, и он сказал, что так не годится: вся конструкция целиком при взгляде сбоку все равно будет иметь круглую форму».

Всадники явно придумали какой-то план. Они сняли тетивы с луков и надежно привязали луки к подпругам седел. Затем, выстроившись в цепочку, они стали приближаться к укрытию Фолкейна.

«А что еще делает колесо, помимо передачи механического усилия? В идеале оно касается земли в одной-единственной точке и тем сводит к минимуму трение. Не существует ли какой-то другой геометрической фигуры, которая обладала бы этим же свойством? Да сколько угодно. Но какой прок от овального колеса?»

Эй, а нельзя ли исхитриться и насадить овальные колеса, как эксцентрики, на ось, тоже эллиптическую в сечении? Тогда груз будет перемещаться равномерно. М-м-м, вряд ли это поможет, особенно если учесть, какие тут дороги и какие усилия потребовались бы для перемещения платформы вручную. От толчков все сооружение немедленно развалится».

Скакавший впереди воин пришпорил свою фэстигу. Фолкейн прицелился в него и стал ждать, пока противник приблизится достаточно, чтобы выстрел наверняка оказался смертельным. Рация в кармане издавала придущенное кваканье, но времени на разговоры не было.

«Те же самые недостатки — ненадежность, сложность в исполнении, непрочность — исключают всякие другие приходящие на ум конструкции — вроде гусениц, приводимых в движение педалями. Может быть, Ромуло и смог бы что-то выжать из этой идеи, но ведь должно же существовать несложное, еженощное решение».

Пригнувшись к шее скакуна всадник приближался. Еще секунда, и выстрел его достанет! Пора! Фолкейн выстрелил. Луч попал прямо в грудь фэстиги, которая закувыркалась вниз по склону. Но айвенгец выпрыгнул из седла, прежде чем

Фолкейн успел сразить и его, с акробатической ловкостью перевернулся в воздухе и исчез в кустах.

Прежде чем Фолкейн понял, что задумали его противники, он уже застрелил фастигу под вторым всадником. Та налетела на тело первой и свалилась рядом. Третье животное пронеслось мимо, испуганное, но еще подчиняющееся наезднику.

— Ну нет, это у вас не пройдет, — выдохнул Фолкейн, — не стану я собственными руками строить для вас стену. — Он позволил двоим удержавшимся в седлах айвенгцам проскакать мимо и, когда фастиги перестали закрывать всадников, застрелил одного из них. Второй успел вырваться из зоны огня, скочил с фастиги и, прячась за ней, вернулся к убитым животным.

Выстрелы Дэвида взорвали землю там, где скрылись нападающие, но он не видел их сквозь густую поросль, а кусты были слишком влажными, чтобы загореться. Третий айвенгец подтащил свою фастигу к телам убитых животных; та было рванулась прочь, но сильные руки удержали ее, а нож перерезал горло.

Так что воины добились своего. Теперь у них был собственный бруствер, слишком массивный, чтобы луч бластера мог прорежечь его насквозь, и достаточно высокий, чтобы из-за него можно было обстреливать Дэвида из луков. Правда, хорошо прицелиться им будет трудно...

Из-за баррикады показались наконечники стрел. Фолкейн пригнулся за своим укрытием так низко, как только мог, и даже попытался подлезть под одно из собственных мертвых животных.

«Что-нибудь такое... что-нибудь, что будет катиться и удерживать на себе груз, но при этом не будет круглым...»

Засвистели стрелы. Они с силой вонзались в землю и в мертвую плоть фастиг. Обстрел длился некоторое время, потом над бруствером показалась львиная голова: ее обладатель хотел увидеть результаты. Фолкейн, уловив перерыв в стрельбе, привстал на одно колено и выстрелил.

На таком близком расстоянии трудно было промахнуться, и все же выстрел не попал в цель. Луч ударил в баррикаду, запахло паленым, но айвенгец успел укрыться за фастигой.

Заставило же руку Фолкейна дрогнуть то, что он неожиданно увидел перед собой решение.

Он схватил рацию и прокричал в нее:

— Алло, слушайте, я знаю, что нужно сделать!

— Все, что скажешь, Дэви, — проникновенно ответил Шустер.

— Да не для меня. Я имею в виду, как вам, ребята, отсюда выбраться.

Стрелы засвистели снова. Боль пронзила левое бедро Фолкейна. Он тупо взглянул на древко поразившей его стрелы и не сразу понял, что случилось.

— Дэви? Ты меня слышишь? — донесся голос Шустера через разделявшие их сотни километров.

Фолкейн судорожно глотнул. Пока еще не было особенно больно. А айвенгцы что-то перестали стрелять. У них тоже, наверное, плохо с боеприпасами. Земля вокруг была вся усыпана стрелами.

— Слушайте внимательно, — сказал он, обращаясь к передатчику. Коробочка лежала на земле, и струйка крови от ноги текла как раз к ней. Какая-то часть его рассудка смутно заинтересовалась тем, как выглядит человеческая кровь в лучах местного солнца: вместо ярко-алого цвета она имела темно-вишневый. Ручеек крови был невелик: значит, никакой крупный сосуд не задет. — Вы знаете, что такое многоугольник постоянной ширины?

Айвенгский воин снова выглянул из-за прикрытия. Когда выстрела не последовало, он вскочил на ноги и отчаянно замахал руками, тут же, впрочем, снова спрятавшись за тело фастиги. Фолкейн был слишком занят, чтобы заинтересоваться тем, что это могло значить.

— Ты ранен, Дэви? — обеспокоенно спросил Шустер. — Тебя плохо слышно. Атака продолжается?

— Помолчи, — ответил Фолкейн. — У меня мало времени. Слушай. Фигура постоянной ширины — это такая фигура, что если ее поместить между двух параллельных прямых, так что они окажутся касательными к ней с противоположных сторон, а потом начать вращать, то эти прямые будут оставаться касательными при любом повороте. Другими словами, ширина фигуры одинакова по любому направлению, соединяющему противоположные стороны через центр. Окружность, ясно, принадлежит к этому классу. Но...

Айвенгец, левая рука которого, обожженная лучом бластера, бессильно висела, появился из придорожных кустов. В правой руке он сжимал нож. Краем глаза Фолкейн уловил блеск лезвия, обернулся и потянулся к лежащему на земле бластеру. Сжимавшая нож рука воина взметнулась, и Фолкейн вскрикнул, когда нож пригвоздил его собственную руку к земле.

— Дэви! — отчаянно кричал Шустер.

Фолкейн схватил бластер левой рукой. Дуло ходило из стороны в сторону, он выстрелил, но промахнулся. Айвенгец одним прыжком оказался рядом, одновременно вытаскивая из ножен

меч. Наверное, в момент выстрела он закрыл глаза, так что вспышка его не ослепила; удар его был точен, и бластер вылетел из искалеченной руки Фолкейна.

Юноша вытащил нож, торчавший из его правой руки, вскочил на ноги, сжал оружие левой рукой и бросился на противника. Его голос поднялся до крика:

— Окружность не единственная! Нужно взять равно...

Рывок Фолкейна оказался неожиданным для айвенгца. Дэвид ударил, но нож только скользнул по нагруднику воина. Тот оттолкнул юношу, и Фолкейн не удержался на ногах. Айвенгец занес меч.

— Равносторонний треугольник, — всхлипнул Дэвид. — Если провести дуги...

В этот момент раздался звук рога. Воин с рычанием отскочил от человека. Находившийся выше по склону лучник выпустил в Фолкейна последнюю стрелу, но раненая нога подогнулась, и Дэвид упал на колени; стрела просвистела там, где он только что стоял.

Стрела, пущенная с противоположной стороны, пронзила насквозь ближайшего противника. С булькающим кашлем он повалился на тела фастиг. Остальные стражи храма лихорадочными жестами показывали на священные круги, украшавшие их доспехи, но безрезультатно: на них посыпался дождь стрел, и скоро все было кончено.

Рибо, отпрыск Легнора, натянул поводья и соскочил на землю как раз вовремя, чтобы подхватить потерявшего сознание Фолкейна.

6

Мукерджи вошел в кают-компанию, где Шустер в мрачном одиночестве раскладывал пасьянс.

— Где Ромуло? — спросил капитан.

— Потихоньку сходит с ума у себя в машинном отделении, — ответил Шустер. — Он все пытается понять, что же хотел сказать нам Дэви перед тем, как... — Мартин повернулся к Мукерджи осунувшееся лицо. — От него так ничего и нет?

— Нет. Как только я что-нибудь узнаю, я сразу же сообщу, конечно. Его передатчик все еще работает, я слышу, как вокруг двигаются и разговаривают. Но от Дэви — ни слова, а айвенгцы, наверное, не решаются ответить говорящей коробочке.

— О Боже, это же я послал его туда!

— Но ты не мог предвидеть, что он попадет в беду.

— Я должен был предвидеть, что корабль — самое безопасное место. Я должен был отправиться в Гилригор сам. — Шус-

тер невидящим взглядом уставился на карты. — Он же мой подмастерье.

Мукерджи положил руку на плечо торговца.

— Тебе не следует тратить время на всякие повседневные дела. А сражаться и прочее — это дела повседневные. Твои мозги нужнее для другого.

— Да для чего годятся мозги?

— Ну, у тебя же явно есть какой-то план. О чём это ты разговаривал с тем крестьянином перед рассветом?

— Я подкупил его: за хороший большой нож он взялся передать в храм весточку от меня. Он скажет Херктаскору, чтобы тот пришел ко мне для секретной беседы. Херктаскор, если ты помнишь, один из главных астрологов; очень сообразительный парень и, как мне кажется, относится к нам скорее дружелюбно, чем враждебно. По крайней мере, ему, в отличие от Скетуло, не свойственна фанатическая ненависть ко всему новому. — Тут Шустер обнаружил, что положил черву к трефе, выругался и смешал карты. — Из того, что мы слышали, ясно: Рибо прискакал, увидев вспышки, и разделался с посланными Скетуло убийцами. Но успел ли он вовремя? Остался ли Дэви в живых?

Раздался сигнал у входа. Оба землянина вскочили и бросились к ближайшему обзорному экрану.

— Помяни нечистую силу... — пробормотал Мукерджи. — Возьми это на себя, Мартин. Мне лучше вернуться в радиорубку.

Сдерживая свое возбуждение, Шустер открыл дверь воздушного шлюза. В тесное помещение, неся острые местные запахи, ворвался холодный утренний ветер. По трапу поднялся Херктаскор, закутанный в плотный плащ, скрывающий очертания фигуры. Плащ был снят только после того, как дверь закрылась; под плащом оказалось обычное облачение жреца. Херктаскор явно не хотел быть узнанным по дороге к кораблю.

— Приветствуя тебя, — монотонным голосом произнес Шустер. — Спасибо, что ты пришел.

— Получив твое послание, я не мог поступить иначе, — ответил Посвященный. — Поскольку ты сообщил, что должен обсудить со мной важные предметы, я должен тебя выслушать ради блага Ларсума и нашей веры.

— Тебе... э-э... запрещено посещать наш корабль?

— Нет, но лучше не наводить верховного жреца на мысль, что такой запрет необходим.

Херктаскор болезненно щурился, хотя корабельное освещение и так было менее ярким, чем обычно, из-за необходимости экономить последние капли энергии в аккумуляторах. Шустер провел гостя в свою каюту, убавил яркость ламп и предложил ему кресло.

Некоторое время они сидели, молча глядя друг на друга. Наконец Херкстаскор произнес:

— Если ты где-нибудь перескажешь то, что услышишь от меня сейчас, я обвиню тебя во лжи. Тем не менее до сих пор ты поступал достойно. — Шустер почувствовал себя неловко: то, что он собирался сделать, было не таким уж бесхитростным поступком. — И я думаю, что ты должен знать: многие Посвященные считают Скетуло неправым: не следовало запрещать новую математику и астрологию, о которых ты нам сказал. Если бы он смог доказать, ссылаясь на Писание, традицию или рассуждения, что они противоречат слову Бога, тогда, естественно, все Посвященные присоединились бы к нему и отвергли твоё учение. Но он не сделал даже попытки что-то доказать, а просто прибег к запрету.

— А вам позволено дискутировать с верховным жрецом?

— Да. Закон всегда был таков: достигшие высокого ранга Посвященные могут свободно обсуждать все, что не противоречит доктрине. Но мы должны повиноваться верховному властителю, если его приказы не беззаконны.

— Так я и думал. — Шустер потянулся за сигарой. — Вот что я хотел тебе сказать: мы стремимся к сотрудничеству со служителями храма, а не к противостоянию. Мы не угрожаем вашей вере, а, наоборот, можем послужить ее расцвету. Если ты убедишься в этом, то, может быть, сможешь убедить и других.

Лицо Херкстаскора оставалось бесстрастным, но глаза сузились и загорелись.

Шустер раскурил сигару и выпустил облако дыма.

— Цель астрологических наблюдений для вас — узнать волю Бога и понять его замысел в создании Вселенной. Как мне кажется, это предполагает и более высокую цель: понимание сущности Бога в той мере, в какой она может быть понята смертными. В прошлом ваши теологи пришли к определенным заключениям. Но окончательны ли эти выводы? Разве не может оказаться, что в мире есть еще много непознанного?

Херкстаскор склонил свою львиную голову и начертил в воздухе священный круг.

— Может и должно. В этой области не было достигнуто ничего существенного с тех самых пор, как Домно написал свою книгу. Я часто размышлял... Но прошу тебя, продолжай.

— Мы, вновь прибывшие, не принадлежим к вашей вере, — сказал Шустер. — Но и мы тоже на протяжении многих столетий искали ответ на загадку природы божества. Мы тоже верим — *ну, скажем, некоторые из нас* — в единого Бога, бессмертного, всемогущего, всезнающего... являющего собой совершенство. Бога — создателя всего сущего. Возможно, наша

теология расходится с вашей в своих основах, но, может быть — и нет. Не согласишься ли ты сравнить свои взгляды с моими? Если ты сможешь показать мне, где мои соплеменники ошибаются, то я, если останусь в живых, унесу с собой истину. Если, с другой стороны, я смогу показать тебе направления, в которых наша мысль опередила вашу, то и ты сам, и твои коллеги поймут, что мы, чужеземцы, несем вовсе не зло, а скорее возможность развития.

— Сомневаюсь, что Скетуло и некоторые другие закостенелые теологи когда-нибудь признают это, — напряженно произнес Херктаскор. — Тем не менее, если воистину будут открыты новые пути и кто-нибудь посмеет отрицать... — Его кулаки разжались. — Я слушаю тебя.

Шустер не удивился. Всякая религия, существовавшая в прошлом на Земле, какой бы отгороженной от других она ни была в теории, рождала выдающихся мыслителей, готовых черпать идеи у соперничающих церквей. Мартин поудобнее устроился в кресле. Разговор предстоял долгий.

— Первая проблема, которую я хотел бы рассмотреть, — это почему Бог создал Вселенную. Ваша религия имеет ответ на данный вопрос?

Херктаскор вздрогнул.

— Н-нет. Писание говорит только, что Бог — создатель Вселенной. Но смеем ли мы рассуждать о Его резонах?

— Думаю, что да. Смотри: если Бог ни в чем не ограничен, значит, он вечен и существовал до появления Вселенной. Он выше всего, что имеет границы. Но мысль и существование мира сами по себе конечны, не так ли?

— Ну... ну да. Это звучит разумно. По крайней мере, что касается мысли и бытия, как мы их знаем.

— Вот именно. Наверное, и ваши философы спорили о том, реален ли любой феномен, если он совершается в отсутствие наблюдателя, существует ли лежащий в пустыне камень, если его никто никогда не видел? — Херктаскор кивнул. — Это древний парадокс, известный на множестве планет... я хочу сказать, во многих странах. Подобным же образом Бог, вечно существующий в беспредельности, не может быть ни объят мыслью, ни выражен словом. До появления Вселенной ведь не было существ, которые бы мыслили или говорили. Таким образом, как и камень, которого никто не видел, Бог в определенном смысле не существовал. Другими словами, его существование было лишено полноты — элемента обнаружения и осознания. Но как существование совершенного существа может быть неполным? Очевидно, что это невозможно. Поэтому для Него и

оказалось необходимым создать Вселенную, чтобы она познала Бога. Ты следишь за моими рассуждениями?

Херктаскор сдержанно кивнул. Лишь учащенное дыхание выдавало его волнение.

— Что-нибудь из сказанного мной до сих пор противоречит твоей вере? — спросил Шустер.

— Нет... не думаю. Хотя все это так ново... Но продолжай!

— Акт творения, — произнес Шустер, затягиваясь сигарой, — логически включает желание творить, идею того, что будет сотворено, решение творить и саму работу творения. В противном случае Бог действовал бы из каприза, что абсурдно. Однако эти проявления — желание, мысль, решение и работа — конечны. Они неизбежно замкнуты на единственном творении из бесконечного числа возможных и требуют единственной последовательности действий. Тем самым акт творения подразумевает, что Бог в каком-то смысле конечен. Но это немыслимо, такого нельзя представить себе ни на секунду. Мы приходим к парадоксу: Бог должен творить, но не может. Как разрешить этот парадокс?

— И как вы его разрешаете? — выдохнул Херктаскор, который, казалось, вот-вот упадет в обморок.

— Мы пришли к заключению, что самый акт творения был совершен десятью сущностями, известными как *сепирыот*...

— Постой! — Посвященный даже привстал. — Не существует других богов, даже второстепенных, а Писание отрицает, что создание мира — заслуга ангелов.

— Конечно. Те сущности, о которых я говорю, не боги и не ангелы, — они дискретные проявления единого Бога, подобно тому, как грани драгоценного камня — проявления его сущности, не являясь при этом сами драгоценностями. Бог имеет бесконечно много проявлений, но, как мы обнаружили, десять *сепирыот* — все, что логически необходимо для того, чтобы объяснить акт творения. Если начать с первого из них — воли и идеи творения, — то он должен быть неразлучен с Богом всю вечность. Таким образом, он охватывает остальные девять, которые необходимы как атрибуты того, что будет создано...

Через несколько часов Херктаскор попрощался с Шустером. Он шел, как будто ступая по облакам. Шустер смотрел ему вслед, стоя у трапа. Сам он чувствовал полное изнеможение.

«Если окажется, что все это я напрасно обрушил на Херктаскора, да и на них на всех, прости меня, Боже мой Милосердный».

Мукерджи выскочил ему навстречу из кают-компании. Его шаги гулко отдались на металлической палубе.

— Мартин! — радостно завопил он, — Дэви жив!

Шустер резко повернулся к нему. Голова его закружилась, и он прислонился к стене, ловя ртом воздух.

— Вызов пришел, как только ты заперся с этим брамином, — продолжал Мукерджи. — Я не знал, можно ли вас прервать, и поэтому... Ну так вот. Дэви ранен — в ногу и в обе руки, но ничего серьезного: ты же знаешь, здешние микробы нам не страшны. Он сначала потерял сознание, а потом, я думаю, обморок перешел в сон. Он еле бормотал, когда разговаривал с нами, и обещал выйти на связь позже, когда еще немного отдохнет. Тогда он расскажет и о своей идее. Пошли, мы тут с Ромуло достали бутылочку — есть что отпраздновать!

— Это-то мне сейчас и нужно, — с чувством сказал Шустер и последовал за Мукерджи.

После нескольких глотков Мартин немного пришел в себя. Отставив стакан, он криво улынулся остальным.

— С вас когда-нибудь снимали обвинение в убийстве? — спросил он. — Именно так я себя сейчас чувствую.

— Брось, — фыркнул Паскуаль. — Не до такой же степени ты несешь ответственность за своих подмастерьев.

— Ну, может быть, и нет, но ведь это я послал его туда, вместо того чтобы ехать самому. Но ты говоришь, с ним все в порядке?

— Если бы не ты, от этого могло бы быть мало пользы, — ответил Паскуаль. — Криш — всего лишь космонавт, я — просто инженер, а Дэви — и вовсе сосунок. Нам нужен кто-то, кто исхитрился бы вытащить нас из этой дыры. А ты, *amigo mio**, хитрюга по профессии.

— Ну, похоже, выход нашел все-таки Дэви. Правда, какой — я пока не знаю. А если и знаю — когда-то учил в школе, — то забыл. Дэви не так далеко, как я, ушел от школьной премудрости.

— Если только в его идее что-нибудь есть, — ответил Паскуаль, к которому вновь вернулась озабоченность. — Я сам так и не придумал ничего путного, а уж поверь, каких только невероятных штук я не изобретал!

— Подождем — увидим. Кстати, ничего больше не известно о ситуации в Гилригоре?

— Да, я же ведь говорил с самим Рибо — Дэви показал ему, как обращаться с передатчиком, — ответил Мукерджи. — Все напавшие на Дэви убиты. Рибо говорит, он отдал такой приказ, подозревая, что они действительно стражи храма. Если бы они оказались захвачены в плен, их пришлось бы освободить, чтобы не вступать в конфликт со Скетуло, и новости

* Друг мой (исп.).

быстро достигли бы Эски. А так Рибо может теперь утверждать, что его действия были вполне оправданными: на расстоянии выстрела эмблемы храма разглядеть нельзя, и естественно предположить, что на путешественника напали разбойники, уничтожать которых долг Рибо.

— Превосходно, — улыбнулся Шустер. — Рибо палец в рот не клади. Если он найдет предлог не посыпать сюда вестника — а я не сомневаюсь, что он его найдет, — у нас окажется несколько дней, прежде чем Скетуло начнет гадать, что же там произошло, и отправит кого-нибудь для выяснений. Дорога туда и обратно тоже потребует времени. Другими словами, если мы будем держать рот на замке, его собственная тактика проволочек обернется против Скетуло. — Шустер оглядел своих беседников. — Время — это главное, в чем мы сейчас нуждаемся, если не считать средства доставки генератора. Время для того, чтобы Посвященные утратили внутреннее равновесие, чтобы в храме началось такое брожение, что жрецам станет не до новых квазизаконных уловок в отношении нас.

— Смотри, как бы это не вызвало насилие с их стороны, — сказал Мукерджи.

— Это маловероятно, — отозвался Шустер. — На Дэви она напали исподтишка: думаю, что Скетуло отречется от своих приспешников, когда о нападении станет известно. Видишь ли, ему нелегко принимать незаконные решения: это дает его противникам вроде Рибо слишком хороший повод для нападок, а то и для вооруженного сопротивления. Да и вообще, как я уже говорил, время теперь будет работать против этого старого черта.

Паскуаль внимательно посмотрел на торговца:

— Какую кашу ты заварил?

— Ну... — Шустер снова потянулся за бутылкой, виски с веселым бульканьем полилось в стакан. — Первым делом, как ты знаешь, я познакомил их с ньютоновской астрономией. Я замаскировал ее под допущение, но так им просто легче ее проглотить, а напиток менее крепким не становится. Никто не сможет обманываться до бесконечности насчет того, будто это всего лишь сказочка для упрощения вычислений. Раньше или позже, но они придут к выводу, что орбиты планет действительно эллиптические. А это разрушит главную опору веры в то, что круг священен, что, в свою очередь, пошатнет всю их религию. Скетуло все это предвидел, поэтому сразу и наложил запрет на исходящие от меня идеи. Впрочем, так он может только отсрочить неизбежное. Не в его силах запретить Посвященным думать, и некоторые из них возмущены запретом. В результате в

храме начались трения, которые отвлекут Скетуло от изобретения безопасного способа придушить нас.

— Придумано прекрасно, но не со слишком ли дальним прицелом? — нахмурил брови Мукерджи. — Чтобы революция созрела, может понадобиться полстолетия.

— Согласен. Астрономические разногласия играют нам на руку, но их одних недостаточно. Так что сегодня я позвал сюда Херктаскора. Мы обсуждали теологические проблемы.

— Что?! Не рассчитываешь же ты развалить их религию за полдня?

— Нет, конечно. — Шустер глотнул виски. На его лице появилась ухмылка. — Местные гойим* трудились два или три тысячелетия и ничего не добились. Я просто указал на некоторые логические следствия религиозной доктрины Ларсума и предложил ответы, найденные на Земле для преодоления определенных противоречий.

— Ну и что? — недоуменно спросил Паскуаль.

— Ты же знаешь, я всегда интересовался историей науки и философией и много читал о них. В результате, а также благодаря семейным традициям мне кое-что известно насчет каббалы**.

— *Que es?****

— Система средневековой еврейской теософии. В той или иной форме каббала пользовалась огромным влиянием на протяжении столетий, даже воздействовала на христианство. Но поверьте вы мне, это самая невообразимо запутанная конструкция, которую смогло создать человечество с помощью нескольких текстов, массы тумана и закусившей удила логики. Ортодоксальный иудаизм всегда старался держаться подальше от каббалы с ее заумью — неосторожных она приводила к тяжелейшим эмоциональным срывам, как, например, это часто случалось среди хасидов****.

Но к ларсианской религии каббала подходит, как сшитая по мерке. Например, в каббалистической теософии фигурируют десять форм эманации божества, десять отдельных атрибутов

* Иноверцы (*иерит*).

** Каббала — мистическое направление в иудаизме, возникшее в начале новой эры и получившее особое распространение в средние века. Космогоническая и теософская каббала исходит из идеи сокровенного неизреченного бесконечного божества. В каббале большую роль играют 32 «пути премудрости», а именно 10 цифр и 22 буквы еврейского алфавита, которым придается мистическое значение.

*** Что это? (*исл.*)

**** Хасиды — последователи мистического течения в иудаизме, характеризующегося крайней религиозной экзальтацией.

его совершенства — сефирот. Они разбиты на три триады, в каждую из которых входит мужская и женская сущности и их союз. На Айвенго нумерология* не особенно развита, но, когда я напомнил Херктаскору, что три точки определяют окружность, он разинул рот. Каждый из сефирот, входящих в триады, соотносится с определенной частью тела человека. Остающийся сефирот окружает все остальные (что также прекрасно вписывается в ларсианскую доктрину), а все они вместе создали Вселенную... Ладно, не буду углубляться в детали. Еще в каббALE разрабатывалась своеобразная техника дешифровки, благодаря которой можно постичь скрытый смысл Писания — доктрину единства, демонологию и всяческие магические заклинания. Все это — великолепная, блистательная чепуха, соблазнявшая в свое время лучшие умы Земли. Вот я и скормил такую аппетитную приманку Херктаскору.

— Ну и? — очень тихо спросил Мукерджи.

— О, конечно, я ему обрисовал только контуры — на полное изложение потребовались бы недели. Не знаю, придет ли он узнавать подробности, да это и не имеет значения. Семя соблазна посияно. Ларсианская философия еще довольно примитивна, такой крепкий орешек ей не по зубам. Хоть их религия теоретически и является монотеизмом, на практике в ней сильны суеверия, вера в духов и привидения, и никто еще не подвергал доктрину основательной перетряске. Тем не менее теология существует и пользуется уважением. Так что Посвященные представляют собой прекрасный горючий материал, и достаточно искры, чтобы произошел взрыв интерпретаций, пересмотров, реформации, контрреформации, откровений, новых доктрин, фундаменталистской реакции — всех тех веселеньких развлечений, через которые мы на Земле уже прошли. Как я уже говорил, каббала сыграла во всем этом не последнюю роль. Дайте только время, и эта мина взорвет храм, а Ларсум сможет вдохнуть свежий воздух.

Шустер покачал головой.

— Боюсь, не обойдется без кровопролития, — заключил он, — и если бы я не считал, что в конце концов такая встрияска окажется полезна здешнему обществу, я не пошел бы на это даже ради спасения наших жизней.

Паскуаль озадаченно посмотрел на Мартина.

— Такие материи слишком тонки для меня. Ты думаешь, это нас спасет?

* Нумерология — учение о скрытом (иногда магическом) значении чисел и их сочетаний.

— Если нам удастся переправить сюда генератор за несколько ближайших недель, то несомненно. Херктаскор не дурак, к тому же он прирожденный теолог. После неприятностей с новым методом вычислений он будет осторожен в выборе тех, с кем обсуждать откровения каббалы. Но в храме собраны лучшие мозги, томящиеся от безделья. Если им не давать фактов для размышлений, они примутся за теорию, и новые концепции охватят храм, как пожар. Скоро дойдет и до открытых столкновений. Закон не даст Скетуло права запретить подобные дискуссии, а накал страстей вызовет неповиновение любому незаконному приказу. Так что старишке хватит забот до конца жизни.

7

Рибо, Гилригорский Страж Границы, остановил фастигу на вершине холма. Рука в окованной железом перчатке указала вниз.

— Эска, — провозгласил он.

Дэвид Фолкейн прищурился, вглядываясь в сумрак. Для человеческого зрения город был всего лишь пятном на берегу ртутно переливающейся реки. Но тут его взгляд уловил отблеск света на металлической поверхности.

— Наш корабль, — прошептал он. — Мы добрались!

Рибо всматривался в поля и сады, на километры протянувшиеся вокруг столицы.

— Не заметно никаких военных приготовлений, — заключил он. — Кажется, я вижу горожан, бегущих нам навстречу, но солдат среди них нет. В храме, конечно, знают о нашем приближении. Ясно: они решили не оказывать сопротивления.

— А ты ожидал схватки? На самом деле?

— Я не был уверен. Поэтому я и захватил с собой так много воинов. — Закованный в доспехи айвенгец выпрямился в седле. Его хвост хлестал по бокам фастиги. — Попытайся Посвященные устроить побоище, они нарушили бы закон, так что мы имели бы все права на ответный удар. Ведь не только Стражам Границы правление жрецов стало поперек горла. Мои воины будут почти что жалеть, если им не удастся сегодня омочить мечи в крови.

— Ну, я не испытываю подобного желания, — поежился Фолкейн.

— Миролюбив ты или нет, — ответил Рибо, — ты нанес жрецам гораздо больший урон, чем это когда-нибудь удалось бы мне. Наш мир теперь не останется неизменным. Платформа ведь такая простая вещь, а сколько от нее пользы — меньше

работы крестьянам, купцы смогут быстрее перевозить товары. Вековой застой нарушен. Что касается меня, то я намерен использовать новые возможности, чтобы разбить варваров гор Ка-сун, а это значит, что со мной среди правителей Ларсума станут больше считаться. В Гилригore всегда будут рады твоим сплеменникам.

Фолкейн виновато опустил глаза.

— Я не могу обманывать тебя, мой друг, — пробормотал он. — Может случиться, что никто из нас здесь больше не появится.

— Я слышал такие разговоры, — ответил Рибо, — и пропускал их мимо ушей. Может быть, просто не хотел верить. Впрочем, это не имеет значения, — в голосе айвенгца зазвучала гордость, — придет день, и наши корабли прилетят к вам.

Он поднял боевой топор, подавая сигнал. Стой всадников развернулся, и огромная платформа, которую тащили двадцать фастиг, перевалила через вершину холма. Металлические части погруженных на нее генератора и подъемного крана заблестели в закатных лучах красного солнца.

Погонщик фастиг опустил тормоз — плоское бревно, — чтобы платформа не слишком быстро катилась вниз по склону. Со скрипом, стуком, лязгом и дребезжанием сооружение двинулось вперед.

Под платформой находилось восемь роликов. Они катились между направляющими боковыми досками, передняя пара которых могла двигаться между квадратными штырями — это давало возможность платформе поворачивать. Бамперы не давали роликам выкатиться из-под днища на спусках и подъемах. Как только один из катков появлялся сзади из-под платформы, его за металлические петли подхватывали крюки, установленные на коромыслах с противовесами на самой платформе. Массивная рама и кожаные ремни направляли коромысла строго назад, препятствуя движению вбок. Двое работников изо всех сил тянули за цепи, коромысла поднимались вверх; в высшей точке подъема крюки выскальзывали из петель, и каток падал на наклонный настил спереди. Еще двое работников, вооруженные шестами, следили за тем, чтобы он катился без перекосов. Прогрохотав по настилу, каток падал на дорогу перед бампером, и платформа наезжала на него. Коромысла поворачивались, чтобы подхватить следующий каток, и все начиналось сначала.

Каждый каток был треугольным в сечении.

Если начертить равносторонний треугольник ABC, провести дуги BC с центром в точке A, AC в точке B, AB в точке C и потом скруглить углы, получится фигура равной ширины. Если ее

вращать между двумя касательными к ней прямыми, они остаются касательными к ней в любой точке при любом повороте.

На самом деле класс многоугольников постоянной ширины неограничен. Окружность является предельным случаем такого многоугольника — если бесконечно увеличивать число его сторон.

Конечно, подумал Фолкейн, такие катки его изобретения будут со временем изнашиваться и приближаться к запрещенной круглой форме; тогда их придется заменять. Только придется ли? Кто-нибудь вроде Рибо начнет возражать, доказывая, что, как показала практика, круг — наименее совершенная форма, результат вырождения многоугольников более высокого порядка. Как будто у бедных Посвященных недостаточно забот с чисто теологическими проблемами!

Фолкейн пришпорил фастигу и занял свое место впереди платформы, торжественно приближавшейся к кораблю.

НЕВИДИМОЕ СОЛНЦЕ

Некоторые замечания по поводу относительности.

До начала космических полетов часто предсказывалось, что другие планеты будут интересны человеку лишь в чисто интеллектуальном плане. Ведь биохимическая эволюция даже на сходных с Землей мирах должна быть совершенно отлична от земной, поскольку лишь случай определяет, по какому из множества возможных путей она пойдет; в результате человек не сможет жить на других планетах без специального снаряжения. Что же касается разумных существ, то разве не самонадеянно предполагать, что они окажутся столь близки нам по психологии и культуре, чтобы мы смогли найти с ними точки соприкосновения? Результаты первых экспедиций за пределы Солнечной системы вроде бы утвердили ученых в этом антиантропоморфизме.

Теперь же общественное мнение шарахнулось в противоположную крайность. Мы осознали, что в Галактике множество планет, которые, несмотря на весьма экзотические детали, не менее гостеприимны для человека, чем родная Земля. Все мы встречались с инопланетянами, и как бы сильно они ни отличались от людей, мы убеждались, что говорят и думают они как привычные нам персонажи: Воин, Философ, Купец, Старый Космический Бродяга, — нам знакомы сотни их воплощений. Мы с ними работаем, ссоримся, ведем исследования, развлекаемся так же, как и со своими соплеменниками. Так не заложено ли что-то фундаментальное в земном типе биологии и технической цивилизации?

Нет. Как всегда, истина лежит где-то посередине. На подавляющем большинстве планет человек жить не может. Именно поэтому мы обычно минуем их, и они не оставляют особого отпечатка в нашем сознании. Из числа тех, на которых есть кислород и вода, более половины бесполезны или смертоносны для человека по тем или иным причинам. И все-таки эволюция — не случайный процесс. Ее направленность задается естественным отбором, действующим в рамках физических условий. Кроме того, Галактика столь огромна, что варианты, возникшие по воле случая, повторяются в миллионах миров, и в результате Новая Земля — вовсе не редкость.

Сходно обстоит дело и с психологией разумных существ. Безусловно, большинство из них обладает основными инстинктами, более или менее отличающимися от человеческих. С теми расами, мотивация которых радикально отличается от нашей, мы контактируем мало. Естественно, среди круга нашего постоянного общения преобладают существа с близкими нам склонностями. И опять же, поскольку планет — миллиарды, мы можем не сомневаться, что нам удастся найти миллионы похожих на нас видов.

Конечно, не стоит обольщаться поверхностным сходством. Нечеловек всегда остается нечеловеком. Мы способны заметить только те грани его личности, которые в состоянии понять. Поэтому инопланетянин зачастую производит на нас впечатление ограниченного, даже комичного персонажа. Но не забывайте — и мы выглядим в его глазах такими же. На свое счастье, обычно человек и не подозревает, на скольких планетах он является традиционным героем непристойных шуток.

*При всем при том представители каждой из рас — не говоря уже о культурах, — различаются между собой не меньше, чем *Homo sapiens*. Поэтому степень сходства между жителями разных планет сильно варьирует. Зачастую человеку проще общаться с негуманоидами, чем с некоторыми из своих соотечественников. «Конечно, — скажет изыскатель с Кецалькоатля о своем напарнике, — он смахивает на гибрид капусты с подъемным краном, конечно, он рыгает сероводородом и спит в грязной луже, а его представление о развлечениях сводится к тому, чтобы шесть часов подряд обсуждать кото-рость зачемности. Но я могу доверять ему — Господи, да я бы даже оставил его наедине со своей женой!»*

Ной Аркрайт. «Введение в софонтологию»

Захватчики расположили свои корабли на стандартных патрульных орbitах. И не предприняли ничего для маскировки. Такая самоуверенность заставила Дэвида Фолкейна поежиться.

По мере того как космолет приближался к Ванессе, его приборы стали регистрировать корабль за кораблем. Один прошел так близко, что не требовалось особого увеличения, чтобы увидеть детали. Едва уловимые особенности контура огромного, класса «Нова», корабля свидетельствовали, что он построен не-человеческими руками. Его пушки пронзали черноту космоса, уставясь на россыпи созвездий; солнечный свет играл на его боках; он был прекрасен, надменен и устрашающ.

Совсем не страшно, сказал себе Фолкейн, и тут же усомнился, искренен ли он сам с собой.

Раздался сигнал вызова на общегалактической частоте. Дэвид нажал на кнопку приема. Судя по показаниям компенсатора Доплера, они с военным кораблем стремительно сближались. На экране появилось изображение: вряд ли это был ванессианин, но существо, судя по всему, принадлежало к тому же виду. Из приемника донеслось неясное бормотание.

— Извинить, не понимай, — промямлил Фолкейн, но на всякий случай затормозил. Агрессоры были обидчивы, а тот парень сидел за штурвалом такого монстра, которому по зубам целый континент, а кораблик Фолкейна сойдет за зубочистку. — Прошу прощения, я не владею вашими многочисленными языками.

Краок издал звук, напоминающий гудок. Похоже, он, она или икс не знал англика. Что ж, попробуем язык Торгово-технической Лиги...

— Вы говорите на латыни?

Существо потянулось за транслятором. Без него люди и краоки с трудом воспринимали звуки речи друг друга.

— *Sprechen Sie Deutsch?** — спросил офицер, настраивая прибор.

— Э-э? — у Фолкейна отвисла челюсть.

— *Ich haben die deutsche Sprache ein wenig gelehrt*, — гордость за свои лингвистические достижения преобладала у краока над грамматикой. — *Bei der grosse Kapitan***.

Фолкейн сжал ручки пилотского кресла, пытаясь собраться с мыслями, и изумленно уставился на экран.

* Говорите ли вы по-немецки? (Здесь и далее ломаный немецкий.)

** Я немного изучал немецкий. У большого капитана.

Несмотря на враждебность, существо выглядело не так уж неприятно. Около двух метров в высоту, оно напоминало стройного тираннозавра, если, конечно, возможно представить себе тираннозавра, покрытого коричневым мехом, с огромным ребристым, наполовину сложенным, но тем не менее мерцающим и переливающимся гребнем на спине. Его руки были весьма сходны с человеческими, за исключением того, что каждый из четырех пальцев имел по дополнительному суставу. Круглая голова, уши с кисточками, квадратная морда, глаза меньше человеческих.

Вся его одежда состояла из повязки на руке, символизирующей высокое положение, кошеля на поясе и портупеи. Фолкейн порылся в памяти и определил принадлежность офицера к одному из трех краоканских полов: так называемый трансмиттер; оплодотворяется самцом и, в свою очередь, оплодотворяет самку. «Я должен был догадаться, — подумал Дэвид, — хотя в библиотеке Гарстанга данные о них и представлены весьма скучно. Самцы, миниатюрные и кроткие, занимаются выращиванием потомства. Самки — наиболее творческие натуры, они принимают большинство решений. А трансмиттеры отличаются воинственностью.

И в данный момент один из них взял меня на прицел.

Фолкейн почувствовал себя очень одиноким. Пульсация движателя, бормотание приборов корабля, чуть уловимый запах кондиционированного воздуха и запах его собственного пота, вес, создаваемый внутренним полем тяготения, — единственные ощущения жизни, которые окружали его, словно яичная скорлупа. А за ее пределами лежала пустота. Многие парсеки разделяли его и могучую Лигу, и сейчас перед ним был корабль пришельцев, объявивших себя ее врагами.

— *Antworten Sie!** — потребовал краок.

Почти наугад выбрав казавшиеся подходящими слова из тех полуза забытых крох идиша, который он время от времени слышал от Мартина Шустера в период своего ученичества, Фолкейн произнес как можно медленнее и отчетливее:

— *Ik... veys... nit keyn... Deitch. Get me... ah mentsch... zeit azay gif**.* — Собеседник не двигался. — Черт возьми, с вами же есть люди, — не выдержал Фолкейн. — Я даже знаю, как одного из них зовут. Ута Хорн. Понятно? Ута Хорн.

Краок переключил Дэвида на своего собрата, сидящего на корточках у основания электронного аппарата. Из интеркома

* Отвечайте!

** Я не понимаю по-немецки. Позови кого-нибудь из людей.

послышался нечеловеческий пересвист. Новый собеседник повернулся к Фолкейну.

— Я немного знаю латынь, — заявил он. Несмотря на вокализер, его акцент был настолько густым, что, будь он вареньем, его можно было бы намазывать на коржик. — Определите себя.

Фолкейн вытер губы.

— Я — представитель Торгово-технической Лиги на Гарстанге. С почтовой капсулой я получил известие о вашем... э-э... появлении. Там было сказано, что мне разрешено прибыть сюда.

— Так. — Снова свист. — Действительно, одному кораблю, невооруженному, мы позволили совершить посадку на Элан-Тррл. Вы создаете неприятности, мы убиваем.

— О, конечно, я не буду, — пообещал Фолкейн. «Пока мне не представится подходящая возможность». — Иду на посадку. Вас интересует мой маршрут?

Краока он интересовал. Бортовой компьютер послал необходимые данные на военный корабль. Намеченный путь был одобрен. Сверкнули, рассекая космос, лучи мазеров; они оповещали другие корабли о необходимости следить за космолетом Фолкейна.

— Вы идти, — разрешил офицер.

— Но этот Ута Хорн...

— Командор Хорн встретиться с вами, когда счастье нужным. Вперед.

Экран погас, и Фолкейн начал спуск. Внутренние компенсаторы поля вступили в борьбу с притяжением планеты.

Дэвид обнаружил, что невольно затаил дыхание, сделал глубокий вдох и взгляделся в открывшуюся перед ним картину. До сих пор, пока он спешил к звезде Фурмана, над окружающим пространством господствовала бета Центавра, немигающая, ослепительно яркая на расстоянии двух световых лет. Теперь заметным стал диск солнца Ванессы. Это был, конечно, не супергигант типа В, но все же достаточно впечатляющая белая звезда класса F7 с мерцающей короной, вскипающей протуберанцами. Если вдруг откажут защитные экраны, ее излучение легко пройдет через корпус корабля и уничтожит человека.

Он слогнул. «Итак, мне предложена проба на роль пронырливого авантюриста. Что ж, вот я на месте и полон энергии».

Фолкейн потянулся; мышечное усилие сняло часть его внутреннего напряжения. Тут он понял, что голоден, и направился на корму, чтобы сделать себе сандвич. Поев и раскурив трубку, он почувствовал, как спокойствие постепенно возвращается к

нему: в конце концов, ему только-только исполнилось двадцать лет, и оптимизм юности пришел к нему на выручку.

Он был одним из самых молодых людей, когда-либо получавших звание агента Лиги. Этим он был в значительной мере обязан своей находчивости во время неприятностей на Айвенго. Чтобы поставить сходный рекорд в получении сертификата мастера, необходимо совершить еще один-два таких же подвига. Неудивительно, что он завопил от радости, получив послание Бельягора.

Правда, как теперь выяснилось, ему противостоит нечто более грозное, чем он предполагал. Но он же все-таки сын барона из Великого Герцогства Гермесского. Так стоит ли падать духом, а?

В худшем случае, даже если ему ничего другого не удастся сделать и он только сообщит в соответствующий сектор Управления о том, что здесь происходит, его заметят наверху. Может быть, сам старый Ник ван Рийн услышит о Дэвиде Фолкейне, таланты которого пропадают втуне на этом крошечном посту на Гарстанге.

Он немного попрактиковался в дерзкой улыбке. Получилось лучше, чем год назад. Его профиль оставался неисправимо курносым, но лицо утратило округлость, так его огорчавшую раньше. Теперь он, высокий, белокурый и стройный, сказал себе Фолкейн, прекрасно разбирается в одежде и вине. И в женщинах, добавил он, мгновенно расплывшись в самодовольной улыбке. Ах, если бы он не был единственным человеком в этом захолустье! Ну, может быть, этот загадочный Хорн прихватил с собой несколько женщин про запас...

Ванесса росла на экранах; красноватый шар, расцвеченный зеленым и голубым, поблескивал небольшими морями. Интересно, подумал Фолкейн, как называют ее местные жители? Будучи колонистами, цивилизация которых, в отличие от большинства, не деградировала за время длительного перерыва в космических путешествиях их расы, краоки с Ванессы, безусловно, обладали собственным языком. Почему же Фурман не занес, как это обычно делается в подобных случаях, в каталог местное название открытой им планеты?

Вполне возможно, потому, что человеческие голосовые связки не могут должным образом извернуться для его произнесения. А может, ему просто захотелось окрестить планету Ванессой. Боже, какие сногсшибательные возможности открываются перед первоходцем! Какая девчонка устоит, если в ее честь назван целый мир?

В поле видимости появился еще один патрульный корабль, и Фолкейн вернулся к реальности.

В давно миновавшие дни расцвета своей экспансии краоки никогда не основывали городов. Концепция столь маленькой единицы, обладающей собственной индивидуальностью и состоящей из еще более мелких субъединиц, существующих относительно изолированно, была чужда им. Тем не менее они давали имена своим связанным друг с другом поселениям, построенным в разных местах. Священная книга Фолкейна «Руководство для пилота по сектору бета Центавра» сообщила ему, что Элан-Тррл (как бы ни писать и ни произносить это название) расположен в средних северных широтах и отмечен радиомаяком Лиги.

В переполненной информацией микрофильмированной книге о планете говорилось мало. Из факторов, представлявших серьезную опасность, были упомянуты только озон и ультрафиолет. Фолкейн облачился в комбинезон с капюшоном и надел фильтрующую маску и защитные очки. Крошечный космопорт несся ему навстречу. Он приземлился и вышел из корабля.

Мгновение он стоял, пытаясь сориентироваться и привыкнуть к незнакомому окружению. Небо над головой было безоблачным, очень бледного голубого цвета; солнце сияло настолько ослепительно, что он не мог взглянуть в его сторону. Краски при таком жутком освещении казались вылинявшими. За космопортом к озеру, от которого брали начало ирригационные каналы, разветвлявшиеся по сельскохозяйственным угодьям, сплошь покрытым голубовато-зеленым кустарником, сбегали холмы. По берегам каналов росли искривленные деревья с перистыми листьями; моторные лодки, скользя по воде, высоко задирали носы. Сельскохозяйственная техника, разбросанная по полям, и редкие гравилеты, пролетающие вдали, должно быть, были привезены сюда торговцами Лиги. На горизонте вставала тусклокоричневая горная цепь.

При силе тяжести, на одну пятую превышающей привычную ему земную, Фолкейн чувствовал себя неповоротливым. Вокруг завывал ветер, обдавая его волнами раскаленного воздуха. Но Фолкейн не ощущал особого дискомфорта от жары.

По другую сторону от порта виднелись луковицеобразные башни Элан-Тррла. Тысячелетия выветривания лишили четкости очертания слагавших их камней. Фолкейн не заметил практически никакого транспорта и предположил, что движение, возможно, происходит под землей. С нежностью взглянул он на фасад комплекса зданий Лиги; ее постройки из стекла и пластика напоминали по форме милый сердцу обычный дом; контуры их подрагивали в струящемся от жара воздухе.

В порту неподалеку от его собственного стояли еще два корабля. Приземистый «Холберт», вероятно, принадлежал Бельягору. Хозяевами второго, со стремительными обводами и вооруженного, скопированного с земного крейсера, должно быть, являлись захватчики. Его охраняли несколько краоков. При появлении Фолкейна они не сдвинулись с места — по-видимому, были предупреждены о его появлении. Каравульные безмолвствовали. Все время, пока он шел к зданию Лиги, Дэвид чувствовал спиной тяжесть их взглядов. Одинокий скрип его башмаков гулко отдавался на ветру.

Двери представительства Лиги распахнулись перед ним. В вестибюле было не менее жарко и сухо, чем снаружи, да и свет был столь же резким. Конечно, Лига направила сюда своим представителем кого-нибудь со звезды класса F. Фолкейн начинял в большей степени ценить прохладный зеленый Гарстанг. Но почему этот Бельягор не вышел встретить его?

— Прямо через холл и направо, — произнес по-латыни рокочущий бас из интеркома.

Фолкейн направился в главную контору. Бельягор сидел за столом, дымя сигарой. Над ним висела эмблема Торгово-технической Лиги: старинный космический корабль-каравелла на фоне взрыва сверхновой с девизом «Вынесет любой груз». Компьютеры, диктофоны и прочее оборудование — все было знакомо Фолкейну, в отличие от хозяина кабинета. Фолкейн никогда прежде не сталкивался с обитателями Джалиля.

— Итак, прибыл, — произнес Бельягор. — Что-то ты не спешил.

Фолкейн остановился и уставился на него. Представитель Лиги несколько напоминал гуманоида. Иначе говоря, его приземистое тело обладало двумя ногами, двумя руками и не могло похвастаться хвостом. В то же время ростом он был не больше метра, на ногах было по три толстых пальца, а трехпалые руки напоминали манипуляторы; из-под юбки — единственной его одежды — виднелись серая чешуя и желтое брюхо. Его нос был похож на рыло тапира, уши — на крылья летучей мыши. На макушке у него рос пучок рыжих волосков; над глазами торчали два толстых хемосенсорных усика. Сами глаза были такие же маленькие, как у краоков: существа, которые видят ультрафиолет и не воспринимают красную часть спектра, не нуждаются в больших глазах.

Словно для сравнения, рядом со столом, опираясь на собственный хвост, сидел краок-икс, — нет, на сей раз это была она. Бельягор ткнул в ее сторону сигарой.

— Это Квуиллипап, старший офицер связи. А ты... Как там твое дурацкое имя?

— Дэвид Фолкейн.

Новичок в разговоре с мастером не может позволить себе особо показывать зубы.

— Ну, садись. Пиво? Вы, земляне, быстро теряете воду.

А Бельягор не так уж плох, решил Фолкейн.

— Спасибо, сэр, — ответил он, опускаясь в кресло.

Джалилянин отдал приказание по интеркому.

— Были какие-нибудь осложнения по дороге сюда?

— Нет.

— Я так и думал. Ты не вызвал у них сильного беспокойства. Да и капитан Хорн хотел, чтобы ты прилетел, а он, похоже, занимает у них во Флоте высокую должность. — Бельягор пожал плечами. — Не могу сказать, что рад тебя видеть. Молокосос! Если бы поблизости оказался кто-нибудь поопытнее, может, нам и удалось бы что-нибудь сделать.

Фолкейн проглотил остатки своей гордости.

— Я сожалею, сэр. Но Лига действует в данном районе всего несколько декад, — я не уверен, что вы принимаете это во внимание. В вашем послании говорилось только, что в систему Фурмана вторглись краоки и потребовали от Торгово-технической Лиги полностью освободить от своего присутствия окрестности беты Центавра.

— Ну что же, кто-то должен доставить предупреждение в Управление, — пробурчал Бельягор, — а я занят. Я собираюсь оставаться здесь и вставлять им палки в колеса, может, мне даже удастся заставить их изменить решение. А пост на Гарстанге не много потеряет от твоего отсутствия. — Некоторое время он молча курил. — Впрочем, я хотел бы, чтобы до своего отбытия ты занялся кое-какими элементарными наблюдениями. Поэтому я и послал за помощью на Гарстанг, а не на Рокс-латл. Снарфен, возможно, выполнил бы эту миссию в десять раз лучше — он ведь мастер, — но ты — человек, а люди занимают высокое положение среди анторанитов, как, например, Хорн, который сказал, что хочет побеседовать с тобой, когда я упомянул о твоем происхождении. Таким образом, может быть, ты сможешь выяснить, что же происходит. Я всегда говорил: чтобы понять представителей этой нелепой расы, используйте их же.

Фолкейн с мрачной целеустремленностью спросил:

— Антораниты... сэр?

— Захватчики называют свою базу Анторан. Никаких сведений, помимо названия, они не сообщают.

Фолкейн бросил быстрый взгляд на Квуиллипап.

— Нет ли у вас каких-либо идей — откуда они могли появиться?

— Нет, — ответила та через вокалайзер, — это не может быть один из известных колонизированных Расой миров. Но записи неполны.

— Я не понимаю, как...

— Я объясню. За столетия до того, как ваш или мастера Бельягора виды достигли первобытного уровня, великие предки краоков...

— Да, я знаю о них.

— Не перебивай старшего по званию, щенок, — прогремел Бельягор, — кроме того, я сомневаюсь в твоих исторических познаниях. Тебе не вредно будет послушать это еще раз, независимо от того, одолел ли ты пару-другую книг. — Он презрительно шмыгнул носом. — Ты связан с Галактической Компанией специй и спиртных напитков, не так ли? Они не ведут здесь дел. Ничего интересного для них. За всю историю межзвездной торговли Ванесса не производила на продажу ничего, кроме лекарств и флюоресцентов, непригодных для вашего типа жизни. Что до меня, я здесь не только агент «Дженерал моторс» Джалиля, я часто представляю и другие компании с соседних планет. Я-то знаю ситуацию изнутри. Продолжай, Квуиллипап.

— Теперь вы перебили меня, — угрюмо заметила ванесианка.

— Когда я вступаю в разговор, я не перебиваю, а поясняю. Продолжайте, я сказал. И покороче. Никаких этих ваших проклятых песенных хроник, слышите?

— Величие Расы не может быть донесено без Торжественных аллад.

— На фиг величие Расы! Дальше.

— Ну что ж, возможно, он все равно не смог бы оценить блеск и великолепие краоков.

Фолкейн стиснул зубы. Где, о небо, обещанное пиво?

— Тысячи и тысячи лет назад, — начала Квуиллипап, — Раса создала космический флот и послала его на покорение звезд. Долгой и трудной была борьба; эхо имен героев-звездолетчиков гремело веками. К примеру, Унди...

— Притормози, — приказал Бельягор начавшей впадать в песенный экстаз Квуиллипап.

«Интересно, — подумал Фолкейн, — ее стремление к самовосхвалению вызвано комплексом неполноценности?» Дело в том, что краоки так и не сумели построить гиперпространственный двигатель. Они путешествовали на субсветовых скоростях — десятки столетий, от звезды к звезде. Плюс к тому же интерес для них представляли только сравнительно редкие яркие звезды класса F. Маленькие солнца, типа Сол, — слишком тусклы и

холодны, обладают чересчур скучным ультрафиолетовым излучением, необходимым для их высокоэнергетической биохимии. Более крупные звезды, вроде беты Центавра, — вообще, все после F5 согласно основной классификации, — не имеют планет. Краокам еще повезло — они нашли четырнадцать новых, пригодных для использования систем.

— Попробуйте представить достижения предков, — настаивала Квуиллипап. — Они не только смогли преодолеть немыслимую межзвездную бездну, они часто изменяли атмосферу и экологию целых миров, приспосабливая их для себя. Ни один другой вид не достиг такого мастерства в этом искусстве.

«Да, действительно, — подумал Фолкейн. — У современных космических первопроходцев нет причин становиться планетарными инженерами. Если их не устраивает обнаруженный мир, они просто улетают в поисках другого. А субсветовой путешественник не может быть столь разборчив.

Надо признать, в краоканском прошлом действительно есть что-то величественное. Вряд ли люди смогли бы так долго претворять в жизнь столь обширную программу; для них в большей степени характерна индивидуальная, нежели коллективная гордость».

— Затем наступили Темные Времена, — продолжала Квуиллипап, — но мы помнили. Как бы ни велики были трудности и потери, но, взглянув на ночное небо, мы всегда могли указать звезды, на которых живет наш род.

Судя по тому, что читал Фолкейн, приближение катастрофы было медленным, но неизбежным. Освоенные краоками области космоса оказались слишком велики для столь медленных путешествий; путь к очередному белому солнцу стал непозволительно дорогим удовольствием в плане времени, труда и ресурсов. Экспансия завершилась.

Вскоре та же участь постигла торговлю между колониями. Слишком дорого. Торгово-техническая Лига существует благодаря гиперпространственному и гравитационному двигателям, — только за счет того, что бесчисленное множество товаров дешевле закупить в системе другой звезды, чем производить на собственной планете. Хотя прибыль перестала быть целью путешествий краоков, они не избежали воздействия законов экономики.

Они не строили больше космических кораблей. Со временем большинство поселенцев прекратили перемещения даже в пределах планеты. Во многих мирах воцарились хаос и варварство. Ванессе повезло больше: цивилизация устояла и осталась неизменной, хотя и заплатила за это застоем в развитии технологии на протяжении трехсот столетий. Затем появился Фурман. Кра-

оки получили весточку от потерянных братьев и стали мечтать о воссоединении Расы.

На это требовались деньги. Космический корабль стоит недешево, а Лига — не благотворительная организация. Пусть ванессиане накопят соответствующие средства, и любая судо-верфь Галактики с радостью возьмется за их заказ. Но не раньше.

Тут Фолкейн осознал, что Квуиллипап в своем монотонном речитативе перешла к более важным вещам.

— Ни в хрониках, ни в устных сказаниях нет упоминаний о мире, который мог бы соответствовать Анторану. Фонетический анализ подслушанных разговоров, а также некоторые детали наблюдаемых традиций пришельцев заставляют предполагать, что их планета была колонизована пришельцами с Дзуа. Но Дзуа — один из первых миров, где цивилизация была разрушена, и не сохранилось никаких записей об отправившихся оттуда экспедициях. Таким образом, Анторан, должно быть, пятнадцатая колония, забытая на планете-прародительнице и никогда не упоминавшаяся в сообщениях.

— Вы уверены, — осмелился перебить ее Фолкейн, — я имею в виду, не могла ли одна из известных планет, населенных краоками...

— Конечно, нет, — пророкотал Бельягор, — я побывал на них на всех и знаю их возможности. Такой флот — я был в космосе, видел корабли и знаю, что они могут сделать, — чтобы построить такую флотилию, нужна промышленность, которую так запросто не спрячешь.

— А захватчики... Что они говорят?

— Никаких зацепок, я же говорил. Они не так болтливы, как ваша раса сплетников. У краоков сильно выражено чувство принадлежности к клану, и они не выдадут тайны.

— Но они, по крайней мере, должны были объяснить причины своих действий.

— Ах это. Да. Они избраны небом для воссоздания древнего союза, на сей раз — в виде империи. Они хотят, чтобы Лига убралась из этого района, поскольку она — сборище чистокровных поработителей, эксплуататоров, взяточников и уж не знаю какой еще мерзости.

Фолкейн украдкой взглянул на Квуиллипап. Он не смог прощать никакого выражения на ее лице, зато спинной гребень был развернут (так краоки понижают температуру тела); ванессианка била хвостом. Ванесса не оказала сопротивления захватчикам. Вполне возможно, Квуиллипап не будет очень уж убиваться, если ноги ее нынешнего начальства больше не будет на планете.

— Что же, сэр, их можно понять, не так ли? — осторожно заметил человек. — Это их дом, а не наш. Мы делали для краоков только то, что приносило нам прибыль. Для сотрудничества с нами им приходится изменять высокую древнюю культуру...

— Твой идеализм поражает меня до мозга костей, не знаю только, каких именно, — усмехнулся Бельягор. — Дело пахнет потерей чудовищной суммы. Все наше имущество в районе беты Центавра будет конфисковано, ты слышал? Кроме того, они присвоят себе право на торговлю с более холодными звездами. А я думаю, они не остановятся и на этом. Те люди, которые действуют заодно с ними, — чего они хотят?

— Ну... да, — сдался Фолкейн. — Трудно отрицать, что люди — один из самых хищных видов во Вселенной. В вашем послании упоминался некий Ута Хорн. Звучит мило — э-э, навевает воспоминания о бандитах и Диком Западе.

— Я уведомил его о твоем прибытии, — сказал Бельягор. — Он хочет поговорить с чиновником Лиги, принадлежащим к его собственной расе. Ты, вероятно, сойдешь за такового. Хочется надеяться, тебе удастся что-нибудь у него выпытать.

Появился робот-слуга с бутылками.

— Пиво, — объявил Бельягор.

Машина откупорила две бутылки: Квуиллипап коротким движением головы отказалась от своей. Все ее мускулы были напряжены, хвост хлестал по когтистым лапам.

— *Ad fortunam tuam!** — без особой искренности провозгласил Бельягор и влил в себя пол-литра пива.

Фолкейн отвел маску ото рта и сделал то же самое со своей порцией напитка. Но тут же выплюнул жидкость обратно, дясь и кашляя; его чуть не стошнило.

— Хм? — изумленно взорвался на него Бельягор. — Что, во имя девяти кругов ада... Ох! Я запамятовал, что ваше отродье не усваивает джалилианских белков. — Он громко хлопнул себя по бедру. — Ха-ха-ха!

3

Человеческие существа вездесущи; практически все посты Лиги на планетах неземного типа имеют помещения, приспособленные для подобных визитеров. Фолкейн опасался, что его соотечественники из числа союзников анторанитов займут соответствующие апартаменты, предоставив ему плевать в потолок тесной каюты космолета. Но, как он узнал, они предпочли

* За твою удачу! (лат.)

остаться на своих кораблях. Возможно, они опасались ловушек. Он мог выбрать для плевков потолок любого из помещений.

Девятичасовой ванессианский день близился к закату, когда раздался звонок видеофона. На экране появился человек в зеленой форме. Его лицо с довольно грубыми чертами, укращенное усами, было столь загорелым, что Фолкейн вначале принял его за африканца.

— Вы — человек с другого поста Торгово-технической Лиги? — холодно спросил он с гортанным акцентом.

— Да. Дэвид Фолкейн. А вы — командор Хорн?

— Нет. Капитан Бланк. Начальник службы безопасности. Поскольку командор Хорн собирается встретиться с вами, я должен принять меры предосторожности.

— Я не очень представляю себе, что мы будем обсуждать.

Бланк улыбнулся. Казалось, это было ему настолько непривычно, что причинило боль мускулам лица.

— Ничего определенного, мастер Фолкейн. Мы хотели бы, чтобы вы передали Лиге несколько посланий. Помимо того, скажем так: обеим сторонам было бы полезно получить личные представления друг о друге, не отягощенные неизбежно присущими различиями между видами. Анторан будет бороться, если возникнет необходимость, но предпочел бы не делать этого. Командор Хорн желает показать вам, что мы не монстры, а действия наши — благоразумны. Хотелось бы надеяться, что вы, в свою очередь, сможете убедить в этом свое начальство.

— Хм-м... Хорошо. Где и когда?

— Я думаю, лучше у вас. Надеюсь, вы не настолько глупы, чтобы попытаться как-либо нарушить перемирие.

— Когда прямо у меня над головой висит военный Флот? Не беспокойтесь! — заверил его Фолкейн. — Как насчет обеда? Я исследовал здешние запасы продовольствия — они намного превосходят то, что может иметься на любом космическом корабле.

Бланк согласился, встреча была назначена через час, экран погас. Фолкейн задал работу кухонным роботам. Неважно, что он будет обедать с врагом, — он должен пообедать хорошо. Конечно, космический ковбой вроде Хорна не отличит икру от дроби, но Фолкейн приготовился смаковать за двоих.

Облачаясь в положенную золотую форму, Фолкейн привел в порядок свои мысли. Похоже, людей среди захватчиков немногο, но они занимают важные посты. Несомненно, именно они первоначально научили анторанитов строить военные корабли; безусловно, они — опытные тактики и стратеги. Хорн пожелал прийти к нему, чтобы на корабле собрат не увидел лишнего, мелких деталей, незаметных для Бельягора, но которые могут

сказать слишком много человеческому глазу. Надо постараться что-нибудь выведать...

Катер с флагмана находящейся на орбите флотилии приземлился. В наступающих сумерках Фолкейн с трудом различил одинокую человеческую фигуру, направляющуюся к представительству Лиги в сопровождении четырех краоканских солдат. Краоки заняли посты у дверей.

Еще минуту гость провел в шлюзе, ожидая, пока озон превратится в кислород; наконец Фолкейн открыл входную дверь. Анторанит как раз снимал фильтрующую маску. Фолкейн споткнулся на ровном месте.

— Что?! — вскрикнул он.

Она была ненамного старше его. Форменная одежда облегала фигуру, которая произвела бы на Фолкейна впечатление, даже если бы ему не пришлось до этого несколько месяцев хранить целомудрие. Иссиня-черные волосы мягко падали на плечи, обрамляя огромные карие глаза, изящный носик и самый очаровательный ротик, какой он когда-либо...

— Но... — промяглил он.

В ее устах такой же, как и у Бланка, акцент звучал подобно музыке.

— Мастер Фолкейн? Я командор Хорн.

— Ута Хорн?

— Да, все верно. Ютта Хорн с Ньюхайма. Вы удивлены?

Фолкейн кивнул с ошеломленным видом.

— Видите ли, население Ньюхайма невелико, и все, кто хоть на что-то годен, участвуют в общем деле. Кроме того, именно мой отец вновь открыл утерянную планету и затеял всю эту кампанию. Краоки, при их особом отношении к предкам, чтут меня за это; к тому же они привыкли видеть в женщинах лидеров. Так что от меня двойная польза: можно быть уверенным, что мои приказы будут исполнены в точности. Впрочем, вы должны были уже сталкиваться с женщинами в космосе.

— Э-э, дело в том, что...

«Теперь понятно. Когда Бельягор диктовал свое письмо мне, он использовал компьютер, запрограммированный на грамматику англичика. Вполне понятно, если учесть, как мало людей знает немецкий. Бельягор, говоря о командоре, использовал местоимение мужского рода. Либо он никогда не встречался с ней лично, либо просто относится к людям с таким презрением, что не снисходит до половых различий. Что ж, он много теряет».

Фолкейн взял себя в руки, расплылся в самой широкой улыбке, на какую был способен, и отвесил низкий поклон.

— Хотел бы я всегда так удивляться, — промурлыкал он. — Прошу вас, командор. Садитесь. Что вы будете пить?

Она посмотрела на него с сомнением:

— Я не уверена, что мне стоит пить.

— Что вы, что вы. Обед без аперитива все равно что... хм... день без солнца. — Он чуть было не сказал: постель без девчонки, но вовремя остановился.

— Ах, я плохо знаю подобные тонкости.

— В таком случае у вас все впереди.

Фолкейн приказал ближайшему роботу-слуге принести традиционные напитки. Сам он считал, что мартини на несколько световых лет опережает любой другой вид алкоголя, но, учитывая необразованность дамы в этом вопросе, лучше предложить ей что-нибудь сладкое.

Девушка, чопорно выпрямившись, села в кресло. Фолкейн заметил, что ее наручный коммуникатор включен: наверняка он настроен на волну радиоции охраны у входа. Если только они услышат что-нибудь подозрительное, они ворвутся внутрь. Однако вряд ли они смогут уловить нюансы того разговора, который Фолкейн лихорадочно обдумывал.

Он тоже сел. От предложенной сигареты девушка отказалась.

— Должно быть, вам не представлялась возможность быть испорченной цивилизацией, — рассмеялся Фолкейн.

— Нет, — невозмутимо согласилась она. — Я родилась и выросла на Ньюхейме. Мои единственное путешествия за пределы системы до сих пор ограничивались полетами к неисследованным звездам; они носили учебный характер.

— Что такое Ньюхейм?

— Наша планета. Часть системы Анторана.

— Э? Вы хотите сказать, что Анторан — звезда?

Ютта Хорн прикусила губу.

— Я не знала, что у вас сложилось другое мнение.

Несмотря на ее близость, а может, наоборот, именно из-за вызванного ею возбуждения ум Фолкейна лихорадочно заработал.

— Ага, — усмехнулся он. — Это кое-что мне говорит. До этого мы считали само собой разумеющимся, что антораниты происходят с единственной планеты системы, а их союзники из числа людей — просто искатели приключений. Жители Земли не называют себя солярианами. Зато земляне и марсиане совместно уже могут сказать о себе так. Таким образом, вокруг Анторана вращается более чем одна населенная планета. Ваш Ньюхейм; и сколько еще планет, населенных краоками?

— Неважно, — отрезала Ютта.

Фолкейн всплеснул руками:

— Простите, если я смутил вас. Вот наши коктейли. Давайте выпьем за лучшее взаимопонимание между нами.

Девушка отхлебнула из своего бокала сначала нерешительно, потом — с явным удовольствием.

— Вы настроены дружелюбнее, чем я ожидала, — заметила она.

— Как я могу быть настроен иначе по отношению к вам, моя леди?

Девушка покраснела, ее ресницы взволнованно затрепетали, хотя она, безусловно, не кокетничала.

Фолкейн переменил тему: никогда не смущай свою мишень.

— Мы обсуждаем различия между нами, как и подобает цивилизованным людям, пытаясь найти компромисс. Не так ли?

— Каковы ваши полномочия для подписания соглашений? — Может, она и не имела дела с цивилизацией, но механизмы ее работы девушку научили понимать.

— Никаких. Но мои впечатления — впечатления очевидца, побывавшего на месте событий, могут иметь определенный вес.

— Вы выглядите слишком молодо для столь важной миссии, — пробормотала она.

— Ну, знаете, я уже немного повидал жизнь, — скромно сказал Фолкейн, — имел возможность попробовать и то, и это. Давайте поговорим о вас...

Она восприняла местоимение «вы» как форму множественного числа и принялась излагать явно заранее заготовленный текст.

Действительно, вокруг Анторана вращалось несколько планет, некогда колонизованных краоками с Дзуа. Поселенцы по неволе отказались от межзвездных полетов, но тысячелетиями поддерживали межпланетную торговлю, сохраняя технологию на более высоком уровне, чем ванессианский.

Однажды, сорок с лишним лет назад, крейсер Лиги преследовал корабль Роберта Хорна с Новой Германией. Пытаясь сбить преследователей со следа, капитан применил старый, хорошо известный космолетчикам маневр: попытался спрятаться за ближайшей звездой. Корабль прошел так близко от Анторана, что Хорн услышал радиосигналы. Позже он вернулся для дополнительных исследований и обнаружил планеты.

— Да, он был вне закона, — с вызовом сказала девушка, — он возглавил Восстание Землевладельцев и действовал так успешно, что его противники не рискнули даровать ему амнистию.

Фолкейн краем уха слышал об этих событиях. Какой-то заговор среди аристократических семейств на Новой Германии —

потомков первых поселенцев, ради сохранения власти, которую они теряли согласно новой конституции. Да и Лига оказалась вовлеченной: республиканское правительство предложило лучшие торговые концессии, нежели в свое время — Землевладельцы. Неудивительно, что девушка изо всех сил поливает Лигу грязью.

Он улыбнулся и вновь наполнил ее бокал.

— Мне близки ваши переживания. Знаете, я ведь с Гермеса. Аристократическое правление всегда представлялось мне наилучшей системой.

Ее глаза удивленно расширились.

— Так вы *адель* — благороднорожденный?

— Младший сын, — снова скромно потупился Фолкейн. Он не стал уточнять, что был послан учиться на Землю как человек, сбившийся с пути, достойного аристократа. — Продолжайте, ваш рассказ так увлекателен.

— В состав системы Анторана входила планета, которую краоки изменили на свой лад, но которая, по сути, оказалась слишком удаленной, слишком темной и холодной, чтобы стоило тратить на нее время. Людям она подошла лучше. Это и есть мой мир, Ньюхейм.

Хм-м, подумал Фолкейн. В таком случае должна существовать, как минимум, еще одна планета, расположенная ближе к солнцу и более подходящая для краоков. Очень может быть, что и не одна. Столь внушительный Флот, какой, по утверждению Бельягора, тот видел, невозможно быстро построить, не располагая значительным количеством рабочей силы и ресурсов. Это, в свою очередь, предполагает наличие крупной звезды с широкой биотермальной зоной. Но это же невозможно! Представители Лиги посещали все звезды класса F в данном секторе; то же относится и к светилам класса G; среди них определенно нет такой системы, как...

— Мой отец тайно вернулся на Новую Германию, — продолжала Ютта Хорн. — Там, да и в других местах, он начал набор рекрутов. В обмен на их помощь он мог предложить им целый новый мир — Ньюхейм.

«И конечно, в первую очередь они стали проповедовать идею завоевания, — размышлял Фолкейн. — Нетрудно себе представить, как краоки клюнули на разглагольствования о возрожденном Фатерланде. А уж под действием постоянной пропаганды против Лиги они поверили, что единственный путь к воссоединению лежит через наше изгнание».

— Таким образом, инженеры с Новой Германии показали анторанитам, как строить гиперпространственные корабли, —

продолжил за нее Фолкейн, — а инструктора с Новой Германией обучали экипажи космолетов; секретные агенты с Новой Германией разведывали, что происходит вне системы Анторана, ну и ну, вы не теряли времени даром.

Она кивнула. Два выпитых бокала сделали ее речь немножко сбивчивой.

— Так оно и было. Все отшло на второй план перед подготовкой к кампании. Отдохнуть мы еще успеем. О, какое будущее нас ожидает!

— Но зачем ждать? — возразил Фолкейн. — Зачем бороться с Лигой? Мы не возражаем ни против строительства краоками космических кораблей за собственный счет, ни против каких-либо социальных преобразований на Ньюхайме.

— После того как Лига самым возмутительным образом раньше лезла в наши дела? — гневно воскликнула она.

— Да, согласен, мы вмешивались и будем вмешиваться, когда затронуты наши интересы. Но все же, Ютта, — он впервые назвал ее по имени, — Торгово-техническая Лига не государство, даже не правительство. Она не более чем взаимовыгодное объединение межзвездных торговцев, которые зачастую грызутся между собой сильнее, чем с посторонними.

— Власть — одна из основ торговли, — парировала девушка, демонстрируя достойное Клаузевица знание стратегии. — Когда мы и наши союзники прочно установим свое господство над этим районом, возможно, мы позволим вам снова вернуться сюда, но действовать вы будете уже по нашим правилам. В противном случае, если бы наши интересы разошлись, вы слишком легко навязали бы нам свою волю.

— Лига не согласится на такое безропотно, — предостерег ее Фолкейн.

— Думаю, Лиге лучше подчиниться, — отрезала Ютта Хорн. — Мы уже находимся здесь, в этом регионе; мы контролируем все внутренние торговые маршруты. Мы можем нанести удар из космоса, где захотим. А кораблям Лиги придется преодолевать многие парсеки. Они найдут свои базы разрушенными. И они не будут знать, где находится наша родная планета!

Фолкейн поспешно отступил. Совсем ни к чему давать Ютте укрепиться в таком настроении.

— Конечно, вы обладаете огромным преимуществом. Лига может собрать силы, на порядок превосходящие ваши, — естественно, вы это понимаете, — но, вполне возможно, она решит, что победа над вами обойдется слишком дорого и не окунется возможным выигрышем от нее.

— Мой отец предсказал это перед смертью. Торговцев, которые не интересуются ничем, кроме собственной выгоды,

легко припугнуть. Благороднорожденные — другое дело. Их цель — идеал, а не экономическое преуспеяние.

«Хотел бы я, черт возьми, чтобы у тебя появился шанс высунуть свой очаровательный носик из этого твоего самодовольного ограниченного мирка. Посмотрела бы ты, на что способны настоящие, деятельные аристократы», — подумал Фолкейн. Вслух же он произнес:

— О нет, Ютта. Я не могу полностью согласиться с вами. Не забывайте, я одновременно торговец и потомок знатного рода. Психология этих двух классов не так уж различна. Лорд должен быть политиком, со всеми вытекающими отсюда последствиями, иначе он никуда не годится как правитель. А торговец неизбежно оказывается идеалистом.

— Что? — она изумленно моргнула. — Как?

— Ну, не думаете же вы, что мы работаем исключительно ради денег? Если бы дело было только в них, мы сидели бы дома, там уютно и безопасно. Так нет же, нас влекут приключения, новые горизонты, подчинение неживой природы напору жизни — покорение целой Вселенной, самого достойного противника из всех.

Ее брови оставались сдвинутыми, но выражение лица смягчилось.

— Я не вполне понимаю.

— Давайте я приведу вам несколько примеров...

4

Обед был накрыт в беседке на крыше, откуда открывался великолепный вид. К ночи Ванесса расцвела. Взошли две луны, маленькие, быстро бегущие по небу, и превратили окрестности в фантастический мир неясных серебряных колеблющихся теней. Слабо мерцало озеро; выступы скал были похожи на огромные цветы. Небо над головой было усыпано звездами; голубое сияние беты Центавра — алмаза, венчающего королевскую корону, — соперничало с лунами.

Свет, льющийся с панелей, ласкал смуглые щеки Ютты; Седьмая симфония Бетховена мягко струилась из приемника; пузырьки танцевали в бокалах с шампанским. Обед шел своим чередом: от закусок и консоме к рыбе, ростбифу, салату, птифурам и, наконец, к сырят. Фолкейн не забывал и про винные бутылки. Не то чтобы кто-нибудь из них был пьян — Ютта, увы, была начеку, но оба они чувствовали себя навеселе.

— Расскажите что-нибудь, — попросила девушка, — у вас такая интересная жизнь, Дэвид. Словно у героя древней

саги, только все происходит в настоящем, и от этого становится вдвое лучше.

— Дайте подумать, — он протянул ей бокал. — Может, о том, как я потерпел аварию на бродячей планете?

— На чем?

— На свободно летящей планете, не имеющей солнца. Их ведь больше, чем звезд. Видите ли, чем меньше тело, тем больше вероятность его образования при возникновении галактики. Обычно находишь их группами... То есть, честно говоря, нормально ты их не находишь, поскольку космос велик, а планеты — небольшие и темные. Но случайно, по пути от тау Кита к 70 Змеи я...

На самом деле это приключилось не с ним. Впрочем, так же обстояло дело с большинством рассказываемых Фолкейном историй. Но зачем портить хорошую байку излишней педантичностью?

К тому же, пока он рассказывал, Ютта рассеянно пила и пила из бокала, не подозревая умысла с его стороны.

— ...и в конце концов я обновил запас воздуха, нагревая и перерабатывая замерзшие газы. Как же я был рад смыться оттуда!

— Еще бы, — содрогнулась она, — космос мрачен. Восхитителен, но суров. Я предпочитаю планеты. — Она окинула взглядом открывавшуюся панораму. — Ночь здесь не такая, как дома. Не знаю, где мне больше нравится — на Ньюхейме или на Ванессе. Я имею в виду, когда стемнеет, — добавила она с легким смешком. — Ни один из краоканских миров нельзя назвать приятным при свете дня.

— Неужели ни один? Вы ведь видели множество их, учитывая, что три вообще находятся по соседству.

— Пять, — поправила она. — Ее рука метнулась к губам. — *Lieber Gott!** Я не хотела этого говорить.

Он мило улыбнулся, хотя внутри у него все так и запело от возбуждения. Святой Иуда! Пять планет — шесть, считая Ньюхейм — в термальной зоне, где вода — жидкость... вокруг одной звезды!

— Это неважно, — успокоил он ее, — раз вы сумели сделать всю систему невидимой. Я хотел побольше узнать о вас, вот и все, а это было невозможно, если бы вы не рассказали мне что-нибудь о своей родине. — Фолкейн наклонился через стол и похлопал ее по руке. — Ведь она — источник ваших грез, ваших надежд и вашего очарования, если позволите. Должно быть, Ньюхейм — просто рай.

* Боже милостивый! (нем.)

— Нет, людям тяжело там жить, — искренне призналась Ютта. — Уже после моего рождения нам пришлось переместить поближе к полюсам некоторые поселения, когда движение планеты по орбите привело ее ближе к солнцу. Даже у краоков были подобные же трудности. — Она отодвинулась от него. — Но я говорю о том, о чем не следовало бы.

— Отлично, давайте переключимся на безопасные темы. Вы упомянули, что ночи дома отличаются от ванессианских. Чем?

— Ох... Другие созвездия, конечно. Различия не так уж велики, но все-таки заметны. Потом, из-за полярного сияния звезды никогда не бывают так отчетливо видны, где бы ты ни находился. Не могу сказать больше. Вы слишком наблюдательны, Дэви. Лучше, наоборот, расскажите мне о своем Гермесе. — Ее улыбка была неотразима. — Я хочу знать, где рождаются ваши мечты.

И Фолкейн охотно поведал ей о горах, девственной природе, равнинах, темных от стад, о купании в прибое Тандерстренда...

— Что это значит, Дэви?

— Ну, купание в прибое. Знаете, волны, вызванные приливно-отливными силами. — Он решил усыпить ее подозрительность шуткой. — Ну вот, простодушная бедняжка, вы снова выдали себя. Значит, на Ньюхейме нет приливов.

— Не имеет значения, — отмахнулась Хорн. — Действительно, у нас нет луны. Океаны похожи на громадные спокойные озера.

— Солнце не... — он остановил себя.

— Оно на самом деле не так уж далеко; крохотная огненная точка. Я никак не могу привыкнуть к тому, что здесь солнце — диск. — Внезапно Ютта решительно поставила свой бокал на стол. — Послушайте, либо вы еще очень молоды и непосредственны, либо умны, как сатана.

— Почему не то и другое одновременно?

— Я не могу рисковать. — Она поднялась. — Лучше я уйду сейчас. Я допустила ошибку, придя сюда.

— Что? — он вскочил на ноги. — Но вечер только начался. Я полагал, мы вернемся в гостиную и послушаем музыку, например, *Lieberstod**.

— Нет. — Смущение и решимость сменяли друг друга на ее лице. — Мне тут слишком хорошо. Я забываю следить за своим языком. Передайте Лиге следующее. Прежде чем она сумеет поднять против нас другие миры, где живут краоки, мы их захватим, да и не только их. Если Лига будет вести себя благоразумно, возможно, тогда мы обсудим с ней торговый

* «Смерть в любви» — финал оперы Р. Вагнера «Тристан и Изольда».

договор. — Она опустила глаза и покраснела. — Я хотела бы, чтобы вы смогли вернуться.

«*Будь проклята политика!*» — простонал Фолкейн. Ему не удалось уговорить Ютту переменить свое решение и пришлось проводить ее до двери. Он поцеловал ей руку... но прежде чем успел предпринять что-либо еще, как она прошептала «Спокойной ночи» и выскользнула наружу.

Фолкейн налил себе хорошую порцию виски, набил трубку и рухнул в кресло. Но все это было слабым утешением.

«*Ах вы, крысы!* — мрачно размышлял он. — *Подлые здоровенные крысы-мутанты!* Они заставят меня убраться с планеты немедленно, завтра на рассвете, до того как я успею воспользоваться полученной информацией... Ну ладно, по крайней мере, в Управлении наверняка служат славные девушки... А может быть, со временем мне удастся вернуться сюда. Да, вернуться — помощником агента; а Ютта будет на самом верху социальной лестницы в межзвездной империи. Вряд ли из-за этого она станет относиться ко мне пренебрежительно, но разве сможем мы быть вместе?»

Он тяжело вздохнул и мрачно уставился на репродукцию картины Хокусая, портрет старика, висящий напротив. Старик улыбался; Фолкейну захотелось дать ему по носу.

Отдаленные последствия плана Ньюхейма значительно неприятнее для крупных торговцев, чем потеря нескольких мега-кредитов, рассуждал Фолкейн. Предположим, план осуществится. Предположим, могущественная Торгово-техническая Лига примет вызов и потерпит поражение; будет создана Империя краоков. Сами краоки согласятся или не согласятся остановиться на этом и установить мирные взаимоотношения с остальными мирами. В любом случае прямой опасности для человеческой расы это нести не будет — люди и краоки не претендуют на одни и те же владения.

Но обитатели Ньюхейма... Они ведь уже считают себя крестоносцами. Учитывая всю предшествующую историю Ното, называющего себя *Sapiens*, можно себе представить, как повлияет столь блестящий успех на кучку идеологизированных милитаристов! О, процесс будет развиваться медленно, сначала им надо увеличить численность населения, развить промышленную базу, затем они установят контроль над всеми пригодными для жизни людей планетами по соседству. Но итог один — ради славы, власти, ради того, чтобы навредить ненавистным торговцам, ради установления Порядка — война.

Остановить их нужно сейчас. Хорошая взбучка дискредитирует Землевладельцев; на Ньюхейме войдут в моду мир, меркантильность, кооперация (или хотя бы берущая за глотку

экономическая конкуренция); ну и, между прочим, представитель Лиги, сыгравший существенную роль в таком исходе дела, может рассчитывать на быстрое получение сертификата мастера.

С другой стороны, гонец, приносящий дурную весть...

— Ладно, — пробормотал Фолкейн, — шаг первый в процессе обезвреживания: найти их проклятую систему.

Они не могут рассчитывать вечно хранить свое местоположение в тайне. Им необходимо только время, чтобы успеть установить свою власть в данном районе; при наличии могучего космического Флота это недолго. Пока база остается неизвестной, они достаточно эффективно защищены. В таких условиях они сосредоточат свои усилия на наступлении, поскольку это даст им преимущество, далеко превышающее их реальные силы.

И, несмотря на все это, если Лига решит бороться, она победит. Без сомнения. Если начнется война, секрет неизбежно будет раскрыт, так или иначе. И тогда — ядерная бомбардировка из космоса... Нет!

Землевладельцы делают ставку на то, что Лига, чем ввязываться в дорогостоящие боевые действия, которые к тому же превратят в руины объект завоевания, предпочтет махнуть рукой на убытки и начать переговоры. Если при этом местонахождение Анторана будет по-прежнему неизвестным, шансы противников Лиги окажутся весьма высоки. Но независимо от того, насколько велика вероятность выигрыша, только фанатики играют в игры, где на кону — существование обитаемых миров. Бедняжка Ютта! В какую неподходящую компанию она попала! Как бы хотелось познакомить ее с порядочными людьми!

Ну хорошо, где же, в конце концов, эта дурацкая звезда?

Где-то неподалеку. Ютта на самом деле не выдала никакого секрета, проговорившись о том, что созвездия на ее планете выглядят почти так же, как здесь. Древние краоки ведь не путешествовали на большие, по межзвездным меркам, расстояния. К тому же база должна находиться в этом секторе, чтобы космический флот анторанитов мог получить преимущество, контролируя внутренние маршруты.

А сам Анторан должен быть большой и яркой звездой, не меньше, чем, скажем, G0, согласно общепринятой классификации. И тем не менее... ведь все такие звезды можно исключить из рассмотрения на основании давным-давно имеющихся у Лиги данных.

Если только... минуточку, минуточку... а не может ли звезда находиться в центре скрывающей ее туманности?

Нет. Туманность ведь не воспрепятствовала бы зондажу в диапазоне радиоволн. Да и Ютта говорила о звездах, что видны у нее дома.

Полярные сияния... Гм-м... Ютта упомянула, что некоторые поселения пришлось переместить поближе к полюсам, когда планета слишком близко подошла к светилу. А это значит, что изначально они располагались гораздо ближе к экватору. Однако даже и там полярные сияния были видны: куда бы ты ни пошел, сказала она. Еще одно подтверждение того, что их солнце высокоэнергетическое.

Вот еще любопытный момент: очень вытянутая орбита Ньюхайма. И эта же проблема у других планет системы. Неслыханно. Можно даже подумать, что...

Фолкейн резко выпрямился. Трубка выпала у него из рта и скатилась на колени.

— Святой... пресвятой... Иуда! — задохнулся он.

Мысли понеслись с бешеною скоростью. Он пришел в себя, только когда высыпавшиеся из трубки угольки прожгли ему брюки.

5

Дверь в резиденцию Бельягора, совмещавшую контуру и живые помещения, еле-еле успела убраться с дороги стремительно шагавшего Фолкейна. Однако, войдя в приемную, он замер на месте: в открытую дверь небольшого кабинета он увидел двоих погруженных в разговор краоков. Один из них, вооруженный и с повязкой на руке, свидетельствующей о высоком чине, был явно из числа завоевателей. Второй была Квуиллипап. Увидев Фолкейна, оба застыли в неподвижности.

— Приветствуя тебя, — выдавила из себя офицер связи после паузы. — Какая нужда привела тебя сюда?

— Я хочу видеть твоего босса, — ответил Фолкейн.

— Думаю, он спит.

— Очень жаль, — пожал плечами Фолкейн, направляясь к двери, ведущей в личные апартаменты джалиеянина.

— Стой! — Квуиллипап кинулась за ним. — Я же сказала тебе, что он спит.

— А я тебе сказал — как жаль, что его придется разбудить, — отрезал Фолкейн.

Квуиллипап пристально посмотрела на человека. Ее спинной гребень развернулся и встал дыбом. Анторанит подошел и встал с ней рядом, положив руку на бластер.

— Что за срочность? — медленно произнесла Квуиллипап.

Фолкейн ответил ей столь же пристальным взглядом.

— А что за разговор ведешь ты — настолько срочный, чтобы не ждать, пока Бельягор проснется?

В залитой безжизненным белым светом приемной воцарилась тишина. В ушах Фолкейна барабанным боем отдавался его

собственный пульс. По спине у него побежали мурашки — уж очень угрожающим выглядел бластер в руке краока. Но тут Квильлип повернулась и молча увела своего соплеменника обратно в кабинет. Фолкейн облегченно перевел дух и пошел дальше — искать Бельягора.

Ему никто не говорил о том, в какой части здания находятся личные покой джалилеянина, но расположение помещений в подобных представительствах Лиги было стандартным. Однако нужная дверь оказалась заперта. Фолкейн позвонил. Никакого ответа. Он позвонил снова.

Сканер, по-видимому, был соединен с экраном в спальне Бельягора, потому что из переговорного устройства раздался недовольный голос:

— Ты! Уж не вообразил ли ты, что я встану из-за какого-то настырного человечишки?

— Да, — ответил Фолкейн. — Дело срочное.

— Тебе лучше срочно броситься вниз с ближайшей скалы. И позовь пожелать тебе плохой ночи. — Переговорное устройство отключилось.

Выражение «срочное дело», пожалуй, слишком часто употребляется и утратило первоначальный смысл, решил Фолкейн. Он прислонился плечом к кнопке звонка.

— Прекрати этот проклятый трезвон! — взвыл Бельягор.

— Обязательно — как только вы меня впустите.

Переговорное устройство отключилось снова. Фолкейн принялся насвистывать «Голубой Дунай», продолжая плечом давить на звонок.

Дверь с треском распахнулась, и из нее выскочил Бельягор. Фолкейн с интересом отметил, что джалилеянин спал в ярко-пурпурной пижаме.

— Ах ты, наглый щенок! — возопил представитель Лиги. — Убирайся отсюда!

— Да, сэр, — ответил Фолкейн. — С вами вместе.

— Что?!

— Мне нужно кое-что показать вам у меня на корабле.

Глаза Бельягора загорелись красным огнем. Его усики встали дыбом. Он так надулся, что, казалось, его маленькое кругленькое тельце вот-вот лопнет.

— Пожалуйста, сэр, — умоляюще произнес Фолкейн. — Вы должны это сделать. Дело чрезвычайно важное.

Бельягор выругался и замахнулся кулаком.

Фолкейн уклонился от удара, ухватил почтенного мастера Лиги за ворот и штаны и понес, волящего и брыкающегося, к выходу.

— Я же говорил вам, сэр, что вы обязательно должны со мной пойти, — терпеливо объяснял Фолкейн по дороге.

Те двое краоков, что находились в приемной, уже ушли, а часовые у крейсера в порту не сделали попытки вмешаться. Вполне возможно, что, хотя их мохнатые неподвижные лица ничего не выражали, они наслаждались зрелищем. Покидая свой корабль, Фолкейн оставил трап выдвинутым, хотя и включил на люке опознающий хозяина замок. Дверь перед ним распахнулась. Он внес Бельягора внутрь и опустил на пол, приготавившись кротко снести все громы и молнии.

Джалилеянин не произнес ни слова. Он только смотрел на Фолкейна, и его нос странно подергивался.

— Ну хорошо, — вздохнул Фолкейн. — Вы отвергаете мои извинения. Вы позаботитесь о том, чтобы меня вышвырнули из Лиги. Вы удавите меня моими собственными кишками. Что-нибудь еще?

— Надеюсь, ты можешь объяснить свое поведение, — голос Бельягора напоминал скрип ножа по стеклу.

— Да, сэр. Дело не терпит отлагательств. И я не рискнул говорить о нем где бы то ни было, кроме как на корабле. Ваша Квуиллипап что-то уж слишком дружна с самозванными освободителями. Ей не составит труда подкинуть пару жучков в ваши апартаменты.

Должно быть, озон местной атмосферы, проникший в корабль, когда они входили, теперь уже превратился в кислород. Фолкейн снял свою фильтрующую маску. Бельягор пробормотал что-то нелестное насчет воздуха, которым дышат земляне. В остальном же резидент Лиги остыл удивительно быстро.

— Выкладывай, щенок, — приказал он.

— Видите ли, сэр, — ответил Фолкейн, — я знаю, где находится Анторан.

— Х-хе? — Бельягор, расположившийся в пилотском кресле, так и подпрыгнул.

— Антораниты ни за что не выпустят меня, стоит им только заподозрить, что я это знаю, — продолжал Фолкейн. Он стоял, прислонившись к переборке, и смотрел в иллюминатор. Обе луны зашли, и только бета Центавра сияла на небе. — Поэтому нужно, чтобы и вы тоже отправились вместе со мной.

— Что?! Это невозможно! Если ты думаешь, что я брошу собственность «Дженерал моторс» на милость грабителей...

— Они все равно вскоре вышлют вас, — сказал Фолкейн. — Признайте это. Вам ведь просто ненавистна мысль о капитуляции. Так не лучше ли, если мы ухватим быка за рога?

— А откуда ты взял, будто тебе известно, где находится Анторан, — зашипел на него Бельягор. — Эта самая Хорн пошутила, а ты и поверил?

— Нет, сэр, она старательно скрывала от меня всякую информацию. Только дело в том, что она выросла в отрезанном от мира, идеологизированном спартанском обществе. Где уж ей сладить со мной, — Фолкейн ухмыльнулся, — в переносном смысле, конечно, не в буквальном. Ее начальство не предвидело, как на ней скажется выпивка и изысканная беседа. Они и сами-то к этому непривычны, я думаю. Возможно, они к тому же рассчитывали, что я буду сражен ее внешностью и просто разину рот от восхищения. Похоже, они все там романтики. Ужасно опасные, конечно, но романтики.

— Ну? Ну? И о чем же эта Хорн говорила?

— О всяких мелочах. Впрочем, они-то ее и выдали. Ну, вроде того, что Анторан — не планета, а звезда. А между прочим, только одна звезда proximity удовлетворяет всем условиям. — Фолкейн дал Бельягору время недовольно поворчать, а потом указал на небо. — Бета Центавра.

Резидент Лиги взорвался-таки. Он метался по рубке, размахивал руками и ругался. Фолкейн старался запомнить наиболее красочные эпитеты для использования в будущем.

Наконец Бельягор несколько успокоился, остановился, поднял палец и произнес:

— Ты неописуемый идиот. К твоему сведению, Бета — голубой гигант типа В. И всем давным-давно известно, что звезды-гиганты не имеют планет: это следует из отношения углового момента к единице массы. А уж когда появился гиперпространственный двигатель, экспедиции к таким звездам доказали это на практике. Даже если предположить, что светило каким-то образом обзавелось спутниками, они оказались бы непригодными для жизни. Гигантские звезды сжигают водород с такой скоростью, что время их существования измеряется миллионами лет. Миллионами, слышишь, а не миллиардами. Бета Центавра едва ли старше десяти миллионов лет, а больше половины ее жизни — я имею в виду устойчивое состояние — уже миновали. Ей предстоит превратиться в сверхновую, а затем в белого карлика. Жизнь не успела бы развиться на планетах, прежде чем они погибли бы. Да и нет там никаких планет, повторяю тебе. Почему только солнца меньшего размера могут иметь спутники, понятно: протозвезды-гигант, образуясь из межзвездной материи, создает слишком сильное гравитационное поле, чтобы в нем мог происходить процесс вторичного сжатия вещества. Я-то думал, что даже люди знакомятся с азами элементарной астрофизики в начальной школе. Я ошибался. Ну вот, зато теперь ты знаешь. — Его голос поднялся до визга. — *И ради этого-то ты вытащил меня из постели!*

Фолкейн сделал шаг в сторону и загородил выход.

— Но все это мне известно. Да и любому известно. Антораниты как раз и построили всю свою стратегию на нашем предвзятом мнении. Они рассчитывают к тому времени, когда мы поймем, что бета Центавра — исключение из правила, уже овладеть всем регионом.

Бельягор плюхнулся в пилотское кресло, сложил руки на груди и проскрежетал:

— Ну ладно, доигрывай этот фарс до конца, раз уж тебе неймется.

— Факты таковы, — принялся перечислять Фолкейн. — Во-первых, система Анторана колонизирована краоками, которые по своей природе не могут жить на планетах холодных звезд вроде земного Солнца. Во-вторых, Анторан имеет шесть планет в зоне, где вода существует в виде жидкости. Как бы ни выстраивать их орбиты, такая зона должна быть очень обширна, — а это говорит о соответствующей мощи излучения. В-третьих, самая удаленная от солнца из этих планет получает слишком мало тепла и света, чтобы быть удобной для краоков, но вполне пригодна для жизни человека. При этом на ней возникают полярные сияния, даже и в умеренных широтах; а для этого нужно, чтобы звезда испускала огромное количество частиц высоких энергий — другими словами, была гигантом. В-четвертых, эта планета, Ньюхейм, очень удалена от Анторана. Доказательством тому служат три независимых факта: с Ньюхейма невооруженному взгляду светило не кажется диском; на планете отсутствуют вызванные притяжением солнца приливы; период обращения вокруг звезды очень велик, может быть, порядка двух земных столетий. О такой длительности года на Ньюхейме я догадался, когда Ютта проговорилась, что им пришлось перенести поселения ближе к полюсам из-за жары. Вытянутость орбиты привела к тому, что низкие широты оказались непригодны для жизни и из-за высокого уровня ультрафиолета, преодолевающего озоновый слой, как это происходит здесь, на Ванессе. Первое поселение на Ньюхейме появилось лет сорок назад. Другими словами, удаленность планеты от солнца меняется так медленно, что колонисты сочли рациональным поселиться в районах, которые, как им было известно, позже придется покинуть. Думаю, они хотели использовать местные полезные ископаемые. Ну так вот, несмотря на огромное расстояние от светила, на Ньюхейме можно жить, если, конечно, не иметь ничего против основательного загара. Какая же звезда способна в такой мере противостоять закону обратных квадратов? Только голубой гигант! А бета Центавра — единственный голубой гигант поблизости.

Фолкейн умолк, охрипнув и мечтая о пиве, чтобы промочить горло. Бельягор сидел неподвижно и напоминал статую, если,

конечно, предположить, что нашелся бы скульптор, пожелавший увековечить подобные формы. Минуты тянулись бесконечно. Где-то в вышине раздался вой стартующего звездолета — вражеский корабль отбыл куда-то по своим загадочным делам.

Наконец Бельягор спросил без всякого выражения:

— Но как там могли появиться планеты?

— Я и об этом догадался, — ответил Фолкейн. — Звездоисключение, как я уже говорил, может быть, единственная во Вселенной: она захватила несколько бродячих планет. Такое очень маловероятно, но все-таки возможно.

— Ерунда. Изолированное тело не может захватить другое. — Однако свое возражение Бельягор произнес совсем тихо.

— Согласен. Вот что могло произойти. Когда Бета еще только формировалась, образовалось массивное ядро, а остальная масса все еще занимала вокруг Бог знает сколько астрономических единиц как пылевое облако. Тут появилась группа ближдающих планет, поле тяготения ядра Беты изменило их траекторию, а сопротивление частиц туманности не дало им улететь. Потеря энергии привела к превращению гиперболических орбит в эллиптические. Может быть, существовало еще и второе, меньшее ядро, которое впоследствии приблизилось к основному и слилось с ним. Два тела уж точно могут захватить третье. Но, я думаю, одного трения о частицы пылевого облака было бы достаточно. Эллиптические орбиты, конечно, оказались дьявольски эксцентрическими, хотя трение их несколько и выровняло. Но Ютта признала, что вытянутость орбит и по сей день приводит к климатическим катаклизмам. Это ведь тоже ненормально для планетной системы, не правда ли? Так что мы получаем еще один дополнительный ключ к загадке.

— Хм-м... — Бельягор потянул себя за нос и впал в задумчивость.

— Планеты, конечно, выделяли газы и водяной пар благодаря вулканической деятельности на ранних стадиях своего существования, — продолжал Фолкейн. — Газы замерзли бы в космосе, если бы не Бета. Не знаю, как краоки с Дзуа узнали об истинном положении вещей. Возможно, им не было известно, что голубые гиганты не имеют планет. А может быть, они послали автоматический зонд для астрофизических исследований, и тот доложил им о своих находках. Как бы то ни было, краоки обнаружили, что бета Центавра имеет пять подходящих для них планет плюс еще один мир, условия жизни на котором были для них в какой-то мере приемлемы. Вот они и колонизировали эту систему. Конечно, планеты были безжизненны, с ядовитыми атмосферами. Но древние краоки были мастера по части преобразования окружающей среды. Вы сами можете представить себе,

что они предприняли: засеяли атмосферу фотосинтезирующими спорами для преобразования ее состава, завезли растения и животных, которые бы поглощали примитивную протоплазму и образовывали основу экологической системы, ну и так далее. В таких условиях размножение микроорганизмов идет по экспоненте, и потребуется всего несколько столетий, чтобы планета стала пригодной для жизни.

Фолкейн пожал плечами.

— Бета взорвется и уничтожит плоды их трудов через пять или десять миллионов лет, — закончил он. — Но ведь этого времени не так уж и мало, верно?

— Да, — тихо ответил Бельягор.

Он поднял голову и посмотрел в глаза человеку.

— Если все это так, нам нужно сообщить Лиге. Военный флот, который двинется прямо к Бете, захватит врага врасплох. Если планеты, на которых расположена их база, окажутся нашими заложниками, ясно, что никакой войны не будет.

— Угу. — Фолкейн подавил зевок. Усталость начинала давать о себе знать.

— Но все это только гипотеза. Твои заключения основаны на слухах. Эта Хорн могла тебя провести. Лига не станет основывать проведение операции такого масштаба на голой идее, которая может оказаться ошибочной. Это было бы катастрофой. Требуются бесспорные доказательства.

— Конечно, — кивнул Фолкейн. — Поэтому-то нам и нужно отправиться обоим, каждому на своем корабле. Вам не составит труда придумать какую-нибудь отговорку — почему вы передумали оставаться здесь. Антораниты ничего не заподозрят, если вы закатите им скандал и в ярости удалитесь.

Бельягор с достоинством выпрямился.

— Что это ты придумал? Это я закачу скандал, — я, самое терпеливое и покладистое существо во Вселенной?

— Да?

— Подумать только, с чем мне приходится мириться — с твоей непочтительностью, глупостью, жадностью, вороватостью, непониманием... — Сетования Бельягора превратились в монотонный рев. Фолкейн подавил еще один зевок.

— Да, такова моя участь, — завершил резидент Лиги свои обличения. — Впрочем, я что-нибудь придумаю. Что ты предлагаешь сделать после того, как мы отбудем отсюда?

— Мы сделаем вид, что отправились в Управление Лиги. Как только окажемся вне зоны обнаружения радарами, повернем к Бете. Вы останетесь на безопасном расстоянии, а я подберусь поближе и сделаю необходимые наблюдения. Потом я при-

соединюсь к вам, и мы на самом деле уберемся из здешних негостеприимных мест.

— Но зачем нам разделяться?

— Меня могут поймать. В этом случае — если я не появлюсь к условленному времени — вы сможете сообщить Лиге о том, что мы узнали, и предложить, чтобы они произвели разведку вокруг Беты сами.

— Хм. Ха. Правильно. Но почему ты берешься за самую опасную работу? Я не уверен, что ты для нее достаточно компетентен.

— Сэр, — устало ответил Фолкейн, — может быть, я и молод, но управляться с приборами я умею. Этот скоростной корабль построен для человека: вы не смогли бы им воспользоваться; для разведки же требуется быстрота, а ваш корабль не сможет развить достаточную скорость. Так что придется уж мне взяться за это дело. Кроме того, — добавил он, — если я попадусь, я ведь всего лишь агент, и к тому же человек; вы же мастер и джалилеянин.

Его сарказм пропал даром. Бельягор вскочил, в его поросячих глазах показались слезы.

— Правильно! — вскричал он, задыхаясь от волнения. — Как благородно с твоей стороны признать это! — Он пожал Фолкейну руку. — Ты уж не думай обо мне плохо. Я могу иногда раскричаться, могу нагрубить, когда мое терпение иссякнет, — но поверь, у меня вовсе нет предубеждения против твоей расы. У людей есть и прекрасные качества. Да что там, даже среди моих друзей есть люди!

6

Опасность возникала, когда до цели оставалось около одного светового года: на таком расстоянии пространственно-временные импульсы, создаваемые гиперпространственным двигателем, могут быть зарегистрированы приборами. Корабль Бельягора остался за пределами этой опасной зоны; все его датчики были настроены на максимальную дальность. Впрочем, шанс случайного обнаружения такой пылинки, как космолет, был пренебрежимо мал; Фолкейну на обратном пути придется преодолеть немало трудностей, чтобы встретиться с Бельягоро, хоть ему и было известно примерное место встречи. Если же приборы джалилеянина засекут гиперпространственную «волну», созданную другим кораблем, ему следует поостеречься и не включать собственные вспомогательные двигатели до тех пор, пока незнакомец не удалится на безопасное расстояние.

Фолкейн не имел такой возможности. Он должен был приближаться к бете Центавра на максимальной скорости.

Солнце все росло и росло на экранах прямо по курсу. Вскоре в телескоп уже стал виден диск, вскипающий бурями, выбрасывающий на миллиарды километров протуберанцы, зловеще-голубой и яростный. Масса светила в одиннадцать раз больше солнечной; светимость превосходит солнечную в сто сорок раз; даже на расстоянии в сто девяносто световых лет бета Центавра — одна из самых ярких звезд земного неба. Фолкейн попытался настыривать мелодию, но прекратил: уж очень тоненьkim и испуганным получился звук.

Ближе. Ближе. Теперь уже можно включить камеры, фотографирующие изображения на экранах, устраниющих искажения и влияние эффекта Доплера. На фоне неменяющихся созвездий планеты оставляли следы, похожие на следы метеоритов: да, вот они! Фолкейн изменил курс и повторил наблюдения. Вскоре у него было достаточно данных, чтобы корабельный компьютер смог вычислить орбиты планет.

Фолкейну удалось засечь лишь часть захваченных Бетой миров, возможно, не все они были обитаемы. Однако и того, что он имел, было достаточно, особенно если учесть, что одна из обнаруженных планет оказалась на расстоянии примерно тридцати семи астрономических единиц от светила и имела диаметр, соответствующий тому, что должен бы иметь Ньюхейм. И — ага! — вон они, импульсы, испускаемые гиперпространственными двигателями; пространство вокруг звезды прямо-таки кишило ими.

Один из источников импульсов оказался чертовски близко — гораздо ближе, чем Фолкейну хотелось бы, и к тому же расстояние между ними все сокращалось. Похоже, сторожевой корабль обнаружил его и собрался выяснить, в чем дело. Что ж, только очень быстрый космолет сможет сравняться в скорости с его милой малюткой, подумал Фолкейн.

Вражеский космолет оказался быстрым.

Удаляясь от звезды, Фолкейн видел на экранах приборов, как наращивает скорость его преследователь. Дэвид нахмурился, яростно затянулся табачным дымом и принял размышлять. Он мог встретиться с Бельягоро, прежде чем его перехватит патрульный корабль, но при этом анторанит окажется всего в одном световом году от них и засечет обоих.

Что ж, придется разделиться...

На приборной панели ожил второй детектор. Фолкейн выругался. Еще один корабль включился в погоню. Экстраполяция направлений движения и скоростей показала Фолкейну, что ему самому Номер Два не страшен, но легко перехватит неповоротливый «Холберт» Бельягора.

Ну так. Что следует сделать — так это выключить двигатели и затаиться. Космос огромен, в нем можно затеряться... Угу...

но только если эти ребята хоть что-то смыслят в своем деле, они засекут точку, в которой он «исчезнет», — на таком удалении они будут знать, где он, с точностью всего в несколько миллионов километров. Им останется только тоже перейти на субсветовую скорость и выследить его по нейтринному излучению его реактора. Или просто обнаружить при помощи радара.

— Братец, — сказал себе Фолкейн, — ты влип.

Он оглядел разворачивающуюся перед ним величественную панораму Вселенной, блистающую солнцами, сияние которых, сливаясь, образовывало пылающий поток Млечного Пути. Он вспомнил, как отблески солнечных лучей играют в колеблемой ветром листве деревьев, какое вкусное пиво в славной маленькой швейцарской таверне, как весело развлекаться в компании друзей, какой нежной бывает рука девушки, и ощутил полное отсутствие желания становиться героем.

— *Лучше их не раздражать. Сдаться. Иначе они вычислят, где ты окажешься при следующем гиперпространственном прыжке, и влепят ракету точнехонько тебе в лоб.*

Бельягор сможет передать информацию Лиге, когда вражеские корабли повернут к дому. Конечно, у него не будет подтверждения того, что их подозрения по поводу беты Центавра верны. Неявка Фолкейна на место встречи — это еще не исчерпывающее доказательство: мало ли что с ним могло случиться. Так что Лиге придется послать собственных разведчиков, а их тоже скорее всего засекут. Конечно, используя сверхскоростные корабли, они не попадут в руки анторанитов, но враг будет начеку и усилит оборону своих планет. Если после этого вдруг все-таки начнется, она будет более безжалостной, чем можно себе представить: в атомном пламени могут погибнуть целые планеты, от Ютты останется только облачко радиоактивного газа, а сам Фолкейн окажется иудой.

И почему только не существует радиоволн, распространяющихся быстрее света! Он передал бы все данные резиденту Лиги, перед тем как сдаться. Черт бы побрал законы физики!

Корпус его корабля гудел и вибрировал от невероятной скорости. Фолкейна сводила с ума жажда, зуд между лопатками, необходимость постричься. Сейчас не время для человеческих слабостей! *Думай, чтоб тебе лопнуть!*

Это было выше его возможностей. Он метался по рубке, до-курился до того, что язык стал как подошва, чуть не насилино запихнул себе в глотку какую-то еду и вновь и вновь смотрел на приборы, пока наконец не решил послать все к дьяволу, не прикончил последнюю бутылку виски и не завалился спать.

Он проснулся несколькими часами позже, и перед ним было решение проблемы. Несколько мгновений он просто таращился

в потолок, потрясенный собственной гениальностью. Но, согласно вычислениям, он скоро доберется до того места, где его ждет Бельягор. Это значит, что сейчас его приборы могут засечь корабль джалилеянина, а тот наверняка ругает его последними словами, наблюдая на собственных экранах окрашенную лучами Беты в голубой цвет точку. Уж он-то не уснул бы в подобных обстоятельствах!

— Куй железо, пока горячо, — сказал Фолкейн, доказывая тем самым, что оригинальность мышления все-таки имеет пределы. Он вскочил с койки и принял лихорадочно делать расчеты.

— За дело, приятель, — скомандовал он себе, садясь в пилотское кресло.

Выключить двигатели и перейти на субсветовую скорость. Через минуту включить их снова. Через тридцать секунд выключить. Через минуту включить.

Код Торгово-технической Лиги. Стрелки всех приборов, следящих за его кораблем, должны прыгать туда-сюда. Тире-точка-тире-тире-точка. ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ ПОДТВЕРДИЛОСЬ. Ф. Теперь повторить, для уверенности, что Бельягор понял. И еще раз. Пусть-ка поломает голову над тем, может ли Ф. значить что-то еще, помимо инициала отправителя. Остальное он поймет, это главное. С Божьей помощью антораниты ничего не разберут: код Лиги держался в строгом секрете.

Двигатели начали возражать против такого издевательства. Фолкейн уловил запах горящей изоляции, из реакторного отделения донесся зловещий скрежет. Фолкейн резко изменил направление движения и продолжал полет.

Достаточно простой арифметики, чтобы вычислить: когда Номер Один догонит его, корабль Бельягора будет гораздо дальше от них, чем в одном световом году. Так же как и от Номера Два: тот любезно повернулся за Фолкейном. Дэвид включил автопилот, не спеша принял душ, тщательно оделся и подготовил себе роскошный завтрак.

Потом он уничтожил фотографии, записи приборов, показания курсографа и некоторые записи в судовом журнале; место последних заняли артистически выполненные подделки. Корабли Лиги имеют все необходимое для самых разнообразных операций.

Корабль анторанитов, космолет класса «Комета», вооруженный весьма впечатляюще, был уже близко. Его прожектор просигналил требование остановиться. Фолкейн подчинился. Преследователь тоже выключил гиперпространственный двигатель, уравнял скорость и затормозил на безопасном расстоянии. Прозвучал сигнал радиовызыва. Фолкейн включил прием.

На него с экрана таращился офицер — человек с тяжелым подбородком и сплошь покрытой медалями грудью.

— Хелло, — приветствовал его Фолкейн. — Говорите ли вы на англике или на латыни?

— Да, — ответил тот, выбирая англик. — Себя идентифицируй.

— Скоростной космолет «Промасленная молния», следую из Трикорна в Хоупвелл, на борту агент Себастьян Тумс. А вы кто такие?

— Ньюхеймский крейсер «Граф Хельмут Карл Бернгард фон Мольтке». Командир Землевладелец Отто фон Лихтенберг. Говорит вахтенный офицер обер-лейтенант Вальтер Шмидт.

— Ньюхейм? Что еще, к дьяволу, за Ньюхейм? Никогда о таком не слышал.

— Цель ваша какова есть? Скрыться почему пытался?

— Моя цель — добраться с моего поста на Трикорне до станции Торгово-технической Лиги на Хоупвелле, чтобы запросить срочной помощи. У нас было наводнение, есть пострадавшие. Что же касается попытки скрыться, то что прикажете делать, когда за тобой гонится непонятно кто?

— Решил ты, что мы враги есть. — В голосе Шмидта звучал скорее гнев, чем сожаление. — Не есть ли ты враг нам, ха?

— Нет, ха. Если вы посмотрите навигационную карту, то убедитесь, что бета Центавра почти в точности посередине между Трикорном и Хоупвеллом. Я летел именно на Хоупвелл, а не куда-нибудь поближе, потому что только там наверняка есть то, что нам нужно. В районе беты Центавра я обнаружил неполадки с двигателем. — Слава Богу, так оно и есть, благодаря использованию двигателя в качестве передатчика. — Чтобы проверить исправность рулей, я несколько раз менял направление, как вы, возможно, заметили. Ну а потом, раз — и за мной гонится корабль, и все это в секторе, где никаких кораблей быть не должно. Может быть, вы и правда мирная научная экспедиция, членам которой захотелось поболтать. Только я не собирался рисковать. Пираты ведь еще не перевелись, знаете ли. Я газанул. Тут двигатель начал спонтанно включаться и выключаться. Я кое-как наладил его и попытался изменить курс в надежде, что вы отвяжетесь. Не повезло. Вот и вся история.

Фолкейн придал лицу оскорбленное выражение и стукнул кулаком по приборной панели.

— И мне кажется, что это вы должны объяснить свои действия, — прорычал он. — Что это еще за сказочка про Ньюхейм? С какой это стати военные корабли околачиваются около голубого гиганта? И почему вы гоняетесь за безобидным купцом? Я пожалуюсь в Торгово-техническую Лигу.

— Посмотрим, — ответил Шмидт. — К высадке отряда на твой корабль приготовь себя.

— Проклятье, вы не имеете права!..

— У нас есть несколько атомный пушка. Дает право?

— Дает, — вздохнул Фолкейн.

Он помог соединить шлюзы кораблей герметичной трубой. Шмидт явился в сопровождении солдат и потребовал корабельные документы.

Просмотрев их, офицер сказал:

— Карошо, херр Тумс. Может, ты есть честный. Решать не я буду. Приказ есть. Необходимо тебя на Ньюхейм интернировать.

— Что?! — завопил Фолкейн. Он задерживал дыхание до тех пор, пока его лицо не побагровело, а глаза не выпучились. — Да знаете ли вы, кто я такой? Я зарегистрированный член Торгово-технической Лиги!

— Тебе сочувствуя, — пожал плечами Шмидт. — Пойшли. — Он обхватил Фолкейна за талию.

Фолкейн высвободился и выпрямился во весь рост, благословляя своего отца за то, что тот научил его, как себя вести в подобных ситуациях.

— Сэр, — обратился он к офицеру, и жидкый гелий был бы не холоднее его голоса, — если меня захватили в плен, то я заявляю о незаконности такого акта, но вынужден подчиниться. Тем не менее позвольте напомнить вам, что существует такое понятие, как законы чести. Кроме того, я наследник баронского титула Драконшо в Объединенном королевстве Новой Азии и Рагадах. Потрудитесь обращаться со мной с должным почтением.

Шмидт побледнел. Он щелкнул каблуками, поклонился и отдал честь.

— Яволь, мейн херр, — выдохнул он. — Нижайше прошу прощения. Если бы вы соблаговолили сказать мне раньше... Землевладелец херр фон Лихтенберг почтет за честь пригласить вас на чай.

Замок Грауштейн был не самым плохим местом для пленника. Хотя и не особенно уютный и продуваемый сквозняками на своей высокой горе, он был окружен лесами, предоставлявшими возможность превосходной охоты. Кормили там не особенно изысканно, но сытно. Землевладелец Грауштейн делал все от него зависящее, чтобы его благородный гость (гостивший у него, правда, не по своей воле) чувствовал себя как дома. Долгие беседы и прогулки (в сопровождении стражи) дали Фолкейну возможность обнаружить заманчивые коммерческие перспективы — их можно будет реализовать, когда в регионе воцарится мир.

Если только... Впрочем, ему не хотелось задумываться об альтернативе. По истечении нескольких недель время стало давить на его терпение так же, как местная кровяная колбаса на желудок.

Поэтому Фолкейн искренне обрадовался, когда слуга, постучавшись к нему, объявил о прибытии посетителя. Но в дверь вошла Ютта. Фолкейн никак не мог бы предположить, что видеть ее окажется так мучительно.

— Ютта, — прошептал он.

Девушка закрыла за собой дверь и секунду молча смотрела на него. Темное дерево и гранит стен служили обрамлением ее яркой красоте в свете флюоресцентных ламп. Она сменила форму на изящный наряд, и если Фолкейн счел ее красивой в мундире, то теперь эту оценку нужно было увеличить в астрономическое число раз.

— Так это на самом деле вы, — проговорила она.

— Пожалуйста, садитесь, — выдавил из себя Фолкейн.

Она осталась стоять. Ее лицо казалось высеченным из камня, голос звучал бесстрастно.

— Эти идиоты поверили тому, что вы им наговорили, — будто вы просто случайно пролетавший мимо торговец, который увидел слишком многое. Они даже не допросили вас как следует и не уведомили командование флота. Я узнала о вас только вчера, когда, прибыв домой в отпуск, разговорилась с Землевладельцем фон Лихтенбергом. По его описанию... — ее голос затих.

Фолкейн взял себя в руки.

— Военная хитрость, моя милая, — сказал он мягко. — Ведь не мы начали войну.

— Что вы сделали?

Фолкейн велел своему сердцу биться помедленнее, вынул трубку, медленно набил ее и разжег.

— Вы могли бы накачать меня «наркотиком правды», так почему бы и не рассказать вам все? — улыбнулся он. — После нашей беседы я заподозрил правду и отправился удостовериться.

— А это маленькое забавное существо, которое отправилось с Ванессы примерно тогда же, что и вы... ему известно?

Фолкейн кивнул:

— Он уже давно сообщил обо всем Лиге. Если наше начальство хоть наполовину так проницательно, как я думаю, мощный военный Флот, с которым вам не справиться, уже приближается.

Она стиснула руки. Ее глаза наполнились слезами.

— Что же теперь?

— Они направляются прямо сюда; думаю, Флот Лиги может появиться здесь в любой момент. У вас в окрестностях Беты нет кораблей, кроме нескольких сторожевиков; основные ваши силы рассредоточены в дюжине звездных систем, не правда ли? Лига обычно избегает бомбить планеты, но в данном случае... — Ютта горестно вскрикнула. Фолкейн быстро подошел к девушке и взял обе ее руки в свои. — Нет, нет. *Realpolitik*^{*}, не забывайте. Цель войны — не уничтожить врага, а навязать ему свою волю. Зачем нам убивать людей, с которыми мы могли бы торговать? Мы просто возьмем систему Беты в заложники и договоримся о цене за ее освобождение.

Фолкейн продолжал:

— Не я принимаю политические решения, но могу предсказать, что случится. Лига потребует, чтобы вы разоружились до нормального уровня, нужного для обороны. И, естественно, мы захотим сохранить свои торговые концессии. Но и только. Теперь, когда у части краоков есть гиперпространственные корабли, они могут осуществить свою мечту и объединиться, при условии, что они сделают это мирным путем. Мы рассчитывали продавать им пассажирские и грузовые корабли и получать хороший доход, но ради этой цели не стоит воевать: ведь у вас достаточно сил, чтобы доставить Лиге большие неприятности. Ньюхейм сможет установить у себя любое общественное устройство по своему выбору. Почему бы и нет? Если вы сохраните свою автаркию, вы лишите себя столь многоного, что не больше чем через десяток лет ваш собственный народ вышвырнет Землевладельцев и позовет нас.

Фолкейн взял Ютту за подбородок.

— Я понимаю, — сказал он мягко, — больно, когда умирает мечта. Но зачем вам всю жизнь нести на себе груз обидевшего отца?

Ютта расплакалась. Фолкейн утешал ее, как мог, и огонек надежды разгорался в нем все ярче и ярче.

Не то чтобы он собирался жениться. Господи! В его-то возрасте! Однако...

Через некоторое время они оказались на балконе. Наступила ночь, красные и зеленые полотнища полярного сияния трепетали в небе, заслоняя звезды, склон горы обрывался к равнине, покрытой лесом, сладкий аромат растений волнами поднимался к замку. В руках стоявших рядом Ютты и Дэвида были винные бокалы.

— Вы можете сообщить, кто я на самом деле. Мне, конечно, придется несладко, может быть, меня даже расстреляют. — С побледневшего лица девушки исчезло выражение счастья, она

* Реалистическая политика (нем.)

судорожно вздохнула. — Это ваш долг, согласно военным законам, — продолжал он. — Впрочем, это ничего не изменит, слишком поздно. Но Лига защищает своих людей, и моя жизнь может дорого обойтись Ньюхейму.

— Разве у меня есть выбор? — прошептала она.

Фолкейн улыбнулся той самой дерзкой улыбкой, в которой он так старательно тренировался.

— Конечно, есть. Нужно только держать ваш прелестный ротик на замке и сообщить, что вы ошиблись и Себастьян Тумс не имеет ничего общего с этим типом Фолкейном. Ну а когда будет заключен мир... Вы же ведь занимаете на своей планете достаточно высокое положение. Вы многое сможете сделать, чтобы помочь своему народу приспособиться к новым условиям.

— Сделаться торговцами? — ответила она с намеком на прежнее высокомерие.

— Я уже говорил вам однажды, — сказал Дэвид, — что это не такое уж неблагородное занятие. Да, мы стремимся к доходам. Но ведь и рыцарь должен есть, и наш хлеб не достается нам ценой страданий рабов, или серфов, или чьих-то еще. Посмотрите на всполохи полярного сияния: они прекрасны, спору нет, но как насчет звезд, которые за ними?

Ютта стиснула его руку. Фолкейн прошептал на своей лучшей латыни:

— *«И твой корабль, купец, скользит по морю за светом утренней зари»*, — и, когда девушка обратила к нему вопросительный взгляд, тихо добавил:

«Их мачты в золоте рассвета, хоть паруса изодраны шторами,

И вслед за ветром обошли весь мир их корабли, чтобы домой вернуться

Нагруженными золотом, шелками, рассказами и сказками.

Цена их будет высока, конечно, но это значит лишь, что все мы —

Люди!»

— Ох-х... — услышал он тихий вздох Ютты.

Подумать только, а он еще ругал своих учителей, когда там, дома, на Гермесе, они заставляли его читать Флекера и Сандерса в оригиналe...

— Я никому не скажу, — прошептала девушка. И еще: — Можно мне немножко здесь побывать?

Фолкейн искренне пожалел, когда всего через неделю ему на выручку прибыл Флот Лиги.

ИСАВ

Получив от охранной системы разрешение, такси опустилось на крышу Крылатого Креста. Эмиль Долмеди расплатился и посмотрел вслед улетающей машине; неожиданно ему захотелось, чтобы хоть кто-нибудь оказался рядом. Окутанный теплыми, густо-синими летними сумерками сад благоухал, звуками далекого морского прибоя доносились приглушенные высотой городские шумы, опутанные паутиной переходов небоскребы Чикаго казались волшебным лесом, в зарослях которого обмаными эльфийскими огоньками пробирались аэрокары, а далеко внизу, насколько хватал глаз, рассыпалась фантастически многоцветная Галактика вечерних огней. Но вот громоздившийся впереди пентхаус казался сейчас Эмилию холмом, в котором сорудил себе берлогу материный медведь.

Заходи, ничего, не съест же он тебя. Чтобы немного взбодриться, Эмиль расправил плечи. *И вообще — это кто еще кого съест.* Наново ощущив поднимающуюся злость, бесстрашный охотник уверенно зашагал к логову зверя — плотная, мускулистая фигура в голубом комбинезоне, широкое скуластое лицо с коротким вздернутым носом, зеленые, чуть раскосые глаза, темные, с рыжеватым отливом, волосы.

Правду говоря, при всей своей мрачной решимости, Долмеди не слишком ожидал получить личную аудиенцию у одного из королей Торгово-технической Лиги. Поэтому, когда самый настоящий живой дворецкий открыл ему дверь, когда, миновав бесконечно длинную полосу толстого, с рельефным узором ковра, он оказался в роскошной, хотя и невероятно захламленной гостиной, и собственными глазами узрел Николаса ван Рийна, у него взмокли ладони и перехватило горло.

— Добрый вечер, — пророкотал хозяин, не делая попытки подняться. — Заходи.

Долмеди не обиделся — даже погруженная в кресло, огромная туша торговца подавляла.

— Садись, — махнул ван Рийн свободной рукой, другая была занята пивной кружкой. — Расслабься малость, а то весь дрожишь, словно студень, собирающийся прыгнуть с парашютом. Что ты пьешь, куришь, жуешь, нюхаешь и вообще употребляешь для увеселения?

Долмеди пристроился на краешке кресла. Широкая, горбоносая, украшенная бесчисленными подбородками, длинными усами и козлиной бородкой, обрамленная свисающими на плечи завитушками черных волос, физиономия хозяина расплылась в ухмылке, маленькие, глубоко посаженные глаза весело поблескивали.

— Да ты расслабься, расслабься, — напомнил торговец. — Надо же креслу подогнаться по форме твоего тела. Совсем не то, конечно, что объятие хорошенькой девочки, но ведь и требований у него гораздо меньше, точно? А знаешь, прими-ка ты маленький стаканчик Дженевера с травками и сухим льдом, лучший транквилизатор. — Ван Рийн хлопнул в ладоши.

— Сэр. — Голос Долмеди дрожал от напряжения. — Я очень благодарен вам за гостеприимство, но...

— Но ты примчался на Землю, извергая адское пламя, и прорвал шесть линий обороны, укомплектованных самыми не-податливыми чиновниками и секретаршами, какие только есть у компании «Пряности и Спиртные напитки». Словно взбесившийся бульдозер, ты расшвыривал этих людей, давно забывших слово «да», требуя встречи с идиотом, который вместо благодарности взял да и уволил тебя. И никто не имел возможности хоть что-нибудь тебе объяснить. Понимаешь, каждый из них считал многие вещи самоочевидными, думал, что ты все и сам знаешь. Ну а ты решал, что тебя попросту отфутболили, и бросался в следующий кабинет.

Ван Рийн протянул Долмеди золотой портсигар неизвестной тому, но явно инопланетной работы. Когда молодой человек отрицательно покачал головой, торговец выбрал сигару себе, откусил кончик, сплюнул его в пепельницу и глубоко — чтобы воспламенился табак — затянулся.

— Судя по всему, — продолжал он, — в конце концов кто-то что-то понял, после этого я узнал про тебя и назначил встречу.

Даже легендами воспетый гнев ван Рийна вряд ли произвел бы на Долмеди такое ошеломляющее впечатление, как эта приветливость. «*А может быть, сейчас-то он и громыхнет*», — подумал Эмиль, стараясь не дать себе раскиснуть.

— Сэр, — возмущенно ответил он, — если ваша компания недовольна моей работой на Сулеймане, мне могли хотя бы объяснить почему, а не присыпать куцое сообщение, что я смещен и обязан явиться в штаб-квартиру. Пока вы не укажете ясно и четко на допущенные мной ошибки, я не приму понижения в должности. Дело не столько даже в моем профессиональном статусе, сколько в личном достоинстве, а к таким вещам у меня на родине относятся очень серьезно. Я уволюсь и без малейшего труда найду себе место в какой-нибудь другой компании Лиги.

— Верно, совершенно верно, несмотря на все свечки, которые я ставлю святому Дисмасу, — вздохнул ван Рийн, окутав Долмеди облаком сигарного дыма. — Эти бандиты всегда стараются увести у меня работников, не успевших еще дать присягу на верность. Тем временем я, бедный, толстый, одинокий старик, пытаюсь в одиночку совладать с этим хозяйством, раскинувшимся по не знаю уж скольким мирам, и даже при всей современной компьютерной технике с ног валюсь от усталости. А помощнички мои — они же почти все тупые, как бильярдный шар, и совсем мало среди них ясных голов, да и те по большей части заняты переманиванием чужих приличных работников. — Он шумно отхлебнул из своей кружки. — Ну так что?

— По всей видимости, вы, сэр, читали мою докладную записку, — осторожно начал Долмеди.

— Как раз сегодня. Сюда приходит так много информации, что где уж удержать ее в этом старом, усталом набалдашнике, через минуту опять ничего не помнишь. Дай-ка я перескажу тебе твой доклад вкратце, для полной уверенности, что я понял все тессерактно*. Что обозначает — ха-ха — прямо и точно во всех четырех измерениях.

Ван Рийн забрался поглубже в кресло, сложил кончики пальцев и прикрыл глаза. Появился дворецкий с подносом, на котором стоял шипящий, окутанный облачком пара кубок. «*И это у него считается стаканчиком!*» — подумал Долмеди. Мрачно и неохотно, он заставил себя развалиться в кресле, а затем отхлебнул из кубка.

— Так вот. — Торговец начал помахивать сигарой, словно дирижируя собственной речью. — Эта самая звезда, получившая от первооткрывателей название «Осман», лежит за Антаресом, на самом краю зоны, охваченной к настоящему моменту деятельностью Лиги. Одна обитаемая планета, названная людьми «Сулейман». Гигант класса Юпитера, но поменьше,

* Тессеракт — четырехмерный куб. (Здесь и далее примеч. пер.)

жизнь там базируется на водороде, аммиаке и метане, низкоразвитые, но вполне дружелюбные туземцы. Выяснилось, что на крупнейшем из материков растет кустарник, названный на-ми... м-м-м... голубец, листья которого идут там как тонизирующее средство и приправа. Анализ показал присутствие сложной смеси химических веществ типа гормонов, смесь эта обладает синергическим действием. Для кислорододышащих без пользы, но возникла мысль перепродавать эту заразу каким-нибудь инопланетным водорододышащим.

Рынки мы нашли, но среди них было очень мало таких, где можно получить в обмен хоть что-нибудь подходящее. Слишком уж специфическую нужно иметь биохимию, чтобы голубец оказывал на тебя благоприятное воздействие. А при малом спросе стоимость синтеза — а к ней добавится еще и стоимость капиталовложений, а в будущем и стоимость провоза из химических центров — оказывалась слишком высокой, проще подрядить туземцев Сулеймана на уборку урожая и расплачиваться с ними товарами. При такой постановке дела можно получить хоть какую-то прибыль. Совсем крохотную — вся эта операция буквально висит на грани убыточности — однако, если все идет тихо и путем, зачем отказываться от возможности честно заработать кредит-другой?

• А все так и было, тихо и путем, и продолжалось это много лет. Туземцы не причиняли никаких хлопот, исправно доставляли голубец на склады. Чтобы не омертвлять без дела капитал, мы не стали заводить для такого незначительного вывоза собственные корабли, а подрядили одну из транспортных линий, чтобы они регулярно заходили на Сулейман. Да, конечно, препятствия препятствовали, помехи мешали, а как же иначе? То плохая погода, то бандиты ограбят караван, то какой-нибудь королек чересчур пожадничает с налогами, но все это — обычная ерунда, с которой справится любой компетентный руководитель фактории, так что никто никогда даже и не совался ко мне с подобными сообщениями.

А потом — Ахмед, еще пива! — возникла настоящая неприятность. Лучший рынок для голубца — планета, называемая Бабур. Ее центральное светило, Могол, расположено примерно в тех же местах, в трех десятках световых лет от Османа. Главная тамошняя держава уже несколько десятилетий поддерживает кое-какие отношения с технической цивилизацией. Пытаясь модернизироваться, они почему-то заинтересовались в первую очередь роботикой, но через некоторое время подкопили денег и на то, чтобы заказать пару кораблей с гипердрайвом, а заодно обучить их экипажи. Поэтому теперь Солнечному Содружеству и прочим державам приходится относиться к ним с

большим уважением — когда получаешь пучковое оружие и ядерные ракеты, манеры твоих собеседников резко улучшаются. Эти самые бабуриты — мелкая рыбешка, но с большими амбициями. И для них, при большом внутреннем спросе на голубец, эти листики — весьма серьезное дело.

Ты, верно, спрашиваешь себя, а на кой черт он рассказывает мне вещи, которые я и без него знаю? — Ван Рийн подался вперед, вышитый халат, облегавший его брюхо, собрался в складки. — Иногда появляется необходимость ознакомиться с обстановкой на планете, почти мне неизвестной, вроде того же твоего Сулеймана, но ведь невозможно просмотреть все доклады за многие десятилетия. Поэтому информационная машина готовит мне кратенький обзор. И вот теперь я проверяю на тебе — ведь ты долго там проторчал, — всю ли необходимую информацию выдала мне эта железяка. Так как, все пока что правильно?

— Да, — кивнул Долмеди. — Только...

— В чем дело, Эмиль? — Ивонна Вайланкур перевела взгляд с приборного пульта на начальника фактории, как раз проходившего мимо открытой двери компартиативной лаборатории. — Ты так топочешь, что я услышала тебя еще из того конца коридора.

Долмеди остановился и заглянул в лабораторию. В теплом внутреннем климате базы одевались по минимуму, и ему давно надоели полуобнаженные тела всех здешних обитателей, единственным исключением была стройная белокурая Ивонна. Возможно, думал он, это потому, что я родился и вырос на Алтае. Поселенцы этой стылой планеты по необходимости кутались с головы до ног, а стремление к выживанию прививало им суровые, аскетичные нравы; кроме того, обитая по большей части в диких, малоосвоенных местах, они имели очень слабое представление о стиле жизни ядра человеческой цивилизации. У полудюжины людей, живущих в полной изоляции на планете с ядовитым для них воздухом, у людей, которых даже изредка не навещает никто из сородичей, потому что регулярно прилетающий к ним корабль принадлежит цинтианам, у этих людей просто нет иного выхода, как жить легко и свободно. Долмеди узнал об этом во время подготовки, перед выездом на новое место работы, и он согласился с таким положением вещей и старался по возможности вписываться в обстановку, не переставая мучиться сомнениями — удастся ли ему когда-нибудь привкнуть к непринужденности и простоте весьма непростых своих подчиненных.

— Даже и не знаю, — ответил он девушке. — Талассократ* просит меня явиться во дворец.

— Зачем? Он что, не мог ограничиться видеовстречей?

— Он-то мог, но там есть еще и кочевник, который принес с Нагорья известие о каких-то крупных неприятностях, а этот тип и близко подходит к установке не желает. Боится, наверное, что я украду его душу.

— М-м-м... пожалуй, нет. Мы еще только пытаемся схематично набросать психологию сuleйманитов — информации крайне мало, да и та получена на каких-то трех или четырех культурах — но уже ясно вырисовывается, что они, в отличие от людей, лишены анимистических** тенденций. Ритуалы — сколько душе угодно, но ровно ничего, достойного называться магией или религией.

— Временами мне кажется, — нервно хохотнул Долмеди, — что все мои сотрудники считают коммерцию жутким занудством, которое попусту путается под ногами их драгоценной науки.

— И ты совершенно прав, — проворковала Ивонна. — Чего бы ради мы здесь торчали, если бы не возможность провести исследования?

— Ну и сколько времени вы бы тут происследовали, прикрой компания эту базу? — ощетинился Эмиль. — Что она и сделает, если вместо доходов пойдут убытки. Я обязан следить, чтобы такого не случилось, это моя работа. И мне очень пригодилась бы ваша помощь.

Легко поднявшись с табуретки, девушка подошла к Эмилю и чмокнула его в лоб. От ее волос шел почти забытый запах согретой оранжевым солнцем, колышащейся под кольцами Алтая степной травы.

— А разве мы тебе не помогаем? — промурлыкала она. — Прости, милый.

Эмиль закусил губу и посмотрел поверх обнаженного плеча на ярко расписанную стену. Страшно подумать, сколько времени угроблено на эти художества, и ведь так продолжается год за годом.

— Нет, это ты меня прости, — сказал он с характерной для уроженцев Алтая несколько напыщенной честностью. — Конечно же, все вы вполне лояльны, дело тут во мне самом. Я младше любого из вас, без пяти минут варвар, недавний пастух, и задача у меня самая пустая — поддерживать деятельность

* Правитель моря (*древнегреч.*).

** От латинского *anima* — дух, душа.

одной из самых простых, самых рутинных факторий всего этого сектора... и через какие-то пятнадцать месяцев...

«А провалюсь я тут, — думал он, — всегда можно вернуться домой, забыть о жертвах, на которые пошли родители, чтобы послать своего сыночка в инопланетную бизнес-школу, плюнуть на ту невероятную удачу, что совершенно неожиданно образовалась здешняя вакансия, а у «Специй и Спиртных напитков» как раз не было под рукой ни одного более опытного работника. Забыть про все свои мечты, как придет время, и я пройду по новым, совсем неизвестным мирам, которые потребуют полной отдачи всех сил и способностей, какие только у меня есть. Да, конечно, неудача не будет смертельной — разве что в некотором тонком, неуловимом смысле, для которого у меня и слов даже нет».

— Слишком уж ты дергаешься, — потрепала его по щеке Ивонна. — Скорее всего ничего тут особенного, очередная буря в стакане воды. Сунешь кому-нибудь взяtkу, или выкрутишь кому-нибудь руки, или еще что-нибудь сделаешь — и снова все будет как надо.

— Надеюсь. Но только во всем поведении Талассократа чувствовалось... ну, я ведь не связан вашей ксенологической точностью, так что скажу попросту — он тоже озабочен. — Долмеди хмуро помолчал, а затем на мгновение обнял девушку. — Ладно, я побегу. Спасибо, Ивонна.

Ивонна посмотрела ему вслед, а затем вернулась к работе. Официально она выполняла обязанности секретаря-казначея, но в промежутках между редкими и краткими визитами транспортного корабля эти обязанности практически не возникали, так что все свое время девушка отдавала попыткам найти какую-то осмысленную структуру в тех обрывках информации, которые ее коллегам удавалось вытащить из окружающего мира, мира огромного и бесконечно разнообразного. И занималась она этим в надежде, что где-нибудь когда-нибудь несколько ученых бегло проглядят статью о Сулеймане (одной из многих тысяч планет) и заинтересуются.

Долмеди надел скафандр и вышел наружу через главный шлюз. Сегодня он направился во дворец пешком — хотелось по пути через город успеть собраться с мыслями.

Если только это дворец. И если только это город.

Этого он не знал. Книги, плакаты, лекции и нейроиндукторы загрузили его информацией, касавшейся данной части данного материка; но вся эта информация состояла из повседневных фактов и навыков, необходимых для работы. Долгие беседы с подчиненными дали кое-какое понимание здешней жизни, но именно — кое-какое. Прямое общение с туземцами что-то иног-

да проясняло, но иногда оно же запутывало все вконец. Мало удивительного, что, заключив однажды довольно удовлетворительное соглашение с прибрежными и нагорными племенами (?), предшественники Эмиля бросили все попытки что-либо расширить или улучшить. Когда не понимаешь механизм и он вроде бы крутится более-менее гладко, не возникает особого желания лезть в него с отверткой.

Местная гравитация, навалившаяся на Эмиля за пределами поля базы, была на сорок процентов сильнее земной. Для удаления просачивающегося через любой материал водорода прибор очистки воздуха включал в себя дополнительный блок, что утяжеляло скафандр; несмотря на крепость своих мускулов, Эмиль вскоре вспотел. И все равно ему казалось, что царящий снаружи смертельный холода пролезает между витков терmostатирующей обмотки, добирается до самых костей.

Высоко над головою белой искрой сверкал Осман. Из-за большого радиуса своей орбиты Сулейман получал от этой — в два раза более яркой, чем Солнце, — звезды всего одну шестнадцатую часть света, получаемого Землей. По мрачному небу, на котором смутно проглядывала одна из трех лун, неспешно плыли облака, розоватые от каких-то органических соединений. Здешняя атмосфера состояла из водорода и гелия с примесью аммиачных и метановых паров, а также еле заметными следами других газов; давление в три раза превосходило земное. Парниковый эффект здесь имелся, но далеко не такой сильный, чтобы превратить лед в воду.

Лед этот, перемешанный с камнями, пронизанный слоями бедных металлами пород, окутывал все ядро планеты; почва, по которой ступал Долмеди, скрипела под ногами и серо поблескивала. Местность плавно опускалась к темному, неспокойному морю из жидкого аммиака, но далекий — радиус Сулеймана составлял семнадцать тысяч километров — горизонт совершен но терялся в пропитанном розоватой дымкой воздухе.

Ледяными были и высившиеся со всех сторон дома; в местах, не нарушенных дверными проемами и резной вязью непонятных символов, поверхность их стен сверкала, как стекло. Улицы, в обычном смысле этого слова, отсутствовали, однако аэросъемка выявила в расстановке зданий некоторую замысловатую систему, о которой туземцы то ли не могли, то ли не хотели ничего рассказать. Между домов гулял ветер, медленный и какой-то тяжеловесный; водородно-гелиевая атмосфера превращала его шорох — как и все прочие звуки — в визг.

Город кипел движением, большей частью это были пешеходы, направлявшиеся по каким-то своим делам, переносившие кудато странной формы орудия и контейнеры, созданные неземной,

не знающей огня культурой примерно неолитического уровня развития. Прогромыхало несколько телег с привезенными из прибрежных областей товарами; упряженые животные напоминали миниатюрных динозавров, скопированных творцом, знакомым с этими существами сугубо понаслышке. Более стройные родственники сулейманских битюгов использовались для верховой езды. На морских волнах раскачивались лодки, их команды занимались чем-то вроде рыбной ловли, хотя настоящая рыба прожила бы здесь без скафандра не дольше человека.

В наушниках Долмеди не раздавалось никаких других звуков, кроме визга ветра, отдаленного бормотания волн, топота ног и скрипа телег. Сулейманиты относятся к разговору серьезно, они не разговаривают на улице, на ходу. И в то же время они общаются непрерывно — жестами, волнами, пробегающими по шерсти, запахами. Туземцы старались не приближаться к человеку, но только потому, что поверхность его скафандра была для них обжигающе-горячей. Со многими из встречных Эмиль обменивался приветственными жестами. За последние два года — двадцать пять, если по земному счету — как Побережье, так и Нагорье попали в сильную зависимость от пластика и металла, от устройств с батарейным электропитанием. Когда рядом с городом, на столовой горе, начали сооружать космопорт, местные жители не просто соглашались, а прямо рвались принять участие в строительстве, они же и по сию пору исполняли почти всю физическую работу, нужную базе. В результате удалось сэкономить на доставке и монтаже автоматического оборудования, что тоже являлось одной из причин хотя умеренной, но все же доходности этой фактории.

Обреченно вздохнув, Долмеди начал преодолевать подъем; через десять минут он был во дворце.

Десять туземцев, выстроившихся у входа в массивное, увенчанное башенками здание, не имели ничего общего с охраной. На Сулеймане случались и войны, и грабежи, но убийство Короля было здесь совершенно немыслимой вещью. (Действие феромонов? В каждой общине, до которой успели добраться ксенонологи, вождь получал специальное питание, ядовитое, по всеобщему мнению, для любого из его подданных. Не исключено, что мнение это было верным.) Барабаны, трости с плюмажами и прочие, менее понятные предметы экипировки имели чисто церемониальное назначение.

Предвидя неизбежную задержку, Долмеди вздохнул и предался созерцанию ритуалов — действительно очень интересных, — сопровождавших открывание дверей дворца и препровождение гостя перед ясные королевские очи. Существа грациозные и симпатичные, сулейманиты были плоскоступающими

двуногими и сильно напоминали людей, хотя имели более широкое тело, а ростом достигали среднему человеку примерно до плеча. Кроме четырехпальых рук (оба крайних пальца каждой кисти — большие) они активно пользовались ловкими, цепкими хвостами. Круглая голова имела клюв, вроде как у попугая, две слуховые полости (без ушных раковин), один большой золотистый глаз посреди лба, а на висках — два меньших, слабее развитых, предназначенных для периферийного и бинокулярного зрения. Одежда туземцев ограничивалась чаще всего украшенным сложной символикой спорраном*; темная, цвета красного дерева, шерсть и внешние железы, использовавшиеся для «разговоров», оставались неприкрытыми. Значительная роль, играемая в селеманитских языках невокальными составляющими, была не последней причиной неудач в достижении взаимопонимания с туземцами.

Талассократ встретил Долмеди в сверкающей голубым льдом комнате для аудиенций и обратился к нему посредством одного только голоса. Наушки переводили верхние частоты в область спектра, доступную для человеческого слуха, однако визг этот и смутное бормотание неизменно смазывали внушительное впечатление, производимое увитой цветами короной и резным посохом. Карлики, горбуны и калеки, рассеянные на коврах и покрытых шкурами скамейках, также не добавляли зрелицу величественности. Никто из людей не знал, почему домашние слуги набираются исключительно из таких вот Богом обиженных; селеманиты пытались что-то объяснить, но смысл их ответов неизменно оставался непонятным.

— Удачи, мудрости и могущества тебе, о Фактор, — обитатели этого мира не пользовались именами и явно не понимали смысла идентификационной символики, не построенной на запахах.

— Да пребудут они с тобой, о Талассократ. — Установленный на спине скафандра вокалайзер преобразовывал «человеческий» вариант местного языка в звуки, недоступные голосовому аппарату Долмеди.

— К нам прибыл Предводитель караванщиков, — сообщил монарх, после чего Долмеди обменялся столь же церемонными приветствиями с горцем. Высокий и стройный для селеманита, тот был вооружен каменным томагавком и купленной у людей специально сконструированной для местных условий винтовкой. Варварство караванщика выдавали только украшения из ярких самоцветов и браслеты. За все про все, эти горные кочевники

* Спорран — шотландская плоская кожаная сумка, пристегиваемая спереди к поясу.

были вполне приличными ребятами. Заключив договор, они следовали его условиям с буквальностью, немыслимой для рода человеческого.

— В чем состоит неприятность, из-за которой меня позвали, Предводитель? Может быть, ваш караван, следовавший к Побережью, ограбили бандиты? Пошли на их подавление отряд, я охотно предоставлю экипировку.

Непривычный к общению с людьми, вождь перешел на полный сулейманитский язык — в своем, к тому же, горском варианте — и понять его стало совершенно невозможно. Вперед вышел, неуклюже переставляя коротенькие ноги, один из карликов. Долмеди узнал его: в этом уродливом тельце обитал блестящий разум, жадно впитывавший все сообщаемые ему сведения о Вселенной и, в свою очередь, нередко помогавший людям советами и информацией.

— Позвольте мне с ним поговорить, о Фактор и Талассократ, — предложил он.

— Если ты того хочешь, Советник, — согласился король.

— Буду крайне обязан тебе, Переводчик, — сказал Долмеди, в меру своих способностей изобразив пританцовывающий жест благодарности.

Любезности любезностями, но Фактора никак не оставляли тревожные мысли; он поймал себя на том, что невольно затаил дыхание, ожидая окончания беседы Переводчика с караванщиком. Ну не может быть, чтобы новости и вправду оказались катастрофическими!

Долмеди вспоминал основные факты, словно надеясь найти в них незамеченный прежде путь к спасению. Имея малый наклон к плоскости эклиптики, Сулейман не знал времен года. Голубец предпочитал холодный, сухой климат Нагорья и рос там круглый год. Первобытные туземцы, охотники и собирали, кочевали с места на место, а по пути собирали урожай. Раз в несколько месяцев (земных) каждая такая группа встречалась с одним из более развитых скотоводческих племен и обменивалась сущеные листья голубца и фрукты на какие-либо товары. Затем караван проделывал долгий путь в город, где люди расплачивались за связки листьев земными товарами. В месяц доставлялось примерно две партии, а четыре раза в земной год цинтианский корабль забирал все содержимое склада фактории и оставил взамен безмерно более ценный груз писем, пленок, газет, книг и новостей со звезд, так редко проглядывавших на этом хмуром небе.

Не то чтобы самая эффективная из возможных систем, но самая дешевая, если прикинуть, во сколько обошлась бы — с учетом первоначальных капиталовложений и цивилизованной

заработной платы — закладка плантаций. А расходы нужно было держать по возможности низкими, иначе фактория быстро превратится из малодоходной в убыточную и, как таковая, будет прикрыта.

Если разобраться, здешняя фактория была весьма типичной в своем роде: для ученых — место, где можно провести интереснейшие исследования, хороший шанс завоевать себе имя в научном мире; для Фактора — довольно легкая работа, первая ступенька длинной лестницы, на верху которой успешного восходителя ожидало крупное, престижное, великолепно оплачиваемое место в администрации.

Именно что *была* типичной. До последнего времени.

Переводчик повернулся к Долмеди.

— Предводитель сообщил следующее, — пропищал он. — Последнее время в Нагорье появились... нет, этого, пожалуй, не скажешь одними словами. Во всяком случае, мне ясно, что это — машины, передвигающиеся с места на место и собирающие голубец.

— Что?! — Долмеди не сразу сообразил, что закричал по-английски, в ушах его гулко, бешено застучало.

— Дикари испугались и бежали из тех мест, — продолжал Переводчик. — А машины забрали все, приготовленное ими к следующей встрече с кочевниками. Предводитель каравана, с которым я разговаривал, рассердился, собрал кочевников, и они поехали, чтобы посмотреть на эти машины и как-нибудь выразить свое возмущение. Еще издали они увидели корабль, похожий на тот, который прилетает сюда; рядом строилось какое-то сооружение. Наблюдавшие за строительством были... низкие, у них много ног и клешни... и длинные носы. Собирающая машина подъехала и выстрелила над головами кочевников молнией. Тогда они поняли, что надо убегать, пока вместо предупредительного выстрела не последовал настоящий, смертельный. Пользуясь одними словами, я не могу передать больше.

Долмеди тупо уставился в окружавшую его со всех сторон твердую синеву.

— Бабуриты. — Во рту у него пересохло, ноги сделались какие-то чужие, желудок болезненно сжался. — Ну конечно же, они. Только почему они так поступают?

Кусты, трава, листья нечастых деревьев — все было окрашено в различные оттенки черного цвета. Кое-где картину оживляли красные, коричневые или синие цветы, иногда — бурная аммиачная река, стекающая с холма. Вдали ослепительно сверкала цепь ледяных гор. Двенадцатичасовой сутейманский день подходил к концу, и лучи Османа пробивались сквозь разрыв мутно-красной облачной пелены почти горизонтально. На другом

краю неба черной, исписанной огненными буквами молний стеною вздымалась грозовая туча, плотный воздух планеты превращал раскаты грома в звенящую барабанную дробь. Долмеди почти не обращал внимания на тучу — резкие шквалы, бросавшие машину из стороны в сторону, воздушные ямы, в которые она поминутно проваливалась, — все это не позволяло отвлекаться от пилотирования. Автоматическая машина — слишком большая роскошь для этой скрупульезной оплачивающей все твои усилия планеты.

— Вон там! — воскликнул Предводитель; вместе с Переводчиком он занимал задний, снабженный наблюдательным куполом отсек, в котором сегодня остались местные атмосфера и температура. Изувечения к его суевериям — или как уж назовут это ксенологи — видеоблок интеркома был выключен.

— Да. — Переводчик говорил совершенно спокойно. — Теперь и я увидел. Немного направо от курса, Фактор — в этой долине, рядом с озером — видите?

— Одну секунду. — Долмеди заклинил управление высотой. Теперь начнется такая тряска, что только бы зубы не вылетели, но вот разбиться машина не разобьется, гравитационное поле не позволит. Натянув привязные ремни, он подался вперед и отрегулировал экран сканнера. Человеческая раса не видит в тех длинах волн, которые лучше всего проникают сквозь здешнюю атмосферу, а расстояние было порядочным — как оно почти всегда и случается на таких больших планетах.

Прибор преобразовал световые частоты, усилил изображение, увеличил его и вывел на экран. Рядом с бушующим аммиачным озером над кустами возвышался корабль, по всей видимости — транспортник Холберт-Х, именно эту модель чаще всего покупали водорододышащие. Несомненно, корабль имел определенные модификации, приспособившие его к условиям планеты-покупательницы, но Долмеди их не заметил, зато он заметил орудийную башню и пару пусковых труб ракетных снарядов.

Неподалеку из готовых стальных и железобетонных панелей собиралось здание. Строительные работы работали, судя по всему, быстро, без перекуров, так что кубическое сооружение было готово уже более чем наполовину. Словно голубые миниатюрные новые звезды, мелькали вспышки плазменных горелок; Долмеди не различал ни роботов, ни их хозяев, но не рисковал подлетать ближе.

— Видишь? — спросил он у изображения Питера Торсона и передал картину, выдаваемую сканнером на базу.

Массивная голова инженера утвердительно кивнула; на заднем плане различались и четверо остальных членов земной ко-

лонии. Судя по лицам, все они были не менее озабочены, чем Долмеди, а Ивонна, пожалуй, даже больше.

— Да. И тут ничего не сделаешь, — сказал Торсон. — Их стволы калибром побольше наших. Видишь, к тому же эти выемки в углах ихнего сарая? Зуб даю, там будут стоять пучковые излучатели. Добавь к этому мощный стационарный генератор силового поля, обеспечивающий пассивную оборону, и в сумме получится орешек, который нам не по зубам.

— Но центральная контора...

— Ну да. Возможно, они решат возмутиться этим вторжением и пошлют сюда боевой корабль, а то и все три. Только что-то я в такое не верю. Овчинка ведь не стоит выделки. Кроме того, сделай они так — и сразу начнутся вопли; не забывай, что у ТТЛ нет никакой законной монополии на эту планету. — Инженер пожал плечами. — Думаю, Старый Ник* попросту прикроет Сулейман. Возможно, он договорится как-нибудь с бабуритами, чтобы поменьше потерять, ну а потом, при первом же удобном случае, хорошенько их нагреет. — Торсона, всю жизнь свою проработавшего в коммерции, давно не удивляли мелкие временные неудачи, равно как и окружавшие его чудеса и загадки.

— Нам нельзя уезжать! — тихо вскрикнула Ивонна, не обладавшая таким безразличием. — Мы же только начинаем понимать...

— Попробуем хотя бы поговорить с этими ублюдками, — ненавидящие бросил Долмеди. — Сейчас я их вызову. Вы пока не расходитесь, будьте наготове. — Последнее, что он увидел, переключая рацию на сканирование универсального диапазона, были испуганные глаза девушки.

— Тебе известно, Фактор, кто такие эти чужаки и что они задумали? — спросил из заднего отсека Переводчик.

— Я не сомневаюсь, что они с Бабура, — рассеянно ответил Долмеди. — Это такой мир — наиболее просвещенные из обитателей Побережья успели немного познакомиться с астрономией — вроде вашего. Побольше и потеплее, и воздух у них плотнее. Тамошние уроженцы не могут долго выдержать атмосферу Сулеймана, разве что в скафандрах. Именно туда и направляется по большей части ваш голубец. А теперь они, похоже, решили добраться до источника сами.

— Но почему, Фактор?

— Скорее всего ради прибыли, Переводчик. Прибыли, рассчитываемой по их нечеловеческой бухгалтерии. Ведь бабури-

* Прозвище дьявола, в данном случае обозначающее также Николаса ван Рийна.

там пришлось пойти ради этого фармацевтического сырья на огромные капиталовложения. Но у них там не капитализм, а строй, не похожий ни на что, известное человеческой истории, так, во всяком случае, говорят. И тогда они могут считать, что делают капиталовложения... в империю? Если мы уйдем отсюда, они смогут расширить свой плацдарм и...

Экран ожил.

Вертикально поднятый торс появившегося на нем существа был бы человеку примерно до пояса, остальное тело — нечто вроде гусеницы на восьми коротеньких толстых лапках — стелилось сзади. По гладкой, блестящей коже тянулся ряд жаберных крышек, защищавших трахеи, для условий плотной водородной атмосферы — достаточно эффективный дыхательный аппарат. Две руки заканчивались клешнями, вроде рачьих, с запястий свисали короткие крепкие щупальца, игравшие роль пальцев. Впереди голова сужалась к огромному рыхло-губчатому рылу. Бабурит не имеет рта. Он — вообще-то скорее «оно», ведь особи периодически меняют свой пол, но проще и привычнее говорить «он» — измельчает пищу клешнями, потом засовывает ее в пищеварительную сумку, а по растворении — высасывает этим самым рылом. Смотрит это существо четырьмя крохотными глазками, а разговаривает при помощи мембран, расположенных по обе стороны черепа; слух и обоняние обеспечиваются трахеями. Большую часть шкуры, раскрашенной яркими — оранжевыми, синими, белыми и черными — полосами, прикрывало нечто вроде полупрозрачного балахона.

На Земле такая тварь была бы чушью, бредом, биологической нелепицей, однако в условиях собственного своего корабля — при мощной гравитации, в густом холодном воздухе, в полумраке, заполненном какими-то смутными, ни секунды не стоящими на месте тенями, бабурит выглядел величественно, он прямо лучился властью и достоинством.

— Мы ожидали вас. — Вокализер превратил серию звонких, бренчащих звуков в довольно пристойную латынь Лиги. — Не подходите ближе.

Долмеди облизнул пересохшие губы.

— Зд-д-равствуйте. Я возглавляю факторию. — Он чувствовал себя позорно молодым, несмышленым и беспомощным.

Бабурит молчал.

— Нам сообщили, что вы... — в полном отчаянии продолжил Долмеди, — ...ну, что вы захватываете места сбора голубца. Я не мог поверить, что это так.

— Вы правы, это не так, — согласился бесстрастный механический голос. — В настоящее время туземцы могут пользоваться этими территориями точно так же, как и прежде. Прав-

да, им не удастся собрать здесь ощутимое количество голубца — наши роботы очень эффективны. Посмотрите?

На экране вспыхнуло изображение приземистого цилиндрического механизма. Снабженный простейшим гравитационным приводом, робот плавал в нескольких сантиметрах от грунта. Восемь его рук оканчивались сенсорами, зажимами — для обрывания листьев — и садовыми секаторами — для подравнивания веточек; на спине виднелась большая корзина. А поверх корзины были смонтированы мазерный приемопередатчик и — турель с бластером.

— Работает на аккумуляторах, — сообщил невидимый теперь бабурит. — Перезарядка будет осуществляться от монтируемой нами термоядерной установки, раз в тридцать—тридцать пять часов, если только не появится добавочная потребность в энергии... например для самозащиты. Парящие на большой высоте релейные центры обеспечивают роботам постоянную связь как друг с другом, так и с главным компьютером, который сейчас стоит на корабле, а потом будет перенесен в блокгауз. Компьютер управляет всеми роботами одновременно, что заметно уменьшает стоимость каждого из них. Вы скоро поймете, — добавил он без малейшей тени сарказма, — что подобную систему связи не так-то легко нарушить помехами. Компьютер будет снабжен ракетами, пушками и защитным полем. И ответит ударом на любую попытку помешать его деятельности.

На экране снова появилось изображение бабурита.

— Но это же будет... — У Долмеди кружилась голова. — ...это будет... это акт агрессии, это война!

— Ничего подобного. Это будет акт самообороны, находящийся в полном согласии с законами Торгово-технической Лиги. Можете поверить, мы начали действовать только после тщательного изучения ситуации, и не только материального ее аспекта, но и социального; наша планета даже стала ассоциированным членом Лиги. В убытке будет одна только ваша компания, что вряд ли сильно огорчит ее конкурентов. Они уже заверили наших представителей, что сумеют собрать на Совете достаточно для предотвращения санкций количество голосов. Да и убытки компании будут крайне незначительны. А вам лично я порекомендовал бы подыскать себе другое место работы.

«Угу, — промелькнуло в голове Долмеди, — потеряв плачевную, я, пожалуй, найду себе другую работу... ну, например, чистить нужники».

— А как же туземцы? — спросил он вслух. — Они-то уже попали в неприятное положение.

— После очистки территории здесь будут заложены плантации голубца, — все так же бесстрастно ответил бабурит. —

Я уверен, что там найдется работа для переселенных дикарей, если они окажутся достаточно послушными. Не подлежит сомнению, что здесь имеются и другие пригодные к эксплуатации природные ресурсы, не заинтересовавшие вас, кислорододышащих. В конечном итоге мы сможем даже вывести породу собственного населения, способную жить в условиях Сулеймана, колонизовать эту планету. И все это абсолютно не затронет Лигу. Мы разобрались, как работает на практике соглашение ее членов о запрете на империализм. Когда нет никаких других заинтересованных сторон, договор с местным правительством считается вполне достаточным, а ведь совсем нетрудно установить на планете дружественное и готовое помочь тебе правительство. Именно так и будет в случае Сулеймана — ликвидированная фактория, и прежде-то работавшая на грани убытков, а к тому же расположенная на самом краю сферы деятельности Лиги, никого там у вас не обеспокоит.

— Но принцип...

— Верно. И мы не пойдем на риск войны или хотя бы бойкота нашей планеты и исключения ее из Лиги. Но обратите внимание, никто же не выгоняет вас отсюда. Просто вам попался более сильный конкурент, более сильный потому, что он живет гораздо ближе к этой планете, лучше приспособлен к жизни в ее условиях и, главное, гораздо больше, чем вы, заинтересован в успехе. У нас не меньше прав организовывать здесь предприятие, чем у вас.

— Что значит «мы»? — потерянно спросил Долмеди. — Кто такие «вы»? Чем вы являетесь, частной компанией или...

— Номинально — частной компанией, — объяснил бабурит, — хотя, подобно многим другим ассоциированным членам Лиги, мы не особенно скрываем, что это всего лишь *pro forma**. Если разобраться, терминология, которой вынуждено пользоваться наше общество при контактах с техносодружеством, почти неприменима для описания его внутренней структуры. Учитывая различия — социологические, психологические и биологические, — имеющиеся между нами и вами, наше желание сохранить свободу от вашей цивилизации не представляет для нее ни малейшей угрозы и поэтому не вызовет никакой враждебной реакции. В то же время без использования современной технологии мы никогда не вырвемся на просторы космоса.

Чтобы максимально ускорить индустриализацию, нам необходимо — хотя бы сперва — покупать в технических мирах оборудование, а для этого нужна валюта этих миров. Может показаться, что мы тратим на операцию с голубцом неоправданно

* Для видимости (лат.).

большие средства и усилия, однако в конечном итоге это сэкономит нам инопланетную валюту на более важные цели.

Сообщая вам все это, мы не хотим оставить никаких сомнений как в нашей безвредности для Лиги как целого, так и в решительности наших намерений. Надеюсь, вы записали нашу беседу, это может уберечь вашего нанимателя от напрасной траты усилий на Сулейман. Постарайтесь верно описать ему ситуацию.

Экран померк. Несколько минут Долмеди пытался возобновить связь, но не добился успеха.

Через тридцать местных, то есть пятнадцать земных, дней было организовано совещание. Население базы собралось вокруг стола в до слез прокуренной комнате; Талассократ и Переводчик присутствовали в виде изображений — таких реальных, что от стереоэкрана, казалось, веяло холодом их ледяного зала.

— Подведу итог, — устало сказал Долмеди, проведя ладонью по волосам. Шерсть Переводчика задвигалась, он начал издавать негромкие свистящие звуки. — Пару часов назад, вернувшись из последнего полета на место, я изучил записанное Ивонной сообщение туземных разведчиков; данные прекрасно совпадают.

Как все, наверное, помнят, мы надеялись, что после отлета бабуритского корабля компьютер не сможет нам противостоять.

— А почему они улетели? — поинтересовался Санчжуро Накамура.

— Очень просто, — вмешался Торсон. — Возможно, бабуриты управляют своей экономикой совершенно не так, как мы — нашей, но это еще не освобождает их от действия экономических законов. Планета вроде Бабура — а в действительности даже одна-единственная, хотя и самая сильная ее держава, или как уж там это у них называется — весьма ограничена в своих возможностях. У них есть, конечно, преимущество близости к Сулейману, но зато мы имеем преимущество гораздо большей производительности и эффективности.

В настоящий момент им не по карману постройка и содержание постоянной базы с живым персоналом, на манер нашей. Здесь условия и для них не очень благоприятны, к тому же бабуриты не имеют даже того малого комплекса знаний и навыков, который есть у нас. Поэтому они решили ограничиться на первый случай автоматической станцией и только присыпать время от времени корабль для проверки, ремонта и вывоза урожая.

— Кроме того, — заметила Элис Берген, — кочевники дали нам присягу на верность. Они не будут иметь дел ни с кем другим, не говоря уже о том, что бабуриты и не смогли бы их толком использовать. Мы обосновались в единственном подходящем для этого месте, среди сулейманитов, с культурой достаточно высокой, чтобы из них получились эффективные помощники. Бабуритам приходится действовать прямо там, где растет голубец, но кочевники возмущены прекращением караванной торговли и, без всякого сомнения, стали бы нападать на живых работников.

— Не стоило и объяснять, — не очень искренне ухмыльнулся Накамура. — Мой вопрос, уверяю вас, был чисто риторическим. Я просто хотел подчеркнуть, что противники не оставили бы все на попечение компьютера, не будь они полностью уверены, что система будет функционировать совершенно надежно, в частности — и близко нас к себе не подпустит. Становится понятным, почему планировщики их модернизации так увлеклись роботикой, скорее всего они задумали целый ряд таких вот подлых штук.

— Ты сумел выяснить, сколько у них там роботов? — поинтересовалась Изабель де Фонеска.

— По оценкам — около сотни, — повернулся к ней Долмеди, — хотя точно мы и не подсчитали. Понимаешь, они двигаются очень быстро и на огромном пространстве — по всей территории, где голубец растет достаточно густо, чтобы стоило его сбирать. Кроме того, все они совершенно одинаковые, различить их может разве что управляющий центр.

— Серьезный, наверное, компьютер, если управляет столькими механизмами одновременно, да еще в постоянно меняющихся условиях, — заметила Элис, не очень разбирающаяся в кибернетике.

— Ничего такого особенного, — энергично встряхнула белокурыми локонами Ивонна. — Мы снимали процесс его установки. Самый обычный многоканальный прибор, только приспособленный к работе в здешних условиях. Самоосознание минимальное — большего просто не требуется, да и было бы неэкономно поручать такую простую задачу очень сложной машине.

— Нельзя ли тогда его перехитрить? — спросила Элис.

— А чем, ты думаешь, занимались я и мои местные помощники все последнее время? — слегка поморщился Долмеди. — Местность там открытая, парящие в небе релейные центры замечают тебя издалека, и компьютер сразу же высыпает роботов. Причём много их и не нужно. Как только приближаешься к блокгаузу, следуют предупредительные выстрелы, на туземцев

это нагоняет полный ужас. Они теперь и близко туда не подходят, более того, дикари начинают покидать территорию, в результате чего появляется проблема — что делать с целой ордой голодных беженцев? И я ничуть их не виню, низкотемпературный организм поджаривается гораздо скорее, чем твой или мой. Один раз я полез напролом и склонился не предупредительный, а самый настоящий заряд; пришлось спешно бежать, пока скафандр не продырявился.

— А может, устроить воздушную атаку? — предложила Изабель.

— На трех-то таратайках, вооружившись ручными бластерами? — презрительно фыркнул Торсон. — И не забывай, что роботы тоже летают. А у центра есть и силовое поле, и ракеты, и пучковые пушки; тут и военному кораблю забот бы хватило.

— Кроме того, — вмешался Талассократ, — я предупрежден, что в случае серьезного нападения на обсуждаемое нами место этот город будет уничтожен с воздуха. На такой риск нельзя идти. Уж скорее я прикажу вам удалиться и попробую прийти к какому-нибудь соглашению с вашими врагами.

«И ведь нам придется подчиниться, — подумал Долмеди. — Для этого ему достаточно попросту запретить туземцам работать на нас.

Да и этого даже не потребуется». Он вспомнил сегодняшнее заявление Предводителя кочевников.

— Мы выполняем свои обязательства по договору, — сказал тот, — а вы свои нет. — Все только что вернулись из последней разведывательной вылазки, супермены — на своих животных, а Долмеди — на гравискутере. — Твои предшественники поклялись, что защитят нас от любых прищельцев с неба. Если ты не можешь прогнать этих захватчиков — как можем мы верить тебе дальше?

Долмеди попросил дать ему еще немного времени и получил в конце концов неохотное согласие — все-таки караванщики ценили торговлю с людьми. Но если долго тянуть с решением этой проблемы, вряд ли удастся потом восстановить отложенную систему.

— Мы не станем подвергать вас опасности, — заверил он Талассократа.

— А насколько реальна эта угроза? — спросил Накамура. — Вряд ли Лига оставит без внимания массовое убийство ни в чем не повинных туземцев.

— Да, — кивнул Торсон, — но это совсем еще не значит, что Лига пойдет на что-нибудь большее, чем выражение протеста. Особенно когда бабуриты начнут доказывать, что это мы

вынудили их на такой шаг. Они делают ставку на безразличие Лиги и, как я сильно подозреваю, ничуть в этом не ошибаются.

— Верна или неверна бабуритская оценка психополитики, — сказала Элис, — в любом случае она определяет их собственные действия. А какова эта оценка? Известно ли нам хоть что-нибудь об их образе мыслей?

— Значительно больше, чем тебе кажется, — заговорила Ивонна. — Иначе и быть не может, ведь мы контактируем с ними на протяжении многих поколений, а кто же будет заключать торговые соглашения без предварительного скрупулезного исследования партнера? Последнее время вы очень мало меня видите — именно потому, что я зарылась в материалы по бабуритам. Прямо здесь, у нас, имеется уйма самой разнообразной о них информации.

Долмеди напряженно выпрямился, в ушах отдавались учащенные удары пульса. Эта незначительная, захолустная фактория имела обширную и разнообразную ксенологическую библиотеку, и удивительного здесь мало — микропленки стоят гроши, а никогда заранее неизвестно, что может случиться и кто из инопланетян может подвернуться под руку, так что принято снабжать базу полным набором справочного материала по всему сектору.

— Ну и что там? — хрипло спросил он.

— Боюсь, — криво улынулась Ивонна, — что ничего такого уж экстраординарного. Самые рутинные сведения — три или четыре главных языка, обзоры истории и основных современных культур, анализ технического уровня, разнообразная статистика по производству и народонаселению — это если не считать планетологии, биологии, психопрофилирования и тому подобного. Я изо всех сил старалась найти какое-нибудь слабое место, но — увы. Да, конечно же, я могу показать, что эта операция крайне обременительна для их ресурсов и будет оставлена, если не начнет окупаться в самое ближайшее время, но то же самое относится и к нам.

— Если бы мы сумели соорудить какую-нибудь такую штуку... — Торсон задумчиво затянулся своей трубкой и выпустил большой клуб дыма. — Ведь у нас здесь вполне приличная мастерская. Вот этим я последнее время и занимаюсь.

— А что ты там такое придумал? — без всякого энтузиазма в голосе поинтересовался Долмеди — скучный тон инженера не предвещал ничего особо интересного.

— Ну, сперва я подумал о роботе, который охотился бы на этих ихних сборщиков. И я могу построить такого робота, лучше защищенного и сильнее вооруженного, но, — рука Торсона упала на стол, ладонью вверх, — только одного. А у ком-

пьютера их сотня, и сам он на много порядков хитрее, чем любой мозг, который я состряпаю из запасных деталей. Кроме того, как уже сказал Талассократ, в качестве возмездия по нашему космопорту могут шарагнуть ракетой, а такой риск совершенно недопустим, ведь тогда и от города почти ничего не останется.

Затем я подумал насчет помех связи и о том, нельзя ли как-нибудь вывести из строя сам компьютер, но тут уж нет никакой надежды. Он ведь и близко нас к себе не подпустит.

— Так что, — обреченно вздохнул инженер, — давайте признаем, что нас хорошо вздрючили, и начнем думать, как бы свести потери к минимуму.

Талассократ сохранял невозмутимость, как и подобает монарху, но главный глаз Переводчика подернулся пленкой, крошечное тело словно стало еще меньше.

— Мы надеялись, — воскликнул он, — что не мы, но хотя бы наши потомки... научатся у вас, будут странствовать среди бесчисленных миров... так неужели вместо этого будет нескончаемое правление чужаков?

Долмеди с Ивонной переглянулись, их руки встретились. Он знал, что и ее мучает та же самая мысль. «*Мы, работники Лиги, не вправе притворяться, что вся наша деятельность — чистый альтруизм. Но ведь мы же и не чудовища. Какой-нибудь ко всему безразличный бухгалтер, сидящий на Земле, прикажет нам уезжать. Но сможем ли мы сами, мы, которые долго пробыли среди этого народа, кому этот народ доверял, сможем ли мы бросить их и жить дальше, словно ничего не случилось?*»

И тут в его мозгу всплыла древняя, очень древняя легенда.

На минуту или две он перестал замечать вялый, вымученный разговор, продолжавшийся за столом; первой заметила его пустой, невидящий взгляд Ивонна.

— Эмиль, — негромко спросила она, — тебе плохо?

С громким, торжествующим воплем Долмеди вскочил на ноги.

— Что такое? — испуганно отшатнулся Накамура.

Фактор взял себя в руки; он дрожал от возбуждения, по его телу волнами пробегал нервный холодок, но голос звучал спокойно, уверенно:

— У меня есть идея.

Поверх раздувавшейся на ветру одежды Переводчик нес не-приметную, миниатюрную телекамеру, соединенную с рацией. Долмеди посадил свою машину за одним из ближайших холмов, машина Торсона, игравшая роль релейной станции, парила чуть поодаль; и они, и оставшиеся на базе Ивонна, Элис, Изабель и

Накамура, и Талассократ в своем ледяном дворце не сводили глаз с экранов, на которых прыгал, раскачивался из стороны в сторону вид местности. Сотрясаемые порывами ветра, мотались и с треском хлестали одна о другую ветки кустарника, их длинные черные листья рваными вымпелами вились в завывающих струях воздуха; между кустов сгорбились валуны и ледяные глыбы; грохотовший где-то справа аммиачный водопад застилал поле зрения искрящейся пеленой брызг. Корпуса аэрокаров содрогались от медленного, густого ветра, мощное притяжение планеты вжимало наблюдателей в сиденья.

— Я продолжаю считать, — сказал со второго экрана Торсон, — что нужно было дождаться помощи. Они же там такую систему сляпали — не подступишься.

— А я продолжаю утверждать, — возразил Долмеди, — что твоя профессия заставляет тебя излишне суетиться. И как бы там ни было, туземцы вряд ли согласятся долго ждать.

«К тому же, если мы прищучим бабуритов одними подручными средствами, это украсит мой служебной список. Лучше бы я не думал о таком, но что есть, то есть, нет смысла врать самому себе.

И решение принимает Фактор, то есть я.

Как это все-таки одиноко взваливать на себя огромную ответственность. Жаль, что здесь нет Ивонны».

— Тихо, — приказал он. — Сейчас что-то будет.

Переводчик перевалил через невысокую гряду и теперь спускался на гравискуттере вдоль противоположного склона. Помощи ему не требовалось — после нескольких дней обучения он управлялся с машиной довольно лихо, несмотря даже на сковывающую движения одежду. Здесь уже начиналась охраняемая роботами территория, и один из них косо пошел вниз, наперехват. На охристом фоне облаков огненно сверкнул криевой металлический бок.

Долмеди напряженно пригнулся. Он был в скафандре, если туземец попадет в беду, останется только опустить визор шлема, открыть кокпит и броситься на помощь. Его рука скользнула к громоздкой тяжести лежащего на коленях бластера; от мысли, что помощь может оказаться запоздалой, во рту появился кислый, тошнотворный привкус.

Робот завис в воздухе, ствол его оружия угрожающе следил за Переводчиком, но тот продолжал ровно, уверенно скользить вперед. За несколько секунд до столкновения из рации раздался голос:

— Отойди в сторону. Мы вводим изменение программы.
Слова прозвучали на основном языке Бабура.

Ивонна составила фразы, казавшиеся подходящими, и провела многие часы с вокалайзером, воспроизводя и записывая их снова и снова, пока результат не показался удовлетворительным. Маскировку создавали инженер Торсон, ксенологи Накамура и Элис Берген, да еще обладавшая кроме специальности биолога определенными художественными способностями Изабель де Фонеска, сам Долмеди и несколько туземных советников — недавние участники наблюдения за пришельцами. Бабуриты носят одежду, поэтому особой сложности не потребовалось — выбритый и кольцами покрашенный торс, роль гусеницеподобного тела исполняло примитивное устройство, управляемое скрытым под балахоном хвостом и переставлявшее шесть своих механических ног в такт с живыми ногами Переводчика, эластичная маска управлялась пьезоэлектрическими датчиками, наклеенными на мышцы лица, накладные клешни и щупальца скрывали кисти рук, а накладные ступни — ступни настоящие.

Ни человеку, ни обычному суперманипулятору такой маскарадный костюм не подошел бы — слишком уж они рослые. Вся надежда возлагалась на то, что бабуриты не догадались принять во внимание карликов. Маскировка была более чем приблизительной, опять же в надежде, что компьютер не запрограммирован на особо тщательный контроль; кроме того, способный, прошедший много репетиций актер, разыгрывающий свою роль в соответствии с меняющейся обстановкой, создает общее впечатление, за которым незаметна ошибочность мелких деталей.

И главное. Естественно ожидать, что компьютер в соответствии со своей программой должен подпускать к себе бабуритов — для обслуживания, ремонта и вывоза запасаемого здесь же голубца.

Но все равно Долмеди судорожно, до боли, сжимал зубы.

Робот исчез из поля зрения, снова появились черные кусты, они летели навстречу, убегали под нижний край экрана.

Долмеди выключил звук на втором аппарате. Хотя восторженные крики сотрудников, наполнившие машину, никак не могли помешать Ивонне, сидевшей сейчас в отдельной комнате и связывавшейся с Переводчиком посредством прикрепленного к ключице, работающего на костной звукопроводности микрофона, крики эти казались весьма преждевременными.

Мелькали километр за километром, и наконец в поле зрения появился блокгауз — темный куб, ощетинившийся сенсорами и антennами, окруженный ракетными колодцами, с угрожающими силуэтами огневых точек по углам. Защитное поле не включилось.

— Откройся, — произнесла Ивонна через рацию Переводчика, — и не закрывайся до дальнейших указаний. — И великолепно справляющийся с основными своими обязанностями, но до идиотизма глупый во всем остальном компьютер послушно распахнул массивные ворота.

Дальнейшая работа также досталась Ивонне. Она осмотрела внутренности блокгауза, припомнила все известное ей относительно бабуритской автоматики и начала руководить Переводчиком. Как она говорила впоследствии, единственной трудностью оказался царивший в помещении полумрак — конструкторы использовали стандартные схемные решения и общеизвестные программные языки. Но для Фактора эти шестьдесят минут тянулись бесконечно долго; он обливался потом, сыпал проклятиями, до боли в пальцах вцеплялся в подлокотники пилотского сиденья — и смотрел на загадочные блоки, громоздившиеся среди гладких, слепых стен, под синеватым — и резким и тусклым одновременно — светом.

Когда Переводчик появился в воротах, а затем эти ворота сомкнулись за его спиной, Долмеди обессиленно повис на привязных ремнях.

Но зато потом... короче говоря, на этот раз сотрудники фактории, и прежде известные умением отмечать праздники, пре-взошли сами себя.

— Да, — сказал Долмеди. — Но...

— Вот запряжешь, тогда и нокай, — прервал его ван Рийн. — От факта никуда не денешься: по твоему указанию этот весьма недешевый компьютер велел своим роботам отдохнуть. А почему им было не поработать нам на пользу?

— Это подорвало бы отношения с туземцами, сэр. Технологическая безработица вряд ли приведет дикарей в восторг, так что научным исследованиям придет конец, а чем тогда вы заманиете на эту факторию работников?

— Какие еще нужны работники, если работать будут роботы?

— Нужно будет постоянно держать там нескольких человек, иначе бабуриты могут вернуться — им же совсем недалеко — и, к примеру, организовать, вооружить и направить против нас справедливо возмущенных сулейманитов. К тому же машины изнашиваются, и замена их стоит денег. А живые местные работники самовоспроизводятся задаром.

— Ну, тут ты все вроде правильно сообразил, — проворчал ван Рийн. — Но только зачем ты велел компьютеру и его роботам атаковать любую машину, пытающуюся приблизиться, и любое существо, хоть с хвостом, хоть без хвоста, требующее,

чтобы его впустили? А вдруг ситуация изменится — ведь теперь и наши люди тоже не смогут с ним ничего поделать.

— Ничего с ними и не нужно делать, — отрезал Долмеди. — Зачем что-то менять в существующей организации? Она хорошо проверена, постоянно дает хоть небольшую, но прибыль. И пока мы сохраняем такое положение вещей, бабуритам не подступиться. Но если мы оставим для себя доступ к компьютеру, придется держать вокруг него дорогую охрану, иначе эти гусеницы полосатые попробуют сыграть с нами ту же шутку, что и мы с ними. А при существующем положении вещей компьютер и его роботы делают полностью невозможной любую модернизацию сбора голубца. Попросту говоря, система защищает нашу монополию, защищает бесплатно и будет делать это еще многие и многие годы.

Сэр, — с горечью сказал он, начиная подниматься, — экономические рассуждения, связанные с этой историей, кажутся мне до предела элементарными. Вполне возможно, у вас есть какие-либо тонкие соображения, но в таком случае...

— Эй, ты! — заорал ван Рийн. — Садись на место. Глотника, мальчионка, еще из своего стакана и послушай теперь меня. Может, я и вправду старый и толстый, но язык мой и легкие пока что в полном порядке. И еще два органа работают у меня прилично, один, который ни с какого боку тебя не касается, а другой — мозг, и этот самый мой мозг хочет, чтобы я выжал из тебя всю информацию и переварил ее.

К своему полному изумлению, Долмеди подчинился.

— Нужно смотреть глубже узкой специализации, — продолжил ван Рийн. — Бывают люди, до идиотизма великолепно выполняющие одну-единственную работу. Такой прет всегда напролом, интересуясь лишь своим делом, и начхать ему на все возможные последствия в других областях. А в результате организация, которой он служит, получает одни неприятности. Ты задумывался, скажем, как отнесется к этой истории Бабур?

— Естественно. Госпожа Вайланкур... — когда же я снова буду с ней? — а в особенности доктор Берген и доктор Накамура проделали тщательный анализ всего доступного нам материала. По результатам этого анализа мы ввели в компьютер дополнительное указание: делать приближающимся механизмам предупреждение и только потом, при неподчинении, открывать огонь. Мой последующий разговор с капитаном корабля, или кто уж это такой был, подтвердил наши предположения.

(Подрагивающее рыло, тусклый блеск четырех крошечных глаз, но голос, пропущенный через машины, совершенно беспарастен.

— В соответствии с изобретенными вашей цивилизацией правилами вы не дали нам повода для начала войны, а Лига никогда не проходит мимо неспровоцированного, как ей кажется, нападения. Поэтому мы воздерживаемся от бомбардировки.)

— Несомненно, — сказал Долмеди, — бабуриты были в ярости. Но что им было делать? Они реалисты и либо придумают какую-нибудь совершенно новую шутку, либо оставят Сулейман в покое и попробуют где-нибудь в другом месте.

— Они так и продолжают покупать голубец?

— Да.

— Стоит, пожалуй, поднять цену, чтобы неповадно было играть с нами в такие игры.

— Можно и так, только тогда они скорее всего решат, что лучше уж заняться синтезом этой отравы. Наш анализ не рекомендует такого решения.

На этот раз Долмеди действительно встал.

— Сэр. — Голос его дрожал от ярости. — Может, я и деревенщина и получил образование в занюханном провинциальном колледже, но все-таки я не врожденный идиот, про которых говорят: «дурак, и не лечится». И к достоинству своему я отношусь вполне серьезно. На Сулеймане я принял лучшее решение, какое мог. Вы просто взяли и сняли меня с работы, не сделав даже и попытки указать на какие-нибудь допущенные просчеты, а сегодня устроили длинное и занудное обсуждение вопросов, понятных любому, вышедшему из пеленок. Давайте не будем тратить времени зря. До свидания.

— Хо-хо! — прогрохотал ван Райн, тоже поднимаясь на ноги. — У него еще и характерец! Нравится, мне это нравится.

Ничего не понимающий Долмеди разинул рот.

— Так послушай, мальчионка. — Торговец хлопнул его по плечу, чуть не сбив с ног. — Я совсем не собирался тыкать тебя носом ни во что, кроме самых приятных вещей. Мне нужно было выяснить, действительно ли ты способен мыслить оригинально или нарвался на это — действительно, прелестное — решение случайно. И дело тут в следующем: возможно, и вправду любой человек, расставшийся с пеленками, понимает то, что понимаешь ты, но только почему же тогда, скажи на милость, девяносто девять запятая девяносто девять процента любой разумной расы никак не может вылезти из пеленок, во всяком случае, что касается мозгов? И почему у них у всех слюни изо рта капают? Вот я и выяснил, что ты принадлежишь к той самой одной сотой процента, и ты мне нужен. Хо-хо, ты мне очень нужен!

Он сунул Долмеди в руку наполненный джином кубок и чокнулся своей пивной кружкой.

— Выпьем!

Долмеди сделал осторожный глоток.

— Ты приехал из провинциального, малоосвоенного мира и потому малость наивен. — Торговец начал расхаживать по комнате. — Но это не страшно, это пройдет, вроде как юношеские прыщи. Понимаешь, когда мои подручные из штаб-квартиры узнали, как здорово ты вывернулся на Сулеймане, они послали стандартную депешу. Им и в голову не шло, что алтаец вроде тебя не поймет, что это — нормальный курс действий. — Он взмахнул волосатой рукой, расплескав часть пива на пол. — Ну вот, например, как я уже говорил, нужно было выяснить, а вдруг это — просто удача? В таком случае мы повысили бы тебя, сделали управляющим в каком-нибудь месте получше и забыли бы, что есть там какой-то Долмеди. А вот нетипично сообразительного и крепкого парня мы совсем не хотим гноить в управляющих, таких мало, и они — большая ценность. Это бы вроде как делать бумажную лодочку из гравюры Хокусая.

Плохо слушающейся рукой Долмеди поднес кубок ко рту.

— А что же тогда? — спросил он запинаясь.

— Подрядчик! Официально ты сохранишь должность Фактора, чтобы не плодить завистников, но теперь это будет, как говорят, совсем другой коленкор. Слушай, — ван Рийн подобрал с края пепельницы недокуренную сигару, затянулся и начал красноречиво ею — а также зажатой в другой руке кружкой — жестикулировать. Его шаги бухали по полу, как удары молота. — Сулейман считался тихим, спокойным местечком, и вот ты рассказал мне, как мало мы о нем знали и как туда считай что сам черт зашел в гости. Ну а как бы ты отнесся к новым, по-настоящему заковыристым местам — к местам, где действительно можно сделать состояние? Ну как?

Там нечего делать управляющему, во всяком случае — пока дело не поставлено на ноги. Хороший управляющий — очень важная фигура, и нам они нужны в большом количестве. Но такой годится для рутинной работы, его главная цель — обеспечить, чтобы все катилось ровно и гладко. А человек, работающий в диких, необжитых местах, должен быть новатором, он должен любить риск или — если это не он, а она — новые, неортодоксальные подходы. Там нужен некто, способный подойти к новой задаче с новой стороны — тебе это понятно?

Но таких — ты уж мне поверь — очень мало. Они получают большие деньги — столько, сколько способны сами для себя заработать. Конечно же, я хочу, чтобы они и мне приносили доход. Поэтому я не кладу Факторам этой разновидности

определенного жалованья и не соблазняю их возможностью про- движение по служебной лестнице. Нет, я просто беру с такого бойцовского петушка десятилетнюю присягу на верность, а затем отпускаю его на все четыре стороны с начальным капиталом и обещанием постоянной поддержки, пусть делает что хочет, на комиссионных в девяносто процентов.

Жаль, никто не заметил тебя до поступления в бизнес-шко-лу; теперь посидишь немного в школе подрядчиков — есть у меня такая, запрятанная так хорошо, что никому и не догадать-ся. Не бойся, скучно не будет — там, как я слышал, закатыва-ют отличные оргии, но больше всего тебе должны понравиться занятия, если ты, конечно, не боишься работать и работать, пока мозги из ноздрей не полезут. Ну а потом ты станешь бога-тым, если выживешь, а если даже и нет — успеешь получить массу удовольствия. Хоккей?

Долмеди вспомнил Ивонну, но затем подумал: *а кой, собст- венно, черт, если не подвернется ничего лучшего, через не- сколько лет я сам буду нанимать персонал — какой захочу и на каких захочу условиях.*

— Хоккей! — воскликнул он и одним глотком прикончил содержимое кубка.

ВОЙНА КРЫЛАТЫХ

ВОЙНА КРЫЛАТЫХ

1

Верховный адмирал Сайранакс хир Урнан, наследственный главнокомандующий Флота Драк'хо, Рыбак Западного Океана, Возложитель Жертвы и Оракул Верховной Звезды, раскинул крылья, а затем оглушительно ими хлопнул. Снежными хлопьями запорхали под потолком взметнувшиеся со стола бумаги.

— Нет! — сказал он голосом, не терпящим возражений. — Невозможно! Тут какая-то ошибка.

— Как будет моему адмиралу угодно, — саркастически поклонился его первый заместитель, Дельп хир Орикан. — Значит, разведчики ничего не видели.

Капитан Т'хеонакс хир Урнан, сын и наследник Великого адмирала, побледнел от гнева; его верхняя губа приподнялась, ярко сверкнули белые, почти волчья клыки.

— У нас нет лишнего времени, чтобы выслушивать ваши наглости, помощник Дельп, — произнес он ледяным голосом. — Я посоветую отцу отказаться от услуг офицера, утратившего уважение к вышестоящим.

Тело Дельпа, затянутое шитой перевязью (знак занимаемой должности), напряглось. Капитан Т'хеонакс шагнул вперед. Два хвоста инстинктивно взметнулись вверх, две пары крыльев широко распахнулись, в комнате сразу стало тесно от тел и ненависти. Словно случайно рука Т'хеонакса скользнула к висящему на поясе обсидиановому топорику; яростно сверкнув желтыми глазами, Дельп схватился за свой томагавк.

Со звуком, подобным взрыву гранаты, адмирал Сайранакс хлестнул хвостом по полу. Юные аристократы вздрогнули, вспомнили, очевидно, где они находятся, их мышцы под блестящим коричневым мехом постепенно расслабились.

— Довольно! — резко сказал Сайранакс. — С таким языком, Дельп, ты еще вляпашься в неприятности. А твой, Т'хеонакс, характер мне давно уже надоел. У тебя будет достаточно возможностей сводить счеты со своими врагами, когда я отправлюсь рыбам на прокорм. А пока что, будь любезен, не трогай способных офицеров, у меня их совсем не так много.

В голосе адмирала звучала необычная для него в последнее время твердость, мгновенно напомнившая Т'хеонаксу и Дельпу, что это седое, близорукое, ревматическое существо было когда-то победителем Майонского флота — а ведь одно зрелище тысяч вражеских крыльев, взмывающих в небо с верхушек мачт, повергало в ужас — и он же возглавил войну против Стai. Молодые офицеры встали на четвереньки, в позу уважения.

— Не принимай мои слова буквально, Дельп, — продолжил адмирал уже мягче. Он достал с полки длинную трубку, набил ее сухими листьями морской дриссы, снова затянул подвешенный к талии кисет и устроился поудобнее на старомодном, из дерева и кожи, настесте. — Я ничуть не сомневаюсь, что разведчики умеют смотреть в подзорную трубу, хотя, признаюсь, ты меня очень удивил. Расскажи все еще раз, поточнее и поподробнее.

— Выполнялось самое рутинное патрульное задание, примерно в тридцати обдисаях к северо-северо-западу отсюда, — снова начал Дельп. — Это примерно в районе острова... я не сумею, сэр, произнести дикарское название, в переводе оно означает «Развевающиеся стяги».

— Да, да, — нетерпеливо кивнул Сайранакс. — Я, знаете, тоже иногда поглядываю на карту.

Т'хеонакс ухмыльнулся. Отсутствие манер доставляло Дельпу уйму неприятностей. Его дед был самым заурядным Парусным Мастером, отец так и не поднялся выше командования одним единственным плотом. Эта семья получила дворянство за геройскую службу в битве под Ксарит'х — иначе о капитанстве не могло бы быть и речи, — но они так и остались мелкой шушерой с мозолистыми, как у рядовых матросов, руками.

Флот достойно перенес дни голода и вынужденного переселения, но вышел из них сильно изменившимся; Сайранакс, воплощавший в себе эти изменения, подбирал офицеров исключительно на основе личных их способностей, отметая любые прочие соображения. Вот так и вышло, что Дельп хир Орикан — фактически простолюдин — за несколько лет взлетел до второго по значению поста в Драк'хо. Что, конечно же, не прибавило ему образованности и не научило его, как следует вести себя в обществе благороднорожденных.

Рядовые моряки Дельпа любили, но это только увеличивало неприязнь к нему аристократов — парвеню, неотесанный чур-

бан, набравшийся наглости жениться на са Аксоллон! Когда смерть сложит защищающие его крылья адмирала...

Т'хеонакс с удовольствием предвкушал дальнейшую судьбу Дельпа хир Орикана. Подобрать какое-нибудь формальное обвинение — за этим дело не станет.

Молодой офицер смущенно поперхнулся.

— Простите, сэр, — пробормотал он. — Я никак не хотел... и мы ведь совсем недавно познакомились с этим морем... ну, в общем, дело было так. Разведчики повстречали некий плавучий объект, он не был похож ни на что, о чем они прежде слышали. Двое из них вернулись домой за дальнейшими инструкциями; выслушав доклад, я сразу полетел, чтобы убедиться во всем своими глазами. Сэр, они рассказывают правду!

— Плавающий объект длиной, как шесть самых больших каноэ, вроде как ледяной, но в то же время и не ледяной... Очень странно.

Покачав седой головой, адмирал неторопливо заложил в зажигалку сухой трут, а затем сильно, с совершенно излишней резкостью протолкнул поршенек через маленький деревянный цилиндр. Вынув стержень, он поднес огонь к чашечке трубы и глубоко затянулся.

— Это вещество похоже на хорошо отполированный горный хрусталь, — объяснил Дельп. — Только хрусталь блестит все-таки слабее, и у него нет таких *переливов*.

— И по нему бегают какие-то животные.

— Три штуки, сэр. Ростом примерно как мы или чуть повыше, но только бескрылые и бесхвостые. И это не просто животные... как мне кажется. На них вроде бы есть одежда. К тому же я не думаю, чтобы блестящий предмет был настоящим кораблем. Он очень плохо держится на воде и, похоже, постепенно тонет.

— Если это не корабль и не бревно, смытое с какого-нибудь берега, — вмешался Т'хеонакс, — так откуда же, скажите на милость, могла взяться такая штука? Из глубины?

— Вряд ли, капитан, — раздраженно отмахнулся Дельп. — Будь это так, непонятные существа были бы приспособлены к водной жизни, ну, как рыбы или морские млекопитающие. А там типичные бескрылые обитатели суши, правда, всего с четырьмя конечностями.

— Ну и как же вы себе это представляете? — издевательски ухмыльнулся Т'хеонакс. — С неба они, что ли, свалились?

— Ничуть не удивлюсь, если так оно и окажется, — очень тихо сказал Дельп. — Больше ведь вроде неоткуда.

Стоявший все это время на четвереньках Т'хеонакс удивленно вскинулся и разинул рот.

— Очень хорошо, — кивнул Сайранакс. — Приятно видеть, что хоть у кого-то из моих офицеров есть фантазия.

— Но откуда могли они прилететь? — взорвался Т'хеонакс.

— Хорошо бы спросить об этом наших врагов с Ланнаха, — сказал адмирал. — В течение одного года они видят больше, чем мы за много поколений. Кроме того, в тропиках они встречают другие варварские стаи и обмениваются с ними новостями.

— Ну а заодно уж и женщин спросим. — В голосе Т'хеонакса звучало чопорное неодобрение с заметной примесью плохо скрываемой зависти — обычное во Флоте отношение к обычаям перелетных сородичей.

— Помолчал бы лучше, — резко бросил Дельп.

— Да как смеешь ты, матросское отродье... — зло окрысился наследник адмирала.

— Заткнитесь! — рявкнул Сайранакс. — Я прикажу навести справки среди пленных, — продолжил он после длительной паузы. — А тем временем стоило бы послать каноэ и подобрать этих тварей, пока странный объект не затонул совсем.

— Они могут оказаться опасными, — предостерег Т'хеонакс.

— Совершенно верно, — согласился его отец. — Именно поэтому не стоит рисковать возможностью, что их найдут, скажем, ланнахи. Найдут и заключат с ними союз. Дельп, возьми «Немнис», посади надежную команду и поставь парус. И прихвати с собой этого типа с Ланнаха, которого мы поймали, — профессионального лингвиста, все забываю его имя.

— Толка? — Дельп с трудом выговорил непривычное слово.

— Вот-вот. Может, он сумеет с ними изъясниться. Потом пришли разведчиков ко мне с докладом, а сам, пока мы не убедимся в том, что эти существа не опасны, держи «Немнис» по дальше от основных сил Флота. Кроме того, низшие классы очень боятся чудовищ из морских глубин, я попробую как-нибудь развеять эти суеверные страхи. Если получится — действуй мягко, при необходимости — со всей жестокостью. В случае чего, потом извинимся... или выкинем трупы за борт. А теперь — полный вперед.

И Дельп дал полный вперед.

Пустыня, в отчаяние приводящая пустыня.

Он стоял на раскачивающемся, опасно кренящемся фюзеляже погибшей машины, совсем невысоко над поверхностью воды, но даже отсюда огромность горизонта ошеломляла. Мелькнула

мысль, что одних размеров этого кольца, где белесое небо смыкалось с серой массой облаков, штормовой пеной и высокими, друг за другом накатывающимися волнами, вполне достаточно, чтобы вселить ужас. Там, на Земле, многим предкам Эрика Уэйса приходилось смотреть смерти в лицо, но земной горизонт никогда не бывает столь устрашающе далеким, почти недостижимым.

И не в том дело, что до своего родного Солнца сотня с чем-то световых лет. Такие расстояния просто не воспринимаются чувствами, они превращаются в безликие, абстрактные числа и совсем не пугают человека, привычного к современным космическим кораблям.

Даже десять тысяч километров океанских просторов, отделявшие его от единственного в этом мире человеческого поселения, крохотной торговой фактории, представлялись сейчас просто числом. Потом, если удастся уцелеть, придут мучительные размышления — каким образом связаться через это — ощущимо огромное — пространство, но сейчас Уэйс думал только об одном — как бы выжить.

Но, даже не задумываясь об этом десятке тысяч пустынных километров, он *видел* огромность, просторность планеты. Все восемнадцать месяцев своего здесь пребывания Уэйс находился под надежной защитой техники и только сейчас, когда эта надежность оказалась не такой уж и надежной, начал эмоционально ощущать окружающий мир. Он стоял на медленно, но верно погружающейся в воду скорлупке и видел в два раза больше холодного, пустынного, пугающего простора, чем на Земле.

Утопающий гравилет сильно качнуло. Уэйс не сумел удержаться на ногах и заскользил по гладкому искривленному металлу обшивки, отчаянно пытаясь дотянуться до электрического кабеля, которым примотали к пилотской рубке ящики с провизией. Свалиться в воду означало верную смерть — одежда и тяжелая обувь сразу утащат на дно. Удержаться удалось в самую последнюю секунду; раздосадованная неудачей волна мокрой соленой ладонью хлестнула его по лицу.

Дрожа от холода, Уэйс пристроил на место последнюю коробку и кое-как просунулся внутрь гравилета. Приходилось пользоваться узким, неудобным аварийным люком — застекленная палуба, по которой во время полета прогуливались пассажиры корабля, ушла под воду, а вместе с ней и роскошная, с бронзовыми накладками главная дверь.

При падении вода сразу заполнила разрушенный двигательный отсек, дальше она медленно заливала остальные помещения, просачивалась мимо покосившихся переборок и в щели разошедшейся обшивки. Гравилет был почти готов к

последнему долгому и плавному снижению — снижению на морское дно.

Тонкие сильные пальцы ветра вцепились Уэйсу в волосы, попытались помешать ему прикрыть за собой люк. Он с большим трудом поборол ураган. Ураган? Кой черт, конечно же, нет! По своей скорости этот ветер — всего лишь что-то вроде свежего бриза, но при атмосферном давлении в шесть раз большем, чем на Земле, бриз лупил с силой земного шторма. Черт бы побрал ТТЛ К 2987165П! Черт бы побрал саму ТТЛ, черт бы побрал Николаса ван Рийна и — в первую очередь — все бы черти побрали Эрика Уэйса, связавшегося с этой компанией.

Борясь с люком, Уэйс взглянул через камингс, не увидел ничего обнадеживающего, только багровое солнце, серые грозовые тучи, надвигающиеся с севера, и несколько темных пятнышек, парящих в небе.

«Эти туземцы — дьявол бы их поджарил на медленном огне — почему они не хотят помочь? Или уж улетели бы куданибудь, а не болтались тут и не упивались зрелищем погибающих людей».

3

— Как, все в порядке?

Совладав в конце концов с люком, Уэйс запер его и спустился по трапу. Внизу пришлось придержаться за стенку — сильная качка сбивала с ног. Волны гулко ударяли в корпус, вой ветра, хоть и не такой пронзительный, как на палубе, мешал говорить.

— Да, миледи, — сказал он. — Насколько это возможно.

— А возможно, сколько я понимаю, очень немногое, верно? — Леди Сандра Тамарин осветила его фонариком. — Ну и видок же у вас, правду говоря. Настоящая мокрая курица. Переоденьтесь — слава Богу, хоть есть во что.

Уэйс кивнул, выбрался из насквозь промокшей куртки и стряхнул с ног хлюпающие сапоги. Без этой одежды он бы замерз на палубе до смерти — температура сейчас никак не выше пяти градусов, — но зато она, похоже, впитала в себя половину океана. Громко стучал зубами, он проследовал за женщиной по коридору.

Молодой высокий человек хороший североамериканской породы, Уэйс имел рыжеватые волосы, голубые глаза, резкие угловатые черты лица и сильное, мускулистое тело. Начинал он на Земле двенадцатилетним учеником кладовщика, а к настоящему моменту успел стать главным представителем Галактической Компании специй и спиртных напитков на планете,

получившей название Диомеда. Не фейерверочный, конечно же, взлет — а в компании ван Рийна бывали и такие, он продвигал сотрудников соответственно получаемым результатам, а значит, живая сообразительность, лихое обращение с оружием и умение не упустить подвернувшуюся возможность давали большие преимущества, — но все-таки хорошая, приличная карьера, вполне реальный шанс перевестись позднее в более приятный и менее удаленный мир, а в конце концов и домой, на какой-нибудь административный пост. Но чего думать об этом сейчас, если несколько часов — и тебя поглотят чужие, холодные воды?

Конец коридора, куда выходила прозрачная пилотская рубка, был освещен яростно-красным солнцем, низко, по-вечернему, стоявшим на юго-западе тусклого, затягивающегося облаками неба: Леди Сандра выключила фонарик и указала на стол с вынутым уже из шкафа комбинезоном. Рядом лежала и верхняя одежда — стеганая, снабженная капюшоном и перчатками; все это обязательно понадобится, когда придет время выходить наружу.

— Надевайте сразу все, — сказала она. — Потом будет не до того.

— А где мастер ван Райн? — поинтересовался Уэйс.

— Что-то там делает со спасательным плотом. Вот уж кто умеет обращаться с инструментами, верно? Но ему, конечно, и карты в руки, как-никак, а бывший рядовой астронавт.

Уэйс пожал плечами, он явно ждал, пока женщина уйдет.

— Так переодевайтесь, — напомнила она.

— Но...

— О-о, — слегка улыбнулась леди Сандра. — Никак не думала, что у землян табу на обнаженное тело.

— Ну... не то чтобы, миледи... но вы ведь — благородно-рожденная, а я простой торговец.

— Примечательно, — заметила она, — что сnobизм наиболее распространен именно на республиканских планетах вроде Земли. Ведь мы — люди, не хуже и не лучше друг друга. А теперь — быстро. Если вы такой уж стеснительный, могу отвернуться.

Уэйс мгновенно натянул одежду. «Хорошая женщина, — думал он. — И веселая. Ну отчего этому старому козлу всегда так везет? Неправильно это!»

Люди, поселившиеся когда-то на Гермесе, были рослыми блондинами; их потомки не портили породу, особенно аристократы, появившиеся в период Развала, когда Гермес объявил себя суперенным Великим Герцогством. Леди Сандра Тамарин была

почти одного роста с Уэйсом; даже бесформенная зимняя одежда не могла скрыть ее гибкой женственности. Сильное, четко очерченное лицо гермесской аристократки нельзя было назвать красивым — высокий лоб, большой рот, чуть вздернутый нос, но ее огромные изумрудные глаза с длинными, пепельного цвета ресницами и тяжелыми темными бровями... Таких прекрасных глаз Уэйс не видел прежде нигде и никогда. Сейчас ее длинные прямые волосы цвета платины были собраны в узел, но Уэйс видел их и свободно развеивающимися, украшенными короной, в свете свечей...

— У вас там все, мастер Уэйс?

— О... Извините меня, миледи, я немного задумался. Одну секунду. — Он натянул стеганую куртку, но молнию застегивать не стал, внутри корабля сохранялись еще какие-то остатки тепла. — Все. Еще раз извините.

— Ничего. — Леди Сандра повернулась, слегка задев его — в коридоре было довольно тесно. — А эти туземцы, они все там? — Ее взгляд скользнул вверх.

— Думаю, да, миледи. Слишком высоко, чтобы говорить с полной уверенностью, ведь они без малейшего труда поднимаются на несколько километров.

— Я вот задумывалась, Торговец, но все как-то не было случая спросить. Раньше мне казалось, что невозможно летающее существо размером с человека, а у этих диомедианцев шестиметровый размах крыльев. Как же так?

— И вы сейчас спрашиваете об этом?

— Так ведь мы просто стоим и ждем мастера ван Райна. Дел у нас никаких нет, так почему бы не поговорить об интересных вещах?

— Мы... нам нужно помочь ему покончить поскорее с плотом, а то не успеем и утонем.

— Он сказал, что аккумуляторов все равно хватит только на один дуговой резак, так что пусть никто не путается под ногами. А вы говорите, говорите. У гермесских высокорожденных тоже есть свои обычаи и табу, в том числе — определяющие пристойный способ умирать. Но что вообще такое человек, если не набор обычаем и табу?

Богатый грудной голос звучал совершенно беззаботно, леди Сандра слегка улыбалась, вот только легко ли ей это давалось?

Мы посреди океана, хотел сказать он, на планете, чья органика для нас — яд. В нескольких десятках километров отсюда есть остров, но направление мы знаем весьма приблизительно. Мы можем успеть состряпать плот из пустых металлических бочек, а можем не успеть, можем успеть погрузить на него продовольствие, а можем не успеть. Шторм, надвигающийся

с севера, может обойти нас стороной, а может и застигнуть. А эти туземцы, пролетевшие над самыми нашими головами несколько часов назад, — они нас игнорируют... а может, наблюдают за нами... одним словом, все что угодно, кроме намерения помочь.

И кто-то ненавидит то ли вас, то ли старика ван Рийна, хотел сказать он. Нет, не меня, я слишком незаметен для такой ненависти. Но ван Райн — это Галактическая Компания специй и спиртных напитков, а эта компания — большая сила в Торгово-технической Лиге, которая, в свою очередь, является *самой* большой силой во всей изученной части Галактики. А вы — леди Сандра Тамарин, наследница трона — если останетесь жить. И вы отвергли предложения многих аристократов своей планеты, выродившихся в результате многих поколений родственных браков. Вы решили поискать отца будущих своих детей в других местах, чтобы следующий Великий Герцог Гермеса был настоящим мужчиной, а не дурацкой хихикающей куклой; так что многие придворные не могут без ужаса думать о вашей коронации.

Не сомневайтесь, хотел сказать он, есть уйма людей, только и мечтающих о смерти Николаса ван Рийна и Сандры Тамарин. Кстати, его галантное предложение подвезти вас с Антареса, где вы с ним познакомились, на Землю с заходами по дороге во все мало-мальски интересные места было весьма продуманным. Самое малое, на что он может рассчитывать, это торговые концесии в Герцогстве. А если удастся... нет, формальный союз такого, как он, вряд ли устроит, а даже вы, при всей своей чистоте и наивности, никак не позовите этому человеку взгромоздиться на трон своих предков.

Но я отклонился от главного, дорогая, хотел он сказать, а главное в том, что кого-то из команды космического корабля подкупили. План был отлично продуман, и этот кто-то только и ждал подходящего случая. Случай подвернулся, когда ван Райн привез вас на Диомеду показать, что такая по-настоящему новая, неосвоенная планета, планета, не имеющая еще даже толковой карты — за пять прошедших с ее открытия лет крохотная горстка живущих здесь людей едва успела кое-как установить очертания континентов. Случай подвернулся, когда этот мерзкий старик, мой босс, приказал мне отвезти его и вас чуть не на противоположную сторону планеты — в горы, знаменитые, видите ли, своей живописностью. Ну а дальше все понятно. Бомба в энергоустановке, почти вся команда — и техники, и слуги — гибнет при взрыве, мой второй пилот расшибает себе череп при падении корабля в море, рация вдребезги... и к тому времени, как на Четверговой Посадке забеспокоятся и отправят

спасательную команду, то немногое, что осталось от гравилета, давным-давно утонет... а если мы даже чудом каким-нибудь выживем, разве есть хоть малейший шанс, чтобы несколько гравиботов, посланных на осмотр не нанесенного на карту мира с диаметром в два раза большим, чем у Земли, углядели три почти незаметные точки, троих людей?

А раз так, хотел он сказать, раз все наши планы, замыслы и мечты о будущем не привели нас ни к чему, кроме такого вот положения, лучше бы вам выкинуть их из головы, бросить всякие разговоры, а вместо этого взять да и поцеловать меня.

Но у него перехватило в горле, и он не сказал ничего подобного.

— Так что? — В голосе Сандры мелькнуло нетерпение. — Какой-то очень уж вы молчаливый, мастер Уэйс.

— Извините, миледи, — пробормотал он. — Боюсь, я не очень-то способен поддерживать беседу в... э-э, в таких обстоятельствах.

— Крайне сожалею, что я не священник, — презрительно бросила леди Сандра, — и потому не могу утешить вас и принять вашу исповедь.

Длинный, покрытый серой пеной вал перекатился через палубу и накрыл даже пилотскую рубку, сталь и пластик задрожали, на какое-то — пока не склонула вода — время их окутала густая ревущая тьма.

Чуть позднее, когда снова стало светло и Уэйс обратил внимание, как глубоко успел осесть их корабль, как раз в тот момент, когда он подумал, что вряд ли удастся протащить ван Рийновский плот через оказавшийся под водой грузовой люк, вдали мелькнуло что-то белое.

Сперва он не верил своим глазам, затем не позволял себе им верить, но в конце концов все сомнения исчезли.

— Леди Сандра.

Он говорил крайне спокойно и осторожно, нельзя же взять вот так и заорать, словно какой-нибудь низкорожденный землянин.

— Да.

Леди Сандра не повернулась; всей спиной своей выражая крайнее презрение, она продолжала смотреть на север, где не было ничего, кроме темных туч и молний.

— Вон там, миледи. Примерно на юго-востоке... там, как я понимаю, парусный корабль, лавирующий против ветра.

— Что?

А вот она — она заорала в самом буквальном смысле слова. Уэйс искренне расхохотался.

— Что-то вроде лодки, — указал он рукой. — Идет к нам.

— Я и не предполагала, что туземцы ходят в море, — сказала — на этот раз очень тихо — леди Сандра.

— Они и не ходят, миледи, те, которые живут по соседству с Четверговой Посадкой. Но ведь планета очень большая. Поверхность раза в четыре больше, чем у Земли, и мы ее почти не изучили, только малую часть одного из континентов.

— Так вы не знаете, на что похожи эти мореходы?

— Не имею ни малейшего представления, миледи.

На их крики из трюма вылез, отдуваясь, Николас ван Рийн.

— Сто чертей в печенку! — проревел он. — Лодка, говорите, *ja*? Ох, не завидую я вам двоим, если вы ошиблись.

Он поднялся в пилотскую рубку и начал всматриваться вдаль через покрытый кристалликами соли пластик. Свет быстро тускнел — солнце опускалось все ниже, и грозовые тучи все плотнее закрывали его багровый диск.

— Ну так что? Где она, эта ваша чертова лодка?

— Вон там, сэр, — показал Уэйс. — Эта шхуна...

— Шхуна! Шхуна-шмуна, башка дубовая. У этой штуки оснастка яла... нет, кой черт, у них на грот-мачте еще и свернутый квадратный парус... вы только посмотрите, они и утлеть гарь даже поставили. А по всему поведению этой посудины, у нее и руль есть, и настоящий киль. Ну и корыто же они, в Бога пуп, сварганили.

— А что бы вы хотели найти на планете, где нет металлов? — Нервозность обстановки заставила Уэйса забыть обо всякой почтительности.

— Хм-м... плетеные членки, плоты, в крайнем случае — катамараны. Сухую одежду, быстро! Слишком холодно для купания!

Только сейчас Уэйс заметил, что ван Рийн стоит в луже и вся его одежда пропитана водой. Судя по всему, склад, в котором сооружался плот, залит, а торговец провел там несколько часов!

— Я знаю, где все лежит, Николас. — Коридор, по которому Сандра бросилась в глубь корабля, наклонялся все сильнее и сильнее; просачиваясь сквозь разбитую корму, вода продолжала заливать отсек за отсеком.

Уэйс помог своему боссу выбраться из хлюпающего комбинезона. В голом виде ван Рийн напоминал... как там называлась эта вымершая обезьяна?.. гориллу. Волосатая, пузатая, двухметровая, с плечами, напоминающими кирпичную стену, горилла, громко выражавшая возмущение холодом, сыростью и медлительностью своего помощника. Правда, на толстых пальцах этой гориллы сверкали кольца, на запястьях — браслеты, а с шеи свешивалась медаль святого Дисмаса. В отличие от коротко подстриженного и гладко выбритого Уэйса, ван Рийн

предпочитал видеть свои длинные черные волосы завитыми и даже — на архаичный манер — надушенными; его тройной подбородок украшала острая козлиная бородка, под огромным крючковатым носом торчали устрашающих размеров усы.

Тяжело, с хрипом дыша, старый торговец обшарил пилотский шкафчик и выудил оттуда бутылку рома.

— Ну вот! Я же помню, что заначил куда-то эту проклятую штуку. — Приложив к широкому лягушачьему рту горлышко, он сделал несколько больших глотков. — Хорошо. Великолепно! Вот теперь, возможно, удастся снова почувствовать себя нормальным человеком, *nie*?

Величественный и шарообразный, как планета, он повернулся к возвратившейся Сандре. Изо всей имевшейся на борту одежды ван Рийн подходил только его собственный, павлиней пестроты костюм — отделанная кружевами рубашка, жилет с роскошным шитьем, короткие штаны из переливчатого шелка, такие же чулки, золоченые туфли, шляпа с пером и — кобура с бластером.

— Благодарю вас. — Он слегка поклонился. — А вы, Уэйс, сходите, пока я одеваюсь, в буфет, там вы найдете коробку сигар и небольшую бутылку яблочного бренди. Захватите их, пожалуйста, а потом пойдем наверх, нужно встретить гостей.

— Святые угодники! — поразился Уэйс. — Да ведь буфет уже залило.

— Да? — грустно вздохнул ван Рийн. — Тогда возьмите только бренди. И быстренько. — Он щелкнул пальцами.

— Некогда, сэр, — торопливо сказал Уэйс. — Мне нужно еще собрать боеприпасы. Туземцы могут оказаться и враждебными.

— Вполне возможно, если они слышали что-нибудь о нас, — согласился ван Рийн, натягивая шелковую исподнюю рубашку. — Б-р-р-р! Я поставлю пять тысяч свечек, если удастся вернуться в свой кабинет, в Джакарту.

— И какому же это святому? — сощурилась леди Сандра.

— Своему, конечно, святому Николаю, покровителю странствующих и...

— Я бы на месте святого Николая попросила расписку.

Ван Рийн побагровел, но разве станешь препираться с наследницей престола, особенно если ее планета представляет интересные коммерческие возможности. Для разрядки он вылил поток ругательств вслед удалившемуся Уэйсу.

Выбраться из корабля удалось не сразу — ван Рийн застрял в аварийном люке, и пришлось его пропихивать. Некоторое время за непрерывно сыплющимися ругательствами не было слышно даже все приближающиеся раскаты грома. Диомеда поворачи-

валась вокруг оси всего за двенадцать с половиной часов, находились они на тридцатом примерно градусе северной широты, стояла ранняя весна, так что солнце валилось в море с прямо-таки устрашающей скоростью. На палубе всем троим пришлось уцепиться за тросы, чтобы выдержать режущие порывы ветра и удары волн. Спрятаться было негде.

— Не самое подходящее местечко для бедного старика, — пожаловался ван Рийн. Очередной шквал вырвал слова из его рта, разодрал их в клочья и швырнул в бешеное море. Завитые локонь торговца плескались, как вымпелы. — Остаться бы мне дома, на Яве, где тепло и уютно, а не растрачивать последние свои годы невесть где...

Уэйс напряженно всматривался в сгущающийся мрак; лодка явно приближалась. Сноровка команды вызывала уважение даже у такой сухопутной крысы, как он, а уж ван Рийн прямо рассыпался в громких похвалах.

— Я запишу его в Зондский яхт-клуб, ей-Богу, запишу! А в следующем году выведу на регату и сделаю на него ставку!

Лодка оказалась довольно большой, свыше тридцати метров в длину, с резным форштевнем и непропорционально огромными голубыми парусами. Утлегарь там на ней или не утлегарь, Уэйсу все равно казалось, что она готова в любой момент перевернуться. Им-то, умеющим летать, это не так страшно, как...

— Диомедианцы. — Спокойный голос Сандры едва различался за воем ветра и пушечными ударами волн. — Вы ведь общались с ними уже полтора года, верно? Чего можно от них ожидать?

— А чего можно ожидать от наугад выбранного племени, живущего в каменном веке? — пожал плечами Уэйс. — Может, они поэты, а может — людоеды. Или и то и другое сразу. Я знаком только с Тырланианской стаей, так те — перелетные охотники. Они всегда твердо держатся буквы своих законов, именно буквы, к духу они относятся не столь скрупулезно. Но в целом — вполне приличные ребята.

— Вы говорите на их языке?

— Насколько позволяет мне моя техноземная культура и структура неба, миледи. Не могу похвастать, что полностью понимаю их концепции, но как-то разбираемся.

Тонущий корабль сильно качнуло, послышался зловещий треск рушащейся переборки, море залило очередной отсек. Скользкий металлический фюзеляж наклонился еще сильнее, и Сандре пришлось схватиться за Уэйса. Брызги морской воды, падавшие на ее волосы, быстро замерзали.

— Но это еще не значит, — закончил он, — что я пойму здешний язык. Сейчас мы дальше от Тырлана, чем Европа от Китая.

Каноэ совсем приблизилось, и очень вовремя — гравилет готов был утонуть с минуты на минуту. Голубые паруса опустились, в воду полетел плавучий якорь, крепкие руки взялись за весла. В тот же самый момент один из диомедианцев взмыл в воздух, за ним тянулась веревка. Следом взлетели еще двое, скорее всего охранники. Через несколько секунд первый опустился на корпус гравилета и молча воззрился на людей.

Тырлан располагался севернее этих широт, его перелетные обитатели не успели еще вернуться из тропиков, поэтому Сандра впервые встретила диомедианца лицом к лицу. Слишком промокшая, промерзшая и усталая, чтобы восхищаться сверхчеловеческой грацией его движений, она, однако, оглядела орнитоида весьма внимательно. Как знать, вполне возможно, что придется долго жить среди этих существ — если, конечно, они оставят людей в живых.

Ростом поменьше среднего человека, он имел метровый хвост с широкой мясистой лопастью на конце и огромные крылья — вроде тех, что у летучей мыши, — сложенные сейчас за спиной. Руки располагались над крыльями, примерно в середине туловища, и поразительно — вплоть до мускулистой пятипалой кисти — напоминали руки человека. Но на том близкое сходство и кончалось — сгибающиеся не вперед, а назад ноги опирались на лапы с четырьмя мощными когтями, словно позаимствованными у какой-нибудь хищной птицы. Круглая, с высоким лбом голова располагалась на длинной, раза в два длиннее человеческой, шее; желтые глаза, полуоткрытые, как у птиц, пленкой, прятались под тяжелыми надбровными дугами. Под черным тупым носом короткие кошачьи усы и широкий рот с медвежьими зубами хищника, ставшего всеядным. Ушные раковины отсутствовали, зато на голове высился мускулистый гребешок, помогавший, видимо, управлять полетом. И все стоявшее перед Сандрой существо — несомненно, млекопитающее, несомненно, мужского рода — было покрыто коротким мягким коричневатым мехом.

Всю его одежду составляли три ремня — на двух, перекинутых крест-накрест через «плечи», висели объемистые сумки, а третий стягивал талию. Далекое от совершенства оружие состояло из обсидианового ножа, кремневого топорика и болас*.

* По-испански — «шары». Два массивных шара, скрепленные коротким ремнем либо веревкой. Употребляется американскими индейцами как метательное оружие. (Здесь и далее примеч. пер.)

Сгущавшаяся мгла мешала разглядеть, чем вооружены его дружки, так и продолжавшие кружить над палубой. Что-то длинное и тонкое, но уж точно не винтовки — на этой-то планете, где нет ни железа, ни меди.

Уэйс подался вперед и кое-как заставил свой язык воспроизвести хриплые звуки тырланского языка:

— Мы друзья. Вы меня понимаете?

И получил в ответ пулеметную очередь совершенно незнакомых слов. Оставалось только пожать плечами и развести руками. Диомедианец пересек палубу — он передвигался на двух ногах, заметно наклонившись вперед, чтобы сбалансировать вес крыльев и хвоста, — нашел выступ, к которому люди прикрепили страховочные тросы, и привязал туда же свою веревку.

— Булинь, — мечтательно вздохнул ван Рийн. — Видишь такое — и сразу сердце щемит.

Оставшиеся на каноэ матросы начали подтягиваться поближе. Диомедианец повернулся к Уэйсу и показал на свое суденышко. Уэйс кивнул, сообразил, что собеседник скорее всего не понимает этого жеста, и осторожно шагнул в указанном направлении. Диомедианец поймал еще одну веревку, брошенную ему с каноэ, указал на нее, потом на людей и начал жестикулировать.

— Понимаю, — сказал ван Рийн. — Ближе подходит рискованно, волна может разбить их посудину об нас. Мы обожаемся линем, и эти ребята перетащат нас к себе. Святой Христофор, разве можно так обращаться с бедным ревматическим стариком!

— Там еще наша еда, — напомнил Уэйс.

Гравилет снова дернулся и осел еще глубже. Диомедианец нервно переминался.

— Нет, нет! — заорал ван Рийн. Похоже, ему казалось, что громкий крик легче преодолевает языковой барьер. — *Nie!* Ни в жизнь! — Руки торговца мелькали, как крылья ветряной мельницы. — Ты что, не понимаешь, дубина несчастная? Уж лучше самим пойти на корм здешним вонючим рыбам, чем есть эту вашу чертову пищу. Мы сдохнем! Живот заболит! Самоубийство! — Он указал на свой рот, хлопнул себя по животу, а затем махнул рукой в сторону привязанных к рубке ящиков.

«Слишком уж эволюция разнообразна, — мрачно думал Уэйс. — Вот тебе, пожалуйста, планета, где есть кислород, водород, азот, углерод, сера... протеиновая биохимия строит тут гены, хромосомы, клетки, ткани... вполне вроде бы нормальная протоплазма... а в то же время человек, попытавшийся съесть какое-нибудь здешнее яблочко или, скажем, кусок мяса, помрет в течение десяти минут, и даже не поймешь — от

какой из пяти десятков равно смертельных аллергических реакций. Белки-то они белки, только вот *не те* белки. Более того, исключительно благодаря иммунизационным прививкам могли люди дышать здешним воздухом, пить здешнюю воду, не подвергаясь астме, сенной лихорадке и прочим аналогичным радостям бытия».

Сегодня он неизвестно сколько часов мерз и мок, вытаскивая и складывая все пищевые запасы гравилета, чтобы перенести их потом на плот. Роскошный атмосферный лайнер, который ван Рийн обычно возил с собой, был постоянно укомплектован различными деликатесами, чтобы по первому требованию вывезти сибарита-торговца на пикник. В ящиках, привязанных к пилотской рубке, лежало достаточно ржаного хлеба, сливочного масла, эдамского сыра, лососины, копченой индошатины, солений, фруктовых консервов, шоколада, плумпудинга, пива, вина и одному Богу известно чего еще, чтобы прокормить троих людей в течение многих месяцев.

Стараясь удержать равновесие, диомедианец несколько раз взмахнул крыльями. В слабом, неверном свете уходящего дня острые когти, густо усеивавшие края этих крыльев, промелькнули около носатой физиономии ван Рийна, словно лезвия сенокосилки, управляемой какой-то свихнувшейся на механике Смертью. Торговец выдержал такое испытание мужественно, его палец продолжал указывать на штабель ящиков. Наконец диомедианец то ли что-то понял, то ли устал спорить. Времени уже не оставалось, он повернулся к каноэ и громко свистнул. Тучей поднявшиеся матросы быстро развязали трос и начали переносить ящики. Уэйс помог Сандре обвязаться линем.

— Боюсь, миледи, вас потащат прямо по воде, — попытался улыбнуться он.

— Так вот что такое... — она чихнула и продолжила: — ...быть отважным межзвездным первопроходцем. Ну, скажу я пару ласковых слов своим придворным поэтам — если вернусь когда-нибудь домой.

Переправив к себе девушку, матросы снова бросили конец на гравилет; взмахом руки ван Рийн приказал Уэйсу привязываться. Сам он продолжал склонничать с первым диомедианцем. Как это можно, не имея ни одного общего слова, было выше понимания Уэйса, но спорившие перешли уже на крик. Как раз в тот момент, когда его подчиненный крепко сжал зубы и прыгнул в воду, ван Рийн демонстративно уселся на мокрый, холодный металл корпуса.

А в тот момент, когда молодого человека втаскивали, словно мокрого кутенка, на борт каноэ, торговец добился-таки своего. Один диомедианец может перенести на короткое расстояние око-

ло пятидесяти килограммов. Троє матросов быстро соорудили нечто вроде веревочных качелей и переправили ван Рийна по воздуху.

Не успели они покончить с этим, как гравилет ушел под воду.

4

Вся команда суденышка — около сотни туземцев — была при оружии, некоторые из них — в шлемах и нагрудниках из многослойной дубленой кожи. На носу находилась едва различимая в полумраке катапульта, а на корме громоздилась высокая, как на средневековых каравеллах, каюта, изготовленная из стволов древовидных водорослей. Двое расположившихся на ней рулевых с видимым трудом поворачивали длинный румпель.

— Ежу ясно, — буркнул ван Рийн, — что мы на военном корабле. Не очень это здорово. С торговцами я бы всегда договарился, тихо и спокойно. А когда перед тобой какой-нибудь хренов офицер, у которого в голове вместо мозгов одни золотые погоны да начищенные пуговицы, на него только и можно, что орать. — Он возвел свои маленькие, близко посаженные глазки к ночному небу, по которому с грохотом змеились молнии, и воскликнул: — Я — старый жалкий грешник, но такого отношения все-таки не заслужил! Ты меня слышишь?

Долго осматриваться не пришлось; гибкие, поразительно — голые, поросшие шерстью тела, перепончатые крылья — похожие на чертей туземцы начали подталкивать людей к рубке. Теперь суденышко мчалось по ветру на сильно зарифленном квадратном парусе и кливере. Уэйс как-то перестал замечать и качку, и грохот волн, и раскаты грома, и вой урагана. Ему хотелось одного — найти какой-нибудь сухой уголок, сбросить одежду, заползти под одеяло и спать, желательно — лет сто подряд.

Рубка оказалась тесной: троє людей и двое диомедианцев едва в ней помещались. Но здесь было тепло, а подвешенная к потолку каменная лампа давала хоть и тусклый, но свет.

Один из орнитоидов — тот, который встретил людей первым, — сидел, сторожко пригнувшись, ни на мгновение не выпуская из руки обнаженный обсидиановый клинок, но его внимание в основном занимал второй туземец, более худой и — судя по седым прядям шерсти — старый, привязанный ременным поводком к одному из угловых столбов рубки.

Глаза Сандры сузились; незаметным — как ей казалось — движением она переложила бластер из кобуры себе на колени.

Это явно не прошло мимо внимания первого диомедианца, и ван Рийн выругался.

— Ну на хрена, спрашивается, дура ты малолетняя, показывать ему, какой из предметов нашего туалета — оружие?

Туземец с кинжалом сказал что-то второму, привязанному, тот ответил серией таких же рычащих звуков, а затем обратился к людям. Теперь его речь звучала совсем иначе.

— Ну вот! — иронически ухмыльнулся ван Рийн. — Толмач. Вы говорить английский, да? Ха, ха, ха!

— Нет, подождите, тут можно и попробовать. — Уэйс перешел на тырланский. — Вы меня понимаете? Других местных языков я не знаю.

Пленник резко поднял голову и заговорил. Его слова звучали почти знакомо.

— Помедленнее, пожалуйста, — прервал туземца Уэйс; всю его сонливость словно рукой сняло.

Смысл доходил с трудом, не сразу.

— Я никогда раньше не слышал этого диалекта(?) карнойского языка.

— Карнойский? Подождите, один из тырланцев упоминал о южной конфедерации племен с названием то ли Карнои, то ли еще что в этом роде.

— Я говорю на языке народа Тырлана.

— Я не знаю такого племени(?). Они не зимуют в наших местах. Карнои обычно тоже, но время от времени, когда все мы находимся в тропиках(?), попадается кто-нибудь из них, поэтому... — дальше смысл слов туземца терялся окончательно.

Диомедианец с кинжалом что-то нетерпеливо сказал и получил короткий ответ; переводчик снова повернулся к Уэйсу:

— Меня звать Толк, я — *мохра* Ланнаха...

— Что-чего? — переспросил Уэйс.

Даже двум людям не так-то легко изъясниться, пользуясь двумя различными диалектами языка, мало знакомого им обоим. В данном случае добавлялось различие речевых и слуховых аппаратов — диомедианцы хорошо воспринимают низкие частоты и слабо — высокие, так что процесс получался медленным и мучительным. За целый час Уэйс разобрал всего несколько мало-мальски информативных фраз.

Толк был лингвистом Великой Стai Ланнаха; его обязанностью было изучить каждый из весьма многочисленных языков, с которым встречалось племя. Название должности Толка можно было, пожалуй, перевести как «Герольд» — кроме всего прочего он исполнял церемониальные возглашения и руководил отрядом гонцов. Стai воевала с дракхонами, и в одной из по-

следних схваток Толк попал в плен. Второго туземца звали Дельп, он был высокопоставленным дракхонским офицером.

Уэйс не торопился рассказывать много о себе — и не столько из осторожности, сколько из понимания, какой трудной окажется эта задача. Он попросил Толка предупредить хозяев корабля, что пища с гравилета жизненно необходима людям, но в то же время смертельно опасна для туземцев.

— Ну и чего ради буду я их предупреждать? — нехорошо ухмыльнулся Толк.

— Если вы не предупредите Дельпа, — нахмурился Уэйс, — вам предстоят большие неприятности, когда он об этом узнает.

— Верно. — Толк сказал несколько слов Дельпу и получил быстрый, короткий ответ.

— Он говорит, — объяснил Толк, — что вам не будет причинено никакого вреда, разве что вы сами подадите повод. И просит вас изучить их языки, чтобы разговаривать без переводчика.

— Что там еще? — вмешался ван Рийн. Услышав ответ Уэйса, он взорвался. — Что? Что это он еще несет? Торчать здесь, пока... Доннер веттер! Я сейчас объясню этой склизкой жабе... — Он начал вставать.

Дельп оскалил зубы, его крылья звучно хлопнули — и тут же распахнулась дверь. На пороге стояли двое охранников, один из них — с томагавком, другой — с чем-то вроде острых кремневых вил.

Ван Рийн схватился за бластер, и тут же Дельп прокрипел несколько слов.

— Он говорит, чтобы вы успокоились, — перевел Толк.

Далее последовали длительные переговоры, в результате которых Уэйс — с большим трудом — понял приблизительно следующее:

— Он не желает вам зла, но обязан думать о своем народе. Вы — нечто новое, неизвестное. Возможно, вы можете им помочь, но как знать, вдруг вы настолько вредоносны, что вас нельзя отпускать. А чтобы разобраться, нужно много времени. Вы должны снять с себя все, что на вас есть, и оставить эти вещи на его попечение. Так как у вас, по всей видимости, нет меха, вам будет выдана другая одежда.

Ван Рийн выслушал все это — в переводе Уэйса — на удивление спокойно.

— Думаю, сейчас у нас просто нет выбора. *Ja*, мы можем перебить многих из них, возможно, даже захватить эту лодку. Но мы не сумеем доплыть на ней до дома. Не говоря уж обо всем прочем, мы раньше погибнем с голоду. Будь я помоложе — да, святой Георгий свидетель, — я бы полез в драку, хотя бы из

принципа. Один, без посторонней помощи, я разобрал бы его по косточке и сделал из костей қсилофон, а затем поприжал бы эту компанию, чтобы они связали нас с базой. Но я слишком старый и толстый, я слишком устал. Когда-нибудь и ты, мальчик, поймешь, как плохо быть старым.

Он наморщил лоб и умудренно кивнул.

— А с другой стороны, в таком месте, где одни ребята воюют с другими, честный торговец всегда может рассчитывать на небольшой, но приличный навар.

5

— Во-первых, — сказал Уэйс, — вам нужно понять, что мир круглый, как мяч.

— Наши ученые давно это знают, — равнодушно ответил Дельп. — Об этом догадываются даже варвары, вроде ланнхов. Да и то сказать — они же каждый год мигрируют, перелетают на тысячи обдисаев. Мы не столь мобильны, но ведь без хорошо разработанной астрономии далеко не уплыvешь.

Вряд ли, думал Уэйс, дракхоны умеют так уж точно определять координаты. Конечно, неолитическая технология туземцев вызывала почтительное изумление, они работали и с камнем, и с керамикой, и со стеклом, сумели даже создать несколько синтетических смол. Они знали подзорную трубу и нечто вроде астролябии, а также составили навигационные таблицы, основанные на движении солнца, звезд и двух лун. Однако ни компаса, ни хронометра без железа не сделаешь, а металлы на Диомеде почти отсутствовали.

Перспективный, отметил он про себя, рынок. Примитивные тырланцы прямо горели желанием получить простейшие металлические инструменты и оружие, платили за них невероятные цены — мехами, драгоценными камнями и фармацевтическим растительным сырьем. Иначе Торгово-техническая Лига просто не заинтересовалась бы этой планетой.

Дракхонам пригодились бы значительно более сложные приспособления, от часов и логарифмических линеек до дизелей, и они смогли бы платить еще больше.

Уэйс напомнил себе, где он сейчас находится — на плоту «Джеранис», в штаб-квартире главнокомандующего Флота. А вот это дружелюбное существо, с которым он беседует, — тюремщик.

Это сколько же дней прошло после того крушения, пятнадцать? По-земному — чуть больше недели. И несколько процентов пищи уже съедено.

Он запрягся в изучение — с помощью Толка — дракхонского языка. К счастью, Лига давно уже разработала приемы, позволяющие предельно сократить срок такого изучения. Нужным образом сосредоточившись, тренированный мозг воспринимал все услышанное с первого раза. Толк пользовался почти такой же системой; может быть, Герольд и не видел никогда металла, но это нисколько не уменьшало его лингвистических способностей.

— Хорошо, — кивнул Уэйс. Он говорил запинаясь, с трудом подыскивая нужные слова, но объясниться уже мог. — А знаете ли вы, что этот шарообразный мир движется вокруг солнца?

— Так считают многие ученые, — все так же невозмутимо ответил Дельп. — Лично я — практик(?) и никогда не интересовался подобными вопросами.

— Ваш мир движется необычным образом. Вообще говоря, здесь у вас все как-то не так. Ваше солнце холоднее и краснее нашего, и поэтому у вас холоднее. *Масса...* ну, не знаю, как это объяснить... вашего солнца почти такая же, как и у нашего, и расстояние до него почти такое же, как от нашего мира до нашего Солнца. Поэтому и год на Диомеде — это так мы называем ваш мир — всего немногим длиннее земного года. Семьсот восемьдесят два дня, так ведь? Диаметр Диомеды — два с лишним диаметра Земли, но на ней отсутствуют тяжелые вещества, которые есть почти на всех планетах. Поэтому гравитация... вот черт!.. поэтому вешу я здесь всего на одну десятую больше того, сколько вешу дома.

— Не понимаю, — сказал Дельп.

— Ладно, не бери в голову, — хмуро отмахнулся Уэйс.

Диомеда приводила планетологов в полное недоумение. Она не относилась ни к одному из стандартных типов, не была ни маленьким твердым шаром, вроде Земли или Марса, ни газовым гигантом с коллапсированным ядром, как Юпитер или планета 61 Лебедя С. Промежуточная по размерам, Диомеда пре-восходила Землю по массе в 4,75 раза, при в два раза меньшей плотности. Последнее объясняется почти полным отсутствием элементов тяжелее кальция.

Центральное светило, красный карлик класса G8 ни размером, ни температурой не выделялось среди других аналогичных звезд. Была в системе и еще одна — необитаемая — планета, такая же придуорочная, как Диомеда, остальные являлись более-менее обычными гигантами. Выдвигались гипотезы, что по причине некой невероятной турбулентности, а может быть, из-за какого-нибудь странного магнитного эффекта случайно образовалось что-то вроде космического масс-спектрографа, и в

результате часть первичного газового облака потеряла все тяжелые элементы. Но почему не произошел хотя бы коллапс центрального ядра Диомеды? Уже одно давление вышележащих слоев должно было привести к вырождению молекулярной структуры. Судя по всему, минералы этой планеты были не совсем обычными — из-за полного отсутствия таких элементов, как хром, марганец, железо и никель. Их кристаллическая структура оказалась значительно более стабильной, чем, скажем, структура оливина, основного из тяжелых минералов Земли.

Черт с ним со всем!

— Не будем про вас, — сказал Дельп. — Но что такого необычного в движении Икт'ханис?

Местное название планеты обозначало не «земля», а скорее «океан» и было женского рода.

Уэйс задумался — описание механических подробностей превосходило возможности его словаря.

Дело в том, что ось Диомеды наклонена под углом почти в девяносто градусов, лежит практически в плоскости эклиптики. Этот факт, в сочетании с холодным, почти лишенным ультрафиолета солнечным светом, задает необычную картину жизни.

На каждом из полюсов почти половину года стоит полная ночь. Такой же продолжительности день ничего не компенсирует, существуют кое-какие полярные организмы, но все это малоинтересные виды, регулярно впадающие в полугодовую спячку. Даже на сорок пятом градусе широты четверть года стоит ночь, зима более суровая, чем любая земная. Ближе к полюсам разумные диомедианцы просто не могут жить — слишком много времени и энергии уходило бы на ежегодную миграцию, в результате постоянная отчаянная борьба за существование не позволила бы подняться выше палеолитического уровня.

Здесь, на тридцатом градусе северной широты, Абсолютная Зима длилась одну шестую часть года — чуть больше двух земных месяцев, — а до экваториальной зоны можно было долететь за какие-нибудь(!) несколько недель. Поэтому ланнахи были довольно культурным народом. Дракхоны жили — первоначально — еще южнее...

Но без металлов особенно не разбежишься. Конечно, на Диомеде с лихвой хватало магния, бериллия и алюминия, но какой от них толк, если нет электролитической технологии? А откуда возьмется эта технология без меди и серебра?

— Так вы хотите сказать, — поднял голову Дельп, — что на вашей Земле всегда равноденствие?

— Ну, не то чтобы совсем, но по сравнению с тем, что делается у вас, почти.

— Так вот почему у вас нет крыльев. Верховная Звезда не дала их вам просто потому, что вы в них не нуждаетесь.

— Хм-м... возможно. Да и вообще, они были бы нам без толку. Земной воздух слишком разреженный, в нем не смогло бы лететь существо размером с меня или вас.

— Не понимаю, как это — разреженный. Воздух, он и есть воздух.

— Не стоит сейчас в это вникать, вы уж поверьте мне на слово.

Ну как объяснить существу, чья математика едва достигла уровня Эвклида, что такое гравитационный потенциал? Ну можно, конечно, сказать — если подняться над поверхностью Земли на шесть тысяч триста километров, тяготение уменьшится в четыре раза, а здесь, у вас, для этого нужно подняться уже на тринадцать тысяч километров. Поэтому Диомеда способна удерживать значительно больше воздуха. Помогает, конечно же, и меньшее количество солнечной радиации, особенно в области ультрафиолета, но главное — гравитационный потенциал. Правду говоря, здешний воздух настолько плотен, что был бы для меня ядом, содерди он ту же, что на Земле, пропорцию кислорода или хотя бы азота. К счастью, диомедианская атмосфера на семьдесят девять процентов состоит из неона, парциальные давления кислорода и азота, а также углекислого газа и водяных паров здесь немногим больше, чем на Земле.

— Поговорим лучше о вас, — вздохнул Уэйс. — Вы знаете, что звезды — это тоже солнца вроде вашего, только они очень далеко, и что наша Земля — планета одной из этих звезд?

— Да. Я слышал, что так считают многие ученые, и верю вам.

— И вы понимаете, какая мощь в нашем распоряжении, если мы способны лететь от звезды к звезде? Вы понимаете, как щедро можем мы вознаградить вас за помошь и какое наказание можете вы понести, удерживая нас в плену?

Дельп широко раскинул крылья, шерсть на его хребте стала дыбом, глаза сверкнули жарким желтым огнем. Дракконы — гордое племя.

Но все это продолжалось какую-то секунду. Лицо туземца ясно — ясно даже на человеческий взгляд — говорило, насколько он озабочен.

— Вы сами мне говорили, что пересекли весь Океан и на тысячах обдисаев пути не встретили ни одного острова. То же самое показывают и наши исследования. Мы не сможем пролететь такое расстояние ни с грузом, ни даже с запиской вашим друзьям, не имея места, где можно отдохнуть.

— Понимаю, — задумчиво кивнул Уэйс. — Ни одно ка-ноэ не сумеет пересечь океан достаточно быстро — наша пища кончится раньше.

— Боюсь, что именно так. Даже при попутном ветре лодка значительно медленнее крыльев. Для такого похода нам потребовалось бы полгода.

— Но должен же быть хоть *какой-нибудь* способ.

— Возможно. Но не забывайте, что у нас сейчас война, тяжелая война. Мы не можем уделить вам много внимания, отвлечь на вас много работников.

— Да уж какое там внимание, Адмиралтейству вашему и в голову такое не придет.

6

Где-то на юге располагался Ланнах, остров размером с Британию, дальше, изгибаясь к северу, на многие сотни километров растянулась цепочка островов Хоменах. Острова эти служили одновременно и разграничительной линией, и щитом — определяли Аханское море и защищали его от холодных океанических течений.

Вот тут-то и располагалась Дракхония.

Стоя на верхней палубе «Джераниса», Николас ван Рийн смотрел на запад, на главные силы Флота. Груботканые, плохо подогнанные пиджак и брюки, работы парусных дел мастера, раздражали кожу, давно привыкшую к более нежным тканям. Ему до смерти осточертели сладкая ветчина и персики в коньяке — хотя, когда продукты эти подойдут к концу, речь пойдет уже не о фигуральной, а о буквальной смерти. А хуже всего сознание того, что ты вроде как вещь, пленник, чьими желаниями никто и никогда не интересуется. Почти такую же муку доставляли мрачные размышления, сколько денег теряет компания, лишившись личного его надзора.

— Чушь! — прогрохотал он. — Захотят они доставить нас домой, так сумеют как-нибудь.

— Ну а чем займутся ланнахи, если дракхоны все свои силы бросят на нас? — устало подняла глаза Сандра. — Ведь война идет с переменным успехом, дракхоны могут ее и проиграть.

— В зуб и в лоб! — Торговец экспансивно взмахнул тяжелым волосатым кулаком. — Пока они тут склокничают из-за каких-то клочков земли, «Пряности и спиртные напитки» каждый день теряют по миллиону!

— Эта «склоки» — дело жизни и смерти для обоих племен.

— А заодно и для нас. *Nie?* — Ван Рийн полез в карман за трубкой, вспомнил, что все его курительные принадлежности

покоятся на дне морском, и застонал. — Ну, найду я ту сволочь, которая подсунула нам бомбу... — Ему так ни разу и не пришло в голову попросить у Сандры прощения, что втравил ее в подобную историю. Но с другой стороны, возможно, именно наследница гермесского престола и была причиной — хоть и косвенной — всех неприятностей.

— Ну что ж, — уже спокойнее закончил торговец. — Думаю, нам нужно здесь немного разобраться. Покончить с этой ихней войной, чтобы ребята могли заняться более серьезными делами.

— То есть вы хотите помочь дракхонам? — Лицо Сандры потемнело. — Не нравится мне это, ведь они — агрессоры. Но с другой стороны, их жены и дети голодали... Трудно тут судить, — вздохнула Сандра. — Так что — действуйте.

— Нет, нет! — Ван Рийн подергал себя за бородку. — Мы поможем той стороне, ланнахам.

— Что?! — У Сандры отпала челюсть. — Но... но...

— Я, — объяснил ван Рийн, — кое-что понимаю в политике. Честному дельцу, желающему хоть немного заработать, без этого просто не обойтись, иначе заявится какой-нибудь вшивый политикан, и все уйдет на налоги, а в конечном итоге — на идиотские штуки, вроде школ и пенсий. Здешние политики не слишком отличаются от прочих представителей этого сучевого племени. Дракхонский Флот — культура могущественных аристократов, но центральная сила — Адмиралтейство, престол. Теперешний адмирал состарился, и его сынок, наследный принц, распоряжается большей властью, чем полагалось бы. Я прислушиваюсь ко всем сплетням — туземцы и не подозревают, насколько лучше мы слышим, чем они, — особенно в этой атмосфере, густой, как суп с клецками. Так что я знаю — этот парень, Т'хеонакс, тип еще тот.

— Ну, поможем мы дракхонам победить Стая. Ну и что? Они же и так побеждают. Стая, собственно, перешла уже к партизанской войне в диких районах Ланнаха. Они все еще сильны, но Флот сильнее, ему только-то и нужно, что удержать некоторое время *status quo*, и тогда победа обеспечена. Да и вообще, каким образом можем мы, которым Бог крыльев не дал, сделать что-нибудь с партизанами? Ну, покажем Т'хеонаксу, как стрелять из бластера, а кто ему покажет, куда стрелять?

— Хм-м-м... да, — неохотно кивнула Сандра. — То есть нам нечего предложить дракхонам, кроме торговли и союза, но все это после того, как они доставят нас домой.

— Вот именно. А они совсем не горят желанием поскорее познакомиться с Лигой. Они осторожны и подозрительны —

ну совсем, как мы с вами. Они хотели бы сперва покончить с этим новым завоеванием, консолидироваться, а уж потом встретиться с могущественными чужаками. Я слышал буквально огрызки фраз, но общее настроение понятно. Т'хеонакс позволит нам самим подохнуть с голоду, а может, не станет дожидаться и перережет нам глотки. Возможно, он выкинет всю нашу хурду-мурду за борт и заявит потом, что ничего такого даже и не слышал. А может, он скажет, когда здесь появится корабль Лиги, — *ja*, мы выудили людей из моря, но никак не могли быстро доставить их домой.

— А могут ли они — даже при большом желании? Вот вы, мастер ван Рийн, каким образом добирались бы домой, получив от туземцев любую возможную помощь?

— Чушь! Все это — мелкие подробности, а я — не техник. Техников я нанимаю. Моя работа — не самому делать невозможное, а принуждать к этому других. Только каким образом могу я хоть что-нибудь организовать, оставаясь более чем наполовину пленником короля, совершенно не заинтересованного в знакомстве с моим народом?

— А ланнахи загнаны в угол и будут готовы буквально на все. Да, — искренне рассмеялась Сандра, — дело за малость — как до них добраться? — Широким взмахом руки она обвела окружающую обстановку. Ничего утешительного не вырисовывалось.

«Джеранис» представлял собой самый типичный плот — громоздкая конструкция из крепких бревен какого-то похожего на бальзу дерева, связанных с достаточными промежутками и достаточно гибко, чтобы не ломаться на волне. Стена из вертикальных стоек огораживала вместительную кладовую и одновременно поддерживала главную палубу. Это какой же потребовался труд, чтобы обтесать пошедшие на изготовление этого настила брусья! На плоских палубах бака и юта стояли металлические машины, на последнем виднелся к тому же и огромный румпель. Между ними располагались изготовленные из жердей и проконопаченные водорослями жилые помещения, мастерские и кладовки. Общие размеры плота составляли примерно шестьдесят метров на пятнадцать, спереди он сужался к наклонному форштевню, что обеспечивало некоторую обтекаемость; на самом носу стояла еще одна катапульта. Фок- и грат-мачты несли по три больших прямоугольных паруса, прямо перед ютом располагалась бизань с треугольной оснасткой. При благоприятном ветре — и с учетом силы местных ветров — эта неуклюжая конструкция делала несколько узлов, а при полном штиле могла передвигаться на веслах.

Здесь помещалось около сотни диомедианцев, не считая женщин и детей. Десять семейных пар, аристократы, имели на юте отдельные помещения, двадцать семей наиболее квалифицированных моряков жили на главной палубе, в отдельных комнатах, остальные — рядовые матросы — теснились на полуба-ке, в кубрике.

Чуть подальше стояла основная часть этой эскадры. Здесь были плоты самых разнообразных типов: одни по преимуществу жилые, как «Джеранис», другие — трехпалубные — были грузовыми, на некоторых виднелись длинные сараи, там перерабатывали рыбу и водоросли. Кое-где на воде качались небольшие островки, образованные несколькими связанными между собой плотами. Одни каноэ были привязаны к плотам, другие — патрулировали между ними. Небо застилали многочисленные крылья — воздушные отряды, основная военная сила дракхонов, непрерывно высматривали врага.

А дальше, насколько видел глаз, морскую гладь покрывали остальные эскадры Флота. Большая часть их занималась рыбной ловлей, работой изнурительно трудной, если учесть, что сети вытаскивались из воды прямо руками, без каких бы то ни было приспособлений. Да и вообще, почти вся жизнь дракхонов состояла из тяжелых, изматывающих работ.

— Вкалывая, как они, недолго и ноги протянуть. — Ван Рийн похлопал по толстому брусу перил. — Вот это, скажем, дерево, оно ведь крепкое, как черт знает что, а его скребут камнями да стекляшками! С удовольствием взял бы на работу бригаду из здешних, если, конечно, удалось бы потом не подпускать к ним всяких там профсоюзников с длинными языками.

— Говорите по делу, мастер, или я пойду займусь чем-нибудь другим, — возмущенно топнула ногой Сандра. Она не жаловалась на постоянную угрозу смерти, на холод, неудобства и унылую тоскливость проводимых Уэйсом уроков языка. Но всему же есть предел. — Я спрашиваю вас, каким образом можем мы отсюда выбраться?

— Нас спасут ланнахи, разве это не понятно? — удивился ван Рийн. — Точнее, они попытаются нас украсть. Да, так будет даже лучше. Тогда, если у них ничего не получится, наш приятель Дельп не сможет сказать, что это мы виноваты.

— Не понимаю. Да откуда они узнают, что мы здесь, я уж не говорю — почему они нами заинтересуются?

— Ну... возможно, им скажет Толк.

— Так ведь Толк еще больше пленник, чем мы сами!

— Да. Но с другой стороны... — ван Рийн потер руки. — Мы с ним сообразили некий план. Хорошая у него голова, немногим хуже моей.

— А не будете ли вы добры объяснить мне, — возмущенно вспыхнула Сандра, — каким это образом удалось вам договориться с Толком под постоянным присмотром тюремщиков и без знания дракхонского языка?

— Да нет, — отмахнулся ван Рийн, — на дракхонском я говорю вполне прилично. Вы что, забыли — я ведь минуту назад рассказывал, что подслушиваю их разговоры. Неужели вы думаете, будто я и вправду такой старый и тупой, что никак не могу ничего выучить, хотя и просиживаю с Толком часами? Самое тривиальное жульничество, половину этого времени он учит меня своему ланнахскому. На плоту никто по-ланнахски ни бум-бум — вот они и думают, слыша странные звуки, что Толк пытается произносить земные слова. Все считают, что он отчаялся научить пузатого старика чему-нибудь через Уэйса и пробует лично вбить мне в башку хотя бы азы дракхонского. Ну видели вы таких фраеров? Да я вчера рассказал Толку похабный анекдот, на собственном его ланнахамаэл. Ну и морда же у него стала, словно гадость какую проглотил. Так что у старика ван Рийна осталось еще чего-то там между ушами. Об остальной анатомии скромно помолчим.

Сандра ничего не ответила, она пыталась понять, как это можно учить два неземных языка одновременно, причем один из них — втайне от окружающих.

— Не понимаю только, — размышлял вслух ван Рийн, — чего это Толк так взвился? Хороший же анекдот. Вот послушай: один коммивояжер попал как-то на незнакомую планету, и...

— А вот я понимаю, — торопливо оборвала его Сандра. — То есть... я понимаю, почему анекдот не показался Толку смешным. Дело в том, что... ну... мастер Уэйс все мне объяснил. Диомедианцы не обладают, м-м, постоянной сексуальностью. Они размножаются один раз в год в тропиках во время зимовки. И у них нет семей, в нашем смысле слова. Так что наш... — она густо покраснела, — наш круглогодичный интерес к подобным вопросам не кажется им ни слишком нормальным, ни слишком пристойным.

— Понятно, — кивнул ван Рийн, — но ведь Толк знаком и с Флотом, а на Флоте и семьи настоящие есть, да и рожают они в любое время года совсем' как люди.

— Мне тоже так показалось, — задумчиво согласилась Сандра, — только не понимаю я этого. Мастер Уэйс говорит, что цикл размножения определяется наследственно, инстинктом, или внутренней секрецией, или чем там еще. Каким же тогда образом может Флот жить не так, как велят ему железы внутренней секреции?

— Может как-то, — пожал плечами ван Рийн, — и это главное. А как именно — пусть кто-нибудь из ученых сделает на этом диссертацию.

И тут Сандра схватила торговца за руку — так неожиданно и сильно, что тот сморщился от боли. Ее глаза сверкали зеленым кошачьим огнем.

— Но вы так и не сказали, как все это будет. Каким образом Толк сообщит о нас ланнахам? И что мы будем делать потом?

— А я и сам не знаю, — беспечно улыбнулся ван Рийн. — Я же все играю по слуху.

Он прищурил глаза на далекий, затянутый блекло-розовыми облаками горизонт. Там смутно вырисовывался похожий на замок, огромный даже на таком расстоянии флагман дракхонского Флота. От него к «Джеранису» неслась целая туча перепончатокрылых людей. Кто-то трубил в раковину.

— Вполне возможно, — закончил ван Рийн, — что скоро мы все узнаем. Ибо их ревматическое величество решило-таки пожаловать сюда и разобраться с нами лично.

7

Лейб-гвардия адмирала — сотня воинов, никогда не привлекавшихся ни к каким хозяйственным работам, — приземлилась с безукоризненной точностью и взяла оружие на изготовку. Ветер от двухсот огромных крыльев с грохотом прокатился по палубе, тускло сверкали полированный камень и до блеска начищенная кожа. Развернулось пурпурное, с алой каймой знамя — команда «Джераниса», разместившаяся на мачтах, тросях такелажа и на полуяute, приветствовала его хриплым ритуальным криком.

Дельп хир Орикан сошел с бака и почтительно опустился перед своим повелителем на четвереньки. За капитаном следовали его жена, прекрасная Родонис са Аксоллон, и двое детей; прикрыв глаза крыльями, они ползли животами по палубе. На каждом из них было парадное одеяние — алая перевязь и украшенные драгоценными камнями наручи.

Тroe людей встали рядом с Дельпом. Ван Рийн с порога отмел предложение тоже опуститься на четвереньки.

— Не к лицу члену Торгово-технической Лиги ползать по полу. Да и вообще — не то у меня телосложение.

Крылья Толка, стоявшего на четвереньках рядом с ван Рийном, стягивала сеть, конец его поводка держал крепкий, плечистый матрос. Тусклые глаза ланнаха следили за адмиралом со змеиной, гипнотизирующей пристальностью.

Дельпа окружал почетный караул из вооруженных воинов «Джераниса», в их манере поведения тоже чувствовалась неприязнь — не к самому Сайранаксу, а к Т'хеонаксу, его сыну и наследнику. Все оружие — копья, томагавки, духовые ружья с деревянными штыками — было уважительно взято «на караул», но ни на мгновение не выпускалось из рук.

Судя по всему, огромный нос ван Рийна обладал сверхъестественным нюхом на раздоры и несогласия. Уэйс только сейчас ощутил в собравшихся то напряжение, на которое заранее расчитывал его босс.

Сайранакс прокашлялся, моргнул и повернулся к людям.

— Кто из вас капитан? — В его низком, глубоком голосе слышались неприятные, угрожающие нотки.

— Вот этот мужчина, сэр. — Такой ответ подсказал, не утруждая себя объяснениями, ван Рийн, и теперь вышедший вперед Уэйс говорил быстро, не задумываясь. — Но он не очень хорошо владеет дракхонским. У меня тоже есть трудности с вашим языком, поэтому придется использовать в качестве переводчика этого ланнахского пленного.

— А каким образом поймет этот ланнах то, что вы не сможете сказать на нашем языке? — нахмурился Т'хеонакс.

— Он обучал нас вашему языку, — объяснил Уэйс. — Как вы знаете, сэр, иностранные языки — главное его призвание. Врожденные способности, а также опыт общения с нами зачастую позволяют ему догадаться, что именно хотим мы сказать.

— Звучит вполне разумно, — кивнул седой адмирал. — Хорошо.

— Не нравится мне это! — Т'хеонакс с ненавистью посмотрел на Дельпа и был вознагражден таким же яростным взглядом.

— Кой черт! Дайте я сам все скажу, — выкатился вперед ван Рийн. — Мой дорогой друг... э-э... м-м-м... *pokker*, как там это слово?.. мой адмирал, мы, э-э, мы говорить, как хороший братья... хороший братья — я правильно сказать, Толк?

Уэйс болезненно сморщился. Пока их вели сюда, на встречу с высокими гостями, Сандра успела в двух словах пересказать ему свой разговор с ван Рийном, но все равно — разве можно нарочно изобразить такой жуткий акцент, такую грамматику?

А главное — зачем?

— Может быть, мы побеседуем при посредстве вашего сплеменника, — нетерпеливо предложил Сайранакс.

— *В кость и в масть!* — возмущенно возопил ван Рийн. — Он? Нет, нет, я говорить, моя говорил — говорил сам. Прямо, то есть, э-э, м-м, как там биши вас. Мы говорить братья, так?

Сайранакс обреченно вздохнул, однако ему и в голову не пришло остановить торговца. В глазах сугубо кастового общества дракхонов даже чужеземный аристократ — аристократ и как таковой имеет неотъемлемое право говорить сам за себя.

— Я хотел навестить вас раньше, — сказал адмирал, — но вы еще не умели разговаривать, а к тому же было много прочих дел. Чем труднее становится положение наших врагов, тем отчаяннее их налеты и засады. Не проходит и дня без схватки, хотя бы небольшой.

— Хм-м-м? — Ван Рийн начал сосредоточенно загибать пальцы. — *Ксаммагапаи...* дайте подумать... *ксаммаган, ксаммагаи...* а, понятно. Маленькаяссора! Я хочу вижу нет ссора, старый адмирал, то есть достопочтенный адмирал.

— Следите за своим языком, земхон! — ощетинился Т'хеонакс. Адмиральский сын посещал пленников, и довольно часто, к тому же именно он хранил все конфискованные у них вещи. Он испытывал к людям нечто вроде почтительности, однако, решил Уэйс, вряд ли этот тип способен признать, что какое бы то ни было существо может в чем-нибудь превосходить его, Т'хеонакса.

— А ты, сын, за своим, — негромко сказал Сайранакс и снова повернулся к ван Рийну: — Нет, я не думаю, чтобы они осмелились забраться сюда, но вот наши позиции на материке подвергаются постоянным налетам.

— Понятно, — безразлично кивнул землянин.

Сайранакс непринужденно разлегся на палубе; Т'хеонакс продолжал стоять — его явно сковывало присутствие Дельпа.

— Но я получал о вас доклады, — продолжал адмирал. — И там много удивительного, действительно удивительного. Сообщают, что вы прибыли со звезд.

— Звезды, да! — с идиотским энтузиазмом закивал ван Рийн. — Мы со звезд. Далеко-далеко отсюда.

— А верно ли, что ваш народ организовал базу на дальнем берегу Океана?

Ван Рийн обернулся к Толку, который изложил вопрос адмирала детсккой, простейшей лексикой. После нескольких дополнительных объяснений торговец счастливо улыбнулся:

— Да, да, мы из-за Океана. Далеко-далеко отсюда.

— Неужели ваши друзья не будут вас искать?

— Они смотреть, да, они смотреть очень сильно. Ей-Богу! Смотреть все везде. Вы обращаться мы хорошо, а то наши друзья узнать, и... — ван Рийн осекся и начал несколько испуганно совещаться с Толком.

— Насколько я понял, — сухо объяснил Герольд, — земхон хочет извиниться за свою бес tactность.

— За бес tactность, в которой есть определенный смысл, — заметил Сайранакс. — Если соплеменники успеют найти его живым, многое будет зависеть от того, как мы будем с ним обращаться. Но остается вопрос — найдут ли его достаточно скоро? Что скажете вы, земхон? — Последний вопрос был похож на выпад копьем.

Ван Райн отпрянул.

— Помогите! — взвизгнул он, вскинув руки. — Вы помогать мы, привезти мы домой, старый адмирал... уважаемый адмирал... мы ехать домой и платить много-много рыба.

— Истина выходит наружу, — прошептал Т'хеонакс на ухо отцу, — хотя я, собственно, и так догадывался. Земхон боится умереть с голоду и почти уверен, что друзья не найдут его во время. В противном случае мы услышали бы не просьбы о помощи, а требования.

— Лично я требовал бы в любом случае, — заметил адмирал. — Судя по всему, наш приятель не слишком-то искушен в таких делах. Ну что ж, нам совсем нелишне знать, насколько легко выдавить из него правду.

— Так что, — презрительно подытожил Т'хеонакс, даже не пытаясь понизить голос, — единственная наша проблема — как выжать из этих тварей побольше пользы, прежде чем они сдохнут.

У Сандры резко перехватило дыхание. Уэйс схватил ее за руку, открыл было рот, но тут же осекся, услышав торопливый шепот ван Райна: «Заткнись! Ни звука, дубина несчастная!» Сам же торговец продолжал улыбаться, робко и несколько озадаченно.

— Это неправильно! — взорвался Дельп. — Верховная Звезда свидетельница, сэр, что они — гости, а не враги. Их нельзя просто так использовать.

— А что бы вы еще предложили? — пожал плечами Т'хеонакс.

Его отец моргнул и забормотал что-то себе под нос, словно взвешивал доводы обоих спорщиков. Казалось, сам воздух между Дельпом и Т'хеонаксом заряжен напряжением, это напряжение передалось и воинам. Матросы «Джераниса» и лейб-гвардейцы адмирала еле заметно зашевелились, их руки еще сильнее стиснули оружие.

Ван Райн мгновенно сориентировался. Он отшатнулся, закрыл глаза ладонями и неожиданно бухнулся перед Дельпом на колени.

— Нет, нет! — отчаянно завопил он. — Вы везти мы домой! Вы помогать нас, мы помогать вас! Вы сказать помогать нас, если мы помогать вас!

— Это еще что такое? — дико прорычал Т'хеонакс, бросаясь вперед. — Ты что, заключил с ними сделку?

— Что ты хочешь сказать? — зубы офицера клацнули в каком-то сантиметре от носа Т'хеонакса, края его крыльев угрожающе ощетинились острыми, как кинжалы, когтями.

— Чем должны были помочь тебе эти твари?

— А как ты сам считаешь? — с вызовом бросил Дельп и замер в напряженном ожидании.

Т'хеонакс не то чтобы принял вызов, но и не отказался от него.

— Кто-нибудь может подумать, — негромко пророкотал он, — что у тебя появилось желание избавиться от некоторых своих соперников.

На плот навалилась гнетущая тишина, нарушааемая только участвовавшимся дыханием облепивших такелаж воинов, поскрипыванием досок и тросов, плеском волн, тихим бормотанием ветра. Уэйсу казалось, что он различает даже зловещий шорох обсидиановых кинжалов, высвобождаемых из ножен.

Когда непопулярный правитель под благовидным предлогом устраняет человека, пользующегося доверием народа, всегда найдутся люди, готовые сражаться; всеобщее это правило, на-верняка, применимо и к Диомеде.

— Тут явное недоразумение, — нарушил взрывчатую тишину Сайранакс. — Неужели кто-нибудь может обвинить кого-нибудь — и в чем-нибудь — на основании болтовни этого бескрылого существа? Да и вообще — из-за чего вся эта суматоха? Что полезного может он сделать для кого бы то ни было из нас?

— Это нужно еще выяснить, — прорычал Т'хеонакс. — Племя, способное пересечь океан за неполный день, должно быть весьма искусным. — Он повернулся к дрожащему, как студень, ван Рийну. — Может, мы и попытаемся доставить вас домой. — В рычащем голосе слышалось презрительное благодущие инквизитора, сломавшего наконец свою жертву. — Только мы не знаем, как это сделать. Тут, возможно, пригодилось бы что-нибудь из ваших вещей. Покажите нам, как пользоваться вашими вещами.

— Да, да! — воскликнул ван Рийн, умоляюще сложив руки и кивая головой. — Да,уважаемый сэр, я сделать все вы хотеть.

По команде Т'хеонакса несколько матросов вытащили на палубу большой ящик.

— Я сам сохраняю все эти вещи, — объяснил он. — И даже не пытался что-либо делать с ними — только опробовал ножи из этого сверкающего вещества... — В его глазах вспыхнул

искренний восторг. — Ты, отец, никогда таких *не видел!* Они не рубят, не строгают, они режут! Они режут твердое сухое дерево!

Забыв обо всей своей гордости, высокопоставленные офицеры сгрудились вокруг открытого наследником ящика.

— Дайте этому толстому трепачу место для демонстрации, — нетерпеливо отмахнулся от них Т'хеонакс. — Держите его под прицелом луков и духовых ружей, при необходимости стреляйте без промедления.

Ван Рийн достал из ящика бластер.

— Вы что, — свистящим шепотом спросил Уэйс, — решили пробиться? Ничего не получится! — Он попытался заслонить собой Сандру, но оружие глядело на них со всех сторон. — Эти ребята изрешетят нас прежде, чем...

— Знаю, знаю, — негромко проворчал ван Рийн. — И когда только вы, молодые выскочки, поймете, что у вашего старого толстого босса не все еще мозги протухли? Держись от меня подальше, мальчик, а начнется драка — плюхайся на землю и рой окоп.

— Что? Да ведь...

Но ван Рийн уже от него отвернулся и теперь говорил, услужливо заглядывая в глаза, с Т'хеонаксом.

— Здесь вот это... как вы это называть?... это вещь. Он делать огонь. Он прожигать дырки.

— Ручной огнемет — и такой маленький? — В голосе будущего Великого адмирала послышались нотки ужаса.

— Я же говорил, — вмешался Дельп, — что нам самим выгоднее обращаться с ними честно. Клянусь Звездой, мы могли бы, хорошенько постаравшись, доставить их домой!

— А вам, Дельп, еще рано распоряжаться делами Адмиралтейства. Подождите сперва, пока я умру.

Возможно, Сайранакс хотел пошутить, но только шутка эта разорвалась подобно бомбе. По ближайшим, слышавшим слова адмирала, рядам моряков прошел пораженный рокот, лейб-гвардейцы схватились за оружие. Красавица Родонис са Аксоллон прикрыла своих детей крыльями и угрожающе оскалилась. Матросские жены, теснившиеся на полуяте, испуганно, недоверяющие завизжали.

Обстановку разрядил сам Дельп.

— Тихо! — гаркнул он. — Стоять на месте! Успокойтесь! Какого черта, неужели мы совсем спятили из-за этих тварей?

— Видишь, — продолжал тараторить ван Рийн, — я брать бластер... мы называть он бластер... потом тянуть здесь...

Ионный пучок врезался прямо в грат-мачту; ван Рийн мгновенно дернулся стволом, но в крепком дереве уже появилась вы-

емка глубиной в несколько сантиметров. Прежде чем торговец отпустил курок, голубое пламя метнулось вдоль палубы, по дороге превратив в клуб густого дыма бухту троса и срезав большой кусок фальшборта.

Дракхоны взревели.

Прошло несколько минут, пока они снова расселись на такелаже и палубе; в небе мелькали крылья любопытных, слетевшихся с других кораблей. Однако туземцы имели определенную техническую подготовку, демонстрация не столько испугала их, сколько заинтересовала.

— Покажите это мне! — требовательно протянул руку Т'хеонакс.

— Ждать. Ждать, уважаемый сэр, ждать. — Быстрыми движениями толстых пальцев ван Рийн открыл магазин и вытащил боезапас, стараясь при этом, чтобы окружающие дракхоны рассмотрели как можно меньше. — Сделать сперва безопасный. Вот.

— Какое оружие, — восхищенно повторял Т'хеонакс, снова и снова поворачивая бластер в руках. — Какое оружие!

Зря они так восторгаются, думал Уэйс, в холодном поту ожидавший, когда же ван Рийн начнет задуманное им кошмарное представление и — что это будет за представление? Понять туземцев легко, но ведь такое оружие эффективно исключительно при наземном бое — да и вообще, вон что делает этот старый шулер. По-наглому разряжает все бластеры, так что необученным диомедианцам от них не будет ровно никакого толку...

— Вот, — бормотал себе под нос ван Рийн, — делаю безопасный. Один, два, три, четыре, пять сделаю безопасный... Четыре? Пять? Шесть? — Он начал суетливо переворачивать сложенные в ящики одеяла, одежду, нагреватели и прочее оборудование, приподнял даже переносную плиту. — А где еще три бластера?

— Какие еще три? — уставился на него Т'хеонакс.

— У нас было шесть. — Ван Рийн аккуратно загнул пять пальцев левой руки, а затем — указательный правой. — *Ja*, шесть. Я отдать все этому уважаемому сэру Дельпу.

— Что??

Сотрясая воздух потоком ругательств, Дельп бросился на торговца.

— Это ложь! Было только три, и все они здесь!

— Помогите! — Ван Рийн спрятался за Т'хеонакса. Дельп врезался прямо в наследника престола, и они покатились огромным клубком хвостов и перепончатых крыльев.

— Он задумал мятеж! — выкрикнул Т'хеонакс.

Уэйс швырнул Сандру на палубу и прикрыл ее своим телом; в воздухе замелькали сотни стрел.

Ван Рийн тяжело развернулся, намереваясь заняться матросом, сторожившим Толка, но тот успел уже броситься на защиту своего капитана, так что торговцу только и осталось, что содрать с пленного туземца сеть.

— А ты, — бегло сказал он на ланнахском, — возвращайся с армией и забирай нас отсюда. Быстрее, пока никто не заметил.

Герольд кивнул, взмахнул крыльями и мгновенно исчез в небе, где уже разворачивалось самое настоящее сражение.

Ван Рийн наклонился к Уэйсу и Сандре.

— Сюда, — задыхаясь, выговорил он и тут же заорал: — Да весло ему в грызло! — Получил от какого-то матроса, дравшегося с двумя лейб-гвардиями, случайный удар хвостом, а затем помог девушке подняться и бегом препроводил ее в относительную безопасность носовой надстройки.

— А жаль, что Дельпу кранты, — задумчиво сказал торговец. Стиснутые до смерти перепуганными женщинами и детьми, люди смотрели на все сильнее разгоравшуюся схватку. — Нет у него шансов, а ведь приличный был мужик, с таким можно было и договориться.

— Силы Небесные! — в ужасе воскликнул Уэйс. — Вы что, начали целую гражданскую войну — и всего лишь чтобы отправить гонца?

— А ты знал другой способ? — пожал плечами ван Рийн.

8

Командор Кракна пал в битве с захватчиками, и тогда Верховный Совет Стai выдвинул на его место Тролвена. Совет состоял из старейшин, однако не нужно удивляться молодости их избранника. Вести Стai через безмерные опасности и лишения ежегодной миграции — для этого нужно быть поистине двужильным, редкий командор доживал до преклонных лет. А юную порывистость всегда сдержит сам же Верховный Совет, группа вождей, слишком уже состарившихся, чтобы возглавлять свои кланы, но в то же время достаточно еще крепких, чтобы принимать участие в перелетах.

Мать Тролвена была из Тракканов, ее острая деловая хватка значительно преумножила и без того обширные богатства этой семьи. Про себя она считала, что отец нового командора — Торнак Уэндруйский, Тролвен был очень похож на этого яростного воителя. Хотя какая разница — клан выбирает себе вожака исключительно по личным его заслугам в бою и в мирной жизни, то же самое делает и Совет, выбирая руководителя всех

кланов. Тролвен возглавлял отступающую армию всего еще десять дней, но уже можно было, пожалуй, сказать, что с ним она отступала немного медленнее, чем прежде.

А теперь он вел главные боевые силы Стai в атаку на Флот.

Только-только прошло весенное равноденствие, и дни росли гигантскими скачками; каждое утро солнце вставало чуть севернее, воздух теплел, снега таяли, по долинам Ланнаха бежали бурные, веселые ручьи. Через сто тридцать дней после равноденствия наступит Последний Восход, начнется Полное Лето с его незаходящим солнцем, когда невозможно скрытно подобраться к врагу — разве что поможет туман или дождь.

«А если, — мрачно думал Тролвен, — дракхоны не получат за это лето хорошей трепки, дальше можно будет и не стараться — Стai конец».

Его крылья ритмично взбивали воздух — свободные, экономные взмахи прирожденного странника. Внизу плыли белые пушистые облака, сквозь их разрывы осколками стекла поблескивало море; над головой изгибался темно-фиолетовый купол ночного, усеянного звездами неба. Уже взошли обе луны — непоседливая Флитчан, проходящая от горизонта до горизонта за полтора дня, и медлительная Нуа, успевающая на этом пути несколько раз изменить фазу.

Тролвен вбирал легкими холодную, стремительно несущуюся тьму, чувствовал напряжение мускулов и трепет шерсти, но не испытывал привычной радости полета.

Скоро ему придется убивать.

Вождь не имеет права на нерешительность, но он еще молод, и седой Герольд Толк поймет.

— А откуда нам знать, остались ли эти существа на том же самом плоту? — Он говорил медленно, в такт мерным взмахам крыльев.

— Мы не можем быть уверены ни в чем, Вождь Стai. — Тихий голос Толка едва перекрывал неумолчное бормотание ветра. — Но Толстый подумал и об этом. Он сказал, что каждое утро, сразу после восхода, будет выходить на палубу, на самое видное место.

— А что, если дракхоны заподозрили его в помощи твоему побегу и никуда больше не выпускают?

— Скорее всего в этой суматохе никто ничего не заметил, — успокоил вождя Толк.

— И кто знает, сумеет ли он нам помочь.

Тролвен неукютно поежился. Совет высказывался против этого рейда, и высказывался довольно резко. Слишком рискованно, а даже при наилучшем исходе — слишком много будет потерь.

Несогласные кланы ревом выражали свое неодобрение, потребовались уйма усилий, чтобы всех уговорить.

А если из этой дури ничего не выйдет, если воины погибнут напрасно — и по его вине... Тролвен горел патриотизмом не меньше любого другого юноши, чей народ подвергся наглой агрессии, однако его беспокоило и собственное будущее. Командора, допустившего грубые, непоправимые ошибки, навсегда изгоняют из Стai, словно заурядного вора или убийцу, такое уже случалось.

Он продолжал мерно взмахивать крыльями.

Край неба сочился бледным холодным светом. Прошло еще немного времени, и верхушки облаков окрасились багрянцем, засверкало полускрытое ими море. Единственный момент, когда это отчаянное предприятие имеет хоть какой-то шанс на успех. Света слишком мало, чтобы враги заметили атакующую Стai издалека, но достаточно, чтобы можно было сориентироваться в обстановке.

Из полосы тумана показалась стройная мальчишеская фигурка, поддерживаемая огромными крыльями. Свистун. Резкие, пронзительные звуки, слетавшие с его губ, разносились далеко и отчетливо.

— Хорошо мы рассчитали, — кивнул, прислушавшись, Толк. Именно он, как Главный Герольд, руководил подготовкой разведчиков-гонцов. — До плотов осталось всего пять буасков.

— Я слышал. — Голос Тролвена дрожал от напряжения. — Ну...

Он не закончил фразу, появился еще один мальчик, затем — еще и еще, они летели против ветра, неслись со скоростью, на которую не способен ни один взрослый, их разноголосый свист сплетался в призывную музыку боя. Тролвен, понимавший код разведчиков не хуже, чем обычную речь, крепко сжал зубы и махнул рукой знаменосцу. А затем круто спикировал.

Прорвав пелену облаков, он увидел под собой громаду Флота, покрывавшую все пространство от цепочки островков, известных под названием «Щенята», до плодородного восточного побережья. Тускло-красная штилевая вода, а на ней — палубы, палубы и палубы с торчащими к небу клыками мачт; первые лучи показавшегося над горизонтом солнца залили флагманскую плавучую крепость, огнем зажгли развевающееся над ней знамя. По плотам и лодкам прокатился гром — дракхоны услышали крики своих часовых и бросились к оружию.

Тролвен сложил крылья и камнем пошел вниз; он слышал за своей спиной мощный рев, это клан за кланом неслись три тысячи воинов. Падая, командор ни на мгновение не переставал оглядывать палубы — да где же это дважды проклятое ино-

планетное чудовище — *вот!* Острое, как у любого летающего существа, зрение различило на шканцах одного из плотов три уродливые фигуры, они прыгали и призываю махали руками.

— Здесь! — крикнул Тролвен, крыльями задержав падение. Рядом появился знаменосец, он тоже перешел из пике в парящий полет и развернул красный стяг армии. Отряды перестроились из походного порядка в боевой и один за другим понеслись к плоту.

Дракхоны строились с потрясающим проворством и дисциплиной.

— Боги небесные! — простонал Тролвен. — Ну почему нельзя было лететь одним-единственным отрядом, это уже не рейд получается, а целое сражение.

— Один отряд не донесет землян живыми, — напомнил Толк. — Во всяком случае — отсюда, из самого центра вражеских сил. Нужно так уделать этих плавунов, чтобы у них и мысли не появилось о каком-то там преследовании, когда мы отойдем.

— Они прекрасно понимают, зачем мы здесь, — в голосе Тролвена звучала тревога. — Смотри, как они несутся сюда.

Пробив немногочисленное оцепление, передовой отряд Стai окружил людей кольцом охраны и сразу бросился в бой, захватывать плот. Остальные отряды кружили в воздухе, их задачей было отражение контратаки.

Началась грубая, примитивная, как и любое наземное сражение, драка. Ни одна из сторон не превосходила другую вооружением — военная технология распространяется быстрее любой другой. Деревянные мечи, утыканые осколками кремня, копья с обожженными для крепости концами, дубины и томагавки били по маленьким плетеным щитам и кожаным панцирям. В ход шли и хвосты, и кулаки, и крылья, и когти, которые рвали противника, и зубы, которые впивались ему в глотку. Никто даже и не пытался сохранить хоть какое подобие строя — шла всеобщая свалка. То здесь, то там отдельные бойцы взмывали в воздух, чтобы тут же рухнуть на противника сверху. Тролвена не очень волновала эта фаза сражения; имея численное преимущество, его воины обязательно захватят плот, если, конечно, воздушное охранение сумеет задержать основные силы противника.

Но вот битва в воздухе, думал он, как она великолепна, как похожа на изощренный, ужасный — и в то же время прекрасный — танец (сравнение малооригинальное, его уже применяли сотни певцов и поэтов). А координировать действия тысяч крылатых воинов — это уже настоящее, высшей пробы искусство.

Становым хребтом армии считались лучники; когтями ног удерживая длинные, в свой рост, луки, они обеими руками натягивали тетиву, пускали стрелу, тут же — зубами! — выхватывали из нагрудного колчана следующую и держали ее на готове чуть ли не прежде, чем улетит предыдущая. Отряд таких с самого детства тренированных воинов устанавливал совершенно непреодолимую свистящую завесу, однако, когда стрелы кончались — а кончались они очень быстро, — им нужно было лететь к оруженосцам за пополнением запаса. Все остальные воины имели одну задачу — охранять лучников в этот — самый опасный — момент.

Одни из них метали болас, другие — массивные острые бumerанги, кое у кого были сетки с грузилами: запутавшись в такой сетке, крылатый противник падает и — почти наверняка — разбивается насмерть. Последнее время появились духовые ружья — новинка, позаимствованная у тропических племен. Здесь дракхоны шли впереди, ружье их конструкции имело магазин с перезаряжающим механизмом и деревянный штык. Еще одним преимуществом Флота была более четкая внутренняя организация отдельных боевых отрядов.

С другой стороны, дракхоны продолжали управлять армией при помощи допотопных трубных сигналов, которые и сравнивать нельзя с системой гонцов, мгновенно связывающих одного командира с другим, объединяя всю Стую в слаженный, смертель но опасный механизм.

Солнце встало, облака рассеялись, а тем временем битва становилась все яростнее, на поверхности моря одно за другим расцветали красные пятна. Тролвен бросал короткие приказы: «Хунлу, усилить правый верхний фланг!», «Торга, организовать мощную атаку на флагмана!», а тем временем Срайган...

«Но только ведь у Флота, — мрачно думал Тролвен, — под рукой все его арсеналы, неограниченное количество стрел и метательных снарядов — не говоря уж о численном превосходстве дракхонов. Если не кончить это сражение в самое ближайшее время...»

Плот был уже захвачен, и теперь к нему мчались каноэ дракхонов. На одном из них виднелось огненное оружие — ужасающие, непреодолимые огнеметы, выпускающие через керамическое сопло струю горящего масла, катапульты, метавшие горшки с веществом, взрывавшимся при ударе. Тролвен непривычно выругался.

— Вот такое оружие и помогло Флоту уничтожить все боевые корабли Стai, после чего прибрежные города остались без защиты.

Но землян на плоту уже не было, их унесли — в специально для этой цели сплетенных сетках — шестеро крепких воинов. Теперь остается только менять носильщиков почаще, и очень скоро иноземные существа окажутся в горах, в последней твердыне Стai. Коробки с пищей представляли значительно меньшую трудность — каждую из них легко унесет один воин. Торжествующая трель Свистуна известила о полном успехе.

— Кончаем! — Получив от Тролвена целую серию приказов, гонцы метнулись к рассеянным в небе отрядам. — Хунлу и Срайган, прикрыть носильщиков слева и справа; Дварн, с половиной отряда прикрыть носильщиков сверху, вторая половина идет слева, в дальнем охранении; арьергардные отряды...

Однако окончательно выйти из схватки удалось далеко не сразу, и все это время Тролвена преследовал кошмар, а вдруг основные силы Флота бросятся в погоню. Такое долгое отступление с боем могло полностью погубить Стaю. Однако, как только дракхоны убедились, что враг бежит, они вернулись на свои палубы.

— Все, как ты и предсказывал, — сказал, задыхаясь, Тролвен.

— Дело в том, Вождь, — с обычной своей невозмутимостью объяснил Толк, — что дракхоны не больно-то рвутся в драку. Послав в погоню большую часть своих воинов, они остали бы плоты практически без защиты. Откуда им знать — может быть, именно этого ты и добиваешься. Махнули рукой и решили, что земляне не стоят такого риска и беспокойства — мнение, которое сами же земляне изо всех сил им внушали.

— Будем надеяться, что это — ошибочное мнение. Однако, как бы там ни было, все же ты, Толк, предугадал этот исход. Стоило бы, пожалуй, назначить командором тебя.

— Нет, я тут ни при чем. Все предсказал этот толстый землянин.

— Тогда, — рассмеялся Тролвен, — командовать нужно ему.

— Как знать, — задумчиво ответил Толк, — возможно, он так и планирует.

Северное побережье Ланнаха широкими долинами спускалось к Аханскому морю; именно здесь, в богатых дичью лесах и на пологих травянистых холмах, строили свои поселки принадлежащие к Стae кланы. По берегам бухты Сагна несколько групп таких поселков срослись, образовав города Манненах, чьи обитатели специализировались на обработке кремня, плотничий Йо и Алвен.

Но сейчас все двери здесь были выломаны, крыши смотрели в небо обгорелыми дырами, а на песчаных пляжах бухты лежали вражеские каноэ. Отряды дракхонов расположились в покинутом жителями Алвене, патрулировали Аихский лес и отлавливали стада крупной дичи, как раз начинавшей выходить из зимней спячки.

Потеряв свои лодки и жилища, лишившись охотничьих и рыболовных угодий, Стая отступила в горы. На неспокойных, залитых потоками застывшей лавы склонах Оборха и в стылых ущельях Туманных гор ютились небольшие селения, в которых обитали самые бедные кланы, сюда кое-как втиснулись женщины, старики и дети, остальных пришлось поселить в пещерах и палатках. Но много ли возьмешь с бесплодных земель, лежащих между Кричащей Пустошью и Носом? Даже подчищая их буквально под метелку и сурово ограничивая себя в питании, Стая долго здесь не продержится.

Сердцем Ланнаха было северное побережье, занятное теперь дракхонами, без этой области Стая превращалась в ничто, в жалкое, помирающее с голоду дикарское племя, а затем наступит осень, Время Рождения, и ланнахи станут окончательно беспомощными.

— Нехорошо это, — весьма неадекватно охарактеризовал положение Тролвен.

Он шагал по узкой тропе, поднимавшейся к поселку, — как же он называется? Да, Салменброк, чьи неказистые строения тесно жались на рваном гребне хребта. А дальше — темный базальт с пятнами не успевшего еще растаять снега круто взмывает к кратеру, скрытому в облаке собственных испарений. Почва под ногами ван Рийна чуть-чуть вздрогнула, откуда-то из глубин планеты донесся негромкий, но устрашающий рокот.

Хлипкое изостатическое равновесие... да и чего еще можно ожидать при такой низкой плотности пород... вся геологическая история — сплошные пертурбации, землетрясения, извержения, новые материки поднимаются со дна морского за какие-то тысячелетия, а в результате, при всех этих массах воды, катастрофически неровный климат. Торговец поплотнее обернулся поверх грубой дракхонской одежды нестерпимо вонючую ланнахскую меховую накидку, подул на онемевшие от холода пальцы, попытался найти хоть какой-нибудь просвет в тяжелых облахах, затянувших небо, и нехорошо выругался.

Ну что, скажите на милость, забыл здесь человек его возраста и телосложения? Такой человек должен сидеть у себя дома, в глубоком уютном кресле, с хорошей сигарой и стаканом, и чтобы вокруг пламенели тропические сады Джакарты. Ван Рийн

даже разок шмыгнул носом — так остро вспомнилась Земля. Разве это дело быть погребенным в эту, с позволения сказать, — да здесь же сплошные булыжники! — почву, ведь всегда мечталось, что твое усталое тело покроет мягкая, как пух, родная земля. И чтобы травка выросла... Жестоко и несправедливо, а тем временем оставшаяся без надзора компания громоздит убытки на убытки... Последняя мысль вернула ван Рийна в реальный мир.

— Объясни еще раз, я что-то уже запутался. — Полная его беспомощность в дракхонской речи была напускной, но некоторые затруднения действительно имелись. С ланнахским дело обстояло значительно проще — по счастливому совпадению и грамматикой, и фонетическим строем этот язык не слишком отличался от голландского, а потому торговец давно говорил на нем бегло. — Так, значит, возвращаетесь вы из тропиков, а эти уже тут как тут, дожидаются?

— Да, — горько кивнул головой Тролвен. — Мы и до этого знали, что есть такое племя, но только они селились далеко от нас, на юго-западе. Ну, знали еще, что им приходится переселяться. Из-за того, что треч — это такая рыба, главное их питание — изменил вдруг своим привычкам и переместился из вод Драк'хо в Ахан. Но нам и в голову не приходило, что Флот направляется сюда.

— В нашей истории тоже бывало подобное, — ван Рийн энергично кивнул. В воздухе метнулись длинные черные пряди слипшихся, давно неухоженных волос. — В средние века, когда селедка по каким-то там дурацким своим селедкиным причинам меняла морские пастища, вся история приморских государств летела к чертовой бабушке. Короли теряли престолы, да что там престолы — из-за рыболовных угодий разгорались самые настоящие войны.

— И ведь мы почти не интересовались рыбой, — вздохнул Тролвен. — Разве что несколько кланов из района Сагны, у которых есть... были небольшие лодки, да и то они ограничивались удочками. У нас никому и в голову не приходило ловить сетью, как дракхоны. Добыча у них, конечно же, больше, но только кто же это согласится так горбатиться? Одним словом, для нашего народа рыба почти не имела значения. Хотя, конечно же, мы обрадовались, когда несколько лет назад в Аханском море появилось много треча. Он крупный и вкусный, его жир и кости находят множество применений. Но это был совсем не такой повод для радости, как если бы... ну, например, количество дичи в лесу взяло вдруг и удвоилось.

Пальцы Тролвена непроизвольно сжали рукоятку томагавка. Ведь командор, как ни говори, был совсем еще юношой.

— Теперь я понимаю, что Боги прислали к нам треча в знак гнева своего и насмешки. Вслед за тречем пришел Флот.

Ван Рийн остановился и начал чихать, заглушая отдаленные подземные раскаты.

— Ох! Подожди немного, пожалуйста. И не надо устраивать какой-то дурацкий бег с препятствиями... Ну вот, слава Богу. Так слушай, если вы почти не интересовались рыбой, почему бы не позволить Флоту ловить ее в аханских водах, и дело с концом?

Ван Рийн знал уже почему, так что вопрос был задан просто для продолжения разговора. Прежде чем ответить, Тролвен разразился длинной серией ругательств.

— Они атаковали нас сразу, как только мы вернулись с зимовки. К этому времени они захватили уже наше побережье! А и не сделай они этого — кто же это позволит орде чужаков... чужому народу с дикими и странными обычаями... ну вот ты — ты позволил бы им поселиться прямо у себя в прихожей? А если и позволить, как долго продлится такое мирное сосуществование?

Ван Рийн снова кивнул. Действительно, вот представить себе, что некая нация, управляемая диктатурой и всем известная непристойными своими привычками, попросила отдать ей Луну — на том основании, что Земле этот спутник без большой надобности, а им необходим ну прямо позарез...

Сам-то он, конечно, воспринимал ситуацию спокойнее. Во многих отношениях дракхоны были даже ближе к человеческим нормам, чем ланнахи. Их феодальная культура прямо вытекала из экономики — при полном отсутствии металлических инструментов плот, достаточно большой, чтобы на нем поместились несколько семей, требует огромных капиталовложений. И не может быть никаких недовольных личностей, ведущих полностью самостоятельную жизнь, — все находятся в зависимости от государства. В подобных случаях власть всегда сосредоточивается в руках воинов-аристократов и жрецов-интеллектуалов; у дракхонов два эти класса слились воедино.

Ланнахи же — что более типично для Диомеды — были охотниками. У них почти отсутствовали квалифицированные ремесленники, каждый жил, пользуясь самостоятельно изготовленными орудиями. У охоты очень низкая производительность на единицу площади, это заставляло их селиться очень редко, каждая небольшая община оказывалась почти независимой от всех остальных. Иногда, например при погоне за дичью, они выматывали себя до полного изнеможения, но именно *иногда*. Ланнахам не приходилось день за днем, год за годом непрерывно гнуть хребет, как это делали гребцы и рыбаки Флота, по-

этому у них отсутствовали экономические причины для появления класса начальников и надсмотрщиков.

В результате естественной их социальной ячейкой был маленький матрилинейный клан; эти полуформальные, связанные кровным родством и почти лишенные правительства группы объединялись — со значительной долей самостоятельности — в Великую Стацию. А *raison d'être** Стаци состоял, если не считать мелких клановых разборок, в том, чтобы обеспечить всем ее членам большую безопасность при вылетах на зимовку.

Или когда начинается война!

— Интересно, — пробормотал ван Рийн, мешая ланнахские слова с английскими. — Вот у нас, как и на большинстве планет, только сельскохозяйственные народы стали цивилизованными. А здесь ничего похожего на фермы, ну разве что эти стада полудикого скота. Вот вы охотитесь, собираете ягоды, жнете дикие злаки, малость рыбачите — и только, а в то же время многие из вас умеют писать, есть даже книги. Судя по всему, у вас есть и настоящие дома, и механизмы, и вы умеете ткать. Это что — вам помогают ежегодные встречи с чужаками во время зимовки?

— Что? — переспросил Тролвен.

— Ничего. Я просто задумался, почему — а ведь жизнь здесь достаточно легка, иначе у вас не было бы времени на создание цивилизации, — почему вы не расплодились до такой степени, чтобы перебить всю свою дичь и вырубить все свои леса. Мы, земляне, называем цивилизации вроде вашей удачными.

— Численность у нас растет медленно, — объяснил Тролвен. — Лет триста тому назад выделилась и переселилась куда-то дочерняя стая, а сейчас народа немногим больше, чем сразу после ее отлета. Очень большие потери во время миграции — ураганы, усталость, болезни, нападения варваров и диких зверей, иногда голод и холод, — он сложил крылья горбом, диомедианский эквивалент пожатия плечами.

— Ясненько! Естественный отбор, который вполне естествен, если естество отбирает именно тебя, иначе начинаются вопли и жалобы на трагичность положения. — Ван Рийн погладил бородку; скрывавшиеся под ней многочисленные подбородки покрылись за последнее время щетиной — запас депиляторного фермента уже иссяк. — Понятно. Именно это заставило вашу породу обзавестись мозгами. Или впадать в спячку, или мигрировать. А уж если мигрируешь, будь, пожалуйста,

* Смысл существования (фр.).

готов справиться со всеми сопутствующими этому занятию неудобствами.

Он снова зашагал по тропинке.

— Но нам нужно поразмыслить о ваших теперешних неприятностях, тем более что неприятности эти не только ваши, но и мои. Чего просто нельзя терпеть. — Ван Рийн негодующе фыркнул. — Так рассказывай дальше. Насколько я понял, Флот вымыл вами, вместо швабр, свои палубы, а затем вышиб вас в это вот веселое местечко. И вы хотите вернуться домой, в низины. Ну и, конечно же, избавиться от Флота.

— Мы дали им достойный отпор, — чопорно вскинул голову Тролвен. — Мы и сейчас на это способны, и мы будем с ними сражаться, клянусь духом своей бабушки! Они разбили нас по нескольким причинам. Во-первых, после десятидневного перелета Стая изголодалась и устала. Далее, наши укрепления были уже захвачены. Ну и огнеметы, которые сжигали все защитные сооружения, которые мы строили на скорую руку, а заодно не давали нам нанести удар по главной силе дракхонов, по кораблям.

Он громко клацнул зубами — типичный рефлекс плотоядного существа.

— Мы обязаны покончить с наглыми пришельцами, и в самое ближайшее время. Иначе нам конец, и они тоже это понимают.

— Вот тут я еще не совсем разобрался, — признался ван Рийн. — Эта спешка — она из-за того, что все ваши дети рождаются приблизительно одновременно, *nie*?

— Да. — Тролвен закончил подъем и стоял уже под стеной Салменброка, поджидая пыхтящего и задыхающегося торговца.

Подобно всем селениям ланнахов, Салменброк был укреплен и против врагов, и против хищных зверей. Частокола, естественно, не было — в мире, где все высшие животные виды умеют летать, такое устройство теряет всякий смысл. Формой и размерами здешние здания примерно соответствовали древнему земному блокгаузу, но роль окон у них выполняли узкие щели, дверей на уровне земли не было вовсе, а вход осуществлялся либо через второй этаж, либо через люк в соломенной крыше. Основными фортификационными сооружениями поселка являлись крытые переходы и подземные туннели, делавшие его единым целым.

Прибрежные селения состояли по большей части из бревенчатых домов, но здесь, в высокогорье, где леса уже не росли, основными строительными материалами являлись дикий камень и известковый раствор. Прочные, просторные здания поселка были весьма удобно и даже уютно оборудованы; по одному уже

этому можно было догадываться, насколько обильны и плодородны низинные, захваченные теперь дракхонами земли.

Ван Рийн долго и с восхищением изучал такие приспособления, как деревянные замки, устроенные на манер китайских головоломок, деревянный токарный станок с резцом, кромку которого усеивали острые алмазные осколки, и деревянную пилу со сменными зубьями из обсидиана. Ветряная мельница не только молола зерно и орехи, но также приводила в движение целую уйму механизмов, в их числе насос, наполнявший водой большой каменный бассейн, выдолбленный в скале; при отсутствии ветра мельницу вращала эта же самая вода. Имелась тут даже крошечная парусная железная — а точнее, деревянная — дорога; плетеные из прутьев тележки с деревянными колесами бегали по деревянным же рельсам, они доставляли кремень и обсидиан из близлежащих карьеров, дерево из лесов, сушеную рыбу с побережья и различные ремесленные изделия чуть ли не со всего острова.

— Ну вот! — Ван Рийн был в полном восторге. — Коммерция! Да вы же — самые настоящие капиталисты! Кой черт, с вами, пожалуй, можно иметь дело!

— Что тут удивительного? — «пожал плечами» Тролвен. — Здесь почти все время дует ветер, так почему же не заставить его работать? Правду говоря, вся эта техника создавалась долго, многими поколениями — не будем же мы вкалывать без перешки, как дракхоны.

Все — многочисленное из-за беженцев — население Салленброка столпилось вокруг землянина. Туземцы что-то ему говорили, хлопали крыльями, дети шныряли у него под ногами, не обращая внимания на строгие окрики матерей.

— Сто зеленых чертей в печенку, — ошарашенно воскликнул ван Рийн. — Они что, приняли меня за политику и думают, я буду целовать этих щенят?

— Идем сюда, — потянул его за руку Тролвен. — К Мужскому Храму. Женщинам и детям туда нельзя, у них есть свой, в другом месте.

Шагая по тропинке, он задержался перед идолом, установленным в нише, и отдал ему сложный церемониальный салют. Судя по грубоści и примитивности, этой небольшой статуе была уже не одна сотня лет. Стая придерживалась некоего весьма расплывчатого политеизма, к которому никто из ее членов, похоже, не относился с особой серьезностью, однако ритуалы свои и традиции это крылатое племя чтило свято, словно классический Британский полк.

Пробираясь вслед за Тролвеном, ван Рийн несколько раз оглянулся. Здешние женщины очень напоминали дракхонок —

невысокие и стройные, они имели большие, но без устрашающие-острых когтей по краю крылья. Скорее всего оба этих народа принадлежали к одной расе.

Хотя одно из двух: либо все, что говорили о диомедианцах агенты компании, чушь собачья, либо дракхоны — биологическая нелепица. Такого просто не может быть!

— Вот видите, — печально вздохнул Тролвен, проследив за взглядом торговца. — Половина наших зрелых женщин собирается рожать.

— Хм-м-м. *Ja*, тут у вас, конечно, проблема. Так, значит, если я верно понимаю, ваши дети рождаются прямо на осенне равноденствие...

— Да, с разбросом в несколько дней, исключения крайне редки.

— Но ведь буквально через несколько десятидневок после равноденствия вы улетаете на зимовку. Так что, неужели новорожденные могут летать?

— Нет, конечно, нет. Но наши дети от рождения имеют сильные, цепкие руки, они путешествуют, держась за своих матерей. Кормящая женщина не может забеременеть, так что ни одной из них не приходится тащить двоих детей одновременно, а двухлетки способны лететь самостоятельно, если имеют возможность отдохнуть время от времени на чьей-нибудь спине. Правда, именно эта возрастная группа несет наибольшие потери. С трехлетками вообще никаких проблем, эти долетят куда угодно, только и нужно, что направлять их и охранять.

— Но ведь матерям, наверное, очень трудно?

— Им помогают подростки и пожилые женщины, которые уже не рожают, но все еще способны летать на зимовку. Ну а охота, разведка, оборона — все это, конечно же, на мужчинах.

— Ну хорошо, вы прилетаете на юг. Сколько я слышал, там очень легкая жизнь — фрукты, орехи, а рыба — так просто бери из воды руками. Почему же вы возвращаетесь?

— Здесь наш дом, — просто, без всякой рисовки сказал Тролвен. — Ну и, — добавил он через секунду, — тропические острова не смогли бы прокормить те мириады, которые собираются там зимой — дважды в год, кстати, ведь есть и южные племена. Ко времени отлета мы подбираем все начисто.

— Ясно. Но ты рассказывай, рассказывай. Так, значит, вы спариваетесь на юге в период зимнего солнцестояния.

— Конечно, нас охватывает желание... да ты и сам, верно, это понимаешь.

— Понимаю, — кивнул ван Рийн.

— В это время у нас празднества, мы встречаемся с другими племенами, торгуем с ними, развлекаемся, иногда деремся... — ланнах вздохнул. — Ладно. Вскоре после солнцестояния мы отправляемся назад и прибываем сюда незадолго до равноденствия; к этому времени крупные животные — основное наше питание — уже проснулись и успели нагулять кое-какой жир. Так вот мы и существуем.

— А что — весело. Я бы и сам с радостью так пожил, если бы кто скинул с меня несколько десятков лет возраста да несколько десятков килограммов жира. — Ван Рийн печально высыпался. — Послушай моего совета, Тролвен, ни в коем случае не становись стариком. Старикам очень одиноко. Вам-то хорошо, ослабевая, вы гибнете во время миграции, вам не приходится страдать одышкой, превращаться в такое вот, вроде меня, беспомощное существо, у которого остались одни воспоминания.

— Судя по теперешней ситуации, старость мне не очень грозит, — невесело улыбнулся Тролвен.

— А осенью, когда рождаются дети, да к тому же все разом... *ja*, — размышлял вслух ван Рийн, — вполне понятно, что тут уж все ваши силы и внимание уходят на рожениц и новорожденных. А если у вас к тому же нет достаточно крова и пищи, большая часть этих новорожденных обречена...

— С этим бы можно и примириться. — Легкость, с которой сказал это Тролвен, лишний раз подчеркнула, что к туземцам нельзя подходить с человеческими мерками, считать, что они те же люди, только крылатые и хвостатые. — Но вот женщины, которые их рожают, они крайне существенны для поддержания нашей мони. Недавней роженице нужно отдохнуть, ее нужно хорошо кормить, иначе она не долетит до зимовки. А в таком положении окажется чуть не половина наших женщин, тут уж встает вопрос о выживании Стai! А эти паскудные дракхоны, они ведь размножаются круглый год, словно... словно рыбы... Хватит об этом!

— Конечно, хватит, — охотно кивнул ван Рийн. — Придумаем лучше что-нибудь, и поскорее, а то, глядишь, и мне придется голодать.

— Спасая вас, я погубил много жизней, — напомнил Тролвен. — Мы надеялись, что у вас будут какие-нибудь предложения.

— Главная проблема, — в который уже раз повторил торговец, — в том, чтобы связаться с нашими. Дальше все пойдет как по маслу — они мгновенно прилетят, и я велю им разобраться с этим Флотом.

— Нет, нет. — Сколько ни делать скидку на непривычную форму рта туземцев, улыбка Тролвена явно не была ни веселой, ни добродушной. — Все не так просто. Я никак не могу тратить время, силы, а возможно, и жизни своих соплеменников на какую-то там сумасшедшую попытку пересечь Океан. Тем более — сейчас, когда дракхоны держат нас за глотку. Кроме того, ты уж меня прости, откуда мне знать, что, получив возможность вернуться домой, ты захочешь нам помочь?

Командор Стai отвел глаза к украшенному колоннами входу пещеры, где располагался Мужской Храм. Из пещеры валил пар, где-то в ее глубине свистел гейзер.

— Я бы, может, решил и иначе, — неожиданно добавил он, перейдя на шепот. — Но мои возможности крайне ограничены, надо мной есть Совет, а Совет крайне подозрительно относится к бескрылым чудовищам. Они там считают... ведь мы совсем ничего про вас не знаем... им кажется, что единственная наша надежда — ваше отчаянное положение. До полного окончания войны Совет не разрешит никаких попыток связаться с вашим народом.

— Между нами девушками, Тролвен, — развел руками ван Рийн, — на их месте я думал бы точно так же.

10

Тьма отступила. Скоро наступят белые ночи, когда солнце прячется совсем ненадолго и край неба горит бледным, прозрачным огнем. Сразу после заката появились две луны, обе в полной фазе. Когда Родонис вышла на палубу, Ск'хуанакс высоко поднялся над горизонтом и уже подбирался, расталкивая многочисленные звезды, к медленной, терпеливой Ликарис. Та, Которая Ждет, и Тот, Который Преследует, проложили по бескрайней водной глади трепещущую двойную дорожку.

Старая аристократия, из которой вышла Родонис, воспринимала лунопочитание со снисходительной улыбкой. Вполне сойдет для простых моряков, которые могли бы иначе вернуться к диким кровавым жертвам на алтарь Аэк'ха-из-Глубин, в то время как личность образованная прекрасно знает, что есть только Верховная Звезда... Но все равно Родонис вышла из каюты, прикрылась крыльями и шепотом рассказала о своих бедах ясной, спокойной матери Ликарис.

— Я обещаю тебе песнь, песнь, посвященную одной тебе, песнь, которую сложат лучшие барды Флота и которую исполнят в твою честь, когда ты вновь сочтешься с Тем, Который Преследует. Как говорят астрологи, до ближайшего такого события осталось больше года, так что хватит времени сложить

песнь, которая будет жить, пока живет Флот. А ты, Ликарис, ты спаси моего Дельпа.

Родонис не обращалась к Воителю Ск'хуанаксу — ровно так же, как ни один дракхонский мужчина не мог и помыслить о том, чтобы обратиться с молитвой к Матери. Однако она попросила Ликарис напомнить своему небесному супругу, что Дельп — отважный воин и никогда не забывал делать приношения.

Луна становилась все ярче, снежными холмами громоздилась на западе гряда облаков. Далеко впереди едва угадывалась громада острова, а с севера слышался треск ломающихся льдин. Все странно, непривычно, совсем не так, как в родном Южном Море, откуда изгнали Флот жестокие плети голода. Позволят ли когда-нибудь боги Ахана, чтобы дракхоны назвали эти места своим домом?

Плеск волн, поскрипывание бревен, натягиваемых ночной росой тросов, бормотание ветра в такелаже, громкие хлопки паруса, отдаленный жалобный посвист флейты, житейские обыденные звуки, доносящиеся с полутоя — храп, детский плач, любовная возня какой-то пары... Все это успокаивало, примиряло с мерзлой огромностью, именуемой Аханским Морем. Мысль о собственных детях, об этих двух мохнатых комочках, мирно спящих на роскошном покрывале кровати, придала Родонис новые силы; она раскрыла крылья и взмыла в воздух.

При взгляде сверху ночной Флот казался скоплением громоздких, бесформенных теней, лишь изредка мелькали слабые огоньки — это какая-нибудь команда заработалась допоздна. Все остальные давно уже забылись усталым сном — легко ли целый день забрасывать и вытягивать сети, грести, ворочать кабестаны и лебедки, чистить и солить рыбу, разворачивать и сворачивать тяжелые паруса, выбирать из воды дриссу и фруктовые водоросли, валить деревья и обтесывать их каменными инструментами. Почти вся жизнь рядовых членов команды — как мужчин, так и женщин — состояла из грубой, тяжелой работы, немногие из развлечения были столь же грубы и примитивны — танцы, спортивные соревнования, разухабистые песни, распеваемые во всю глотку над бочкой сваренного из морского зерна пива.

На мгновение остро колнуло чувство гордости за свой народ. Обычно аристократы воспринимают простолюдинов как неотесанных, грязных, неграмотных тварей. Нечто вроде скота, которым нужно управлять с помощью хлыста и крюка, для собственной же его пользы. Однако сейчас, пролетая над огромным, похожим на спящего зверя Флотом, Родонис ощутила его тягу, как пружина, сжатую отвагу — эти неказистые,

измотанные существа были повелителями моря, и высокомерные стяги Драк'хо удерживались натруженными спинами матросов Драк'хо.

Причиной было скорее всего то, что предки собственного ее мужа поднялись с полубака. Родонис не раз и не два видела, как Дельп помогает своим матросам, работая бок о бок с ними во время шторма, или когда густо идет рыба, она и сама давно не гнушилась крутить мельничный жернов или работать на ткацком станке.

Если, как говорят священные книги, труд угоден Верховной Звезде, то почему же аристократы считают его унизительным занятием? В древних семействах было что-то немощное, бескровное, нечто не совсем здоровое. Они вымирали, замещаясь выходцами из простых матросов, и шло это много уже веков. Все прекрасно знали, что больше всего детей у матросов, у ремесленников и воинов заметно меньше, но меньше всего — у наследственных офицеров. Да вот, хотя бы адмирал Сайранакс. За всю свою долгую жизнь он зачал только одного сына и двух дочерей, в то время как у нее, у Родонис, уже сейчас, после четырех лет брака, двое детей.

Разве не указывает это, что Верховная Звезда благоволит честным работникам, не стесняющимся никакой работы?

Да нет... вот ведь эти ланнахи, они рожают раз в два года, словно заведенные, хотя, конечно, многие их щенки мрут во времена миграции. А ланнахи не работают, во всяком случае — не работают по-настоящему. Они охотятся, гоняют стада, рыбачат со своими бабыми уドочкиами. Отваги им, конечно, не занимать, но они просто не способны работать час за часом, день за днем, как дракхонские матросы... ну а нравы у них совершенно непристойные и отвратительные. Скотские! Один раз в год, в полумраке экваториального солнцестояния, пара десятидневок грубого, свального разврата — и все. А затем, отец твоего ребенка просто один из окружающих тебя мужчин, да ты, собственно, и не знаешь, который из них этот самый отец. И ничего, даже отдаленно напоминающего скромность, мужчины и женщины совсем друг друга не стесняются — ведь весь остальной год у них нет никакого желания. Тыфу!

А с другой стороны, эти грязные ланнахи процветали, так что, возможно, такие проблемы не очень волнуют Верховную Звезду... Нет, от подобной мысли пробирала дрожь. Нельзя и сомневаться, что Верховная Звезда решила уничтожить ланнахских скотов, очистить землю, которую они оскверняли. И Флот — орудие этой верховной мести.

Родонис ускорила свой полет. Флагман был совсем уже рядом, горными вершинами возносились к ночному небу *его*

башни. Здесь горело много светильников — и на палубе, и в полуоткрытых ставнями окнах. И вокруг плата, и над ним тучей роились воины. Адмиралтейский флаг все еще реял на мачте, так что Стариk еще не умер, но толпа, ожидавшая этой смерти, становилась все гуще.

Словно стервятники, с дрожью подумала Родонис.

Один из охранников свистом велел ей задержаться и неторопливо подлетел ближе. Тускло сверкнул полированный наконечник копья.

— Остановись! Кто ты?

Родонис была готова к подобной встрече, однако на мгновение язык застыл у нее во рту. Ведь она — всего лишь женщина, а там, внизу, гнездится чудовище.

Тронутые порывом ветра, с треском ударились друг о друга подвешенные к нок-рее сущеные крылья — крылья какого-то провинившегося матроса, который привязан теперь к веслу либо к мельничному жернову. Перед глазами Родонис встала спина Дельпа с двумя красными кульяпками, ее гнев разрядился криком:

— Ты смеешь так обращаться к са Аксоллон?

Воин не знал ее лично, но он видел шарф офицерской касты. Видел он и ее стройное, не обезображенное каждодневным трудом тело.

— На палубу, ничтожество! — продолжала кричать Родонис. — И прикрывай глаза, разговаривая со мной!

— Я, м... миледи, — в ужасе прозаикался стражник. — Я н-не...

Родонис резко спикировала, и он вынужден был метнуться в сторону.

— И это, — добивала она несчастного воина резкими, как удары хлыста, выкриками, — если твой боцман сумеет получить предварительное разрешение на такой разговор.

— Но... но... но... — подлетели другие воины, они беспомощно кружили вокруг разъяренной женщины. Такие законы действительно существовали. Правда, ими столетия уже не пользовались, однако...

Офицер, встретивший Родонис на палубе, взял ситуацию в свои руки.

— Миледи, — сказал он со всем подобающим уважением, — даме не подобает летать одной, без сопровождения, а тем паче — посещать этот плот скорби.

— Крайняя необходимость, — резко бросила Родонис. — У меня неотложное сообщение для капитана Т'хеонакса.

— Капитан у ложа своего уважаемого отца, миледи. Я не решусь...

— Ну что ж, это твои зубы он вырвет, узнав, что Родонис с Аксоллон могла предупредить новый мятеж!

Она пересекла палубу и оперлась о фальшборт, словно делясь своим гневом с морской гладью. У офицера перехватило дыхание, как от удара в живот.

— Миледи! Я сейчас... подождите, подождите, пожалуйста, здесь, одно, буквально одно мгновение. Часовой! Часовой, сюда! Охраняй миледи, следи, чтобы с ней все было в порядке. — Он исчез.

Родонис ждала. Вот теперь предстояла настоящая работа.

До этого момента все было просто. Флот взбудоражен, ни один офицер не смог бы отказать ей, услышав про возможное повторение мятежа.

Хватило и первого. Восстание против Оракула Верховной Звезды — такого не случалось уже более сотни лет, а чтобы еще и в военное время... Все попытались сделать вид, будто ничего серьезного не произошло. Так, недопонимание. Весьма, конечно, прискорбное, но не имеющее особого значения. Воины Дельпа отважно сражались в этой безнадежной битве из ложно понятой верности своему капитану... трудно, в конце концов, ожидать, чтобы рядовые моряки глубоко прочувствовали современный принцип, согласно которому Флот и его адмирал всегда и при любых обстоятельствах превыше интересов отдельного плота и его капитана.

Перед Родонис снова встал недавний разговор с адмиралом. Только сейчас в ее глазах не было слез.

— Мне очень жаль, миледи, — сказал Сайранакс. — Поверьте, мне очень жаль. Вашего мужа спровоцировали, а к тому же он был ближе к истине, чем Т'хеонакс. Я прекрасно знаю, что эта схватка не планировалась заранее, просто случайная искра воспламенила старую неприязнь, и главная вина лежит на моем сыне.

— Так пусть ваш сын и ответит, — воскликнула Родонис.

— Нет, — неумолимо покачал головой старик. — Будь у него сколько угодно недостатков, все равно он — мой сын. И наследник. Сам я долго не протяну, а война — не самое подходящее время, чтобы устраивать свары по вопросам престолонаследия. Ради сохранения Флота Т'хеонакс должен наследовать мне без каких-либо сомнений и возражений, а для этого репутация его должна быть незапятнанной. Хотя бы официально.

— Но почему нельзя освободить и Дельпа?

— Каким образом? Всех остальных я могу амнистировать, и я их амнистирую. Но должен же быть хоть один виновный, кто-то, на чей счет мы спишем горечь всех своих ран и потерь. Дельпа придется обвинить в подготовке мятежа, а затем и нака-

зать, чтобы все остальные могли говорить: «Верно, мы сражались друг с другом, но только по его вине. Теперь мы можем снова быть одним целым».

— Звезда свидетельница, — печально вздохнул Сайранакс, — мне не хочется так делать. Мне бы хотелось... ведь вы, миледи, тоже мне нравитесь. Мне бы хотелось, чтобы мы стали друзьями.

— Мы можем стать друзьями, — прошептала Родонис. — Если вы отпустите Дельпа.

Какое-то время победитель Майона хмуро смотрел на гостью и молчал.

— Нет, — качнулся он головой. — И больше нам говорить не о чем.

Затем последовали мучительно долгие дни ожидания, затем был кошмарный фарс суда, затем кошмар приговора, но приговор не привели в исполнение сразу, и снова потянулось ожидание. Налет ланнахов стал чем-то вроде пробуждения из горячечного сна, он был отчетливым и реальным, сосед по плоту перестал казаться искоса поглядывающим на тебя врагом и превратился в воина, который отогнал варваров от твоих детей.

Прошло еще три ночи, и вот адмирал Сайранакс умирает. Не заболел он так вовремя, Дельп лишился бы уже крыльев, стал бы рабом, но напряжение и неопределенность момента заставили повременить с этой ужасной процедурой — далеко не все офицеры воспринимали приговор как справедливый.

А как только Т'хеонакс станет адмиралом... Уж он-то тянутся не станет... Если только...

— Не будет ли миледи добра проследовать сюда?

Офицеры, проводившие Родонис по палубе, а затем — в огромное мрачное бревенчатое сооружение, были до тошноты работягами. Слуги, носившиеся по освещенным лампами коридорам, смотрели на нее с почти нескрываемым ужасом. Непонятно как, но самые большие секреты сразу становятся известными обитателям полубака — нюх у них, что ли, такой?

Здесь было темно, душно и тихо. Угнетающе тихо. Море никогда не молчит; только сейчас Родонис осознала, что ни разу в жизни была отгорожена от плеска волн и пения такелажа. Ее крылья напряглись, хотелось закричать, взмыть и улететь безразлично куда.

Родонис продолжала идти.

Перед распахнулась дверь, она вошла, и дверь снова закрылась, начисто заглушив все внешние звуки. В маленькой, богато устланной мехами и коврами каюте горели бесчисленные лампы, воздух здесь оказался настолько спертым, что у Родонис закружилась голова. Т'хеонакс возлежал на койке,

играл с одним из земных ножей и смотрел на неожиданную гостью. Больше в каюте не было никого.

— Садись, — сказал он.

Родонис присела на корточки, она смотрела Т'хеонаксу прямо в глаза, как равная — равному.

— Что ты хотела сказать? — равнодушно, без всякого выражения спросил наследник трона.

— Твой отец еще жив?

— Да, но боюсь, что ненадолго. Аэк'ха поглотит его не позже полудня. — В глазах Т'хеонакса появилось затравленное выражение. — Как долго тянетесь ночь!

Родонис молчала.

— Ну так что? — не выдержал в конце концов хозяин каюты. Голова его по-змеиному откинулась назад, голос звучал хрипло. — Ты что-то там говорила... говорила про новый мятеж?

Родонис сидела совершенно неподвижно, как каменная.

— Да, — холодно процедила она. — Команда мужа не забыла своего капитана.

— Возможно, и нет, — бросил Т'хеонакс. — Но за это время в них вбили достаточно лояльности к адмиралу.

— Лояльности к адмиралу Сайранаксу, — поправила Родонис. — А ее хватало и прежде. Ты не хуже моего знаешь, что не было никакого мятежа, просто возмутились ненавидящие тебя воины. Сайранаксом они всегда восхищались, хотя, может быть, и не очень его любили.

А вот против его убийцы поднимется *самый настоящий мятеж*.

— Ты про что это? — вскочил Т'хеонакс. — Кто его убийца?

— Ты, — презрительно выплюнула Родонис. — Ты отравил своего отца.

Дальше время потянулось нестерпимо долго, напряглось, как готовая порваться струна. Она не знала, убьет ее за такие слова этот известный своей бешеной вспыльчивостью мужчина или нет.

Т'хеонакс отпрянул от Родонис, когда блестящий стальной клинок уже царапнул ее горло. Громко клацнув зубами, он прыгнул на койку и встал на четвереньки, выгнув спину, задрав хвост и полурастянув крылья.

— Ну что ж, давай! — лениво-безразличный голос превратился в злобное шипение. — Рассказывай свои бредни, сколько хочешь. Я знаю, как ты ненавидишь нашу семью — и все из-за своего драгоценного муженька. Да что там я, весь Флот

это знает. И ты что, надеешься, кто-нибудь поверит твоим ничем не подтвержденным словам?

— У меня не было ненависти к твоему отцу. — Родонис говорила неровно, запинаясь — ведь всего мгновение назад она была готова умереть. — Да, он пожертвовал Дельпом, поступил, по моему мнению, несправедливо, но ведь это во имя Флота, а я и сама из семьи воинов. Можешь вспомнить, как на следующий же день после налета я пригласила твоего отца к себе отобедать — в знак того, что Флот должен сплотиться.

— Да уж помню, — зло ухмыльнулся Т'хеонакс. — Очаровательный жест. Еще потом все гости жаловались, что ты не умеешь готовить и явно перестаралась со специями. Да к тому же набралась наглости подарить отцу этот блестящий диск. Весьма трогательно! Можно подумать, ты имела на это право. Ведь все вещи этих существ и так принадлежат Адмиралтейству.

— Дело в том, — объяснила Родонис, — что я получила эту кругляшку от толстого земхона. — Чтобы успокоиться самой и успокоить Т'хеонакса, она намеренно отклонялась от главной темы разговора. — Он сказал, что вынул ее из своего багажа. Он называл эту вещь *монета*... их народ употребляет такие штуки при торговле... он хотел, чтобы я сохранила ее на память о нем. Это было сразу после... после мятежа... незадолго до того, как земхонов перевели с «Джераниса» на другой плот.

— Жалкий подарок, — презрительно бросил Т'хеонакс. — Весь истертый, исцарапанный. Ничего не стоящая дрянь. Ну так что? — мускулы его снова напряглись. — Давай, обвиняй меня, если посмеешь.

— Учи, что я совсем не дура, — сказала Родонис. — У моих друзей остались запечатанные письма, их вскроют, если я не вернусь. Попробуй оценить ситуацию трезво и беспристрастно. Ты очень честолюбив и давно приучил окружающих, что от наследника престола можно ожидать буквально чего угодно. Смерть отца сделает тебя адмиралом, почти единоличным повелителем Флота, и ты горишь нетерпением, ожидая своего часа. Теперь адмирал Сайранакс умирает от болезни, совершенно незнакомой медикам, она не похожа даже ни на одно из известных отравлений. Многие знают, что налетчики не сумели унести с собой всю земную пищу — три маленьких пакета остались. Для нас эта пища ядовита, все слышали многократные и настойчивые предупреждения земхонов. Ну а под чьим попечением находятся сейчас все вещи этих чужаков?

Т'хеонакс задохнулся от ужаса и возмущения.

— Это ложь! Я не знаю... — заговорил он быстро и беспаязно. — Я не... да я никогда... неужели кто-нибудь поверит,

что я... чтобы я мог отравить... и к тому же собственного отца?

— Про тебя поверят чему угодно, — саркастически улыбнулась Родонис.

— Клянусь Верховной Звездой...

— Верховная Звезда отвернется от Флота, возглавляемого отцеубийцей. Одно уже это — достаточная причина для мятежа.

— Что тебе нужно? — с ненавистью прохрипел Т'хеонакс.

— Я сожгу эти письма и буду молчать. — Глаза Родонис стали холодными как лед. — Я даже поддержу тебя, если подобные подозрения появятся у кого-либо другого. Но Дельп должен быть освобожден прямо сейчас и с полной амнистией.

Шерсть на спине Т'хеонакса встала дыбом, зубы оскалились.

— Я могу бороться, — прорычал он. — Могу арестовать тебя за предательские разговоры, а затем убить любого, кто осмелится...

— Возможно, — чуть улыбнулась Родонис. — Только стоит ли? Ты расколешь Флот и сделаешь нас легкой добычей ланахов. А мне всего-то и нужно, что вернуть своего мужа.

— И ради этого ты грозишь разрушить Флот?

— Да, — кивнула Родонис. — Ты ничего не понимаешь, — добавила она через секунду. — Вы, мужчины, заняты нациями и войнами, создаете песни, и науку, и разные приспособления. Вы считаете себя сильным, практичным полом. А женщина — она раз за разом приближается к самому краю смертной тени, чтобы породить новую жизнь. Это мы — сильный пол. Нам приходится быть сильными.

Т'хеонакс сгорбился, его била дрожь.

— Да, — прохрипел он после бесконечно долгой паузы. — Да, и будь ты проклята, и чтобы крылья у тебя отсохли, да, ты его получишь. Я прикажу его отпустить, прикажу сейчас же. И чтобы к рассвету ноги его поганой на моем плоту не было. Но я не отравлял отца. — Он забил крыльями так, что его подбросило в воздух, ударился об потолок, застял там, выкрикивая:

— Я невиновен!

Родонис ждала.

Получив через некоторое время письменный приказ, она направилась в корабельную тюрьму. Когда веревки, связывавшие Дельпа хир Ориканы, были перерезаны, он бросился к ней на грудь.

— Я сохранию крылья, я сохранию крылья... — по лицу капитана струились слезы.

Родонис с Аксоллон погладила его по голове, она шептала мужу ласковые слова, она говорила, что все теперь будет хорошо, что сейчас они полетят домой, она даже слегка прослезилась — потому, что любила его.

И все это время Родонис не оставляло леденящее воспоминание, как старый ван Рийн подарил ей монету, предупредив о возможности... как он это назвал?.. отравления тяжелыми металлами.

— Вы никогда не встречались с железом, медью, оловом и всем прочим. Я, конечно, не химик — когда мне требуется чего-нибудь там похимичить, я нанимаю настоящих химиков, — но думаю, что безопаснее мне заглотить горсть мышьяка, чем кому-нибудь из ваших детишек попробовать эту денежку на зуб.

И еще, как она сидела в темноте, с камнем в руке, и терла, и терла эту монету, пока не набралось достаточно блестящего порошка для адмиральского обеда.

Потом, гораздо позднее, она сообразила, что земхон говорил на дракхонском вполне свободно, а ведь считалось, что он совсем не знает языка. А сейчас ее пробрала дрожь от мысли, не оставил ли он этот смертельно опасный предмет намеренно? Неужели он мог предвидеть такие события?

11

В двери появилась Гунтра из Энкланна. Эрик Уэйс устало поднял голову. По стенам мастерской метались огромные тени; в тусклом свете тростниковых свечей неясно проступали многочисленные фигуры усердно работающих туземцев.

— Да? — устало вздохнул он.

В руках Гунтры был широкий, двухметровой высоты щит, крепкая конструкция из прутьев, навитых на деревянный каркас. Уже много десятидневок она руководила сотнями женщин и детей, собиравших прутья и тростник, обрабатывавших дерево, собиравших рамы, оплетавших эти рамы. Никогда еще она не чувствовала себя такой усталой, однако в голосе женщины слышалось торжество.

— Это — четырехтысячный, Советник.

Официально земляне не имели никаких титулов, однако привычные к тому, что каждый член Стai имеет четко определенный ранг, ланнахи выходили из положения, называя их Советниками.

— Хорошо. — Усталыми, мозолистыми руками он взвесил щит. — Крепкая, надежная работа. Четырех тысяч более чем достаточно. Ты выполнила свою задачу, Гунтра.

— Спасибо. — Она с любопытством оглядела мастерскую. Трудно представить, что совсем недавно здесь была всего лишь мельница.

— Советник. — Ангрек из Трекканса держал в руках деревянный бруск. — Я... — он осекся, заметив Гунтру — молодую и, по всеобщему мнению, привлекательную женщину.

Их глаза встретились и странно затуманились. Ангрек раскинул крылья и скованно, неуверенно шагнул вперед.

С громким, похожим на всхлип, вздохом Гунтра повернулась и выбежала из мастерской. Ангрек бросился следом, затем остановился, швырнул бруск на пол и громко выругался.

— Кой черт? — недоуменно спросил Уэйс.

— Духи. — Ангрек ударил кулаком по ладони. — Духи, не иначе... не находящие пристанища души злодеев... дракхоны давно одержимы этими духами, а теперь доходит дело и до нас.

В дверях, на фоне бледного ночного неба, появились еще две темные фигуры — Николас ван Рийн и Толк, Герольд.

— Ну, как делишки? — прогудел ван Рийн. Он жевал свежую, сохраненную в азотной упаковке, луковицу. В отличие от своего подчиненного — и даже Сандры — торговец не выказывал ни малейших признаков худобы и усталости. «Еще бы, — зло подумал Уэйс, — ведь это старое трепло совсем не работает. Только шляется по всему поселку, разговаривает со здешним начальством, да еще жалуется, что работа идет чересчур вяло».

— Не то чтобы очень быстро, сэр.

«А ты, — хотелось сказать ему, — пиявка раздувшаяся, взвалил на меня всю работу и хочешь, чтобы я спас тебя, а в награду ты подсунешь мне другую такую же факторию на еще какой-нибудь дьявольской планете».

— Ну так надо ускорить. Никто из нас не может ждать долго.

Толк пристально глядел на Ангрека, который дрожал всем телом и судорожно бормотал заклинания.

— Что с тобой?

— К... колдовство. — Ангрек прикрыл глаза ладонью. — Герольд, — он говорил сбивчиво, неуверенно. — Тут была Гунтра из Энкланна... и на какой-то момент мы... мы с ней захотели друг друга.

Толк помрачнел, но в голосе его не слышалось осуждения.

— Такое случалось со многими. Держи себя в руках.

— Но что же это такое, Герольд? Болезнь? Воздаяние за грехи? В чем я провинился?

— Подобные противоречивые устремления — не такая уж редкость. — Сейчас Толк словно читал лекцию. — Время от времени они охватывают почти каждого из нас, только о них не говорят, их подавляют и стараются поскорее забыть о случившемся. Однако, — он помрачнел еще больше, — последнее время такое происходит все чаще и чаще. И я не знаю почему. Работай и старайся избегать женщин.

Ангрек судорожно перевел дыхание, подобрал свой бруск и тронул Уэйса за локоть:

— Я хотел посоветоваться. Мне кажется, эта форма — не самая удачная...

Толк огляделся по сторонам. Он только что вернулся из дальнего похода — нужно было облететь почти весь остров, переговорить с разбросанными по нему кланами.

— Много вы тут успели сделать.

— *Ja*, — благодушно кивнул ван Рийн. — Он — талантливый инженер, этот мой юный друг. Но еще руководителю заброшенной на необследованную планету фактории просто необходимо быть хорошим инженером. В интересах сохранения собственной задницы.

— Я не очень знаком с подробностями его разработок.

— Моих разработок, — оскорбленно поправил ван Рийн. — Я сказал ему изготовить для нас оружие. Он его делает — вот и все.

— Все? — сухо переспросил Толк. Он рассматривал сложную деревянную конструкцию. — Что это такое?

— Скоростной метатель стрел, я называю его пулеметом Видишь: этот балансир вращает маховик с уступами. На маховик подаются — вот этим ремнем — стрелы. Затем они выбрасываются быстро, штуки две-три за то время, пока мигнешь. Маховик установлен на поворотной опоре, чтобы можно было прицеливаться. Конструкция, собственно, не новая, ее придумал то ли Миллер, то ли де Камп, то ли кто еще. Все это не имеет значения, она эффективна, и это самое главное.

— Великолепно, — кивнул Толк. — А это что?

— Баллиста. Это вроде драконских катапульт, только мощнее. Она метает большие камни, способные пробить стену или потопить корабль. А вот — *ja*. — Ван Рийн поднял принесенный Гунтрай щит. — Не такой, конечно, интересный демонстрационный образец, как те, однако, как мне кажется, он имеет гораздо большее значение, чем все эти хитрые механизмы. Это щит, прикрывающий спину воина в наземном бою.

— Мм-м-м... да, вижу. Вот тут будут пристежные ремни... Так, значит, он задержит снаряды, летящие сверху? Хорошо, только ведь с такой штукой на спине войн не сможет взлететь!

— Вот именно! — радостно рявкнул ван Рийн. — Вот так, твою в клеш и в дрожь, именно! Вы, диомедские, ни хрена не понимаете. Ну как можно выиграть настоящую войну, если у тебя одни только воздушные силы, и ничего кроме? Там, в Салменброке, я день за днем вдалблюваю вашим офицерам, что захватывает и удерживает местность пехота, и только она. А офицеры вдалбливают это рядовым, а потом нужны еще тренировки. А времени совсем нету. За какие-то несколько десятков дней мне приходится делать то, на что нужны годы и годы!

Толк кивнул без всякого, похоже, удивления. Даже Тролвену потребовалось некоторое время — и уйма доводов, — чтобы переварить совершенно новую для диомедианцев идею армии, главные силы которой заняты наземными операциями, намеренно прикованы к земле. Но Герольд только кивнул:

— Да, я вас понимаю. Именно укрепления решат судьбу войны. Захватив города, мы вернем себе контроль за районами, откуда поступает пища. А чтобы их захватить — придется ползать на брюхе.

— Здорово ты соображаешь, — чуть не с завистью заметил ван Рийн. — Некоторые личности из нашей земной истории так до самой смерти и не поняли, что одной воздушной мощью не победишь.

— Но остается еще огненное оружие дракхонов, — напомнил Толк. — С ним вы что будете делать? Все эти десятидневки я только тем, считай, и занимался, что убеждал дальние кланы присоединиться к нам. Я передавал им твои заверения, что против огня можно выстоять, что у нас будут собственные огнеметы и бомбы. Нехорошо, если все это окажется обманом.

Он еще раз осмотрелся. В недавней мельнице усердно трудились многие десятки крылатых рабочих. Примитивный токарный станок, несколько рационализированный Уэйсом, изготавливал дрекви копий и рукоятки томагавков. Почти все остальные механизмы казались незнакомыми. Вращающийся точильный камень придавал форму лезвиям топоров и другим аналогичным предметам: получалось не так хорошо, как при ручной обработке, зато продукция шла потоком. Механический молот отщеплял обсидиановые и кремневые клинья для изготовления лезвий. Циркульная пила резала дерево, крутильная машина с головокружительной скоростью свивала веревки. Вся эта техника — ее вращали протянутые от мельничных колес приводные ремни — выглядела хлипко и нелепо, однако она выпле-

вывала оружие в совершенно бешеном, на взгляд туземцев, темпе.

— Замечательно, — сказал Толк. — Мне даже страшно становится.

— Я изменил ваш образ жизни, — гордо заявил ван Рийн. — И дело тут совсем не в той или этой конкретной машине, дело в-главной, привнесенной мной идее — идее массового производства.

— Но огненные...

— Уэйс позаботился и об этом. Со склонов вулкана собирают серу, кроме того, на вашем острове есть выходы нефти, из которой мы делаем такис жидкости — просто мечта поджигателя. Занялись перегонкой, дракхонам эта операция известна, но для вас — в новинку. Теперь у Стai тоже будет молотовский коктейль.

— Есть, правда, одно обстоятельство, — слегка помрачнел ван Рийн. — Вашим воинам такое оружие незнакомо, их еще учить и учить, а времени на это нет. Очень скоро я умру с голоду. Да и вам нужно запасти пищу как можно скорее — до того, как у всех этих женщин оттопырятся животы. Хотя, — тяжело вздохнул он, — я-то умру гораздо раньше, чем у вас пойдут неприятности.

— Ошибаешься, — мрачно заметил Толк. — Верно, до Времени Рождения еще целых полгода, но мы уже слабеем от голода, холода и отчаяния. Мы пропустили много ритуалов...

— Черти бы драли эти ваши ритуалы, — взорвался ван Рийн. — Я тыщу раз повторял, что в первую очередь нужно брать Улвен — этот город господствует над Холмистым Склоном, где бродят все эти ваши коровы, или как там их еще. Захватив Улвен, вы получите и пищу, и удобное для обороны укрепление, так нет же, и Тролвен, и Совет уперлись на своем — ударим прямо по Манненаху, оставив Улвен и сидящих там дракхонов в тылу, а потом займемся побережьем бухты Сагна, где как раз и стоят все ихние плоты. И чего, спрашивается, ради? Да чтобы провести там какой-то ваш хренов ритуал!

— Ты не понимаешь, — спокойно, без какого-либо возмущения объяснил Толк. — Мы с вами слишком разные. Даже меня, всю жизнь общавшегося с чужими народами, иногда удивляют ваши воззрения. Наша жизнь организуется по годичным циклам. И не то чтобы мы так уж серьезно воспринимали древних богов, но посвященные им ритуалы, чувство долга, ощущение единства и причастности... — он поднял глаза к теряющейся во мраке крыше, откуда доносились завывание ветра и деловитое поскрипывание мельничных колес. — Нет, я не верю, что ночью там летают души предков. Но я верю, что

большое манненахское богослужение, посвященное возврату Полного Лета — а наши предки не пропустили его ни разу с того самого времени, как возникла Стая, — что этот ритуал необходим для сохранения моего народа.

— Чушь! — Покрытая толстой коркой грязи рука ван Рийна поскребла густую, спутанную бороду, покрывавшую половину его лица. Торговец давно не брился и не мылся — даже после антиаллергических уколов человеческая кожа не могла выдержать здешнего мыла. — Хочешь, я объясню тебе, зачем вам сдались все эти ритуалы? Во-первых, вы находитесь в рабской зависимости от смены времен года — вроде как древние земные фермеры, но только еще сильнее. Во-вторых, вам приходится улетать отсюда, оставляя свои дома пустыми на всю зиму, вот ритуал и становится самым дорогим вашим достоянием. Это — единственное, что вы можете брать с собой, как далеко ни приходилось бы лететь.

— Возможно, и так, — пожал плечами Толк, — но это ровно ничего не меняет. Если есть хоть какой шанс приветствовать Долгий День с манненахских Стоячих Камней, мы должны им воспользоваться. Возможно, это и не наилучшая стратегия. Возможно, будут потеряны лишние жизни, но жизни эти станут добровольной, с радостью принесенной жертвой.

— Если только мы не проиграем в результате всю вашу чертову войну, — фыркнул ван Рийн. — В хвост и в пасть! Вот мой собственный капеллан, при всей его кислой морде, совсем не так щепетилен насчет того, что благопристойно, а что нет. Вы тут, ребята, вообще; вот этот, например, молодой парень — он же прямо повеситься был готов, а все из-за того лишь, что засмотрелся на смазливую бабенку не в то, видишь ли, время года, когда положено.

— Этого не должно случаться, — чопорно поджал губы Толк и вышел из мастерской. Секунду ван Рийн задумчиво скреб бороду, а затем двинулся следом за Герольдом.

Уэйс разобрался с Ангреком, проверил, как работают наиболее ответственные механизмы, обругал молодого носильщика, из самых лучших побуждений складывавшего сырье для зажигательных бомб рядом с печью, и тоже покинул бывшую мельницу. Отяжелевшие ноги гудели, с трудом отрывались от земли. Слишком много работы для одного человека — организация, конструирование, надсмотр за рабочими, ликвидация неполадок и неизбежно возникающих конфликтов... ван Рийну, похоже, кажется, что это очень просто — за несколько недель привить неолитическому охотнику навыки машинной цивилизации. Вот взял бы сам и попробовал! Старому борову совсем не повредило бы согнать с себя хоть часть жира.

«Неужели когда-то я бывал спокойным и отдохнувшим... а к тому же чистым и сытым? И жил один, в тепле и уюте...»

Утро зажгло вершины северного хребта, с минуты на минуту среди черных клубов дыма, гневно извергаемых вулканами, проглянет солнце. Две луны, два медных диска, каждый из них раза в два больше земной Луны, готовились ускользнуть за горизонт. Пик Оборх задрожал, а затем выплюнул в бледное небо несколько огромных валунов. Дул сильный ветер. Уэйсу казалось, словно к его спине прижалась леденящее-холодная железная рука. Перед этим неумолимым напором домишкы Салмен-брока казались жалкими и беззащитными.

Уэйс уже подошел к лестнице — ее сделали специально, чтобы он мог забираться в свою крошечную чердачную комнатку, — когда из-за соседнего дома показалась Сандра Тамарин. Она приостановилась, поднесла ко рту сложенные рупором ладони, крикнула что-то, неразличимое за волем ветра.

Уэйс подошел к ней. Под неуклюжими сапогами, изделием местного ремесленника, скрипела щебенка.

— Извините, миледи?

— О... ничего такого, мастер Уэйс. — Зеленые глаза смотрели гордо и независимо, но он заметил, как вспыхнули щеки гермесской аристократки. — Я только... я только сказала «доброе утро».

— Доброе утро. — Он устало потер тяжелые, словно свинцом налившися глаза. — Я давно вас не видел. Как вы живете, миледи?

— Плохо, — печально улыбнулась Сандра. — Места себе не нахожу. Вы бы не могли немного со мной поговорить?

Они вышли из поселка и направились по едва заметной тропинке в горы. На низкорослом колючем кустарнике, покрывавшем склоны, распускались ярко-красные бутоны. Высоко в небе плавно кружила группа крошечных пятнышек — дозор, охранявший поселок. Сердце Уэйса лихорадочно билось.

— Чем вы занимались? — спросил он.

— Ничем. А что я, собственно, могу? — Сандра посмотрела на свои руки. — Пробую, конечно, но ведь я ничего не умею — не то что вы или мастер ван Рийн.

— Он? — Уэйс пожал плечами. Ну ясно. Старый козел успел невесть чего нахвастать, благо времени у него хватает. — Достаточно... — Он осекся, подыскивая слова. — Достаточно и того, что вы здесь, рядом.

— Мастер, мастер. — Она рассмеялась искренне, без всякого смущения. — Никогда бы не заподозрила вас в такой галантности.

— Прежде у меня не было случая, миледи, — пробормотал Уэйс, слишком усталый и опустошенный, чтобы следить за своими словами.

— Не было? — искоса взглянула на него Сандра. Пальцы ветра вытащили из ее туго увязанных волос несколько платиновых прядей. Гордое лицо не выглядело в буквальном смысле изголодавшимся, но черты его заострились, на левой щеке появилось какое-то пятно. Изящное тело совершенно терялось в неуклюжем балахоне, кое-как сляпанном портным, который никогда прежде не шил ничего подобного. Странное, однако, дело — лишившись своей королевской величественности, эта девушка казалась Уэйсу даже прекраснее, чем прежде, может быть, потому, что стала ближе? Потому, что все это убожество лишний раз подчеркивало, что она такой же человек из плоти и крови, как и он сам?

— Нет, — с трудом выдавил он.

— Я не понимаю, — развела руками Сандра.

— Извините, миледи, я просто думал вслух. Плохая привычка, но в таких вот необжитых мирах ею страдают многие. Видишь все время одних и тех же людей, видишь так часто, что перестаешь воспринимать их как компаньонов, начинаешь избегать — ну и, конечно же, персонала всегда не хватает, приходится ездить по делам одному, зачастую такие поездки делятся неделями. Что-то не понимаю, зачем я все это? Не помню. Господи, до чего же я устал.

Они остановились на краю почти отвесного обрыва. С высоты нескольких сотен метров пенящаяся внизу река казалась узенькой белой змейкой. Дальше, на другой стороне каньона, одна за другой громоздились снежные, окрашенные кровью рас светного солнца вершины. Из глубины долетали резкие, обжигающие лицо порывы ветра.

— Понимаю. — Сандра смотрела на Уэйса спокойными, очень серьезными глазами. — Теперь я понимаю. Вся ваша жизнь состояла из работы, сплошной работы. На развлечения, приобретение хороших манер, на культуру просто не оставалось времени, верно?

— Ни на что не оставалось, миледи, — кивнул Уэйс. — Родился я на Тритоне, в трущобах, рядом со старыми доками. Только самая беднота селится так близко к космопорту — там ведь жуткое дорожное движение, вонь, грохот кораблей... но ко всему этому привыкаешь, все это становится твоей частью, проникает, кажется, до мозга костей. Половина моих товарищей уже на том свете или в тюрьме, а другая половина кое-как перебивается, занимаясь грязными, тяжелыми работами, на которые не так-то легко найти охотников. Только не надо меня

жалеть, мне-то самому очень повезло. В двенадцать лет я стал подмастерьем оптового торговца мехами. Через два года у меня было уже достаточно знакомств, чтобы и самому получить тяжелую грязную работу. Но эта работа была не из самых обычных. — на космическом корабле, в составе экспедиции, направлявшейся на Рианнон за мехами. Между вахтами я учился; набравшись кое-каких познаний — а больше при помощи наглого блефа, — я устроился на работу чуть получше. Так и пошло, пока я не получил в конце концов руководство этой факторией... предприятие тут, в сущности, мелкое, оно начнет когда-нибудь приносить доход, но серьезным не станет никогда. Но это необходимый этап. Ну и что же? Торчу я тут, в дисмедианских горах, а что дальше?

Уэйс сильно потряс головой, в полном недоумении — почему это вдруг отказалась постоянная его сдержанность. Усталость, наверное, страшная усталость, от которой словно пьянеешь. Но и не только это... Нет, он *не* плакался в жилетку... но где-то в глубине разве не хотелось ему увидеть, поймет ли она? Способна ли она понять?

— Вы вернетесь, — негромко сказала Сандра. — Вы из той породы, которая умеет выжить.

— Хотелось бы надеяться!

— То, что вы сделали, — это подвиг. — Девушка смотрела в сторону, на облака, плывущие по склонам пика Оборх. — Даже и не знаю, что может вас остановить. Разве что вы сами.

— Я? — Уэйс смущенно подергал свою жесткую рыжую бородку. Ему уже хотелось сменить тему разговора.

— Да. А кто же еще? Пока что вы поднимались очень быстро. Но почему нужно идти дальше, а не остановиться? Ведь очень скоро — может быть, даже здесь, на этой самой горе — вы зададитесь вопросом, а есть ли смысл идти дальше? А если есть, то насколько дальше?

— Не знаю. Наверное, так далеко, как возможно.

— Зачем? Разве необходимо становиться великим? Разве недостаточно быть просто свободным? Со своими способностями и опытом вы заработаете вполне приличные деньги на любой из старых планет, где жить несравненно лучше, чем здесь. На планете вроде Гермеса. Вы стремитесь стать богатым и влиятельным, но ведь это — просто желание накормить и обогреть маленького мальчика, засыпавшего когда-то под грохот стартующих кораблей, в слезах и на голодный желудок. Но ведь этому мальчику, друг мой, ничем уже не поможешь. Он давным-давно умер.

— Ну... не знаю... когда-нибудь у меня будет семья. Обеспечить жене пропитание — это просто, но я хочу оставить

своим детям и внукам достаточные ресурсы. Достаточные, чтобы они могли идти дальше, чтобы они могли, если вдруг придется, выстоять хоть против всего мира.

— Да. Понятно. Мне кажется, — Сандра резко отвернулась, но Уэйс успел заметить, как вспыхнули ее щеки, — что именно такими были прежние Герцоги Гермесские. Жаль, что теперь герцогская кровь стала жидковата...

Она резко смолкла и направилась вниз, к поселку.

— Хватит. Пора бы и вернуться.

Следуя за девушкой, Уэйс почти не чувствовал земли под ногами.

12

Когда вся подготовка к войне была закончена, свистуны Толка собрали всех ланнахов в Салменброк; небо потемнело от крыльев. С трудом растолкав кишащую толпу воинов, Тролвен подошел к ван Рийну.

— Боги от нас отвернулись, — горько сказал командор. — В такое время года почти всегда дует сильный южный ветер. А может, — он указал на мертвенно-спокойное небо, — ты знаешь заклинания, вызывающие устойчивый бриз?

Торговец раздраженно оглянулся. Сидя за столом рядом со своей мазанкой, построенной на краю поселка — о том, чтобы лазать по лестнице, либо спать в сырой пещере, не могло быть и речи, — он играл с армейским капитаном Срайганом в кости; ставкой служили похожие на бериилл драгоценные камни, местное средство обмена. Трудно даже представить, сколько рассеянных по Галактике племен совершиенно самостоятельно изобрели эту древнюю как мир игру.

— Хорошо, — бросил торговец, снова повернувшись к столу. — А хвост-то ты чего распушил? А, семь! Нет, хрен уж, я помню, что на этой планете семерка — несчастливое число. Попробуем снова. — Ван Рийн потряс три кубика в руке и выкатил их на стол. — Хм-м-м, и ведь снова семь. — Он сгреб со стола ставки. — Ну что, удваиваем?

— А чтоб тебя пожиратели духов! — Срайган даже привстал от возмущения. — На мой взгляд, ты выигрываешь слишком, мать твою в крыло, часто.

Ван Рийн поднялся на ноги, напомнив при этом кита, всплывающего из пучин морских.

— Кой хрен, или ты возьмешь свои слова обратно, или...

— Я не сказал ничего, оправдывающего вызов, — холодно парировал Срайган.

— Не сказал, но подразумевал ведь! Ты меня оскорбил!

— Заткнитесь вы, оба, — прорычал Тролвен. — Что вам тут, пивной праздник? Слушай, землянин, все боевые силы Лан-наха собрались здесь, в горах. Долго мы их не прокормим — просто нечем. Новое оружие погружено в рельсовые тележки, но мы не можем сдвинуться с места, пока не подует южный ветер. Так что же делать?

Ван Рийн по-прежнему пытался испепелить Срайгана взгля-
дом.

— Я чувствую себя оскорблённым. А в таком состоянии я могу наделать уйму неприятных вещей.

— Я уверен, что капитан извинится за слова, которыми он — совершенно непреднамеренно — вас оскорбил. — Яростные, кровью налитые глаза Тролвена переходили с одного игрока на другого.

— Разумеется, — сказал Срайган. У него было выражение лица человека, которому рвут зуб без наркоза.

— Прекрасно. — Ван Рийн пригладил свою клочкастую бо-
роду. — В таком случае мы окончательно убедимся, что моя честность не вызывает у тебя ни малейших сомнений. И с этой целью кинем кости еще раз. Удвоив ставку.

Срайган схватил кости и швырнул их на стол.

— А, — опечалился ван Рийн, — у тебя шесть. Не так-то легко набрать больше. Боюсь, я уже проиграл. Как все-таки плохо быть бедным, усталым, голодным стариком, оторванным от своего дома и от своих сиамских кошек, а ведь только эти кошки его и любят, всем остальным нужны его деньги и не нужен он сам.

— Тум-ти-тум-ти-тум... Восемь! Двойка, тройка и еще трой-
ка! Прекрасно, прекрасно!

— Транспорт, — напомнил Тролвен. Он был буквально на волосок от срыва. — Новое оружие слишком тяжелое, носиль-
щикам не справиться. А без ветра — как спустить тележки к бухте Сагна?

— Как, как, — бросил ван Рийн, тщательно пересчитывая свой выигрыш. — Кверху каком. Не будет ветра, так привяжи к тележкам веревки, и пусть их тащат эти здоровенные оболтусы.

— Что? — взорвался Срайган. — Свободные члены кла-
на потащат тележки, словно какие-нибудь... какие-нибудь драк-
хоны? Так не делается, — сухо закончил он, сумев наконец взять себя в руки.

— Иногда не делается, а иногда делается. — Пересчитав камешки, ван Рийн сгреб их со стола, кинул в сумку, встал и подошел к колодцу. — Мне казалось, в Стас есть какое-то подо-
бие дисциплины.

— О... да... пожалуй, что... — Тролвен посмотрел вниз на кричащее, бурлящее крылатое море, затопившее поселок. Лицо его стало окончательно несчастным. — Но подобный при-
нудительный труд всегда... всегда, даже задолго до появления дракхонов, считался в некотором роде извращенным. Не то чтобы его запрещали, но старались не обращаться к нему без крайней необходимости. Трудиться *у всех на глазах*? Нет!

— А что тут такого? — Ван Рийн начал крутить ворот колодца. — Вот дракхоны — они читают всякие занудные проповеди относительно достоинства трудящегося, трудового геройства. Ну, так уж им нужно, при их образе жизни без тяжелого труда не обойтись. Но вы-то что? Почему ланнах *не должен* упорно трудиться?

— Так не делается, — тошнотворно-благостным голосом объяснил проигравшийся в кости капитан. — Это уравняло бы нас с животными.

Наконец над краем колодца показалось ведро, ван Рийн извлек из него бутылку пива.

— Хорошо, холодненько... хм-м-м, даже слишком, и как это вы только живете без термостатированных охладителей? — Он открыл бутылку и сделал глоток. — Ничего, сойдет. Так вот, я много поездил по свету и пришел к выводу, что все нравы и обычаи обязательно имеют в своей основе некую вполне разумную причину. Раса может даже и не помнить, зачем установлено то или иное правило, но, если это правило не имеет очень и очень серьезных оснований, оно просто не сохранится в веках. Отсюда следует, что ваше неприятие долгой тяжелой работы — за исключением, конечно, миграции — имеет какое-то очень серьезное основание. И что у дракхонов такого основания нет. Парадокс!

— Духи злодеев побрали бы тебя со всеми парадоксами вместе, — прорычал Тролвен. — Это ты ведь придумал, чтобы мы мастерили все эти механизмы. Ну и как же нам спустить их теперь на равнину, не деморализовав при этом армию? Нужно было нам сражаться попросту, без всяких затей.

— А, ты снова об этом! — равнодушно пожал плечами ван Рийн. — Так ведь у вас бывают спортивные соревнования, *nie*?

— Конечно.

— В таком случае объявите, что армия должна взять эти тележки в поход. И что, хотя нет никакой необходимости выступать сию же секунду...

— Так ведь необходимость есть! Иначе все умрут с голоду!

— Мойуважаемый юный друг, — снисходительно улыбнулся ван Рийн. — Совершенно ясно, что политике тебе еще

учиться и учиться. Вы, ланнахи, не понимаете, что такое ложь. Потому, возможно, что у вас нет жен. Так, значит, ты скажешь, что можно бы и подождать южного ветра, но только все воины рвутся в бой, и удержать их почти невозможно. Поэтому придумана следующая игра: каждый клан спускает на равнину положенное ему количество тележек, мы засекаем время, и самим быстрым таскальщикам будут выданы небольшие призы.

— Ну чтобы меня разорвало! — восхитился Срайган.

— Такое вполне согласуется с обычаями, — радостно закивал Тролвен.

— У себя на Земле, — объяснил ван Рийн, — мы называем это семантикой. Старый и одышечный, я могу смотреть на все эти футболы-бейсболы и прочие гонянья картофелины носом по полу без всякого предубеждения. И понимаю, что игра — это тяжелая работа, которая выполняется совершенно добровольно.

Слегка рыгнув, он откупорил следующую бутылку и вытащил из сумки полуобрызгенную палку колбасы. Припасы сокращались с катастрофической скоростью.

13

Поднявшийся наконец ветер застал армию на середине спуска с Туманных Гор. Каждую тележку тянула сотня воинов, теперь они погнали свою упряжь и расслабились в ожидании — какую из команд объявит победившей. Время засекалось при помощи песочных часов.

— Не такие уж тут живут простофили, — заметила Сандра.

— Ни в коем случае, — согласился Уэйс. — Большинству из них хватило ума и на то, чтобы раскусить хитрый план Старого Ника*, и на то, чтобы не рыпаться — ведь иного выхода просто не было.

Съежившись под колючим ветром, он с интересом наблюдал за работой ланнахских техников. Три десятка маленьких тележек приводились в движение двумя «локомотивами», расположенными один — в голове, а другой — посередине состава. Локомотивы были и побольше, и покрепче тележек — каждый из них нес по две высокие мачты с прямоугольной оснасткой. Крепкое, как железо, дерево колес и рельсов, масло, постоянно капавшее на оси (шариковые подшипники не были еще здесь изобретены), и ураганная мощь даже небольшого диомедианского ветра — все эти факторы делали конструкцию вполне

* Это не только Николас ван Рийн, но и, в переносном смысле, «дьявол»

практичной. Сильно, конечно, не разгонишься, к тому же приходится ждать попутного ветра, но ланнахи и не стремились, собственно, делать все по минутам и секундам.

— Еще не поздно вернуться, миледи, — сказал Уэйс. — Я могу дать вам сопровождающих.

— Нет. — Сандра положила руку на специально для нее изготовленный лук. Примерно с таким же мощным, двадцатипятикилограммовым орудием смерти охотилась она в родных гермесских лесах. — Мы победим или умрем. Рожденная для трона не имеет права оставаться дома.

— Ну до чего дурной народ, эти аристократы. — Ван Рийн откашлялся и сплюнул. — Отбор шел по мускулатуре и смазливости, а надо бы — по мозгам. Вот я бы лично побежал домой на полусогнутых, но никуда не денешься, а то эти ребята решат еще, что у меня появились какие-нибудь страхи и сомнения.

— А у вас нет сомнений? — скептически спросил Уэйс.

— Я что, похож на дурака? — возмущенно фыркнул ван Рийн. — Есть, и еще какие. — Он развернулся и направился к поезду. Каждому из землян предоставили поциальному вагону, а в вагоне все-таки лучше, там есть стены, крыша и койка. В узком каньоне дуло, как в аэродинамической трубе, приходилось наваливаться на ветер всей грудью. А в вышине парили и кружились боевые отряды ланнахов.

Сандра пригласила Уэйса в свой вагон.

— Вы уж простите, Эрик, излишнюю драматичность, но нас могут убить, а это так одиноко — умирать, когда никто не держит тебя за руку, — она смущенно рассмеялась. — И во всяком случае, мы можем поболтать.

— Бокс... — Уэйс почувствовал в горле комок. — ...Бокс, миледи, что я далеко не так разговорчив, как... как мастер ван Рийн.

— О, — улыбнулась девушка, — именно потому я к вам и обратилась. Я же сказала, мы можем поболтать, а с ним мне оставалось бы только слушать.

Несмотря на такое вступление, в вагоне Сандра — так же, как и Уэйс — по большей части молчала.

В Ланнахе почти наступило Полное Лето, каждые двенадцать с половиной часов солнце чуть-чуть царапало горизонт, однако ночи как таковой не было — в результате без часов, оставшихся на попечении Т'хеонакса, было очень трудно судить, сколько продолжалась поездка.

Время тянулось очень медленно, Уэйс ел, спал, перебрасывался парой слов с Сандрай и Ангреком, исполнявшим обязанности ее сопровождающего, и наблюдал, как горы за окном сме-

няются холмистой равниной, как мимо проплывают леса, состоящие из низкорослых деревьев с перистыми листьями. Затем показалось и море.

Иногда поезд останавливался — чаще всего из-за встречного ветра либо из-за перегрева подшипника. Воины проявляли беспокойство — обычно они долетали с гор до побережья за один день, а тут приходилось кружить и кружить над этой еле ползущей по рельсам гусеницей. Как и ожидалось, дракхонские часовые заметили противника еще издалека. К бухте Сагна начали подтягиваться плоты с подкреплениями, небольшие отряды пробовали прочность ланнахских флангов, а поезд все полз и полз.

Отправление из Салменброка и манненахскую битву разделяли восемь диомедианских дней, коротких, но казавшихся невыносимо долгими.

Манненах лежал на берегу бухты Сагна в окружении лесистых холмов. Над мрачноватым комплексом каменных башен, соединенных непременными туннелями и крытыми мостками, стоял резкий, неумолчный скрип полуодюжины ветряных мельниц. Пристань этого портового города была на удивление маленькой, и дракхоны активно ее расширяли. Дальше, за пристанью, на неспокойной коричневой воде покачивалось с полсотни вражеских судов.

Не дожидаясь полной остановки поезда, Уэйс выпрыгнул из вагона. Пока что стрелять было некуда — из-за невысокого, поросшего травой хребта виднелись только верхушки самых высоких башен. В городе раздался мощный, даже против ветра различимый грохот крыльев — это живым черным смерчом взмыла армия дракхонов. Однако сразу атаки не последовало — в небе над поездом было темно от ланнахских воинов.

Сердце Уэйса гулко колотилось, рот пересох. Словно в тумане, он увидел рядом с собой Сандру; руководимые Ангреком телохранители окружили людей колючим частоколом копий.

— Вот теперь как-то легче себя чувствуешь, — улыбнулась девушка. — Не нужно сидеть и беспокоиться, что там и как, просто делай все, на что способен, и больше от тебя ничего не требуется, разве нет?

— Конечно, нет! — задыхаясь, выдавил из себя только что подошедший ван Рийн. Всем землянам изготовили довольно-таки плохо сидевшие на них панцири и шлемы из крепкой многослойной кожи, однако торговец надел сразу две таких брони, одну на другую. Пояс его был увешан бесчисленными каменными кинжалами, правая рука сжимала томагавк, а левая — щит; еще один щит держали над ним два специально назначенных воина.

— Конечно, нет, если только я сумею выбраться из этого бардака. Вы идите сражайтесь, а я посижу где-нибудь сзади — настолько сзади, насколько поможет мне милость Божья.

— Я часто размышлял, — презрительно улыбнулся Уэйс, кое-как ворочая пересохшим языком, — насколько реже воевали бы цивилизованные плсмена, вернись они к дикарскому обычью, когда вождь сражается в первых рядах.

— Чушь! Просто смешно слушать! Войн было бы ровно столько же, только командовали бы войсками офицеры, у которых смелости больше, чем мозгов. Готов поспорить, что самые лучшие стратеги получаются из самых трусливых генералов. Ладно, я буду в своем вагоне. — Ван Рийн пошел прочь, пошатываясь и бормоча что-то под нос.

Баллисты и прочие крупные механизмы пришлось везти по частям, и теперь малоопытные ланнахские артиллеристы пытались собрать неуклюжие эти орудия, а тем временем над их головами вспыхивала схватка за схваткой. Уэйс выругался — вот, наконец нашлось какое-то дело! — и бросился к ближайшей из неловко суетившихся групп.

— Эй, ты! Отодвинься! Что это ты собрался делать? А теперь ты, ты и ты — забирайтесь в вагон и вытаскивайте главную платформу... да что вы там тащите? *Вот эту штуку*, дуболомы несчастные. — Через некоторое время он даже перестал замечать битву, все сильнее разгоравшуюся вокруг.

Стоявший в Манненахе гарнизон и прибывшие морем подкрепления начали с осторожного прощупывания сил — небольшой отряд завязывал скоротечную схватку и тут же отходил. Ланнахи имели значительное численное преимущество — как правильно рассудил Тролвен, ни один адмирал не решился бы оставить Флот без серьезного прикрытия. Кроме того, моряков озадачивал и даже немного пугал совершенно беспрецедентный боевой строй противника.

Ровно половина ланнахов осталась на земле, прикрываясь огромными — такими огромными, что с ними не поднимешься в воздух, — щитами. Такого прежде никто и никогда не видел.

Прошел час, и боевые действия начали разгораться. Имевшие преимущество в воздухе дракхоны раз за разом прорывались сквозь летучую армаду Тролвена, однако ланнахи быстро смыкали ряды — в значительной степени благодаря действиям отряда свистунов. А стоявшую на земле пехоту просто не было смысла обстреливать — в этих неуклюзых плетеных щитах застревали все стрелы и дротики, а камни так просто от них отскакивали. Одним словом, бомбекка не достигала цели.

К тому времени как было собрано последнее орудие, вокруг уже густо падали стрелы. Уэйс кивнул свистуну, и тот унесся с

сообщением об этом успехе к Тролвену. И сразу от командора, парившего в восходящем воздушном потоке, во все стороны брызнули гонцы, затем на земле развернулись знамена, прогремел боевой клич — пехота получила сигнал к наступлению.

Несмотря на кольцо телохранителей, Уэйс остро ощущал, что находится в авангарде армии. Плотно, до белизны, сжав губы, рядом шла Сандра. А слева и справа колыхались неровные, ощетинившиеся копьями цепи драконоподобных воинов. Путь к гребню хребта казался невыносимо долгим.

Тем временем дракхонские офицеры начали понимать суть происходящего, с неба раздались потрясенные, обескураженные крики.

Ведь эти мощные наземные силы, неуязвимые с воздуха и не встречающие сопротивления на земле, двигались, таща за собой осадные орудия, к стенам Манненаха. А достигнув стен города, они возьмутся за работу.

В воздухе закипела пурга из непрестанно мелькающих крыльев, томагавков и копий. Дракхоны пикорвали, рубили и кололи ланнахскую пехоту — и сами, в свою очередь, подвергались атаке сверху — рассеявшись на время воздушные силы Тролвена вновь построились в боевой порядок. А тем временем — хрясть, хрясть, хрясть — тараны вгрызались в стену. Часть пеших отрядов обогнула город и двинулась к пристани.

— Дай ему! Дай ему еще! — Уэйс с недоумением обнаружил, что это кричит он сам.

В хаосе, кружившем над головой, что-то произошло, оттуда грузно рухнуло утыканное стрелами тело, а сразу же следом к земле прорвался дракхонский воин. Воин летел низко и быстро; один из парней Ангрека попытался ударить его мечом, промахнулся и тут же упал с пополам раскроенным черепом.

Не успев еще осознать происходящее, Уэйс увидел перед собой противника, взмахнул каменным топором, почувствовал сильный удар в лицо и покатился по земле. Отплевываясь кровью и благодаря Бога за то, что удар был нанесен крылом, а не томагавком, он вскочил на ноги, выронив в суматохе топор. Успевший развернуться дракхон снова шел в атаку, но вдруг хрипело закричал, схватился за пробитое стрелой горло, упал, беспорядочно взмахивая крыльями, на землю и затих.

— Я же говорила, что не останусь сегодня без дела.

— Я... — Уэйс резко развернулся. Стоявшая неподалеку Сандра вытаскивала из колчана новую стрелу.

— Не отвлекайся, — сказала девушка. — Помоги им прорваться, я тут посторожу. — Ее лицо казалось еще бледнее обычного, а глаза сверкали зеленым огнем.

В помощи нуждались саперы. Надежда на тараны оказалась напрасной, с крепкими каменными стенами города можно было проковыряться до второго пришествия. Теперь команды этих машин присоединились к рытью подкопа — при достаточном количестве деревянных лопат достичь какого-нибудь из городских туннелей дело не очень долгое.

Где-то неподалеку раздался шум, заглушивший звуки кипевшей вокруг работы. Уэйс вскочил на станину тарана и огляделся.

Среди боевых порядков пехоты на землю спустился большой отряд противника. Дракхоны не обучались тактике подобного боя, но ведь и ланнахи получили самую минимальную подготовку. Чистая ярость неожиданной атаки позволила «десанту» добиться некоторого успеха. «С тролвенской небесной точки зрения, — думал Уэйс, — это выглядит как зловещий прорыв ланнахских линий».

И куда, к черту, подевались пулеметы?

Вот наконец катится один на своей тележке. Двое воинов закрутили маховик, третий управлял подачей и прицеливался. Не выдержав сплошного дождя стрел, дракхоны дрогнули и снова взвились в небо; Уэйс обхватил Сандру и изобразил какой-то дикий танец.

Тем временем сражение докатилось уже до городских крыш. Саперы нашли в конце концов один из подземных переходов, и в него хлынула толпа воинов. Оттесняя врагов все выше и выше, с этажа на этаж, а затем — в небо, они захватили одну из башен.

— Ангрек! — крикнул, задыхаясь, Уэйс. — Мне нужно подняться!

Схватившись за сброшенную кем-то веревку, он взлетел на верх, через какие-то секунды рядом оказалась и Сандра.

Стоя на коньке крыши, Уэйс смотрел на расстилающийся за каменными парапетами и ветряными мельницами залив. Захват пристани не вызвал особых трудностей, но здесь войска Тролвена застряли, попав под сплошной дождь огнеметных струй, зажигательных бомб и метаемых катапультами камней. По дальности действия дракхонское оружие, установленное на плотах, заметно превосходило аналогичную технику ланнахов.

— Эрик. — Сандра сильно сожурилась, защищая глаза от резкого ветра, всмотрелась вдаль, отвернулась, чтобы проморгаться, и указала куда-то рукой. — Ты узнаешь этот флаг — на самом большом корабле?

— Хм-м-м... дай подумать... да, узнаю. Не личное ли это знамя старого нашего приятеля Дельпа?

— Вот именно. И я совсем не жалею, что он избежал наказания за спровоцированный нами мятеж. Хотя и предпочла бы сражаться с кем-нибудь другим, так было бы спокойнее.

— Возможно, — согласился Уэйс. — Но сейчас нам предстоит большая работа — выламывать дверь за дверью, освобождать от врагов комнату за комнатой, это здание — только первая зацепка. А вы останетесь здесь.

— Нет!

Взмахом руки Уэйс подозывал Ангрека.

— Выдели миледи сопровождающих, пусть отведут ее к поезду.

— Нет! — закричала Сандра.

— Поздно, — ухмыльнулся Уэйс. — Я договорился об этом еще до отъезда из Салменброка.

Сандра разразилась ругательствами, но тут же смолкла, пошла вперед и тихо, едва слышно за воем ветра и криками воинов прошептала:

— Только вернись живым и невредимым.

Уэйс повел своих воинов в бой.

Все дальнейшее смешалось в памяти. Работа по очистке города оказалась тяжелой и кровавой, в дело шли топор и нож, зубы и кулаки, крылья и хвосты, дрались в узких туннелях и в похожих на пещеры комнатах. Он бил и получал удары, однажды он на несколько секунд потерял сознание, а в какой-то момент он возглавлял триумфальный прорыв через широкий, просторный зал для собраний. Не имея ни крыльев, ни клыков, ни хвоста, Уэйс был в то же время тяжелее любого диомедианца, удары его редко нуждались в повторении.

Ланнахи захватили Манненах благодаря своей тренировке — слишком малой, чтобы превратить их в хороших наземных бойцов, но вполне достаточной, чтобы дать им общее представление о бое в таких условиях. Сама мысль о подобной бескрылой драке противоречила всем инстинктам диомедианцев, была для них дикой — как человеку показалась бы дикой мысль драться одними зубами, без помощи рук. Не имевшие, в отличие от ланнахов, никакой подготовки, дракхонские воины не выдерживали и бросались в бегство, стремясь вырваться на открытое место, где можно взлететь.

Через несколько долгих часов валящийся от усталости Уэйс кое-как забрался на плоскую крышу очередного здания — уже на противоположном конце города. Там сидел Толк.

— Кажется... — пробормотал, задыхаясь, землянин, — ...мы захватили... уже все.

— И все же этого недостаточно, — с какой-то мрачной отрешенностью сказал Толк. — Взгляни на бухту.

Чтобы не упасть, Уэйсу пришлось схватиться за парапет.

Ни пристани, ни цепочки сараев, тянувшейся прежде по берегу, больше не было, на их месте стояло облако густого черного дыма. Но это не помешало высадке врага — дракхонские плоты выбросились на мель и образовали мост, по которому матроны тащили снятые с опор катапульты и огнеметы.

— Слишком уж хороший у них командир, — горько заметил Толк. — Ведь как он быстро сообразил, что и у нашей новой тактики есть слабые места.

— И что же он... Дельп... хочет сделать? — прошептал Уэйс.

— Посиди здесь и посмотри, — предложил Герольд. — Все равно помочь мы ничем не можем.

Уэйс оторвал взгляд от серо-стальной неспокойной воды залива и посмотрел в хмурое, тяжело нависшее небо. Дракхоны, так и сохранившие свое преимущество в воздухе, явно собирались окружить Тролвена.

— Вражеские летуны не способны толком бороться с нашей пехотой, — объяснил Толк, — но их командир быстро сообразил, что верно и обратное.

Трудно было ожидать, чтобы Тролвен попал в такую ловушку, его отряд отступал — яростно боролся за каждый сантиметр, но все-таки отступал. Вскоре в небе не осталось ничего, кроме серых рваных облаков.

А тем временем высадившиеся на берег моряки разворачивали, под прикрытием непрерывной бомбардировки с плотов, свою артиллерию. Артиллерии этой у них было больше, чем у ланнахов, да и стреляли они лучше. Все попытки пехоты перейти в наступление кончались одинаково — большими потерями и откатом.

— Пулеметов у них, конечно, нет, — заметил Толк, — но и у нас их не так уж много.

— Не стой здесь как пень, — яростно закричал Уэйс только что подошедшему Ангреку. — Пошли вниз, ты соберешь своих, захватим эти штуки — ведь можно же, можно это сделать!

— Да, — устало кивнул Толк. — Теоретически. Я вполне могу себе представить, как воины подползают, пользуясь для укрытия малейшими неровностями местности, к катапультам и огнеметам, а затем попросту рубят стрелков томагавками. Но это, повторяю, теория. А на практике — нам не хватит умения.

— Так что же ты собираешься делать? — не то прорычал, не то простонал Уэйс.

— Рассмотрим сперва то, что случится обязательно, — сказал Толк. — Поездов мы лишились — их либо захватят,

либо сожгут. Вместе с поездами пропали и все наши припасы. Армия расколота пополам — воздушный отряд отступил, а мы остались здесь. У драконов большое преимущество в воздухе, так что Тролвену к нам не пробиться. Пехота, захватившая Манненах, значительно превосходит по численности сухопутный отряд противника, но и от этого мало радости — мы ничего не можем сделать с их артиллерией.

Если мы хотим сражаться и дальше, придется отбросить эти большие щиты и прочие новые штучки, вернуться к обычной воздушной тактике. Но и тут ничего не получится — для ведения обычного боя нужно обычное оружие, а где его взять в достаточном количестве? Да и лучников у нас мало. Войскам Дельпа только и остается, что сидеть на своих плотах, под прикрытием огненного оружия, и ждать, а мы здесь полностью отрезаны, лишены снабжения оружием и продовольствием. Все военные припасы, изготовленные твоей мастерской, остались в Салменброке, лежат без всякой пользы. А эта эскадра наверняка получит подкрепление от остального Флота.

— Ну и черт с ним, — крикнул Уэйс. — Город-то мы захватили, верно? И можем продержаться в нем, пока они не сдохнут.

— А что мы будем есть, пока они подыхают? — поинтересовался Толк. — Ты, землянин, хороший ремесленник, но в войне ты ничего не понимаешь. Нужно смотреть фактам в глаза, Дельп сумел расколоть наши силы и тем самым победил. Для уменьшения потерь нужно отступить — и как можно скорее, пока мы способны хотя бы на это.

И тут в Толке словно что-то сломалось, он сгорбился и прикрыл глаза крыльями. А ведь Герольд — почти уже старик, с удивлением подумал Уэйс.

14

Ликующие песни оглашали бухту, раскатывались по ее берегам, корабли кипели весельем. Танцующие взлетали и снова опускались, шагали вперед и отступали; жалобно скрипела палуба, сотрясаемая десятками ног и хвостов. Засевший на вершине мачты волынщик выводил мелодию, огромный барабан надсмотрщика задавал сегодня ритм не работе веслами, а танцу. В кругу крылатых тел, лоснящегося потом меха и сверкающих глаз матрос крутил свою партнершу; десятки глоток дружно ревели песню:

*...В море счастливое, в море пивное
Я сегодня ухожусь, кто еще со мною?*

— Через шестьдесят десятидневок Флот получит большое пополнение, — засмеялся стоявший на юте Дельп.

— Мне хотелось бы... — Родонис крепко сжала его руку и смолкла.

— Да?

— Иногда... ладно, пустяки это все... — Танцевавшие взмыли над палубой и улетели, их место сразу же заняла другая пара; толстые брусья задрожали и прогнулись под тяжестью очередной бочки пива — команда праздновала победу. — Иногда мне хочется, чтобы и мы были такими, как они.

— И жили на полубаке? — иронически поинтересовался Дельп.

— Ну... конечно же, нет.

— Квартира и слуги, яркая одежда и свободное время — ничто из этого не дается бесплатно. Вот сегодня, — глаза Дельпа потускнели, — мне придется снова платить.

Он слегка потрепал ее хвостом по спине, а затем взмахнул крыльями и поднялся в воздух, сопровождаемый десятком вооруженных моряков и взглядом Родонис.

На сгрудившихся под стенами Манненаха плотах царил полный развал; желание поскорее отметить с таким трудом одержанную победу не дало времени прибрать следы недавнего сражения. На страже остались одни профессиональные воины — если противник осмелится на атаку, все остальные матросы также не заставят себя долго ждать. На полубаке ходила хвастливая шутка, что самый занюханный из моряков Флота, даже в пьяном виде и с бабой на коленях, уложит троих трезвых чужаков одной левой.

Спору нет, для поднятия боевого духа воинов подобное бахвальство весьма полезно, думал Дельп, мурко взмахивая крыльями над спокойным сегодня морем, в котором отражалось такое же спокойное, безоблачное небо. Только как соотнести его с тем крайне неприятным обстоятельством, что в действительности ланнахи дрались, как настоящие черти? На этот раз Флот победил...

Навстречу двигалась флотилия; с украшенной цветами мачты одного из каноэ свисал адмиральский штандарт. Т'хеонакс внял настоятельной просьбе Дельпа, иначе молодому капитану пришлось бы лететь с докладом на флагман. Как знать, может быть, новоиспеченный адмирал и вправду готов забыть о прежней ненависти. (Родонис не рассказала мужу, что конкретно произошло в ночь, когда умирал Сайранакс, — добровольно наследник амнистию не подписал бы, тут уж никаких сомнений.) Так что, скорее уж Т'хеонакс хочет лично присмотреть за не вызывающим доверия капитаном, который неожиданно все спу-

тал, превратив презрительно порученную ему мелкую операцию по сдерживанию в триумфальную победу. История знала случаи, когда такие вот удачливые и популярные командиры поднимали знамя мятежа и пытались захватить адмиральский престол.

Не испытывая ни малейшего уважения к самому Т'хеонаксу, монархические традиции Дельп воспринимал с крайним благоговением, а потому подозрения такие вызывали у него едкую горечь:

Как и положено по протоколу, он опустился на бушприт и начал ждать, когда же рожок протрубит «добро пожаловать». С подачей сигнала тянули дольше обычного; проглотив свою ярость, Дельп перелетел на палубу и рас простерся перед адмиралом.

— Встань, — безразлично бросил Т'хеонакс. — Поздравляю с успехом. Так что, ты хотел со мной посоветоваться? — он прикрыл рот ладонью и широко зевнул. — Пожалуйста, советуйся.

— Если адмирал не возражает, я хотел бы поговорить конфиденциально, в присутствии наиболее доверенных советников адмирала. — Дельп оглянулся на толпившихся вокруг офицеров, воинов и моряков.

— О? Так ты считаешь свое сообщение настолько важным? — Т'хеонакс толкнул локтем стоявшего рядом с ним молодого аристократа и подмигнул.

Дельп раскинул крылья, затем вспомнил, где находится, и коротко кивнул; закаменевшая шея болью отзывалась на движение.

— Да, сэр, я так считаю.

— Прекрасно. — Т'хеонакс неторопливо направился в свою каюту.

Кроме них двоих в просторное, достаточное для четверых, помещение вошел только молодой придворный, который сразу же лег и скучающе закрыл глаза.

— Разве адмиралу не нужны советники? — спросил Дельп.

— А я уж было подумал, — улыбнулся Т'хеонакс, — что это ты, капитан, намерен что-то мне посоветовать.

Дельп досчитал про себя до двадцати, с трудом разжал зубы и сказал:

— Как пожелает адмирал. Я много размышлял над основами нашей стратегии, недавняя битва очень меня тревожит...

— Вот уж никак не ожидал, что ты испугаешься.

— Адмирал! Я... ладно. Послушайте, сэр, ведь враг чуть нас не разгромил. Город они захватили. Мы отбили у них оружие, не уступающее нашему и даже его превосходящее, включая

несколько устройств, о которых я прежде даже не слыхал. И количество его просто невероятно, если учитывать, как мало времени было у них на подготовку. А главное — эта проклятая новая тактика, ведь они сражались на поверхности не случайно, не так, как мы, когда берем чужой корабль на абордаж. Наземный бой как раз и составлял основную часть их плана.

Совершенно очевидно, что проиграли они исключительно из-за слабого взаимодействия между воздушными и наземными силами, да еще из-за недостаточной гибкости. Им нужно было быть готовыми в любой момент отбросить свои щиты и полностью экипированными отрядами подняться в воздух.

И ланнахи наверняка исправят свои ошибки, если мы дадим им такую возможность.

— Не люблю паникеров, — Т'хеонакс, полировавший все это время свои ногти, начал критически их изучать.

— Я просто боюсь их недооценить. Совершенно ясно, что все новые идеи пришли от земхонов. А что еще знают и умеют земхоны?

— Хм-м-м. Да. — Т'хеонакс поднял голову, в его сонно-безразличных глазах мелькнуло что-то, похожее на тревогу. — Верно. И что же ты предлагаешь?

— Сейчас враги дрогнули, — быстро, с воодушевлением заговорил Дельп. — Неудача лишила их боевого духа. Кроме того, они потеряли почти все тяжелое вооружение. Вполне возможно, что для завершения войны будет достаточно одного хорошего удара. Нужно нанести решительное поражение всей их армии сразу. Тогда ланнахам придется капитулировать и оставить эту страну нам — либо придет их Время Рождения, и все они вымрут, как насекомые.

— Да. — По лицу Т'хеонакса расплылась довольная улыбка. — Как грязные, вонючие жуки. Знаешь, капитан, а мы не позволим им эмигрировать.

— Но они заслужили такую возможность, — горячо возразил Дельп.

— Это — важный политический вопрос, и один я вправе его решать, капитан.

— И-и... извините, сэр. Но в таком случае, — добавил Дельп после секундного молчания, — не отправит ли адмирал основную массу наших сил — под командованием какого-либо надежного офицера — на поиски ланнахов?

— А ты не знаешь, где они сейчас?

— Они могут находиться буквально в любом районе высокогорья. У нас, конечно, есть пленные, из них можно выжать какую-то информацию, их можно даже сделать проводниками. Согласно разведданным, штаб-квартира врага расположена в

месте, именуемом Псалменброкс. Но они могли укрыться где угодно. — Дельпа слегка передернуло. Крутые суровые склоны гор наводили на него, привыкшего к ровной линии морского горизонта, к маленьkim уютным островкам, невыразимый ужас. — Здесь же буквально бесконечное количество укрытий. Операция не обещает быть легкой.

— Ну и каким же, по твоему мнению, образом должна она проводиться? — раздраженно поинтересовался Т'хеонакс. — Не так-то это приятно, когда после победных торжеств и хорошего обеда тебе напоминают, что впереди еще много крови и пота.

— Главное, сэр, это вынудить их к решительному лобовому сражению. Я хочу взять большую часть нашей армии и при помощи местных проводников — уж как-нибудь мы их застаем — двигаться от города к городу, систематически уничтожая все по пути. Мы будем выжигать все леса, убивать всю дичь — и тогда ланнахи не смогут охотиться, не смогут прокормить своих женщин и детей. Рано или поздно — а скорее всего именно рано — они соберут свои силы и попытаются дать нам отпор. И вот тогда я их уничтожу.

— Понятно, — кивнул Т'хеонакс. — А что, — добавил он, ухмыльнувшись, — если это *они* уничтожат *тебя*?

— Они не смогут.

— В Писании сказано: «Верховная Звезда сверкает для всех народов».

— Как известно адмиралу, не бывает войны без риска. Но я уверен, что топтаться на месте и ждать, когда земхоны замыслят еще какую-нибудь чертовщину, — риск несравненно больший, чем тот, который сопряжен с моим планом.

— А-га! — Т'хеонакс больно ткнул Дельпа пальцем в грудь. — Ты, похоже, забыл, что у этих чудовищ скоро кончится пища. Поэтому их можно не принимать в расчет.

— А я вот не знаю...

— Молчать! — взвизгнул Т'хеонакс.

В каюте воцарилась зловещая тишина.

— И еще одна вещь, о которой не следует забывать, — с прежним спокойствием продолжал Т'хеонакс. — Непомерные размеры задуманного тобой экспедиционного корпуса оставят Флот почти без защиты. А без Флота, без плотов и каноэ, нам конец.

— Сэр, — горячо начал Дельп, — вам совсем не нужно бояться их нападения...

— Бояться?! — от возмущения вся шерсть на теле Т'хеонакса встала дыбом. — А известно ли тебе, капитан, что

малейший намек на то, что адмирал не вполне компетентен, является государственным преступлением?

— Я ни в коем случае не хотел...

— Я не стану выдвигать обвинений, — снисходительно прервал его Т'хеонакс. — Однако ты либо совершишь ритуал полного унижения, либо незамедлительно избавишь меня от своего присутствия.

Дельп медленно поднялся, его губы мелко задрожали и раздвинулись, обнажив мощные белые клыки. Кровь хищных пращуров приказывала ему разорвать этому наглецу глотку. Т'хеонакс съежился, готовый завопить: «На помошь!»

Но затем капитан совладел с собой и начал поворачиваться к двери. И застыл — с крыльями, налившимися кровью, с до боли сжатыми кулаками.

— Ну так что? — улыбнулся Т'хеонакс.

Неловко, толчками, словно испорченная механическая игрушка, Дельп опустился на четвереньки, а затем распластался у ног адмирала.

— Я унижаюсь, — пробормотал он. — Я готов есть ваши экскременты. Я провозглашаю, что мои предки были рабами ваших предков. Я задыхаюсь, как рыба, сетью вытащенная из воды, и молю о прощении.

Т'хеонакс наслаждался. Особенно приятно было сознание, как ловко удалось поймать этого выскочка в ловушку, заставить его разрываться между гордостью и желанием служить Флоту.

— Прекрасно, капитан, — благосклонно кивнул он по завершении ритуала. — Скажи еще спасибо, что не было зрителей. А теперь послушаем твои доводы. Насколько я понимаю, ты говорил о защите наших плотов.

— Да... да, сэр. Я говорил... говорил, что плотам не нужно бояться врага.

— Ты так думаешь? Да, они стоят довольно далеко от берега, но что такое несколько часов полета? Что помешает Стас собрать свою армию в горах, втайне от тебя, и атаковать их? Ведь ты не успеешь прийти на помощь.

— Об этом можно только мечтать, сэр. — К Дельпу возвращался энтузиазм. — Жаль, что их командиры совсем не так глупы. С каких это пор... то есть я хотел сказать... В морской истории, сэр, еще не было случая, чтобы воздушная армия, лишенная какой-либо поддержки с воды, победила Флот. В самом крайнем случае — и ценой тяжелых потерь — они сумеют захватить один-два плота, да и то временно, как при том налете, когда были похищены земхонь. А затем подойдут другие корабли, и противнику придется бежать. Дело в том, сэр, что

воздушные силы не могут использовать тяжелое оружие — катапульты, огнеметы и все такое, а без этой техники с Флотом не справиться. Корабельные команды будут стоять себе в укрытиях и стрелять вверх, сшибая летунов одного за другим.

— Само собой, — кивнул Т'хеонакс. — Все это настолько очевидно, что мне даже жаль тратить время на выслушивание подобных банальностей. Так, значит, твоя идея, насколько я ее понял, состоит в том, что для отражения любого нападения ланнахов вполне достаточно небольшой охраны.

— И не только для отражения. При благоприятных обстоятельствах враг увязнет в такой операции надолго, а тем временем подтянутся основные наши силы. Однако, сэр, как я уже говорил, у ланнахских командиров достаточно мозгов, чтобы не лезть на верную смерть.

— Тебе, капитан, очень многое кажется само собой разумеющимся, — покачал головой Т'хеонакс. — Ты уверен не только в том, что я соглашусь на операцию в горах, но и в том, что я позволю тебе ее возглавить.

— Извините, сэр. — Дельп опустил голову и бессильно свесил крылья.

— А вот я думаю... да, я думаю, что лучше тебе остаться здесь, под Манненахом, при своей флотилии.

— Как будет угодно адмиралу. Но вы подумаете о моем плане?

— Аэк'ха бы тебя драл! — рявкнул Т'хеонакс. — Ты, Дельп, не вызываешь у меня особой любви и сам прекрасно это знаешь. Но с другой стороны, план твой хорош, и лучше тебя никто с ним не справится. Так что принимай руководство этой операцией.

Дельп стоял как громом пораженный.

— Убрайся отсюда, — сказал Т'хеонакс. — Рабочее совещание проведем позднее.

— Я благодарен моему повелителю адмиралу...

— Я сказал — убрайся! И не надо так хмуриться, — повернулся Т'хеонакс к своему фавориту, когда за Дельпом закрылась дверь. — Знаю я, о чем ты думаешь. Этот малый выиграет войну, станет еще популярнее, а там глядишь — и появится у него мысль захватить правление.

— Я только подумал: а каким образом намерен мой повелитель предотвратить такое развитие событий, — опустил глаза придворный.

— Проще простого, — ухмыльнулся Т'хеонакс. — Знаю я эту породу. Пока продолжается война, мятежа не будет. Так что пускай он разделает ланнахов по собственному разумению. Затем, чтобы закрепить победу, он займется преследованием

остатков разбитой армии. Ну а во время этого преследования — случайная стрела, прилетевшая невесть откуда, крайне при- скорбный инцидент, все плачут. Такие штуки организуются очень легко.

15

Атмосфера Диомеды заносит частицы пыли, являющиеся центрами конденсации, в более высокие и, следовательно, более холодные слои воздуха, чем атмосфера земная. Поэтому и облаков, и осадков любого рода здесь тоже больше. Звезды — наиболее яркие из них — видны только в ясные ночи, то есть почти никогда.

Поднявшийся из предгорий туман заполнил ущелье, превратил недавно наступившее Полное Лето во влажную стылую мглу. Вот и солнце от нас отвернулось, роптали подавленные голодом и безнадежностью воины.

В окрестностях Салменброка не дымил ни один костер — все, что могло гореть, давно уже сгорело. Здесь не осталось ни дичи, ни зерна, ни гусениц и насекомых — армия подобрала все подчистую. Стих даже ветер, и только звон стекающих по камням ручьев и низкое, мрачное бормотание, доносившееся из чрева горы Оборх, оживляли зловещий, промозглый мрак.

Покинув собрание охваченных отчаянием вождей, Тролвен и Толк направились к старой мельнице, где работали земляне.

Мастерская была, похоже, последним местом, где продолжалась жизнь: костры горели, запасенная вода вращала мельничные колеса, в неверном свете свечей двигались фигуры рабочих, деловито скрипели станки, бухали молоты. Проявив невероятную настойчивость, Николас ван Рийн сумел в одиночку перекричать все возражения бригады Ангрека, и мастерская возобновила работу.

Ну и зачем они стараются? Мысли Тролвена были такими же серыми и мрачными, как туман, окутавший поселок.

Ван Рийн встретил гостей сам.

— Как там у вас? — спросил он, скрестив руки на волосатой груди. — У нас тут все на мази, скоро наделаем артиллерии больше прежнего.

— А какой толк? — горько спросил Тролвен. — Конечно же, мы можем сделать Салменброк практически неприступным. Иными словами, мы можем здесь засесть, после чего враги возьмут нас в кольцо и заморят голодом.

— Не говори при мне о голоде. — Покопавшись в сумке, ван Рийн выудил сухой огрызок сыра и скорбно его оглядел. — Подумать только, что совсем недавно это был прекрасный швей-

царский. А теперь что? Крыса, и та бы побрезговала. — Он засунул остаток прежней роскоши в рот и начал перемалывать его челюстями. — Набивание брюха — проблема серьезная, и у меня она стоит острее, чем у вас. *Imprimus*, высокая точка кипения воды не позволяет здесь ничего толком приготовить — ведь как уследишь за температурой? *Secundus*, для чего, спрашивается, ваши носильщики притащили меня сюда из Манненаха? Чтобы я подох здесь с голоду?

— Я уже начинаю жалеть, что мы тебя не оставили! — вспыхнул Тролвен.

— Не надо так, — вмешался Толк. — Он и его друзья много работают.

— Извините, — сокрущенно опустил голову Тролвен. — Это просто... я только что узнал... дракхоны уничтожили Эльсдрай.

— Покинутый город, *nie*?

— Священный город. А затем они подожгли окружающие его леса. Так больше нельзя! — Тролвен выпнул спину. — Еще немного, и эта земля не сможет нас прокормить, если даже мы каким-нибудь чудом победим.

— А мне кажется, — заметил ван Рийн, — что вы переживаете потерю еще одного-другого леса. Не такой уж ваш остров и перенаселенный.

— Послушай, — резко сказал Тролвен, — все это время я тебя поддерживал. В основном ты прав: бросать все наши силы в решительную битву — значит подвергаться риску полного уничтожения. Но сидеть, ограничиваясь мелкими налетами на их охранение, и смотреть, как наш народ стирают в порошок, — это еще более верный путь в пропасть.

— Нам необходимо время, — терпеливо объяснил ван Рийн. — Время, чтобы модифицировать метательные машины и чтобы восполнить потерянное в Манненахе.

— Зачем? Без поезда эти штуки с места не сдвинешь. А для полной нашей радости проклятый Дельп приказал уничтожить все рельсы!

— Вот тут-то ты и ошибаешься. Теперь артиллерия другая, ее можно переносить. Мой юный друг Уэйс кое-что в ней переделал. При необходимости, если собрать на помощь женщин и подростков, чтобы каждый нес одну-две небольшие детали, мы можем перетащить весьма солидную батарею.

— Это я знаю, ты мне уже объяснял. Но я снова тебя спрашиваю, в кого будем мы стрелять из этого оружия? Ну хорошо, установлена батарея на новой позиции, так дракхонам только и нужно будет, что ее обходить. А мы нигде не сможем задержаться надолго — такое количество ртов за несколько дней начисто

обглодает любую местность. — Тролвен перевел дыхание. — Но я пришел с заседания Совета Старейшин Ланнха, чтобы сообщить тебе, что пища подошла к концу — как и терпение армии. Мы должны сражаться.

— Должны — значит, будем, — невозмутимо ответствовал ван Рийн. — Пошли, я поговорю с этими вашими нетерпеливыми советниками.

Он сунул голову в дверь мастерской:

— Уэйс, голуба, начинай-ка ты паковать, что уже наготовили. Скоро мы все это потащим.

— Слышал, — отозвался голос изнутри.

— Отлично. Ты тут работай, а я пойду заниматься политической, вот все и будет путем, *nie?* — Ван Рийн потер волосатые руки, широко улыбнулся и поковылял следом за ланнхскими вождями.

— Вот-вот, — Уэйс смотрел вслед растворившемуся в тумане торговцу. — Так оно всегда и делается. Мы работаем, а он болтает. Равенство и братство.

— Что ты хочешь сказать? — подняла голову Сандра. Она сидела за столом и маркировала краской части метательных машин. Рядом с ней сидело еще десятка два женщин, занятых той же работой.

— То, что сказал. Зря только я не сказал ему это прямо в глаза. Я не боюсь этого жирного паразита, и деньги его дермовые мне больше не нужны, пусть засунет их... куда хочет. Только и знает, что командует: сделай то, да сделай се, а сам делает ручкой, и только его и видели. И жрет в три горла пищу, которая могла бы сохранить *твою* жизнь...

— Ты что, ничего не понимаешь? — Несколько мгновений Сандра молча изучала лицо Уэйса. — Нет. За всеми этими делами у тебя, видимо, просто не было времени, чтобы посидеть и подумать. А прежде ты всегда был мелким служащим, никогда не соприкасался с искусством правления.

— Что ты хочешь сказать? — ненамеренно собезьянничал Уэйс. На Сандру смотрели глаза, поблекшие от неимоверной усталости.

— Когда-нибудь потом, сейчас нет времени. Мы же скоро отсюда двинемся, нужно все подготовить.

Через десять—пятнадцать дней после Манненаха нашлась на конец работа и для Сандры. Ван Рийн потребовал, чтобы все оружие, которое — как теперь оказалось, к счастью — в прошлый раз не удалось захватить с собой, было приспособлено к транспортировке по воздуху. Уэйс сумел заменить каждую крупную деталь несколькими мсньшими, однако теперь без удобной системы маркировки сборка машин превратилась бы в полный

хаос. Сандра придумала такую маркировку и сама же теперь ее наносила.

И у нее, и у Уэйса почти не оставалось времени даже на сон, тем более чтобы задуматься, для чего, собственно, вся эта работа.

— Старый Ник что-то там плел насчет атаки на Флот, — пробормотал Уэйс. — У него что, крыша едет? Опустимся мы, значит, прямо на воду и начнем собирать свои катапульты?

— Возможно. — Голос Сандры звучал совершенно серьезно. — Я, собственно, ни о чем уже не беспокоюсь. Скоро все решится, ведь еды у нас осталось хорошо, если на четыре земных недели.

— Еще месяца два можно продержаться совсем без еды, — напомнил Уэйс.

— Да, но мы совсем ослабеем. Эрик... — Сандра опустила глаза.

— Да? — Уэйс остановил циркульную пилу и подошел к девушке. На ее голове алмазами вспыхивали капли росы.

— Скоро... я не буду иметь значения... будет тяжелая работа, требующая сил и умения, которых у меня нет... возможно, сражения, в которых я — всего лишь стрелок из лука, да и то не слишком сильный. — Концы пальцев, сжимавшие кисточку, заметно побелели. — Когда дойдет до этого, я перестану есть. Я отдаю свою долю тебе и Николасу.

— Не будь дурой. — Голос Уэйса срывался.

Вздрогнув, как от удара, Сандра выпрямилась и повернулась, к мертвенно-бледным щекам прилила кровь.

— Это вы, Эрик Уэйс, не будьте дураком, — яростно бросила она, глядя ему прямо в глаза. — Давая вам и ему хотя бы еще одну лишнюю неделю, в течение которой вы сохраните силы и способность ясно мыслить, я, вполне возможно, спасу и свою жизнь. Ну а если нет — что я теряю? Одну или две безрадостные недели. Иди работай.

Несколько секунд Уэйс смотрел на нее не двигаясь, а затем кивнул, вернулся на свое место и снова запустил пилу.

А тем временем ван Рийн монотонно ругался, пробираясь по узкой тропинке к месту, выбранному Советом для своих заседаний — открытой площадке на самом краю обрыва.

Заседанием это можно было назвать только в переносном смысле, старейшины Ланнаха поджидали его, лежа на жесткой траве; их фигуры, вырисовывавшиеся на сером, унылом фоне неба, удивительно напоминали сфинксов. Тролвен занял свое место, Толк остался рядом с торговцем.

— Во имя Мирового Разума, наша встреча начинается, — ритуально начал командор. — Да будут наши мысли озарены солнцем и лунами. Да направляют нас духи наших праматерей.

И да не опозорю я ни тех, кто летел прежде меня, ни тех, кто будет лететь позже. — Покончив с обязательной формулой, Тролвен вздохнул с облегчением. — Так что же, вожди, — продолжил он, — значит, мы решили, что не можем больше здесь оставаться. Я привел землянина, в надежде получить совет. Вы бы не могли рассказать ему, между чем и чем приходится выбирать?

— Во-первых, Вожак, почему он вообще оказался здесь? — буквально выплюнул старый, с худым лицом и горящими злобой глазами ланнах.

— По приглашению командора, — невозмутимо объяснил Толк.

— Я хотел спросить... И не нужно, Герольд, передергивать, ты прекрасно понимаешь, что я имел в виду. Это он подбил нас на манненахский поход. А какой результат? Самое страшное поражение во всей нашей истории. Далее, он настоял, чтобы наши главные силы сидели здесь и безучастно наблюдали, как враг опустошает оставшуюся без защиты страну. Так что я не понимаю, почему мы должны снова выслушивать его советы. — В глазах Тролвена мелькнула тревога. — Есть ли еще желающие бросить вызов? — негромко спросил он.

— Да, да, — послышалось со всех сторон, — пусть отвemтит, если может.

Ван Рийн покраснел (как рак) и начал раздуваться (как лягушка).

— На собрании Совета землянину брошен вызов, — сказал Тролвен. — Хочет ли землянин отвечать?

Все ждали.

И тут ван Рийн взорвался:

— Сорок тысяч драных кошек в глотку! Ну откуда на мою голову взялись все эти неблагодарные придурки? Всемилостивейший Боже, ну на кой хрен развел ты в этом мире дуболомов в погонах и политиков? — Он яростно потряс над головой кулаками, набрал побольше воздуха и заорал еще громче: — В традесканцию моей бабушки! Это же просто возмутительно! Если всех здесь присутствующих обуяла мания самоубийства, ну чего ради должен старый и больной ван Рийн их удерживать? *Perbacco*, или вы прекратите меня оскорблять, или я забью вас в ваши же собственные глотки! — Рычащей горой он двинулся на Совет; лежавшие в первом ряду старейшины испуганно по-дались назад.

— Землянин... сэр... вождь... пожалуйста! — прошептал Тролвен.

Решив, что довел уже эту публику до нужной кондиции, ван Рийн резко сбавил тон.

— Ну лады, — сказал он холодно. — Я вам отвечу, отвечу все как есть. Я даю вам отличные советы, вы умудряетесь все своей глупостью испоганить, а потом я же и виноват. А я — несчастный терпеливый старик, совсем не похожий на того здоровенного молодого хулигана, каким был когда-то, у меня явный избыток христианского смирения, вот я и продолжаю — несмотря ни на что — давать вам советы.

Ну предупреждал же я вас оставить Манненах в покое, тысячу раз предупреждал. Говорил, что плоты — главная сила Флота — могут подойти прямо к его стенам. Несчастный больной старик прямо на коленях перед вами ползал, умоляя захватить сперва ключевые города в глубине равнины — так нет, вы его не слушали. И все-таки мы взяли Манненах, но упустили победу по чистой глупости. Вот имей я крылья, как у ангела, чтобы лично вести вас в бой! Да я бы сейчас кукарекал на клотике адмиральской гrot-мачты, клянусь кузнецами святого Антония! Поэтому теперь вы будете слушаться моих советов — нет, кой хрен, вы будете подчиняться моим приказам! И чтобы никакого отбrehивания, иначе я умываю руки и отправляюсь домой. С этого самого момента — если, конечно, вы не намерены сдохнуть, — когда ван Рийн говорит «встань» — встань, а когда говорит «ляжь» — ляжь. Понятно?

Ван Рийн замолчал. Теперь он слышал только астматические хрипы в собственных легких, недовольный ропот, доносящийся со стороны лагеря, да холодный звон чужих ручьев, сбегающих по чужим камням.

— Если... — неуверенно начал Тролвен, — ...если бравшие вызов считают ответ удовлетворительным, можно вернуться к делу.

Никто не произнес ни слова.

— Может быть, скажет землянин? — нарушил Толк затянувшееся молчание. К Герольду — единственному из собравшихся — полностью вернулось самообладание, и теперь он напоминал завзятого театрала, наслаждающегося отличной актерской игрой.

— *Ja*, скажу, еще как скажу. Я отлично понимаю, что больше оставаться здесь нельзя. Вот вы спрашиваете, почему я держал армию на поводке и позволял капитану Дельпу делать все, что ему заблагорассудится. *Imprimis*, — ван Рийн начал загибать пальцы, — потому, что он только и мечтает о крупном сражении, в котором нас скорее всего разнесут в капусту — дракхонов больше, к тому же они воодушевлены недавней победой, да и просто хорошо питаются. *Secundus*, сюда он пока не полезет, его воины непривычны к горам и боятся попасть в засаду. Поэтому, сидя спокойно и не высываясь, мы получим

возможность изготовить метательные машины. *Tertius*, у меня есть надежда, что за время этой задержки, пока я занимался мастерской, появилось средство одержать победу.

— Что? — совершенно забыв о формальностях, рявкнул один из старейшин.

— А! — Ван Рийн приложил палец к своему внушительному носу и заговорщицки подмигнул. — Об этом мы поговорим позднее. Вполне возможно, вы считаете меня жалким обессиленным стариком, которого нужно уложить в кроватку со стаканом горячего грого и хорошей сигарой, но я покажу вам, что такое коммерсант из Торгово-технической. Так вот, я предлагаю сняться отсюда и двинуть на север.

Он замолк, терпеливо ожидая, когда затихнет поднявшийся гвалт.

— Порядок! — во весь голос крикнул Тролвен. — Порядок! — он громко хлопнул по земле хвостом. — Успокойся, вождь..! Послушай, землянин. Действительно, кое-кто предлагает полностью оставить Ланнах, и день ото дня такие разговоры звучат все чаще и чаще — ведь наш народ теряет последние остатки надежды. Подходит Время Рождения, но мы еще можем поспеть в Трясины Килну и спасти таким образом большую часть женщин вместе с их потомством. Но это значило бы бросить наши города, наши леса и луга — все, что у нас есть. Бросить все, что трудом своим создавали десятки поколений наших предков, и превратиться в дикарей, прозябающих в мрачных, грозящих болезнями джунглях, превратиться в ничто. Лично я гораздо охотнее погибну в битве.

Но в Килну, — продолжил он, персведя дыхание, — хотя бы тепло. А на севере Ахана сейчас еще лед не стаял.

— Вот именно, — невозмутимо согласился ван Рийн.

— Ты что, хочешь, чтобы мы погибли от голода и холода в ледниках Дорнаха? Южнее Дорнаха нам места нет — в любой точке Холменаха нас сразу обнаружат разведчики Флота. Хотя, может быть, ты решил дать последнюю битву на этих островах, тогда...

— Нет, — мотнул головой ван Рийн. — Мы проскользнем в этот самый Дорнах. Ведь кроме оружия мы же можем прихватить и еду — провиант на... ну, скажем, десять дней, *nie*?

— Ну... ну да... но даже и в таком случае... Ты что, предлагаешь атаковать главные силы Флота с севера? Неправдиче неожиданное, но надежды это нам не прибавит.

— Для моего плана очень существенна неожиданность, — объяснил ван Рийн. — *Ja*. Воинам мы ничего не скажем, а то

вдруг один из них попадет в плен, и дракхоны все из него вытрянут. А лучше, пожалуй, ничего и вам не говорить.

— Хватит шуточек, — оборвал его Тролвен. — Выкладывай свой план.

— Ничего не получится, — сказал он через некоторое время. — Технически — да, вполне допускаю, но политически...

— Опять политика, — простонал ван Рийн. — Что еще там такое?

— Воины... да и женщины, и даже дети — раз в Дорнах отправляется весь народ целиком. Необходимо все им объяснить — а ведь ты сам говоришь, что твой план может провалиться, если хотя бы один воин попадет в плен и проговорится под пыткой.

— А зачем им знать? — удивился ван Рийн. — Мы скажем только, что нужно подсобрать пищи и дров. А потом собираемся и летим, и никто ничего заранее не знает.

— Мы не дракхоны, — возмутился Тролвен. — Мы — свободный народ. Я не могу решать такой важный вопрос без голосования.

— Хм-м-м... а может, уговоришь их как-нибудь, — подергал себя за усы ван Рийн. — Произнеси речь. Убеди их откаться на этот — единственный — раз от своего права знать и решать. Попроси их следовать за тобой, не задавая вопросов.

— Нет, — решительно отрезал Толк. — Я хорошо знаком с искусством убеждения и знаю его пределы. У нас сейчас уже не Стая, а скорее толпа — голодная, продрогшая от холода, утратившая надежду, переставшая верить вождям, готовая оставить все врагу или слепо броситься в заранее проигранную битву. У них просто не хватит духа и выдержки, чтобы пойти за кем бы то ни было в совершенно непонятное им предприятие.

— Боевой дух можно и поднять, — сказал ван Рийн. — Займусь-ка я этим сам.

— Ты?

— А что, я ведь не такой уж и плохой оратор, особенно когда припечет. Устрой мне выступление перед народом.

— Да они... да они... — Толк замолчал и ошарашенно уставился на торговца. А затем саркастически расхохотался. — Соглашайся, Вождь Стая. И мы тоже послушаем, какие такие слова найдет этот землянин, что они окажутся убедительнее наших.

Часом спустя он сидел на обрыве, глядел на неясную массу собравшейся внизу толпы и слушал громом раскатывавшийся бас.

— ...и я скажу одно — подумайте, чем вы здесь обладаете, что хотят у вас отнять.

*Подумать лишь, что царственный сей остров
Страна величия, обитель Марса,
Трон королевский, сей второй Эдем,
Противу зол и ужасов войны,
Самой природой сложенная крепость,
Счастливейшего племени отчизна...*

— Я не понимаю этих слов, — прошептал Толк.

— Тише! — отмахнулся Тролвен. — Не мешай слушать. — В глазах командора стояли слезы, он чувствовал, как по спине бегут мурашки.

*Блаженная земля, священный Ланнах...**

Армия начала громко хлопать крыльями, раздались крики.

Далее ван Рийн пересказал надгробную речь Перикла, «Вы, кого водили в бой»** и геттисбергскую речь***. К тому времени как красноречивый торговец закончил обсуждение дня Святого Криспена, армия готова была избрать его вождем.

16

Дорнах находился далеко за архипелагом, на несколько сот километров севернее Ланнаха. Как ни торопилась Стая, только изредка и недолго отыхавшая в заполненных птичьим гамом шхерах, путь к этому острову занял несколько земных дней и был чистым кошмаром для болтавшихся в сетках людей. Во всяком случае, память Уэйса сохранила исключительно ощущение непрерывно испытываемых физических неудобств.

Берег, на который они в конце концов высадились и который Уэйс рассматривал, стоя на непослушных, ежесекундно подламывающихся ногах, также вызывал мало энтузиазма.

Остров располагался не так уж далеко к северу, однако, несмотря на Полное Лето, воздух здесь оставался морозным; по словам Толка, никто и никогда не пытался жить в этих местах. Холменахский архипелаг отклонял холодное океанское течение

* У.Шекспир, «Ричард II», акт II, сц. 1. (пер. М. Донского). Конец, естественно, фантазия ван Рийна. Не совсем ясно, на каком языке читал он эти стихи.

** Первые слова шотландской патриотической песни, созданной на основе стихотворения Р. Бернса «Поход Роберта Брюса на Бэннокберн».

*** Речь А. Линкольна на открытии национального кладбища в Геттисберге (1863 г.), в которой дано знаменитое определение демократии: «правительство народа, из народа, для народа».

в сторону Моря Ледяных Гор, и эти мерзлые воды огибли Дорнах.

Измотанная многодневным полетом, стая опустилась на черный песок, намытый темными тяжелыми волнами прилива; за узкой прибрежной полосой сразу же начинались вечные ледники, круто уходившие вверх, к огненной глотке вулканического кратера. По нижним склонам горы кое-где пробивались тонкие прямые деревца, торчали пучки какой-то жесткой травы; над плавающими вблизи берега льдинами метались немногочисленные морские птицы — вот и все признаки жизни в этом бесплодном, освещенном тусклыми, цвета запекшейся крови, лучами почти не выглядывающего из-за облаков солнца.

Сандру передернуло. Уэйс с ужасом заметил, как она успела исхудать. А теперь, когда наступала последняя стадия их отчаянных усилий — и жизни скорее всего тоже, — она вообще перестанет питаться.

Девушка поплотнее закуталась в грубую, дурно пахнущую куртку; выбившаяся прядь светло-золотистых, как у сказочной принцессы, волос потеряно трепетала на фоне черного базальтового обрыва. А вокруг сидели, расхаживали, хлопали крыльями десять тысяч разъяренных драконов; за свистом, гортанными звуками нечеловеческой речи, пушечными ударами перепончатых крыльев не было слышно даже неустанного воя ветра. Трогательным, почти детским движением Сандра потерла слипающиеся глаза, и Уэйс увидел, что эти совсем недавно прекрасные руки сочтася кровью после многодневного цепляния за сетьку, что она валится с ног от усталости.

Сердце его болезненно сжалось, он сделал шаг вперед, но первым рядом с Сандрой оказался Николас ван Рийн, пузатый и сальный.

— Ну вот мы и здесь, — ободряюще пророкотал он. — Ей-же-ей, скоро я доставлю вас домой, а там сразу — в горячую ванну. Всеблагой святой Дисмас, я же чую тебя, чую за три километра против ветра.

И леди Сандра Тамарин, наследница Великого Герцогства Гермесского, отблагодарила его слабым подобием улыбки.

— Если бы мне только чуть-чуть отдохнуть, — прошептала она.

— *Ja, ja*, понятно. — Ван Рийн сунул два пальца в рот и оглушительно свистнул. — Ты, там, — крикнул он удивленно оглянувшемуся Тролвену. — Найди пещеру или еще что, куда можно бы ее запихнуть.

— Я? — встал на дыбы командор. — У меня на руках вся Стая!

— Делай, что сказано, болван пустоголовый.— Словно забыв о возмущенном вожде, ван Рийн поковылял к Уэйсу.— Так вот, приступай к работе. Собери сколько там тебе надо народа и начинайте.

— Я...— попятился Уэйс.— Послушайте, последний раз мы отдыхали уже и не помню сколько часов назад, поэтому...

— А сколько недель назад я последний раз покурил?— Ван Рийн яростно сплюнул.— Или хотя бы выпил стакан «Дженевера». Ты никогда не интересуешься, что происходит с окружающими. Неужели я должен делать все сам, без всякой помощи?— возопил он, воздев горе внушительный свой шнобель.— Ну зачем, спрашивается, Ты, иже Еси на Небесах, заселил Галактику одними погаными лентяями? Ведь это просто нестерпимо!

— Ну... ну... — Краем глаза Уэйс увидел, как Тролвен уводит Сандру прочь искать какое-нибудь место, где она сможет спать, позабыв на несколько жалких часов холод, боль и одиночество. — Хорошо! — он злобно рубанул кулаком по ладони. — Ну а чем займешься вы?

— Кой черт, мне же нужно все организовать. Первым делом договорюсь с Тролвеном насчет бригады, которая будет валить деревья, обтесывать мачты, реи и весла. Нужно нарезать и спить паруса, а еще такелаж, а еще питание и укрытие — нельзя же так вот и жить под открытым небом. Тьфу! Не мое это, собственно, дело — заниматься подобными мелочами, для этого есть такие, как ты.

— А что такое жизнь, если не совокупность мелочей? — голос Уэйса дрожал от ненависти.

Маленькие серые глазки ван Рийна на мгновение застыли.

— Так, значит, — громыхнул он, — теперь и ты решил отбрехиваться? Видя, что я старый и слабый, что теперь я переношу трудности совсем не так легко, как когда-то, ты решил, наверное, что я паразитирую на твоей работе, *nie*? Сейчас просто нет времени вбивать в твою тупую башку какой-то здравый смысл. Возможно, ты и сам сумеешь что-нибудь понять. А теперь, — короткие волосатые пальцы звонко щелкнули, — на полусогнутых!

Уэйс отошел, уныло ругая себя за то, что не саданул хоршенько в это жабье брюхо. Ну ничего, не последняя возможность. Сейчас не тот момент... странным образом ван Рийн всегда умел организовать ситуацию, при которой ланнахи восхища-

лись именно им... а не Уэйсом, который выполнял всю настоящую работу. А может, это нечто вроде мании преследования? Нет!

Ну вот, скажем, эти корабли. Ван Рийн отметил, что на острове вроде Дорнаха, окруженном паковыми льдами и обломками сползающих с гор ледников, имеется уйма строительного материала. С помощью каменных инструментов можно за несколько часов вырубить корабль, не уступающий по размеру крупнейшим плотам Флота, а самый примитивный аналог паяльной лампы — масляная лампа с мехами — легко подгревает поверхность. Мачту и руль можно укрепить в специально для этого вырубленных отверстиях; замерзая, вода прихватит их не хуже любого цемента. Имея столько рабочей силы — всю Стаю, включая и мужчин, и женщин, и детей, будет не очень трудно за какую-нибудь неделю изготовить эскадру, сравнимую по численности со всем Флотом.

Но это — если вся технология проработана хорошим инженером. Как далеко нужно заглублять мачты? Нужен ли балласт? Да и попросту — как сделать в неправильной формы ледяном обломке ровный, аккуратный разрез длиной в добрую сотню метров? Ну а каким образом выгладить нижнюю поверхность льдины, чтобы уменьшить сопротивление? Лед — материал весьма хрупкий, но его можно укрепить, окатывая подготовленный корпус смесью опилок и морской воды, затем смесь эта замерзнет и образует нечто вроде брони. И снова — в каких пропорциях делать смесь?

А времени на пробы и испытания нет. И вот от Эрика Уэйса ожидается, что Божьей помощью и своей интуицией он преодолеет все трудности, справится со всеми стихиями.

Ну а ван Рийн, он-то что внес? Так, основную идею, небрежно брошенную в неявном предположении, что Уэйс всемогущ, вроде как джинн из волшебной лампы Алладина. Блестящий, конечно, всплеск фантазии — кто бы спорил. Но фантазия — вещь несерьезная и недорогое стоит.

Ведь так кто угодно может поковырять в носу и заявить: «Нам нужно такое-то и такое новое оружие, которое можно сделать из таких-то и таких-то беспрецедентных, еще не существующих материалов». Только все это останется праздной игрой ума, пока не появится кто-нибудь другой, способный допетрить, каким образом можно изготовить требуемое оружие.

Надев ярмо на инженера, ван Рийн занялся Стаей: кого-то развлекал шутками, кого-то уговаривал, на кого-то кричал, а когда все ланнахи впяглись в работу, он завернулся в одеяло и преспокойно уснул.

Стоя на палубе «Рийштаффеля», Уэйс ожидал, когда же на горизонте появится враг.

Медленно опустившись в висящую на поясе сумку, его рука нашупала заплесневелую горбушку хлеба и кусок колбасы. Последние остатки пищи, четыре уже земных дня он держался на уменьшенном рационе, чтобы осталось хоть что-нибудь на день сражения.

Но есть в общем-то даже и не хотелось.

Как ни странно, холода, идущего снизу, не чувствовалось — его сразу уносил теплый ветер. То, что за неделю пути на юг корабли почти не подтаяли, удивляло Уэйса значительно меньше — он знал термические свойства воды.

Северный ветер туто надувал на мачте примитивные прямоугольные паруса, привязанные к изготовленным из свежесрубленного дерева реям. Ледяные корабли были неуклюжими, но далеко не в такой степени, как дракхонские плоты; работая в обжигающе-холодной воде, ланнахи не только выровняли днище, но и придали им некое подобие обтекаемой формы. Делать этого не хотел, естественно, никто, но ван Рийн проявил прямотаки невероятные диктаторские способности. В результате военный флот ланнахов, подгоняемый диомедианским бризом, резал волны Ахана со скоростью в добрых пять узлов.

Однако, вспоминал Уэйс, время строительства, время непосильной, с ног валяющей работы оказалось далеко не самым трудным. Критический момент наступил позднее, когда корабли были почти готовы к отплытию и вдруг поднялся встречный ветер. Несколько земных дней вконец отчаявшиеся ланнахи мокли под ледяным непрекращающимся дождем, грабили птичьи гнездовья и пытались ловить рыбу, чтобы хоть чем-то накормить плачущих от голода детей. Советники и вожди кланов говорили уже, что с судьбой не поспоришь, что не остается иного выхода, как бросить все и искать пристанища в Трясинах Килну. Каким-то невероятным образом — где просыбами, а где посулами, где криком, а где скулежом, порою даже подкупом (за счет выигранных в кости «денег») — ван Рийн удержал Стую в Дорнахе.

Ладно, все это позади.

Торговец выбрался из тесной каменной каютки на усыпанную щебенкой палубу и прошел — мимо угрожающее присевших метательных машин и сложенных в кучи снарядов — на нос, где стоял Уэйс.

— Чего смотришь, — сказал он, — ешь. Последняя возможность.

— Я не голодный, — Уэйс продолжал изучать горизонт.

— Правда? А вот я, — ван Рийн выхватил хлеб и колбасу у него из руки и сунул себе в рот, — голодный.

Торговец снова обрядился в два панциря сразу, но из оружия на этот раз у него был только один внушительных размеров каменный топор с метровой рукоятью. Уэйс экипировался щитом и томагавком; вся палуба кишила разномастно вооруженными ланнахами.

— Приготовили нам торжественную встречу, уж это будьте уверены, — заметил Уэйс, следя за стройными силуэтами лави-рующих против ветра боевых каноэ.

— А ты чего ожидал, что эти ребята, как говорят в Америке, расстелят ковер на гектар? Зуб даю, они уже много часов как нас заметили. Теперь ихние гонцы гонят изо всех сил в Ланнах, за армией. — Ван Рийн оглядел последний огрызок колбасы, благоговейно поцеловал его и отправил в рот.

Уэйс посмотрел назад. Их ледяной корабль был флагманом — при испытаниях он показал наибольшую скорость — и, как таковой, находился на самом острье длинного клина, состояв-шего из нескольких десятков грязно-белых судов, чьи кое-как спищие паруса, кривые мачты и безобразная оснастка способны были вызвать отвращение у любого мало-мальски опытного моряка. Дракхонский Флот имел преимущество и по численности, и по вооружению, оставалось только молить Бога, чтобы это преимущество не оказалось слишком уж подавляющим. Малая высота борта ледяных судов не имела для крылатых воинов серьезного значения, совсем другое дело — опыт дракхонских моряков, точнее, отсутствие этого опыта у Стai...

Вот за бойцовские качества ланнахов беспокоиться не приходилось. Настоящие крылатые тигры, думал Уэйс. За время плавания они отдохнули, отогрелись, подкормились и теперь прямо рвались в бой. Кроме того, при меньшем количестве кораблей, Стai имела, пожалуй, больше воинов, даже если учитывать отсутствующую пока армию Дельпа.

И еще один важный фактор: ланнахи могли позволить себе безрассудную смелость. Их женщины и дети остались на Дорнане — так же как и ставшая очень бледной и тихой Сандра, — и у них не было никаких ценностей, о которых стоило бы тревожиться. Ледяная эскадра не несла иного груза, кроме оружия и ненависти. От густым облаком летевшей воздушной армии от-делился Толк; он спикировал, затормозил, широко раскинув крылья, опустился на палубу флагмана и нашел глазами людей.

— Ну как тут у вас, все в порядке?

— В полном, — бодро мотнул головой ван Рийн. — Мы что, так и прем прямо на этих паразитов?

— Да, до Флота всего несколько буасков. Чуть-чуть за горизонтом, если смотреть с вашей высоты, скоро покажется. Они двигаются сразу и под парусами, и на веслах, пытаются уйти, но ничего из этого не получится, если, конечно, ветер не подведет. А каноэ нам не помеха.

— И никаких признаков оставшейся в Ланнахе армии?

— Пока никаких. Думаю, этот... как его там... ну, новый адмирал, о котором говорили пленные, — он отправил в горы гонцов. Только остров большой, так сразу эту армию и не найдешь.

— Вот я бы на его месте, — с чувством превосходства фыркнул Герольд, — установил постоянную связь через непрерывную двухстороннюю цепочку свистунов.

— Как бы там ни было, — заметил ван Рийн, — нужно ожидать, что они появятся довольно скоро, вот тут-то все и начнется.

— Ты уверен, что нам удастся...

— Ни в чем я не уверен. А теперь возвращайся к Тролвену и следи там.

Толк кивнул и снова взмыл в воздух.

Ватные горы плывущих в неоглядно-высоком небе облаков чуть розовели в лучах солнца, гребни темно-пурпурных волн белели клочьями кружевной пены. Чуть в стороне от курса эскадры из моря поднимался крутой, почти отвесный берег маленького островка; в подзорную трубу можно было при желании сосчитать желтые головки цветов, кивающие в тени каких-то высоких, голубоватых, по всей видимости — хвойных деревьев. С неба свалились два юных свистуна; они зависли над Уэйсом, танцуя в воздухе, как полоющиеся по ветру знамена. Было очень трудно убедить себя, что вот эти изящные резные лодочки, подходящие все ближе и ближе, нагружены огнем и заостренными камнями.

— Ну что ж, — сказал ван Рийн. — Начинается потеха, святой Дисмас, не покинь меня в такую минуту.

— А не кажется ли вам, что сейчас больше подошел бы святой Георгий? — спросил Уэйс.

— Это с твоей точки зрения, а вот я — человек слишком старый, толстый и трусливый, чтобы взывать к Михаилу или Георгию, или Олафу, или к кому еще из этих воинственных ребят. Мне как-то уютнее со святыми не столь размашистыми и энергичными — с тем же святым Дисмасом или с Николаем, который выручает из беды путешествующих.

— Вот и разбойники с большой дороги, они тоже считают его своим патроном, — заметил Уэйс и удивился, как плохо ворочается пересохший язык. В глазах у него немного поплы-

ло... «Нет, конечно же, я не боюсь... но вот ноги стали какие-то ватные».

— Ура! — заорал ван Рийн. — Здорово врезал!

Носовая баллиста «Рийштаффеля» зазвенела, глухо ухнула и швырнула пятисоткилограммовый булыжник прямо на палубу ближайшего каноэ. Лодка переломилась, как щепка, ее команда, естественно, взлетела, но тут же была уничтожена одним из взводов армии Тролвена.

Ван Рийн ухватил растерявшегося наводчика баллисты за руки и протанцевал с ним по палубе. Крик, сопровождавший эти действия, должен был, видимо, считаться пением.

Du bist mein Sonnenschein, mein einziger Sonnenschein, du machst mir frolich...

Подвалило еще одно каноэ, круто против ветра. Заметив разворачивающееся сопло огнемета, Уэйс бросился плашмя, под защиту низенького — ледяного же — фальшборта.

Струя пламени ударила в фальшборт, отразилась от него и огненными плевками упала в море. Она не могла ни поджечь лед, ни даже сколько-нибудь заметно его растопить. Сотня стоявших в укрытии ланнахских лучников ответила градом стрел, которые взметнулись к небу и обрушились на каноэ сверху.

Уэйс осторожно выглянул. Дракхон, стоявший прежде при насосе огнемета, лежал без движения, наводчик занимался собственным поврежденным крылом. Рулевого тоже не видно, нос каноэ описывает бессмысленную дугу, оставшиеся в живых члены команды забились кто куда.

— Полный вперед! — крикнул он во все горло. — Тарань их!

Громада ланнахского корабля легко, словно мимоходом, раздавила лодку.

Пользуясь превосходством в скорости и маневренности, каноэ крутились вокруг ледяного флота, как волки вокруг стада бизонов. Некоторые из них проскальзывали между кораблями, пытаясь атаковать их сзади, другие — с той же целью — обогнули края клина. Это нельзя было назвать игрой в одни ворота: стрелы, бросаемые катапультами дротики и камни — все это время от времени достигало цели; на ледяных палубах взрывались бомбы, то здесь, то там ярко вспыхивал подожженный огненной струей парус.

Однако затушить горящую тряпку — пустое дело для крылатых существ, имеющих пару ведер и неограниченное количество воды. На протяжении всей этой стадии сражения лишь один ланнахский корабль полностью лишился мачт, после чего команда попросту его бросила и распределилась по другим судам. Кроме мачт и парусов гореть было попросту нечему, не

считая, конечно, живого тела, но оно на войне ценится меньше всего.

Несколько лодок попытались взять один из кораблей на абордаж; оказавшись, несмотря на объединенные усилия, в меньшинстве, дракхонские воины дорого заплатили за свою безрассудную смелость. А тем временем армия Тролвена, имевшая в воздухе абсолютное господство, пикировала, стреляла, рубила.

Отчаянная атака почти не задержала ланнахов, каноэ были потоплены, разбиты, подожжены, а немногие, оставшиеся целыми — рассеяны непотопляемым противником.

Находясь во главе эскадры, «Рийштаффель» пробил строй дракхонов почти беспрепятственно; немногое оказанное ему сопротивление было отражено дальнобойным оружием — катапультами и баллистами, стрелами и зажигательными бомбами. Море за кормой горело и дымилось, где-то впереди находился основной противник — огромные плоты.

Завидев на горизонте вымпелы и паруса, драконоподобная команда Уэйса дружно затянула победную песню Стai.

— А не рано ли? — крикнул он, пытаясь перекрыть хриплый вой ланнахов.

— Пусть повеселятся, пока могут, — негромко сказал стоявший рядом ван Рийн. — Ведь очень многие из них вскоре отправятся к рыбам, *nie*?

— Думаю... — перед глазами Уэйса встали картины недавней битвы, и он торопливо, почти испуганно сменил тему. — Мне нравится мелодия, а вам? Похоже на старые американские народные песни. Ну, скажем, на Джона Генри.

— Народные песни — самое то, если сидишь в столице и корчишь из себя народ, — презрительно фыркнул ван Рийн. — Я уж как-нибудь ограничусь Моцартом.

Некоторое время торговец смотрел на бегущую за бортом воду, а когда заговорил снова, в его голосе появились совершенно неожиданные тоскливы нотки.

— Я всегда надеялся, что сумею когда-нибудь понять Баха, старину Иоганна Себастьяна, который говорил с Богом на языке математики. Только этой старой тупой башке не хватает мозгов. Так что теперь я прошу только о возможности хоть еще один раз послушать *Eine Kleine Nachtmusik*.

Со стороны плотов, взбивавших воду паучими лапками весел, донесся грозный рев. Оставив попытку уклониться, Флот медленно и тяжеловесно перестраивался в боевой порядок.

Нетерпеливым взмахом руки ван Рийн подозвал свистуна.

— Быстро! Сбегай наверх и скажи этому чокнутому Тролвену, чтобы отстал от лодок и занялся плотами. Чтоб никакого

им продыху, а главное — не давайте гонцам шнырять между капитанами, пусть-ка попробуют скоординироваться без связи!

Глядя вслед умчавшемуся мальчишке, торговец подергал свою бородку, почти затерявшуюся уже в колючей, слизшейся от грязи щетине.

— Пуп Господень! — взревел он. — Ну почему я должен думать за всех? Святой Никола Угодник, ниспошли мне офицера с хотя бы одной извилиной в башке, и я выстрою тебе собор на Марсе! Ты меня слышишь?

— У Тролвена самый разгар схватки, — застутился за командора Уэйс. — Он не может думать обо всем сразу.

— Может, и не может, — уже тише проворчал ван Рийн. — Может, я вообще единственный в Галактике, кто никогда не ошибается.

Долго убеждать Тролвена не пришлось, прошло несколько минут, и плоты противника — подошедшие уже до ужаса близко — захлестнули серый смерч. Словно выпущенные из ада дьяволы, ланнахи убивали дракхонов, чтобы тут же самим пасть под ударами противника; небо и море слились в один кровавый хаос. Уэйс подумал, что в этом водовороте смерти приближение его кораблей может пройти почти незамеченным.

— Не сумели! — крикнул он, колотя кулаком ледяной борт. — Как Бог свят, они не сумели организоваться!

На боку приземлившегося рядом свистуна виднелась ужасная ссадина.

— Вон там... Герольд Толк говорит... — с каждым словом из его рта вылетал сгусток крови. — Пустое место... разрезать Флот... — Тоненькое тело судорожно изогнулось назад, а затем мягко опустилось на палубу и замерло. Подняв мальчика на руки, Уэйс услышал, как в пробитых сломанными ребрами легких булькает кровь.

— Мама, мама, — прошептал, задыхаясь, свистун. — Это он топором. Мамочка, сделай, чтобы не больно.

Через несколько секунд он умер.

Залпом цветистых ругательств ван Рийн заставил рулевого развернуть корабль — всего на несколько градусов, на большее неуклюжее сооружение просто не было способно, однако хватило и этого. В совсем уже приблизившейся цепи вражеских плотов зиял разрыв; яростная атака Тролвена мешала его сокнуть. Покрытая красными, на глазах расплывающимися пятнами, усеянная выпущенными из ослабевших рук луками и копьями, широкая полоса воды прямо, как стрела, указывала на адмиральскую плавучую крепость.

— Сюда! — заорал ван Рийн. — Глуши их! Ешь их с потрохами!

Выпущенный из катапульты дротик с визгом перелетел через фальшборт, вспорол рукав торговца и выбил из палубы сноп ледяных осколков. На «Рийштаффель» обрушились три потока жидкого пламени.

Огненные пальцы зашарили по палубе; ярко вспыхнул и упал не успевший увернуться воин, затем настала очередь палуб. На этот раз тушить не было смысла — вслед за парусами огромным факелом вспыхнула обильно политая маслом мачта.

Оставив в покое рулевого, ван Рийн бросился вдоль оплавленной огнем палубы, поскользнулся, проехал на широком своем заду до самого фальшборта и кое-как поднялся на ноги, громко проклиная все сущее. Прихрамывая, он доковылял до штирбorta и несколько раз ударил топором по неподатливым вантам.

— Сюда! — громкий крик торговца перекрыл шум битвы. — Быстро! Да помогите же мне, что вы, как неживые! Быстрее, у вас что, мозги протухли? Быстрее, пока мы не проплыли мимо!

Уэйс, командовавший расчетом баллисты, закидывавшей камнями соседний плот, плохо понимал происходящее. Ланнахи оказались сообразительнее, они столпились вокруг ван Рийна и начали яростно рубить толстые канаты. Сам же торговец бросился к штабелю зажигательных бомб, схватил одну из них и с размаху расшиб об основание горящей мачты.

Когда лед подтаял, мачта покачнулась; еще несколько ударов каменными топорами, ванты лопнули, и она упала налево, прямо на соседний плот. Взметнулся фонтан искр, вспыхнул такелаж, быстро распространявшееся пламя не давало дракхонам сбросить страшный предмет за борт; вскоре занялись и толстые брусья палубы. Когда «Рийштаффель» миновал вражеский корабль, тот превратился уже в огромный костер.

Инерция и случайные течения заносили почти неуправляемую теперь ледяную глыбу все дальше и дальше в глубь окончательно растерявшегося Флота. В прорыв, героически расширенный ван Рийном, двинулась и остальная эскадра ланнхов. Плавучие чудовища поливали друг друга струями огня, однако лед, в отличие от дерева, не горит.

По палубе, окутанной дымом, осыпанной стрелами и дротиками, усеянной телами убитых и раненых крылатых людей — но все еще полной мстительного порыва, — Уэйс подошел к ближайшей катапульте. Ее команда готовила бомбы, чтобы поджечь очередной плот, когда тот окажется в пределах досягаемости.

— Не надо, — сказал он.

— Что? — Лицо офицера было измазано сажей, гребень на его голове бессильно обвис. — Но ведь они будут поливать нас огнем!

— Как-нибудь потерпим, — покачал головой Уэйс. — Наша стена — довольно приличная защита. Я не хочу поджигать этот плот, его нужно захватить.

Ланнах присвистнул, затем его крылья широко распахнулись.

— Вы позволите мне высадиться туда первым? — спросил он, сверкнув глазами.

Проходивший мимо ван Рийн никак не мог слышать этого разговора, однако его бас пророкотал:

— *Ja*, я как раз хотел приказать то же самое. Транспорт, которым можно управлять, был бы нам очень кстати.

Новость мгновенно облетела корабль. Его скользкая палуба потемнела от вооруженных, застывших в ожидании фигур. Ледяная глыба неумолимо приближалась к более массивному, чем она, и выше выступавшему из воды плоту. На ланнахов лился огонь, смертельный дождем сыпались камни и стрелы, но они молча все сносили. Уэйс послал к Тролвену свистуну; появившийся через несколько минут летучий отряд стрелами подавил дракхонскую артиллерию.

Тролвен все еще имел подавляющее превосходство в воздухе. Он смог застлать все небо своими воинами, которые прижали дракхонов к палубе, расчищая путь абордажной команде. Пока что, думал Уэйс, диомедианские боги к нему благосклонны; долго такое не продлится.

Он последовал сразу за первой волной ланнахов, опустившейся прямо на вражеский мостик, подпрыгнул, когда льдина врезалась в плот, ухватился за толстое бревно и вскарабкался по борту. Достигнув палубы, молодой торговец отстегнул привязанные к поясу щит и томагавк и тут же оказался в цепи воинов. Приносимый ветром дым ел глаза, он едва различал дракхонов, организовавших оборону впереди и на верхних палубах.

А это что такое? Крики и шум наверху зазвучали с удвоенной силой.

Почувствовав болезненный толчок в спину, Уэйс развернулся, чтобы увидеть свинячье глазки ван Рийна и его же короткий, волосом поросший палец.

— О-х-х! Ну и подъемчик! Лучше бы уж мне остаться, *nie*? Ну что же, вынош, мы получаем полную самостоятельность! Минуту назад Толк прислал весточку — на горизонте показался весь, матер его, экспедиционный корпус Дельпа. И чешет он прямо сюда.

К горлу Уэйса подступил тошнотворный комок. Так, значит, все эти усилия только для того, чтобы получить кремневым топором по черепу после того, как Дельп разобьет ланнахов?

Затем он вспомнил черный, холодный берег Дорнаха перед самым отплытием, Сандру и свои размышления вслух — встречаются ли они когда-нибудь еще.

— Мне легче, — сказал он. — Для меня при поражении все кончится очень быстро. А вот вы...

— А что заставляет вас думать о поражении? — спросила она, царственно вскинув голову.

Уэйс поднял томагавк. Слева и справа от него гибкие крылатые фигуры яростно шипели, осторожно скользили вперед.

По большей части это были ветераны Манненаха, каждый из ледяных кораблей нес внушительную группу воинов, обученных основам наземной тактики.

— Не ввязывайтесь в воздушные схватки, — раз за разом повторяли им ван Рийн и ланнахские офицеры, повторяли все время, от отплытия до самого сегодняшнего дня. — Пойдем на абордаж — оставайтесь на палубах. Весь наш успех зависит от того, как много плотов удастся захватить или уничтожить. У Тролвена и его армии одна-единственная задача — помочь вам.

Мысль эта проникала в диомедианские мозги медленно, с большим трудом. И Уэйс совсем не был уверен — прочно ли она там закрепилась, не ввяжутся ли крылатые товарищи по оружию в бесцельную воздушную схватку, бросив его и ван Рийна на этой чужой палубе одних, в окружении врагов. Оставалось только верить и надеяться.

Он бросился вперед, в уши ударил рвущий барабанные перепонки крик следующих по пятам ланнахов.

Раздалось громкое хлопанье крыльев, вековой инстинкт приказал необученным дракхонам сделать единственную, какказалось, разумную вещь — взлететь выше нападающего. Уэйс и его воины мгновенно заняли оставленное врагами место.

Поднявшись в воздух — сразу со всех палуб корабля, — дракхоны начали пикировать на своих странных нелетающих противников. Один из ланнахов забылся, взмахнул крыльями и был мгновенно атакован с трех сторон сразу. Несколько ударов — и тело его сломанной куклой закувыркалось вниз. Это словно послужило сигналом — матросы дружно упали на абордажную команду.

И встретили частокол копий. Многие из бывших пехотинцев сохранили при отступлении свои плетеные щиты и теперь снова превратились в подобие черепах.

Остальные вооружились луками и достойно встретили воздушную атаку — послышался резкий, зловещий посист, и в море рухнуло несколько десятков пронзенных стрелами тел.

А затем перед Уэйсом появились острые, как ножи, зубья каменных вил и оскаленная ревущая пасть. Уэйс закрылся щитом и почти утратил способность управлять левой, онемевшей от удара рукой. Не целясь, он пнул обутой в тяжелый сапог ногой, попал в жесткий, мехом поросший живот, услышал свистящий хрип выбитого из легких противника воздуха и взмахнул томагавком. Тупой тошнотворный хруст, дракхон схватился руками за сломанное крыло и куда-то исчез.

Нужно было спешить дальше. Ошеломленные необычным поведением абордажной команды, дракхоны растерянно кружили в небе, держась подальше от смертоносных стрел. Изо всех дверей носовой надстройки скалились и огрызались женщины, пытавшиеся раскинутыми крыльями прикрыть своих плачущих детей. На них не обращали внимания — главной целью была корабельная артиллерия.

Поняв, очевидно, происходящее, один из недавних хозяев плата с ястребиным клекотом рванулся вниз; ланнахская стрела превратила его бросок в падение, но тут же от тучей нависших дракхонов отделилась организованная группа воинов; опустившись на полубак, они заняли оборону вокруг огнеметов и баллист.

— Вот так, значит, — прогомыхал ван Рийн. — В игрушки поиграть захотелось. Ничего, сейчас мы с ними разберемся.

Вращая над головой похожий на кувалду топор, он забухал по палубе. Пущенный из пращи камень бессильно отскочил от прикрытою сырой кожей брюха, поросшую клочастой щетиной щеку царапнул дротик, духовые ружья превратили двойной панцирь в нечто, похожее на подушечку для иголок. С помощью двух крылатых телохранителей торговец буквально взлетел по отвесной переборке и оказался в самой гуще врагов.

— *Je maintiendrai!* — рявкнул он, расшибая ближайшему из дракхонов голову. — С нами Бог! — крикнул он, с хрустом переломив сапогом чьи-то боевые вилы. — *Fram, fram, Kristmenn, Krossmenn, Kongsmenn!* — проорал ван Рийн, пройдясь топором по ребрам троих опрометчиво приблизившихся к нему воинов. — *Heineken's Bier!* — трубно возгласил он, отдирая от своей спины вцепившегося в нее крылатого матроса и сворачивая ему шею.

Все это продолжалось какие-то секунды — тут же рядом появились предводительствуемые Уэйсом ланнахи; некоторое время на палубе стоял треск от страшных ударов тяжелого

топора и томагавков, крыльев, хвостов и кулаков, а затем дракхоны дрогнули. Ван Рийн подскочил к огнемету и начал работать насосом.

— К шлангу, кто-нибудь, — прохрипел он, задыхаясь. — Чего чешетесь, придурки, смывайте их к чертовой матери! — Злорадно ухмыльнувшись, один из ланнахов схватил керамический патрубок, резко вдавил поджигающий поршень и пустил горящую струю вверх.

Что-то происходило и на нижних палубах — там начали ухать баллисты, запели катапульты, метнулись жадные языки пламени. Группа ланнахов собрала наконец свой деревянный пулемет исыпала остатки контратакующей группы дождем стрел.

Из дверей полубака вырвалась одна из матросских жен.

— Они убивают наших мужей, — взвизгнула она. — Смерть им!

Раздался дикий грохот, это спрыгнул с трехметровой высоты ван Рийн. Тяжело отдуваясь и размахивая руками, он преградил разъяренной фурии путь.

— Стой, — крикнул он по-дракхонски. — Назад! Тппр-ру! Брысь! Ты что, хочешь оставить своих щенков без защиты? Я ем дракхонят! С горчицей!

Жалобно заскулив, женщина рванулась назад в кубрик. Уэйс облегченно вздохнул, за эти секунды он весь покрылся потом. Казалось бы, никакой опасности не возникало... теоретически ничего не стоило перебить толпу женщин на глазах у их детей... но вот кто смог бы такое сделать? Только не Эрик Уэйс, лучше уж сдаться и позволить пропороть себя копьем.

И тут он понял, что стал хозяином плота.

Дым, все еще застилавший глаза, мешал рассмотреть, что происходит в других местах. Время от времени сквозь появлявшиеся в густых черных клубах разрывы проглядывал то ярко пылающий, явно брошенный командой плот, то ледяной корабль, растрескавшийся, потерявший мачты и большую часть экипажа, но все еще вяло отстреливающийся. Еще один ланнахский корабль, плотно привалившийся к плоту. Это, конечно, абордаж. На некоторых чужих мачтах победно развевались флаги кланов Стai. Однако Уэйс не имел представления, как прошло морское сражение в целом — ведь наверняка многие ледяные суда подверглись полному опустошению и были покинуты уцелевшими остатками команд, другие попали в руки дракхонов, а некоторые бесполезно дрейфуют, так и не сумев войти в контакт с противником.

Ясно было одно, ван Рийн говорил это Совету прямо и откровенно — меньшая по численности, хуже вооруженная и почти

лишенная мореходного опыта, ланнахская эскадра не имела ни малейшего шанса на решительную победу. Судьба этой операции будет решаться без применения камней и огня.

Уэйс поднял глаза к простирающемуся за путаницей рангоута и такелажа холодному, безразличному небу. Отсюда сражающиеся на огромной высоте армии выглядели невинными и безвредными, как стаи ласточек.

Неопытному наблюдателю потребовалось несколько минут, чтобы оценить происходящее.

С появлением армии Дельпа дракхоны получили колоссальное преимущество над оставившим большую часть своих сил на кораблях Тролвсена. С другой стороны, в схватке один на один их воины, измотанные многочасовым полетом, значительно уступали хорошо отдохнувшим ланнахам. Прекрасно понимая ситуацию, каждый из командиров пытался использовать свое преимущество — Дельп предпринимал массированные атаки, в то время как Тролвсен разбил воинов на небольшие группы, которые наносили по-волчьему быстрые удары и тут же отходили. Ланнахи непрерывно отступали — кроме тех моментов, когда Дельп пытался послать на помощь плотам большой отряд. Великолепно организованная армия ланнахов набрасывалась на такой отряд в полном составе — мгновенно рассеиваясь при подходе подкреплений Дельпа, но неизменно выполняя главную свою задачу — разбить строй противника, не подпустить его к сражающимся внизу кораблям.

Словно завороженный, Уэйс не мог отвести глаз от ужасающей красоты этого танца крылатой смерти, ему начинало казаться, что само время остановило свой бег под озаренным лучами незаходящего солнца небом.

— Очнись! — голос ван Рийна грубо вернул его в тусклый мир неспособных к полету людей. — Ты чего это рот раззявил, совсем, что ли, уснул? Если мы, кляп нам в гроб, намерены удержать этот плот, нужно что-то с ним делать. Ты командуй батареей, а я пойду к рулевому, понял? — И он удалился — громоздкий и тяжеловесный, шумный и весь покрытый сажей, как старинный паровоз.

Они отбивали одну контратаку дракхонов за другой, пока те не потеряли всякую надежду вернуть себе плот и не улетели на соединение с армией Дельпа. После этого команда ван Рийна — то неумело управляя парусами, то неохотно берясь за весла — привела трофейное судно в движение. Они неуверенно пробирались по взмутненной, застланной дымом воде, пока прямо по носу не вырос силуэт дракхонского плота. И сразу же посыпался град стрел, заработали катапульты и баллисты, а в воздухе, разделявшем две неуклюжие громады, завязалась схватка.

Стоя на баке, Уэйс управлял артиллерией. Противники осыпали друг друга камнями, дротиками и бомбами, поливали горячим маслом, дерево вспыхивало и обугливалось, разлеталось в щепки. В какой-то момент пришлось тушить занявшейся на борту пожар, и он организовал цепочку, передававшую ведра из рук в руки. В другой раз прямо у него на глазах двухтонная глыба уничтожила одну из катапульт и большую часть ее команды; он заставил уцелевших скинуть камень за борт и вернуться в бой. Он видел, как рвутся в клочья паруса, как ломаются и перекаиваются реи, как на обоих судах растут груды тел. И какая-то часть его мозга непрерывно спрашивала, ну почему ни в одном из уголков Вселенной жизнь не может избавиться от странной привычки — мучить и убивать самое себя?

В отличие от неолитического Нельсона, ван Рийн не мог одержать победу одной меткой стрельбой, не тот у него был экипаж. Очередной абордаж также не входил в его планы — этой маленькой кучки полных новичков в морском деле едва хватало, чтобы управиться с одним кораблем. Однако он упрямо шел на таран, даже лично спускался вниз, когда еле живые от усталости ланнахи начинали медленнее ворочать тяжелыми веслами. Плот прорывался сквозь огненный дождь, сквозь град камней и стрел, и, когда до противника остались какие-то метры, затрубили рога, дракхоны вспенили воду веслами и спешно покинули свое место в боевом порядке Флота.

Ван Рийн не стал преследовать беглецов, и вскоре те затерялись среди десятков мачт, то здесь, то там пропадавших сквозь на многие километры раскинувшуюся пелену дыма. Он подошел к ближайшему люку, спустился с полуята на главную палубу и удовлетворенно потер руки.

— А-га! Нагнали мы на них страху, как считаешь? Они теперь шарахаться будут от любого нашего корабля!

— Я не понимаю, Советник, — в голосе Ангрека звучало что-то, близкое к благоговению. — У нас меньше народа и гораздо меньше опыта. Им нужно было остаться на месте или даже двинуться к нам навстречу. Ведь они стерли бы нас в порошок или как минимум заставили бросить корабль.

— Вот-вот! Только ты, мой юный и неопытный друг, не понимаешь одной вещи. — Ван Рийн поучительно покачал похожим на сосиску пальцем. — У них на борту женщины, дети и уйма всякого ценнего баражла. На этом плоту — вся их жизнь. Они не хотят рисковать — ведь даже не имея сил захватить плот, мы вполне можем устроить на нем такой пожар, что ни один черт его не потушит. Лопухи они все, чтобы тягаться с Николасом ван Рийном!

— Женщины... — глаза Ангрека метнулись к полубаку, в них появился странный блеск. — А что, — пробормотал он, — ведь это совсем не то, что наши женщины...

Странным образом к тому же полубаку двигалось десятка два — три ланнахов; они шли с деланной непринужденностью, которой резко противоречили напряженные крылья и конвульсивно подрагивающие хвосты. По не совсем ясной причине по большей части эта группа состояла из недавних гребцов.

Но в этот самый момент появился Уэйс. Он выбежал на край верхней палубы, сложил руки рупором и крикнул:

— Мастер ван Рийн! Посмотрите вверх!

— Ясно. — Торговец устремил свои маленькие, глубоко запавшие глазки к небу, чихнул, а затем прочистил здоровенный шишковатый нос. Через несколько секунд над кораблем нависло тяжелое молчание — ланнахи, отдыхавшие на залитых кровью палубах, не отрываясь смотрели на воздушную битву.

Битва подходила к концу.

Собрав наконец свои силы в единую, почти неуязвимую для насекок малочисленного противника массу, Дельп повел их на помощь экипажам осажденных плотов, не всем сразу, а поочереди. Бессильные противостоять колossalному численному преимуществу, ланнахские абордажные команды бросали даже собственные ледяные суда и спасались бегством, уходили к Тролвену.

Дракхоны сделали только одну-единственную попытку вернуть себе плот, полностью захваченный противником, и эта попытка обошлась им очень дорого. Работало все то же давнее правило, что хорошо обороняемый корабль практически неуязвим для атак из воздуха.

Достигнув четкой определенности, кому какой плот принадлежит, Дельп перестроился и снова повел большую часть своих сил вверх, в бой с получившей значительные подкрепления армией Тролвена. Разгромить ее — и тогда оставшиеся в руках дракхонов плоты плюс полное господство в воздухе позволяют им быстро вернуть себе все утраченное.

Только вот разгромить Тролвена оказалось не так-то просто, в результате внизу продолжалось морское сражение, а в областях все яростнее разгоралось воздушное; и то и другое шли с переменными успехами.

Такую примерно картину и обрисовал людям прилетевший к ним часом позднее Толк. Отсюда, снизу, было видно, что воздушные армии разошлись. В головокружительной высоте, на фоне розоватой облачной гряды, парили и кружились две плотные массы темных пятнышек. Вероятно, они обменивались угрозами, проклятиями, поквальбой — но не стрелами.

— В чём дело? — пораженно выдохнул Ангрек. — Что там происходит?

— Что, что, — пробурчал ван Рийн. — Ясное дело — перемирие. — Он поковырялся пальцем в зубах, отхаркнулся и удовлетворенно похлопал себя по животу. — У них там никто не мог ни с кем справиться, вот Толк и послал весточку Дельпу и сказал, давай-ка побеседуем, и Дельп согласился.

— Но... мы не можем... нельзя вести переговоры с дракхонами. Ведь он же не... он же *не наш*, он все равно как животное!

От брезгливого, ненавидящего рева, которым поддержали Ангрека все окружающие ланнахи, по спине Уэйса побежали мурашки.

— С подобными дикими, грязными тварями не может быть никаких разумных разговоров, — продолжил Ангрек. — Тут выбор один — или мы убьем их, или они убьют нас.

Ван Рийн повернулся к стоявшему на полубаке Уэйсу.

— Нужно, пожалуй, сообщить им, — сказал он по-английски, — что достигнутое перемирие — главная, и даже единственная, цель всей этой драки. Только, может, не сейчас, а чуть попозже, *nie*?

— Не знаю, — покачал головой Уэйс. — Я бы лично не рискнул.

— Никуда не денешься, придется признаться, и прямо сегодня, а потом молить Бога, чтобы нас не нафаршировали красным перцем. Уговорили же мы, в конце концов, и Тролвена, и даже весь Совет. Но с другой стороны, все они — очень трезвые ребята. А вот теперь-то, — вздохнул ван Рийн, — и начнется настоящий разговор. Раньше были цветочки. «И бремя времени мучительней всего» — так, кажется, кто-то сказал. Хватит у тебя нервов выдержать это от начала до конца?

19

Захваченные ланнахами плоты — чуть больше десятой части всего Флота — выбрались из общей неразберихи и отошли вместе с немногими уцелевшими ледяными кораблями чуть в сторону. На их палубах царило тяжелое, напряженное ожидание.

Примерно такое же количество плотов было уничтожено — одни из них выгорели начисто, другие так пострадали от каменного града, что ломались на самой малой волне. Среди этих мертвых морских чудовищ, брошенных обоими племенами, бессмысленно тыкались из стороны в сторону многочисленные каноэ — переломленные пополам, разбитые в щепки, до черно-

ты обгоревшие, иногда более-менее целые, но с экипажем из одних крылатых трупов.

Остальной Флот собрался вокруг флагмана, но эта группа представляла собой довольно жалкое зрелище — ни один плот, ни одно каноэ не избежали потерь и повреждений, некоторые из них были измочалены чуть не до полной непригодности. Флот сохранил никак не больше половины обычной своей боевой мощи.

Но даже при таких потерях он имел за все про все почти в три раза больше боевых единиц, чем эскадра ланнахов. А больше плотов — значит, больше боеприпасов, так что равенство в живой силе мало что давало Стас. К тому же ледяные корабли заметно уступали противнику конструктивно, а ланнахские экипажи захваченных плотов не могли равняться с опытными моряками Флота.

Короче говоря, Флот сохранил преимущество.

— Не снимал бы ты панцирь, — поморщился Толк, подсаживая ван Рийна в трофеиное каноэ. — После окончания перемирия осталось бы только затянуть быстренько ремни, и порядок.

— Ну а что, если перемирие сохранится? — Торговец с хрустом потянулся, выпятил исстрадавшееся от многочасового стеснения брюхо и плюхнулся на банку. — За какую тогда пропинность буду я таскать на себе этот ваш идиотский корсет?

— Я смотрю, и Тролвен тоже без панциря, — заметил Уэйс.

— Это — чтобы не уронить достоинство Стас. — Рука командора, пригладившая блестящий коричневый мех, нервно подрагивала. — А то эти мокрозадые еще вообразят, что я их боюсь.

Команда каноэ налегла на весла, и нос суденышка взрезал темную, покрытую рябью воду. В воздухе то плавно парили, то резко падали вниз и снова взмывали к небу воины — ланнахская охрана демонстрировала противнику высший класс парадного, церемониального полета. Парламентеры договорились, что общая численность посольства не превысит сотни, в самую гущу разъяренного Флота направлялась жалкая, неспособная ни на какое реальное сопротивление горстка; по спине Уэйса пробежал холодок.

— Вряд ли что-нибудь получится, — сказал Тролвен. — Они думают совсем не так, как мы.

— Да ничем они от вас не отличаются, — буркнул ван Рийн. — Братское отношение, вот чего вам не хватает. Ну, порасшибали вы друг другу головы — только зачем же примешивать к этому еще и расовые предрассудки?

— Ничем не отличаются от нас? — ощерился Тролвен. В его глазах появился опасный блеск. — Послушай-ка, землянин...

— Ладно, не будем, — отмахнулся ван Рийн. — Понимаю, у них нет течки. И вы думаете, что это жутко важное обстоятельство. А я вот тут тоже кое о чем подумал, так что заткнись.

Ветер перебирал гребни волн, гудел в тугу натянутых тросях; прожекторными лучами шарили по морю косые, пробивающиеся сквозь разрывы мчащихся по небу облаков снопы закатного света. В прохладном воздухе стоял влажный запах соли и какой-то морской живности. «В такой момент нелегко умирать, — думал Уэйс. — А труднее всего оставить Сандру, лежащую сейчас там, под ледяными кручами Дорнха. Молись за меня, любимая, жди меня и молись за меня».

— Оставив в стороне вселичное, — заметил Толк, — командор во многом прав. Народ, настолько отличающийся от нас по образу жизни, как дракхоны, очевидным образом и думает совсем иначе, чем мы. Я не хочу притворяться, что понимаю ваш, землянин, ход мыслей; я считаю вас друзьями, однако между нами очень мало общего. Не признавать этого было бы просто глупо. И я доверяю вам только потому, что мне ясен главный ваш побудительный мотив — стремление выжить. Поэтому, даже не совсем понимая ход ваших рассуждений, я могу смело положиться на доброту ваших намерений.

А дракхоны — ну с какой такой радости должен я им верить? Хорошо, заключим мы мирный договор. Только откуда мне знать, что они его выполнят? Может быть, эти существа вообще не имеют представления, что такая честность, так же как они не знают, что такая пристойность. А даже и намереваясь они выполнить свои клятвы — разве можем мы быть уверены, что слова, записанные в договоре, означают для них то же самое, что и для нас? За долгую свою службу на посту Герольда я повидал уйму лингвистических казусов во взаимоотношениях племен, говорящих на разных языках. Что же тогда говорить про племена с разными инстинктами?

Кроме того... не знаю, можем ли мы верить даже самим себе, верить, что мы не нарушим клятву? Мы вполне способны уважать военного противника, но вот бесчестье, извращенность, нечистоплотность — все это вызывает у нас ненависть. Ну как мы будем смотреть сами на себя, если заключим полюбовное соглашение с тварями, от которых брезгливо отвернулись боги?

Он тяжело вздохнул и смолк, глядя на неумолимо приближающиеся плоты.

— А тебе не приходило в голову, — возразил Уэйс, — что и они думают о вас примерно то же самое?

— Конечно, — пожал плечами Толк. — И это тоже совсем не облегчит переговоры.

«Лично я, — подумал Уэйс, — вполне удовлетворился бы времененным соглашением. Пусть утрясут свои разногласия хотя бы на то время, пока мы будем устанавливать связь с Четверговой Посадкой. (Каким только образом?) А потом пусть хоть глотки друг другу перегрызут, мое-то какое дело?»

Но в памяти сейчас же всплыло все пережитое вместе с этими гибкими крылатыми существами — труд и сражения, муки и упоение успехом, песни... Он подумал о великолдушном, никогда не унывающем Тролвене, философичном Толке, порывистом Ангреке, он подумал о добром и отважном Дельпе, о Родонис, гораздо больше похожей на настоящую леди, чем чуть ли не любая из знакомых ему женщин. О крошечных пушистых детенышах, то кувыркавшихся в пыли, то карабкавшихся ему на колени... «Нет, — сказал он себе, — тут я себя обманываю. Все-таки я очень хочу, чтобы эта война закончилась раз и навсегда».

Теперь и слева и справа небо закрывали высокие борта, к которым собралось чуть не все население плотов. Лица дракхонов словно закаменели, никто из них не произносил ни слова, только иногда в воду шлепался плевок.

Флагман — громоздкий и неуклюжий, как плохо уложенная поленница дров, — был уже совсем рядом. На мачтах его трепетали знамена, главную палубу опоясывало сверкающее оружием и экипировкой кольцо стражи. Адмирал Т'хеонакс и его советники поджидали ланнахское посольство, развалившись на расстеленных перед деревянной крепостью мехах и подушках. Чуть в стороне стоял грязный и пропотевший, так и не успевший сменить боевую экипировку капитан Дельп в компании нескольких столь же непрезентабельных телохранителей.

С приближением каноэ все разговоры на плоту стихли. Тролвен, Толк и большая часть воинов взлетели и опустились на палубу, но людей пришлось втаскивать и подсаживать, прежде чем они перевалили через высокий борт; несколько минут слышались тяжелое дыхание и громкие проклятия.

— Такое вот, значит, у вас гостеприимство, — негодующе прохрипел ван Рийн по-дракхонски. — Даже веревку не спустили — и это для меня, который из кожи вон лезет, в гроб себя загоняет — и все для вашей же пользы. Это возмутительно! Господь свидетель, это просто возмутительно! Иногда мне прямо хочется бросить все и уйти в сторону. Ну и что же тогда будет с вами? Горькими слезами обольетесь, только ведь поздно будет.

— В прошлый раз ты, земхон, показал себя далеко не лучшим гостем Флота, — сардонически оскалился Т'хеонакс. — Мне еще предстоит с тобой посчитаться. Не думай, я ничего не забыл.

Тяжело, с присвистом дыша, ван Рийн подошел к Дельпу и протянул руку.

— Так, значит, наши сведения были верны, и это вы всем заправляли, — прогрохотал он. — Да я, собственно, и не сомневался — ведь во всем вашем Флоте нет больше ни одной головы с хотя бы чайной ложкой мозгов. Я, Николас ван Рийн, должен выразить вам глубочайшее свое восхищение.

Т'хеонакс застыл; на лицах придворных отразился полный ужас — пренебрежение, выказанное адмиралу, граничило с оскорблением. Дельп мгновение помедлил, а затем взял протянутую ему руку и пожал ее совсем на земной манер.

— Клянусь Звездой, приятно все-таки снова увидеть твою толстую бандитскую рожу, — сказал он. — А знаешь ли ты, что по твоей милости я чуть не рас прощался со... со всем вообще? Если бы не жена...

— Дружба дружбой, а дело делом, — с великолепной не-принужденностью отмахнулся ван Рийн. — Да, конечно, ми-лейшая фру Родонис. Ну и как там она и твои малыши? Не забыли еще старого дядю Николаса и сказки, которые он рассказывал им на ночь, вроде той, про...

— Если вы не очень возражаете, — с издевательской вежливостью прервал его Т'хеонакс, — то мы, с вашего позволения, вернемся к делу. Только кто же будет переводить? Да, теперь я вспомнил вас, Герольд. — По его лицу скользнула нехорошая улыбка. — Так вот, слушайте внимательно. Передайте своему вожаку, что эти переговоры — идея моего офицера, Дельпа хир Ориканы, который даже не удосужился прислать сюда гонца и посоветоваться со мной. Знай я заранее, вашей ноги бы здесь не было. Подобные встречи не кажутся мне ни необходимыми, ни благоразумными. Теперь мне придется приказать начисто отрасти эту палубу, по которой ходили варвары. Однако, поскольку для Флота понятие чести свято — у вас в языке, кажется, тоже есть слово, обозначающее честь, — я выслушаю, что там хочет сказать ваш вожак.

Коротко кивнув, Толк заговорил на ланнахамаэл. Лежавший перед этим Тролвен резко сел, его глаза вспыхнули. Ланнахиские охранники зарычали, их руки стиснули оружие. Дельп неловко переступил с ноги на ногу, некоторые из офицеров Т'хеонакса смущенно отводили глаза.

— Сообщи ему, — Тролвен выговаривал слова с ядовитой четкостью, — что мы позволим Флоту незамедлительно убраться из Ахана. Само собой, нам потребуются заложники.

Услышав перевод, Т'хеонакс расхохотался.

— Они сидят на этой жалкой горстке плотов и говорят такос — нам?

Услужливым эхом прозвучало и смолкло хихиканье придворных.

Однако советники — командиры флотилий — мрачно молчали. В конце концов заговорил вышедший вперед Дельп:

— Адмиралу известно, что я тоже участвовал в этой войне. Вот этими руками и крыльями, вот этим хвостом я убивал врагов. Вот эти мои зубы омылись вражеской кровью. И все равно я говорю — нужно их хотя бы выслушать.

— Что? — деланно округлил глаза Т'хеонакс. — Надеюсь, вы шутите.

— У меня нет времени заниматься подобной белибердой, — прогудел, выкатываясь вперед, ван Рийн. — Слушайте меня получше, а я уж постараюсь изложить все простейшими словами, сами не поймете — так любой двухлетний сопляк вам объяснит. Вот, смотрите сюда. — Его рука обвела значительную часть горизонта. — У нас есть плоты. Не слишком, правда, много, но на первый раз хватит. Либо вы с нами договариваетесь, либо драка продолжается. Ну а тогда пройдет немного времени, и это у вас обнаружится нехватка плотов. Вот так. Так что вбейте это себе в башку и немного задумайтесь.

Хорошо, удовлетворенно кивнул Уэйс. В самую точку. Почему тот дракхонский корабль смылся от верной, казалось бы, победы, от противника, не умевшего толком управляться со своим плотом? Они ведь были готовы перестреливаться, готовы были завязать воздушную схватку. А вот рисковать, что безрассудные ланнахские черти подожгут их или возьмут на абордаж, — этого им не очень хотелось.

Потому, что плот был для них и крепостью, и домом, и вообщем, всей жизнью — другого способа выжить эта культура просто не знает. Если будет уничтожена заметная часть плотов, сразу не станет хватать средств для рыбной ловли, места, где хранить рыбу, станет нечем кормить племя. Все просто, как дважды два.

— Мы вас утопим! — взвизгнул Т'хеонакс, вскакивая на ноги. Его гребень налился кровью, поднятый хвост стоял колом, крылья яростно взмахивали. — Мы перетопим вас всех, до последнего вашего малолетнего ублюдка!

— Может, и так, — согласился ван Рийн. — И это что, должно нас очень испугать? Если мы сейчас сдадимся, нам все

равно конец. А раз уж нам так и так в ад, мы прихватим заодно и вас — будете чистить нам сапоги и подносить прохладительные напитки, *nié*?

— Мы пришли в Ахан не из любви к разрушению, — осторожно вмешался Дельп. — Нас пригнал голод. Это вы не позволили нам ловить рыбу, которая самим вам даже и не нужна. Да, конечно же, мы прихватили и часть вашей земли, об этом можно и поговорить, но вода необходима нам абсолютно. Ее мы *не можем* отдать.

— Это — не единственное море в мире, — равнодушно пожал плечами ван Рийн. — Хотя вполне возможно, что мы позволим вам закинуть сети еще раз-другой.

— Милорд Дельп изложил самую суть проблемы, — медленно заговорил один из офицеров. — И тут намечается разумное решение. Ведь если разобраться, для вас, ланнахов, Аханско море не представляет почти или даже совсем никакой ценности. Естественно, мы хотели бы иметь гарнизоны на вашем побережье и занять некоторые из островов, откуда можно брать лес, кремень и все подобное. Ну и, конечно же, мы хотим выстроить в бухте Сагна собственный порт для ремонта и чрезвычайных обстоятельств. Но все это — вопросы обороны и самообеспечения, в то время как от воды зависит наша жизнь. Так что, возможно...

— *Hem!* — крикнул Т'хеонакс.

Этот отчаянный вопль заставил всех смолкнуть. Адмирал встал на четвереньки и несколько секунд тяжело дышал.

— Скажи своему вожаку... — прорычал он наконец Толку, — что я, обладатель высшей власти... что я категорически против. Мы раздавим ваши смехотворные морские силы с минимальными для себя потерями. У нас нет причин идти на какие бы то ни было уступки. Возможно, мы позволим вам жить в высокогорье, но это — самое большее, на что вы можете расчитывать.

— Совершенно неприемлемо! — презрительно бросил Толк. Прослушав его перевод, Тролвен выгнулся спину и разрядился яростной тирадой. — Горы не могут обеспечить нас пропитанием. — Теперь Толк снова говорил спокойно. — Ни для кого не секрет, что мы подмели там все подчистую. Нам совершенно необходимы низовья. О передаче вам какой бы то ни было земли нет смысла и говорить — вы там закрепитесь, а через год снова на нас нападете.

— Ну а если вам кажется, — добавил Уэйс, — что разгромить нас можно без особых трудностей и потерь — валяйте, попробуйте.

— Я сказал, что мы можем! — крикнул Т'хеонакс. — И не только можем, но так и сделаем!

— Милорд... — нерешительно начал Дельп. Он смолк, на секунду закрыл глаза, а затем продолжил, холодно и беспристрастно. — Милорд адмирал, решительное сражение, по всей видимости, станет концом для нашего народа. Немногие уцелевшие плоты окажутся легкой добычей первых подвернувшихся островных варваров.

— А возвращение в океан обрекает нас *наверняка*. Если только ты, — палец Т'хеонакса ткнул в сторону Дельпа, — не знаешь каких-нибудь заклинаний, способных переманить трех и фруктовые водоросли из Ахана на прежние места.

— Это не подлежит сомнению, милорд, — согласился Дельп.

Он повернулся и посмотрел Тролвену в глаза. Некоторое время два командаира пристально и с уважением изучали друг друга.

— Герольд, — сказал Дельп. — Передай своему вождю следующее. Мы не уйдем из Аханского моря. Мы не можем. Если вы будете настаивать — мы начнем сражаться, в надежде уничтожить вас без смертельных для себя потерь. У нас просто нет иного выхода.

Но я думаю, мы можем отказаться от мысли оккупировать какую-либо часть Ланнаха или Холменаха. Вы сохраните всю свою сушу. Мы будем обменивать рыбу, соль, водоросли, ремесленные изделия на ваши мясо, камень, ткани и жидкое масло. Со временем такой обмен станет выгодным и для вас, и для нас.

— Кстати, — вмешался ван Рийн, — подумайте вот еще о чем. Если Драк'хо останется без земли, а Ланнах — без кораблей, вам будет малость затруднительно начинать войну, пье?

А через несколько лет торговли и взаимного обогащения вы станете так зависеть друг от друга, что война окажется попросту невозможной. Так что, если вы сейчас договоритесь, вскоре бедам вашим придет конец, а затем появится Николас ван Рийн со своими для всех доступными земными товарами. Ну прямо как Дед Мороз — у меня же весьма умеренные цены. Ну так как?

— Замолчи! — взвизгнул Т'хеонакс.

Он схватил командаира своих стражников за крыло и указал на Дельпа:

— Арестуй этого предателя!

— Милорд... — Дельп отступил на шаг. Стражник замер в нерешительности, воины Дельпа угрожающе оскалились и взяли своего капитана в кольцо. С нижних палуб, переполненных наблюдателями, послышался ропот недовольства.

— Верховная Звезда мне в свидетели, — начал, запинаясь, Дельп. — Я ведь только предложил... я же знаю, что коначное решенис принадлежит милорду адмиралу...

— И мос коначное решение — «нет», — провозгласил Т'хеонакс, словно забыв о так и не выполненнем приказе арестовать капитана. — Я запрещаю как адмирал и как Оракул. Не может быть никакого соглашения между Флотом и этими... этими мерзкими... этими низкими, грязными, скотскими... — На губах адмирала запузырилась пена, его судорожно скрюченные, похожие на когтистые лапы руки взлетели над головой.

По строю дракхонских воинов прошли шорох и бормотание. Возлежавшие подобно крылатым леопардам офицеры сохранили свое достоинство, но их глаза наполнились ужасом. Ланнахи, не понимавшие слов, но угадавшие интонацию, сбились в кучу и крепче сжали оружие.

Толк быстро и негромко перевел.

— Очень не хочется такое говорить, — вздохнул Тролвен, — но ведь этот *марсва* сказал правду, если его же слова применить к его же народу. Неужели вы серьезно думали, что две столь различные расы могут существовать бок о бок? Слишком велик был бы соблазн нарушить все клятвы и обещания. Мы улетим на зимовку, а они снова опустошат наши земли, снова захватят наши города... или мы сами возвратимся с зимовки, прихватив в союзники каких-нибудь варваров, соблазненных возможностью поживиться на ограблении Флота. Не пройдет и пяти лет, как мы снова вцепимся друг другу в глотки, кто бы ни сделал это первым. Так что лучше уж покончить с проблемой раз и навсегда. Пусть боги решают, кто тут прав, а кто не заслуживает права жить.

Он устало и как-то неохотно напряг мышцы, готовясь принять бой, если Т'хеонакс решит нарушить перемирие.

Но тут ван Рийн воздел руки к небу и заговорил. Подобно рокоту басового барабана, звуки его голоса раскатились по всей громаде флагманского плота. И приложенные было к лукам стрелы медленно вернулись в колчаны.

— Остановитесь и стихните. Какого хрена, подождите одну, мать ее в крыло, минуту. Я еще не кончил, я буду говорить. Вот у тебя есть какие-то зачатки ума, — кивнул он Дельпу. — Может, тут найдется еще одна-другая голова с мозгами, непохожими на протухший чай, который втиюхивают покупателям мои конкуренты. Мне нужно сказать вам пару слов. Говорить я буду по-дракхонски, а ты, Толк, займись синхронным переводом. Я хочу объяснить вам, что дракхоны и ланнахи совсем *не* чужды друг другу. Все вы — одна и та же до предела тупая раса!

Уэйс судорожно вздохнул.

— Что? — прошептал он по-английски. — Но ведь циклы воспроизведения...

— Убейте этого жирного слизняка, — завопил Т'хеонакс.

— Стихни ты, — раздраженно отмахнулся ван Рийн. — Сейчас говорю я. Так вот! Садитесь все вы, оба народа, и послушайте, что сообщит вам Николас ван Рийн!

20

Эволюция диомедианской разумной жизни в значительной степени относится к области догадок — никто еще не удосужился заняться здесь раскопками. Однако, основываясь на общих принципах и местной биологии, можно со вполне разумной точностью описать ход событий.

Давным-давно в тропиках этой планеты имелся то ли небольшой материк, то ли большой остров, заросший густым лесом. Экваториальные области не знают долгих дней и ночей, обычных для высоких широт. В равноденствие солнце за шесть часов пересекает небосвод и затем скрывается ровно на те же шесть часов, в солнцестояние все объято полумраком — солнце ползет по самому горизонту, то чуть выше его, то чуть ниже. Идеальные — по диомедианским стандартам — условия для поддержания обильной, цветущей жизни. И вот в эту давным-давно прошедшую эпоху небольшой остроглазый хищный зверек, лазавший по деревьям, подобно земной белке-летяге постепенно обзавелся перепонками, помогавшими перелетать с ветки на ветку.

Но низкая плотность этой планеты делала ее неустойчивой. Континенты поднимались и опускались с прямо-таки непривычной торопливостью, за какие-нибудь сотни тысяч лет. Изменялось направление воздушных и морских течений; причем, по причине большого наклона оси, а также больших масс воздуха и воды, диомедианские течения переносят значительно больше тепла и холода, чем земные. Поэтому происходившие изменения климата затрагивали даже экваториальную зону.

Засушливый период превратил мощный древний лес в россыпь небольших рощиц, разделенных просторами почти безводной степи. Чтобы перемещаться между этими рощицами, наши псевдолетяги превратили свои перепонки в настоящие крылья. Будучи существами высокоадаптивными, они начали заодно охотиться на травоядных обитателей степи, а чтобы справляться с крупными копытными, им пришлось и подрасти. В свою очередь, более крупное тело потребовало больше пищи, поиски которой приводили этих летучих хищников в самые разные места — и на морское побережье, и в болота, и в горы. В то же

самое время врожденная мобильность обеспечивала непрерывное внутреннее скрещивание, не давала им распасться на несколько различных видов. Любой из них мог за свою жизнь перебрать несколько типов окружающей обстановки, что заметно усиливало зависимость выживания от сообразительности, повышало ценность разума.

По какой-то неизвестной причине именно на этом этапе весь вид — или какая-то его часть, которой было суждено великое будущее — вынужденно покинул свою родину. Возможно, подвижки планетной коры разорвали континент на острова, неспособные прокормить большое количество животных. Или пересыхание этого континента зашло чересчур далеко. А может быть, краб или вобла насытились пальцами Поббла. Как бы там ни было, стаи постепенно смешались на север и на юг; процесс этот шел медленно, на протяжении сотен поколений.

Они нашли новые территории, изобиловавшие дичью, но зима в этих местах оказалась совершенно невыносимой. С приближением долгой тьмы приходилось возвращаться в тропики и пережидать там до весны. Но в отличие от земных перелетных птиц, отдаленные предки диомедианцев делали это не по зову врожденного инстинкта, они были уже достаточно сообразительны, чтобы *научиться* необходимому для выживания поведению. Жестокий естественный отбор, происходивший во время миграции, еще больше стимулировал развитие разума.

Но за разум всегда приходится расплачиваться — в общей продолжительности жизни растет доля, приходящаяся на детство. Мыслящее существо не имеет врожденной картины поведения, каждое поколение должно учиться всему заново, с нуля, а на это нужно много времени. Поэтому вид может стать разумным только при условии, если он сам либо среда его обитания создадут некий механизм, удерживающий родителей вместе, чтобы они могли защитить ребенка в период беспомощного младенчества и невежественного детства. Материнской любви мало, мать имеет более чем достаточно развлечений, опекая самоубийственно-любопытных детенышней, у нее просто не остается времени на добывание пищи и защиту от врагов. Необходима помочь отца, но что удержит этого самого отца, когда он удовлетворил уже свои сексуальные потребности?

Можно, конечно, вспомнить об инстинкте. Действительно, у некоторых птиц родители заботятся о своем потомстве вместе. Однако сложные структуры инстинктивного поведения несовместимы с разумом. Если у папаши хватает мозгов, чтобы быть эгоистичным, ему необходимы серьезные — и вполне эгоистичные — причины оставаться в семье.

С человеком все понятно, здесь работает механизм постоянной сексуальности. Человек не насыщается ни в какое время года. Именно из этого факта проистекает существование семьи, а далее — возможность долгого детства и, соответственно, сложной организации мозга.

У диомедианцев была миграция. Каждый год каждая стая дважды совершала долгое и опасное путешествие, требовавшее хотя бы минимальной организованности. В тропиках наступало самозабвенное безрассудство периода течки, но впереди уже маячило неизбежное возвращение домой — с учетом многочисленности мигрантов, пищи на экваториальных островах хватало недолго.

Из примитивного периодического сбивания в стаи постепенно выросло нечто вроде не очень четких, но постоянных ассоциаций — ведь тут работал не инстинкт, а благоприобретенный опыт очень одаренных животных. К коллективной обороне добавилась взаимопомощь. Со временем трудности, испытываемые в пути, развили половой диморфизм — мужской тип тела, приспособленный к схваткам и охоте, и женский, более подходящий для переноски тяжестей. Круглогодичное поддержание полового партнерства стало выгодным и даже необходимым.

Животное с постоянной семьей — на Диомеде такой семьей являлся, как правило, матрилинейный клан, группа довольно обширная — с долгим периодом беременности, долгим детством, живущее в условиях постоянно меняющейся, нередко враждебной среды, вынужденное ежегодно бороться за сексуальных партнеров с чуждыми стаями, имеющими чуждые обычаи, такое животное почти неизбежно начинает думать — эволюция не оставляет ему другого выхода. Ну а дальнейший путь хорошо известен — речь, орудия, огонь, организованные нации и, наконец, нечто крайне неопределенное, называемое обычно словом «культура».

Хотя диомедианцы не имеют жесткой врожденной структуры поведения, они повсеместно придерживаются вполне определенных обычаяев. Так проще. Аналогично никакой инстинкт не заставляет людей формализовывать свое спаривание, создавая институт брака, однако так поступают практически все человеческие общинны. Так проще и удобнее. Ну а диомедианцы — они спариваются в тропиках, на зимовках.

Но ведь ничто их к этому не принуждает!

Там, где имеется цикл воспроизведения, он обязательно управляет неким простым, стопроцентно надежным механизмом. У многих земных птиц это — весеннее удлинение дня; оптический стимул включает гормональные процессы, ведущие к реактивации репродуктивных органов. На Диомеде такое

невозможно — слишком уж сильно зависит световой цикл от широты. Диомедианцы сами себе установили обычай мигрировать — в результате чего они должны спариваться в строго определенное время года, иначе потомство не выживет, — и эволюция пошла по вполне очевидному пути, избрав на роль управляющего механизма саму эту миграцию.

Хотя диомедианец и питается время от времени орехами, фруктами и диким зерном, в основном он — охотник, а физические нагрузки охотника кратковременны, хотя и интенсивны. Миграция же требует длительных усилий; уже на одно то, чтобы развить летательные мускулы, ушли, вероятно, сотни и тысячи поколений — время вполне достаточное для появления и иных адаптационных изменений. Именно эти усилия стимулируют определенные железы, которые посредством сложной гормональной системы пробуждают репродуктивные органы (исключением являются кормящие женщины, их молочные железы выделяют ингибирующее вещество). Чем дольше диомедианцы летят, тем выше становится у них концентрация гормонов — в пути нет ни времени, ни сил на спаривание. Ну а в тропиках, подкормившись и отдохнув, они наверстывают упущенное и делают это настолько самозабвенно, что обратный путь не оказывает на утомленные железы практически никакого влияния.

Время от времени — после какой-нибудь необычно длительной и тяжелой работы — влечение к противоположному полу возникает и дома.

Каждый сдерживает в себе такие порывы, сдерживает не менее жестко и даже с более серьезными основаниями, чем человек — порывы к инцесту: ребенок, рожденный не вовремя, не только сам обречен на смерть, но и обрекает на смерть свою мать. Конечно же, в большинстве своем диомедианцы этого не осознают — они просто принимают табу как данность, находят сму религиозные и этические основания, а заодно мужественно борются с проистекающими из него неврозами. Хотя нет никаких сомнений, что смутное влечение к противоположному полу было одной из первоначальных причин возникновения постоянных стай.

Ну а когда перелетный диомедианец встречает племя, не соблюдающее основной его моральный закон, он испытывает искренний ужас.

К настоящему времени торговцы обнаружили еще несколько таких, аналогичных драконскому Флоту, племен. Вполне возможно, что все они возникли из групп, осевших в экваториальной области и, соответственно, расставшихся с необходимостью дальних перелетов, но это — лишь догадка. Четко установлено одно — каждое из них живет не столько за счет суши, сколько

за счет моря. Столетиями совершенствуя свои корабли и их оснастку, они в конечном итоге сосредоточили на этих кораблях всю свою жизнь.

Это было надежнее, чем жить охотой. Это давало возможность постоянно жить у себя дома. Это давало возможность конструировать и использовать довольно сложные устройства, накапливать обширные библиотеки, сидеть и думать и обсуждать различные проблемы — короче говоря, это давало возможность взвалить на свой горб цивилизацию, возможность, доступную перелетным собратьям только в весьма ограниченной степени. Расплатой были адски тяжелый труд и правление аристократии.

Каждодневный труд являлся стимулятором, но теперь теплое жилье и запасы морской пищи позволяли рожать вне зависимости от времени года. В результате у морских народов образовалась примерно такая же система брака и взращивания потомства, какой испокон века придерживаются люди; возникло даже понятие о романтической любви.

Миграторы обвиняли моряков в развращенности, а те их — в скотском поведении. Ни те ни другие представить себе не могли, что находятся с другой в ближайшем родстве.

А как можно верить существу, полностью тебе чуждому?

21

— Обычно такая вот идеологическая чушь и приводит к самым жутким войнам, — подытожил ван Рийн. — А теперь, когда я отбросил идеологию, мы можем спокойно и разумно заняться добропорядочным взаимным надувательством, *nie*?

Конечно же, он не особо вдавался в подробности. Ланнахские ученые имеют некоторое смутное представление об эволюции, однако почти не знают астрономии, дракхонская наука представляет собой практически обратную картину. Ван Рийн удовлетворился тем, что самыми простыми, много раз повторенными словами* набросал единственное разумное объяснение того, почему две группы его слушателей настолько отличаются своими репродуктивными циклами.

— Вот так! — он потер руки и нарушил натянутую, как струна, тишину коротким смешком. — Нельзя, конечно, надеяться, что с этой самой минуты между вами будет тиши да гладь да Божья благодать — даже я не способен сделать такое

* Не цитируются, но очень точно пересказываются строчки из стихотворения Р. Киплинга «Бремя белых». Буквальный перевод этих строчек: «Словами откровенными и простыми, сто раз повторенными для ясности, ищи выгоды для другого и работай на благо другого».

за один день. Многие еще годы каждому из ваших племен будет казаться, что другое занимается этим делом в самом непристойном и разнужданном стиле. Будете придумывать друг про друга похабные анекдоты... могу, кстати, сам рассказать один-другой, вполне пригодный для переделки на местные условия. Но теперь вы хотя бы знаете, что принадлежите к одной и той же расе. И любой из вас мог бы стать вполне добродорядочным членом чуждого племени. Возможно, времена поменяются и вы действительно начнете менять один образ жизни на другой и наоборот. Почему бы действительно и не поэкспериментировать? Нет, нет, я вижу, что идея моя никому здесь не нравится, так что молчу.

Он сложил руки и замер в ожидании — неуклюжий, громоздкий, оборванный, покрытый многонедельной коркой грязи. Десятки крылатых солдат и офицеров, сидевших на поскрипывающих досках под косыми лучами багрового солнца, содрогнулись от мысли о немыслимом.

— Да. В этом есть смысл. Я этому верю. — Медленные, с трудом выговариваемые фразы Дельпа словно даже и не нарушили звенящую тишину.

Прошла еще одна минута, и он поклонился надменно молчавшему Т'хеонаксу.

— Ситуация изменилась, милорд. Я думаю... это будет хуже того, на что я надеялся, но лучше того, чего я боялся... Мы можем договориться, они сохранят всю землю, а мы получим Аханско море. Теперь, когда я знаю, что они не... не черти, не животные... ну, теперь обычные гарантии, клятвы, обмен заложниками и так далее... все это сделает договор достаточно надежным.

Толк что-то шептал Тролвену на ухо.

— Да, — кивнул вождь ланнахов, — я тоже так думаю.

— А сумеем мы убедить Совет и кланы? — негромко спросил Толк.

— Если мы, Герольд, привезем почетный мир, Совет проголосует за возведение наших посмертных духов в божественный сан.

Толк взглянул на Т'хеонакса, недвижно лежавшего в окружении своих придворных. И седая шерсть Герольда встала дыбом.

— Нам бы сперва вернуться домой живыми, Вождь Стai, — сказал он одними губами.

Т'хеонакс встал. Звук крыльев, взбивших воздух, был похож на треск раскалываемых топором костей. Его лицо превратилось в подобие львиной маски, длинные клыки влажно блестели.

— Нет! — прорычал адмирал. — Хватит, наслушался! Пора кончать этот фарс!

На этот раз ни Тролвену, ни его охране переводчик не потребовался. Они схватились за оружие и сбились в круг, спиной к спине. Их челюсти громко клацнули.

— Милорд! — выпрямился во весь рост Дельп.

— Молчи! — заорал Т'хеонакс. — Ты и так наговорил слишком много. Капитаны Флота! — он повел головой, оглядывая своих офицеров. — Все вы слышали, как Дельп хир Орикан призывал к заключению мира с этими существами, более низкими, чем любой скот. Запомните это!

— Но, милорд... — встал, протестующе подняв руки один из пожилых офицеров. — Милорд адмирал, нам только что объяснили, что они совсем не животные... у них просто другое...

— Даже если предположить, что земхон говорит правду — а ведь в этом тоже нет никакой уверенности, — что из того? — Т'хеонакс обжег ван Рийна презрительной усмешкой. — Это только усугубляет положение. Скоты живут так, как могут, иначе они просто не умеют, а эти вот ланнахи — они ведут себя по-скотски сознательно, по собственной воле. И ты позволишь им остаться в живых? Ты согласен... согласен *торговать* с ними... посещать их города... допускаешь, чтобы наших детей склоняли к их... Нет!

Капитаны переглянулись молча, но казалось, что по ним прошел стон. И только Дельп нашел в себе смелость заговорить.

— Я нижайше прошу адмирала вспомнить, что у нас фактически нет выбора. Реши мы сражаться до конца, этот конец может стать и нашим концом.

— Чушь! — презрительно фыркнул Т'хеонакс. — Не знаю уж, струсили ты или тебя подкупили.

Все это время Толк негромко переводил Тролвену. Уэйс расслушал мрачное замечание командора:

— При таком его отношении переговоры теряют всякий смысл. Даже если мы заключим этот мир, он легко пожертвует своими заложниками — о наших я уже и не говорю, — чтобы при первой же возможности возобновить войну. Вернемся лучше, а то скоро я не выдержу и сам нарушу перемирие.

«*И это, — подумал Уэйс, — конец всему. Я умру под градом камней, а Сандра умрет в Стране Ледников. Ну что ж... мы сделали все, что могли.*

Он внутренне напрягся — адмирал может и не позволить посольству спокойно удалиться.

Дельп растерянно переводил взгляд с одного лица на другое.

— Капитаны Флота! — В его голосе звучало отчаяние. — Скажите свое мнение... Прошу вас, убедите милорда адмирала, что...

— Сказавший хоть одно еще предательское слово поплатится крыльями, — крикнул Т'хеонакс. — Или кто-нибудь здесь сомневается в моей власти?

Смелый шаг, промелькнуло в ошеломленной, раскальвавшейся голове Уэйса. Ведь этим вызовом Т'хеонакс поставил на кон абсолютно все. А с другой стороны, не очень-то он и рискует, кто же в этом жестком, кастовом обществе оспорит его власть? На такое не способен даже отважный Дельп. Охотно или неохотно, но капитаны подчинятся.

Тишина становилась нестерпимой.

И тут ее нарушил Николас ван Рийн, нарушил в лучшем нью-йоркском стиле, издав губами долгий сочный звук, производимый обычно совсем другим отверстием человеческого организма.

Все присутствующие вздрогнули от удивления; прыжком попавшийся Т'хеонакс был сейчас похож на большого кота с крыльями.

— Что это такое? — негодующе вскрикнул он.

— А ты что, оглох? — удивился ван Рийн. — Я же сказал... — На этот раз звук получился даже артистичнее.

— Что это значит?

— Это, — объяснил ван Рийн, — такой земной термин. Перевести его довольно затруднительно, но я поищую. Это... дайте подумать... это значит, что ты... — Более изобретательного набора непристойностей Уэйс не слыхал ни до, ни после.

У капитанов отвалились челюсти, кое-кто из них обнажил оружие. Стоявшие кольцом стражники схватились за луки и копья.

— Убейте его! — пролаял Т'хеонакс.

— Нет! — ударил по барабанным перепонкам бас ван Рийна. Одна уже громкость этого звука заставила всех застыть. — Кой черт, я же посол! Только троньте посла, и Верховная Звезда перетопит всех вас в адских кипящих морях!

Малоприятная перспектива немногообразумила дракхонов. Т'хеонакс забыл о своем приказе, охранники снова вытянулись по стойке смирно, а кипевшие возмущением офицеры остались на своих местах.

— Мне нужно сказать вам пару слов. — Ван Рийн говорил уже спокойнее, его голос звучал всего раза в два громче обычной сирены. — Я обращаюсь ко всему Флоту. Вы задались бы вопросом — с какой бы такой стати этот писклявый сморчок ведет себя полным идиотом? Он заставляет вас продолжать

войну, убийственную для обеих сторон. Он заставляет вас рисковать своими жизнями, жизнями ваших жен и детей, возможно — даже самим существованием Флота — и почему? Да потому, что он перепуган. Он понимает, что несколько лет жить бок о бок с ланнахами, а тем более — торговли с моей компанией, у которой такие смехотворно низкие цены, — и все начнет изменяться. Вы почувствуете вкус свободы. Из его ручонок ускользает власть, а такой трус, как ваш драгоценный адмирал, не может жить сам по себе. *Nie*, ему нужны стражники и рабы, и все вы остальные, чтобы было кем помыкать, раз за разом доказывая самому себе, что он не маломерный дрожащий слизняк, а самый взаправдашний Вождь. Да он скорее угробит весь Флот, даже сдохнет сам, чем откажется от этих подпорок!

— Убирайся с моего плата, пока я не забыл о перемирии, — прошипел дрожавший от ненависти Т'хеонакс.

— Уйду, не беспокойся, — сказал ван Рийн и направился прямо к адмиралу. Толстые брусья палубы жалобно застонали. — Я уйду и снова зайдусь войной, если ты так настаиваешь. Только хочется задать тебе один совсем маленький вопрос. — Он остановился перед его королевским величеством и ткнул в королевский нос грязным волосатым пальцем. — Чего это тебя так волнует личная жизнь ланнахов? Самому небось хочется попробовать?

И он отвесил адмиралу низкий поклон, повернувшись предварительно к нему спиной.

Отделенный от главных участников сцены стесной капитанов и стражников, Уэйс не разобрал в точности, что же там произошло. Он только услышал взвизг, потом громогласный вопль ван Рийна, а дальше все застлал ураган бешено плещущих крыльев.

Нужно что-то... Уэйс бросился в гущу тел и тут же получил хвостом по ребрам. Почти не почувствовав удара, он отмахнулся кулаком, просто чтобы убрать стражника с пути, посмотреть...

Николас ван Рийн стоял, скорбно воздев руки и, похоже, почти не обращая внимания на несколько десятков угрожающие нацеленных ему в живот копий.

— Адмирал меня укусил, — жалобно завывал он. — Я пришел сюда как посол, а эта скотина меня укусила. Это что же будут за дипломатические отношения, если главы государств начнут кусать иностранных послов? Разве президент Земли кусает когда-нибудь послов? Это же варварство какое-то.

Т'хеонакс пятился от торговца, отплевываясь и стирая с подбородка кровь.

— Убирайся, — сдавленно выговорил он. — Сейчас же убирайся.

— Пошли, ребята, — кивнул ван Рийн. — Ну как можно ходить в гости, если у хозяев такие манеры?

— Мастер... мастер, куда он вас... — Уэйс сумел наконец подобраться поближе.

— Неважно куда, — недовольно проворчал ван Рийн.

К ним присоединились Тролвен и Толк, сзади выстроился эскорт. Ланнахское посольство неторопливо, четким шагом пересекло палубу, удаляясь от смятенно толпившейся вокруг своего адмирала группы дракхонов.

— Понимать нужно было. — Уэйс чувствовал себя опустошенным, в нем не осталось ничего, кроме вялой злости на непостижимо глупый поступок босса. — Это же хищники. Вы что, не видели, как они щелкают зубами, когда ярятся? У них рефлекс такой... Все заранее ясно было.

— Но все равно он не *должен* был кусаться, — добродетельнейшим голосом заявил ван Рийн, обеими руками держась за травмированное место. — И я, я лично не несу ни малейшей ответственности ни за его несдержанность, ни за любые ее последствия.

— Но эта суматоха — нас же могли всех здесь прикончить!

До спора на эту тему ван Рийн вообще не снизошел.

У борта их встретил Дельп. Гребень капитана уныло обвис.

— Очень жаль, что все так кончается, — вздохнул он. — А могли бы стать друзьями.

— Возможно, это совсем еще не конец, — бодро пообещал ван Рийн.

— Как это? — В усталых глазах, глядевших на торговца, не светилось ни искорки надежды.

— Возможно, ты сам все скоро увидишь. Знаешь, Дельп, — рука ван Рийна по-отечески опустилась на плечо капитана, — а ведь ты вполне порядочный парень. Мне очень пригодился бы кто-нибудь вроде тебя на должность торгового представителя в этих краях, можно — по совместительству. Комиссионные я отстегиваю очень и очень приличные. Но пока что запомни главное: ты — единственный, кого все они любят и уважают. Если с адмиралом что-нибудь случится, сразу начнется паника и неразбериха — и тогда прибегут советоваться с тобой. И если в этот момент действовать быстро, ты вполне можешь стать адмиралом. Ну а потом — потом поговорим и об бизнесе, точно?

Не дожидаясь, пока Дельп захлопнет недоуменно раскрывшийся рот, ван Рийн с обезьяньей ловкостью соскользнул в лодку.

— Ну, ребята, — выдохнул он, — теперь гоните, как черти.

Они почти уже достигли своей эскадры, когда над флагманским плотом взвихрился плотный комок тел и крыльев.

— Что это? — поперхнулся Уэйс. — Неужели атака... неужели все уже началось? — Он последними словами обругал себя за дрожащий и сбивчивый голос.

— Ну, — удовлетворенно кивнул ван Рийн, — я в общем-то рад, что мы убрались оттуда подальше. — С того самого момента когда лодка отчалила от дракхонского плота, он так и стоял во весь рост. — Только не думаю, чтобы это война. Скорее они просто очень встревожены. Ну ничего, вот возьмет Дельп власть в свои руки — все сразу и успокоится.

— *Дельп?*

— Ведь если здешние белки ядовиты для нас, — пожал плечами ван Рийн, — так и земные для них тоже, наверное, не сахар. А наш покойный друг Т'хеонакс отхватил от меня вполне приличный шмат. Я всегда говорил — плохой характер обязательно доведет до беды. Так что следуй лучше моему примеру. Когда меня атакуют — я тут же подставляю другую щеку.

22

С медициной на Четверговой Посадке слабовато — только автодиагност, несколько хирургических и терапевтических роботов, стандартный набор лекарств и штатный ксенобиолог, выполняющий по совместительству обязанности врача. Но шестинедельное голодание не приводит к каким-нибудь особенно серьезным последствиям, особенно если ты изначально здоров, и о тебе денно и нощно, не покладая ни рук ни ног, ни крыльев ни хвостов, заботятся два обеспокоенных народа, и дело происходит на планете, где нет способных напасть на тебя микробов.

Лечение шло быстро. С помощью биоакселерина внутривенная глюкоза за самое кратчайшее время сменилась толстыми бифштексами с кровью. К шестому диомедианскому дню Уэйс заметно прибавил в весе. Слабость оставалась, однако он уже ходил — пошатываясь, хватаясь руками за мебель и стенки, но ходил! — по комнате.

— Не желаете, сэр? — почтительно поклонился Бенегал, один из молодых работников фактории. Он только сегодня вернулся из длительной поездки по туземным поселкам и все еще не знал подробностей благополучного спасения пропавших.

Уэйс остановился, протянул ему руку, замер в нерешительности, а затем ухмыльнулся:

— За столько времени без курева я, пожалуй, избавился от этого порока. Появляется вопрос — а стоит ли тратить силы и деньги, культивируя его заново?

— Вероятно, нет, сэр...

— Эй, ты куда! Дай-ка мне эту штуку! — Уэйс сел на край кровати и осторожно затянулся. — Я обязательно вернусь ко всем своим вредным привычкам, а пожалуй, и добавлю к ним новые.

— Вы, м-м, вы, сэр, хотели рассказать мне, каким образом удалось вам связаться с нашей станцией?

— А, да. Конечно. Все оказалось просто до дури. Когда появилась возможность свободно вздохнуть, проблема решилась за десять минут. Мы послали приличных размеров группу туземцев с запиской и, конечно же, с одним из толковых профессиональных переводчиков — чтобы высрашивать дорогу на этой стороне океана. Сообразили для них большой спасательный плот — решетку из легких брусьев, соединившихся друг с другом в шип. Каждый диомедианец тащил по одной палке, при необходимости они собирали его прямо в воздухе, опускали на воду и отдыхали. А заодно и ловили рыбу — этим вопросом занимались лучшие специалисты Флота. Пили они дожевую воду, собирали ее в маленькие ведерки — я знал, что воды хватит, ведь дракхоны остаются в море неограниченно долго, да и вообще тут сплошные дожди:

Кстати сказать, по причинам, уже для тебя понятным, в отряде было и несколько ланнахских женщин. Из чего следует, что гонцам из обоих этих народов пришлось расстаться с некоторыми из своих обвётшавших предрассудков. По большому счету, это изменит их историю значительно сильнее, чем знакомство с земными фокусами, вроде обратного перелета через оксан за один день. Хочешь не хочешь, а теперь наши посланники становятся в своих культурах подрывными элементами. От них пойдут первые ростки диомедианского интернационализма. Но это пусть уж Лига ликуст, мое тут дело телячье.

Проводили мы их и заползли в постели. — Уэйс пожал племянами. — Оставалось только ждать. Через несколько дней становится легче, аппетит вообще пропадает... А где же остальные? — Он поморщился и раздавил окурок. От табака подташнивало и кружилась голова. — Я уже достаточно окреп, чтобы испытывать скуку. Кой черт, мне нужна компания!

— Если вы уж заговорили об этом, сэр, — начал Бенегал, — насколько я помню, мастер ван Рийн говорил что-то насчет того...

— В пуп и в гроб! — громогласно раскатилось за стенкой.

— ...что он навестит вас сегодня.

— Мотай тогда отсюда, — ухмыльнулся Уэйс. — Молод ты еще такое слушать. Сейчас предстоит встреча братьев по крови, товарищей, присягнувших друг другу на верность, и тэдэ и тэ-пэ после долгой разлуки.

Он поднялся, чтобы встретить вкатывающегося в комнату ван Рийна, а юноша тихо выскользнул в боковую дверь.

Утративший всю свою юпитерианскую корпулентность, торговец опирался на трость с золотым набалдашником, у него остался всего один подбородок. Однако черные волосы снова завивались маслянистыми локонами, вызывающие торчали игольно-острые кончики нафабренных усов и козлиной бородки, кружевную рубашку и парчовый жилет испещряли уже белые пятна некоего употребляемого через ноздри веселительного порошка, из-под батикового саронга волосатыми тумбами высовывались босые ноги, каждую пятерню украшала, пожалуй, вся годовая продукция алмазной шахты, а на исхудавшей шее болталась серебряная цепь толщиной с якорную.

— Ходишь ужс, значит, — прогрохотал торговец, жестикулируя для понятности толстой тиручиррапальской сигарой. Другая рука его надежно сжимала еще более толстый — четырехпалубный — сандвич. — Молоток! Единственный способ поправиться — в рот не брать этот ихний помойный супчик и не слушать всяких разговоров насчет «не перенапрягаться», вроде как этот крюкорукий встеринар набрался наглости посоветовать мне. — От возмущения его лицо стало похожим на вареную свеклу. — Неужели через его протухшие и заплесневевшие синапсы не может пробраться одна-единственная и совсем простая мысль — во сколь обходится мне каждый час моего здесь торчания? Какие пенки могу я снять, вернувшись домой, до того, как все эти конкурирующие шавки пронюхают, что Николас ван Рийн и на этот раз все-таки не сдох? Вот только сейчас лупил станционного техника по здоровенному мухомору, который заменяет этому типу голову, вколачивал в него, что, если к завтрашнему полудню мой корабль не будет готов к старту, я запрягу в эту таратайку его самого и скомандую, как дохлому мерину — «Но-о!» Так ты тоже возвращаешься с нами на Землю, собственной своей персоной, *nie*?

Уэйс не ответил. Вслед за ван Рийном в комнате появилась Сандра.

Она передвигалась в кресле-каталке и выглядела такой худенькой и бледной, что сердце Уэйса готово было разорваться. Светлые волосы, морозным облаком рассыпавшиеся по подушке, казались мертвыми, холодными на ощупь. Но в ее глазах жила безмерная зсленая глубина самых теплых, ласковых морей Земли. И она улыбнулась.

— Миледи, — прошептал Уэйс.

— Да, она ведь тоже летит. — Детально изучив вазочку с фруктами, ван Рийн взял яблоко. — Продолжим наше прерванное путешествие. На борту, конечно, будет совсем не так много игр и развлечений... — Он окинул девушку далеко не отеческим взглядом. — Все это мы отложим до возвращения на Землю, в нормальную обстановку, *nie*?

— Если миледи достаточно окрепла, чтобы перенести полет... — запинаясь, начал Уэйс и сел, ноги его стали как ватные.

— Я поправляюсь. — Голос Сандры оказался таким же бледным, как лицо. — Тут нужно просто следовать предписанной диете и побольше отдохнуть.

— Слушай врачей больше, они тебя вообще в гроб вгонят, — пробормотал ван Рийн, выкидывая огрызок яблока и выбирая себе апельсин.

— Но как же так, — попытался возразить Уэйс. — Мы ведь потеряли при крушении почти всех слуг. У нее будет только...

— Одна-единственная горничная? — Это был не смех, а скорее тень смеха, но звучал он совершенно искренне. — Теперь, значит, я должна забыть все, через что мы прошли, снова относиться к тебе сухо и корректно, так что ли, Эрик? Но ведь это было бы до крайности глупо — после того как мы ходили с тобой на этот хребет, над Салменброком. Или нет?

Сердце Уэйса бешено застучало.

— А ведь Господь Бог умеет, когда захочет, любую непруху превратить в хорошие деньги, — заметил ван Рийн, роняя на пол куски апельсиновой кожуры. — Мне неоткуда знать каждого работника компании, так что иногда многообещающие молодые ребята вроде тебя попадают в такие вот захолустные дыры. Теперь я заберу тебя на Землю и подыщу тебе приличное место.

«Если уж она помнит то единственное холодное утро у подножия Оборха, — подумал Уэйс, — то уж я, ради самого себя, должен припомнить значительно менее приятные вещи — и сказать их вслух, прямо и откровенно. Время пришло».

Слишком слабый, чтобы подняться на ноги, он поймал взгляд ван Рийна и со сдержанной яростью в голосе произнес:

— Конечно, самый легкий способ вернуть себе самоуважение — купить его. Подкупить меня синекурой, чтобы я позабыл, как Сандра сидела со своей кисточкой в этом темном и промозглом сарае, сидела, пока не начинала валиться на пол от изнеможения, как она отдала нам последнюю свою еду... как сам я прямо из кожи вон лез, выматывал и тело свое, и голову, и

все, чтобы вытащить нас из этой ловушки, а заодно еще и выиграть войну... Нет, вы меня не перебивайте. Я понимаю, что вы тоже принимали какое-то участие. Вы дрались во время морского сражения, потому что не было выбора, вам некуда было спрятаться. Вы придумали отличный подлецкий способ избавиться от главного препятствия к заключению мира. У вас вообще большие способности по этой части. Ну и вносили кое-какие предложения.

Но что это были за предложения? Все сводилось к тому, чтобы сказать мне: «Сделай вот это!», «Построй вон то!». И я делал и строил — с инопланетными помощниками, работая каменными инструментами. И мне приходилось вдобавок все это конструировать! Да ведь любой дурак мог сказать: «Отвезите меня на Луну». А вот для того, чтобы сообразить, как это сделать, нужны были мозги.

Вся ваша роль, все ваше «лидерство» сводилось к тому, что вы разгуливали, чесали языком, играли в кости и в мелкое политканство, да жрали, как бегемот, — а ведь Сандра тем временем умирала от голода на Дорнахе, — и вы еще приписываете все заслуги себе. А я теперь, значит, отправлюсь на Землю, воссяду в какой-нибудь из ваших контор, вроде как в золоченом свинарнике, буду ковырять в носу и помалкивать, слушая ваше бахвальство. Ведь именно так оно и задумано, верно? Так вот, возьмите вы эту свою синекуру и засуньте ее...

Уэйс заметил взгляд Сандры — серьезный и почему-то сочувственный — и резко встал.

— Все, хватит, — подытожил он.

Пока Уэйс произносил свою филиппику, ван Рийн успел покончить с апельсином и даже с остатками сандвича. Теперь он слегка рыгнул, облизал пальцы, затянулся сигарой и пророкотал — мягко и на удивление дружелюбно.

— Если ты думаешь, что я раздаю синекуры, то ты — большой оптимист. Я предлагаю тебе вполне серьезную работу и по одной-единственной причине — мне кажется, что ты справишься с ней лучше, чем многие земные ребята, у которых голова хрящом проросла. А платить я тебе буду ровно столько, сколько эта работа стоит. И ты у меня на этой работе ноги до задницы сносишь.

Уэйс судорожно хватил глоток воздуха.

— И не стесняйся, оскорбляй меня сколько душе угодно, хочешь — один на один, хочешь — на людях, — продолжил ван Рийн. — Но только не в рабочее время. А теперь я пойду, найду того типа, который подложил нам бомбу, и серьезно им займусь. Ну и попрошу повара сообразить мне небольшую

такую субмарину*. Пахать и сеять! Они тут, кажется, решили заморить меня голодом!

Он помахал на прощание своей неопрятной лапой и удалился, громыхая ногами.

Сандра подъехала ближе и тронула руку Уэйса. Прикосновение прохладной, легкой, как осенний лист, ладони обожгло его.

— Я давно этого ждала, Эрик. — Голос доносился словно откуда-то издалека. — Тебе нужно все понять, и чем скорее, тем лучше. Я рождена для того, чтобы править... вся моя жизнь была одним долгим правлением, ведь так?.. Я знаю, о чем говорю. Есть липовые вожди, пустые и легковесные, как надутые пузыри, которые только и умеют, что мешать людям, занятым настоящей работой. Да, таких сколько угодно, но ван Рийн не из них. Без него и ты, и я лежали бы сейчас на дне Ахана.

— Но...

— Ты жалуешься, что он заставлял тебя решать трудные задачи, которые самому ему были не под силу. Ну а как же иначе? Лидер совсем не должен делать все самостоятельно. Его работа — приказывать, уговаривать, заставлять, подкупать — идти буквально на все, лишь бы люди делали то, что должно быть сделано, вне зависимости от того, считают они сами задачу выполнимой или нет.

Вот ты говоришь, он непрерывно прохлаждался, чесал языком, рассказывал туземцам анекдоты, напускал на себя важность. А как же иначе?! Как же без этого? Ведь мы были там чужаками, чудовищами, а заодно еще и попрошайками. Вот ты или я, могли бы мы начать в роли уродливого попрошайки, а кончить фактически королем?

Ты говоришь, он давал взятки из денег, полученных жульнической игрой в кости, а кроме того, врал, бахвалился, мошенничал, интриговал, убивал — и прямо и втихую. Да. И я не говорю, что это хорошо. И не скажу, что он не получал при этом удовольствия. Но вот ты — мог бы ты придумать другой способ спасти наши жизни? Или хотя бы помирить этих несчастных передравшихся дураков?

— Ну... ну... — Уэйс отвернулся к окну, за которым расстилалась голая необозримая равнина. Все-таки насколько уютнее будет в окружении привычно-узкого земного горизонта.

— Ну, может быть... — он с трудом выдавливал из себя слова. — Я... наверное, я слишком поспешен в суждениях. Но все равно он нас использовал. Без нас он...

* В данном случае — большой сандвич, состоящий, грубо говоря, из разрезанного вдоль батона с самой разнообразной, иногда — холодной, иногда — горячей, начинкой.

— Думаю, без нас он нашел бы какой-нибудь другой способ вернуться, — прервала его Сандра. — А вот мы без него — не нашли бы.

Уэйс отвернулся от окна. Лицо девушки покраснело — оно было даже краснее, чем освещавшие его лучи янтарного солнца.

«Ведь Сандра — женщина, — подумал он, чувствуя внезапно навалившуюся усталость, — а женщины всегда живут для будущего, мужчины так не могут. Особенно она — ведь от ее ребенка будет зависеть жизнь целой планеты, и она — аристократка в самом буквальном смысле этого слова. Отец будущего Герцога Гермесского может быть старым, толстым, неопрятным, черствым и бесчувственным, он может даже расценивать свои с ней отношения как мимолетную интрижку, и не более. Какая разница, если женщина и аристократка считает его настоящим мужчиной?

Ну что ж, всяческого счастья — и я благодарен им обоим».

— Думаю... — Сандра выглядела растерянно и нерешительно, в ее голосе звучало что-то близкое к мольбе. — Думаю, мне лучше уйти, а ты отдохни. А ведь он совсем не такой сильный, каким хочет казаться, — добавила она после секундной паузы. — Возможно, я ему нужна.

— Нет. — На Уэйса нахлынула огромная, всепоглощающая нежность. — Это он вам нужен. Прощайте, миледи.

Содержание

От издательства	7
Хронология технической цивилизации	9
Крылья победы, перевод с английского М. Пчелинцева	15
Проблема боли, перевод с английского М. Пчелинцева	37
Маржа прибыли, перевод с английского М. Пчелинцева	61
Небольшой урок расового самосознания, перевод с английского М. Пчелинцева	91
Треугольное колесо, перевод с английского А. Александровой	109
Невидимое солнце, перевод с английского А. Александровой	158
Исав, перевод с английского М. Пчелинцева	198
Война крылатых, роман, перевод с английского М. Пчелинцева	227

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том одиннадцатый

Составитель *А. Новиков*

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редакторы *Е. Баринова, А. Александрова*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина, А. Хиршфелде*

Операторы компьютерной верстки

Н. Амосова, Е. Глуховская

Оформление шмидтитулов: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным
издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 23.09.96. Формат 84×108/32.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 19,32. Тираж 10000 экз.

Заказ № 2544. С 180.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

С. Снегов

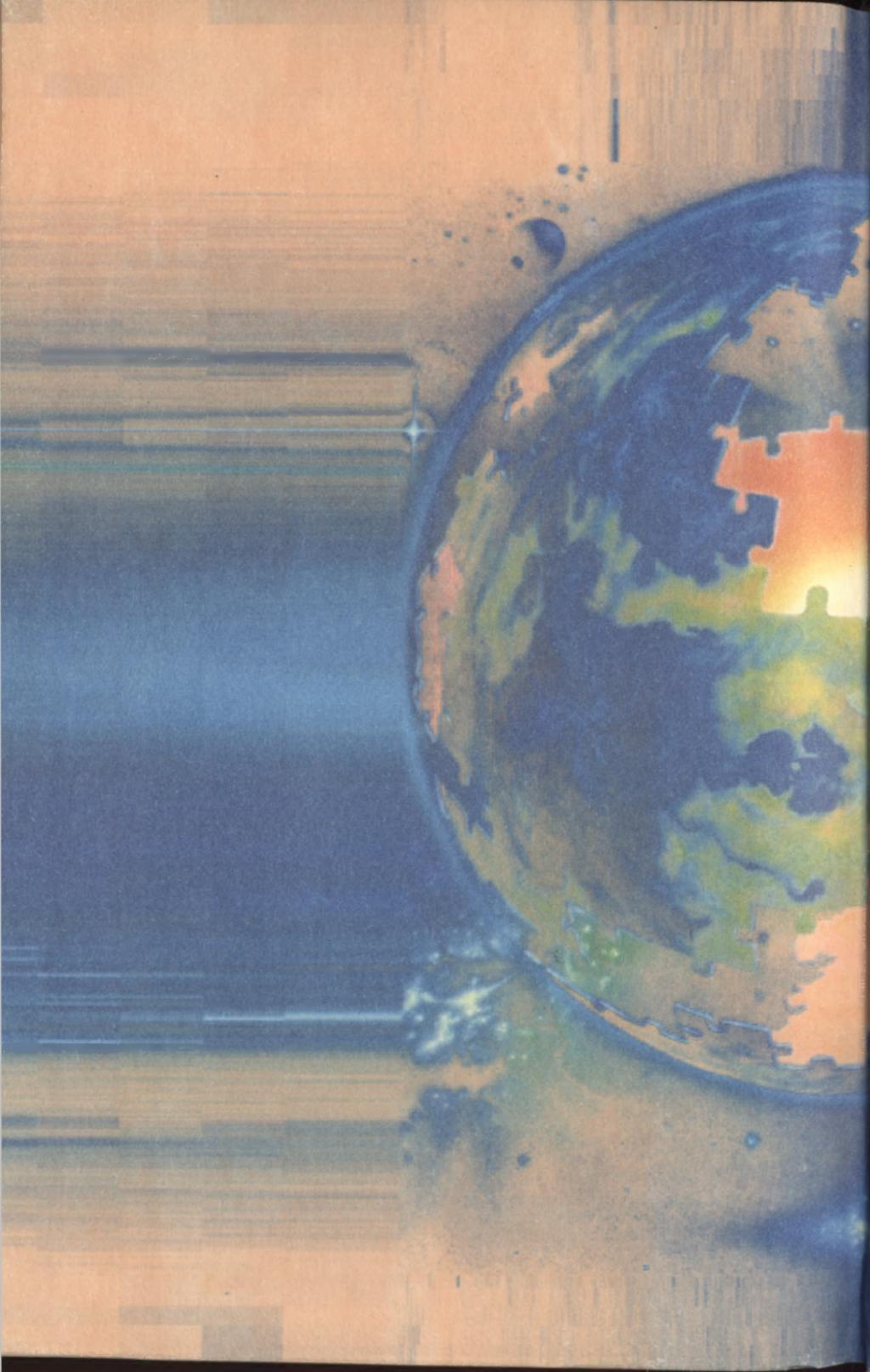
ДИКТАТОР

Роман в двух томах

Сергей Александрович Снегов известен поклонникам фантастики как автор блистательной трилогии «Люди как боги» — одного из самых грандиозных фантастических произведений послевоенного времени, написанных на русском языке. К несчастью, в 1994 году Сергея Александровича не стало, а его последний роман «Диктатор», написанный незадолго до смерти, выходит в свет только сегодня, спустя два года после смерти автора. Но «большое видится на расстоянии». Может быть, именно сейчас это произведение, литературные достоинства которого несомненны, а сюжет насыщен действием и интригой, получит тот отклик среди читателей, ради которого живет и работает любой писатель. В авторском предисловии роман назван «Репортажем из сопряженного мира», но, поскольку миры пересекаются и перетекают друг в друга, издательству кажется, что «Диктатор» — это роман-предупреждение, а может быть — кто знает? — и роман-предсказание.

Спрашивайте книги в магазинах
и на книжных лотках Вашего города

Рассказы

Сотни планет объединяет могучая Торгово-техническая Лига. И победителями на просторах объединенной ею Галактики выходят самые ловкие и хитрые — такие, как Николас ван Рийн и его ученик Дэвид Фолкейн.

Война крылатых

Троим землянам, затерянным на враждебной планете Диомеда, нужно не только выжить, оказавшись вовлечеными в войну аборигенов, но и подать сигнал о помощи. Однако для Николаса ван Рийна никакая задача не кажется слишком трудной...

